ISSN 3034–1396 (print)
ISSN 3034–1388 (online)

Дарья **Байбакова**
Карина **Гаринова**
Константин **Гудков**
Ирина **Дуденкова**
Татьяна **Колотилова**
Евгения **Кузинер**
Максим **Мальков**
Гликерий **Улунов**
Александра **Ченцова**
Алина Вивьен **Шульц**
Лина **Яхно**

Пути России

Журнал социальных и этнографических исследований

исследования **бездомности**

город | гендер | фриганство | конструктивизм
вокзалы | **дом** | релокация | «Ночлежка»

Том 2 №4
2024

Пути России

Том 2 № 4 2024

Журнал социальных
и этнографических исследований

исследования **бездомности**

Редактор-составитель
М. Д. Мальков

Пути России

Журнал социальных и этнографических исследований

Том 2 № 4 2024

ISSN 3034–1388 (online)

www.jrsre.ru

Издается с 1993 года. В 1993–2003 гг. выходил ежегодный альманах под заглавием «Куда идет Россия?» С 2004 по 2021 гг. ежегодный альманах под заглавием «Пути России». До 2021 года включительно все выпуски выходили в печатном виде. В 2023 году вышло в свет два пилотных номера. С 2024 года журнал выходит один раз в квартал в электронном и печатном виде.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер: ЭЛ № ФС77–86371 от 27.11.2023

УЧРЕДИТЕЛЬ

ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук»

АДРЕС РЕДАКЦИИ

125009 г. Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Опубликованные в журнале материалы распространяются свободно. Ссылка на журнал при перепечатке и цитировании материалов обязательна.

Редактор-составитель: Максим Мальков
Редактор: Катя Наумова
Секретарь: Максим Григоренко, МВШСЭН
Корректор: Инна Кроль
Дизайн: Максим Григоренко
Редактор сайта: Александр Артамонов

© ОАНО «МВШСЭН», 2024

Главный редактор:
Дмитрий Рогозин, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, РАНХиГС, Москва.

Заместитель главного редактора:
Александр Никулин, канд. экон. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Роман Бумагин, канд. социол. наук, Фонд «Общественное мнение», Москва,
Анастасия Гачева, докт. филол. наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН,
Ирина Дуденкова, канд. филос. наук, МВШСЭН, Москва,
Анна Ипатова, канд. культурологии, независимый исследователь,
Ольга Карпова, МВШСЭН, Москва,
Никита Петров, канд. филол. наук, МВШСЭН, РАНХиГС, Москва,
Ольга Солодовникова, канд. филол. наук, РАНХиГС, Москва,
Александр Сувалко, НИУ ВШЭ, Москва,
Андрей Тесля, канд. филос. наук, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград,
Александр Фокин, канд. историч. наук, МВШСЭН, Сеченовский университет, Москва,
Татьяна Черкашина, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т, ИЭОПП СО РАН, Новосибирск.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Роман Абрамов, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Светлана Барсукова, д-р социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Татьяна Богомолова, канд. социол. наук, Новосибирский гос. ун-т,
Леонид Бляхер, д-р филос. наук, Тихоокеанский гос. ун-т, Хабаровск,
Сергей Зуев, канд. искусствоведения, МВШСЭН, Москва,
Марина Карцева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,
Гульнара Краснова, д-р филос. наук, РАНХиГС, Москва,
Виталий Куренной, канд. филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Татьяна Малева, канд. эконом. наук, РАНХиГС, Москва,
Штефан Мерль, д-р философии, Ун-т Билефельд, Германия,
Ольга Моляренко, канд. социол. наук, Фонд Хамовники, НИУ ВШЭ, Москва,
Сергей Мохов, канд. социол. наук, Ливерпульский ун-т Дж. Мурса, Великобритания,
Юрий Плюснин, д-р филос. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Вадим Радаев, д-р эконом. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Мария Сигова, д-р эконом. наук, МВШСЭН, Москва,
Денис Стребков, канд. социол. наук, НИУ ВШЭ, Москва,
Ирина Тартаковская, канд. социол. наук, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва,
Ирина Троцук, д-р социол. наук, РУДН, Москва,
Валерий Фёдоров, канд. полит. наук, ВЦИОМ, Москва.

The Journal of Russian Social Research and Ethnography

Vol 2 No 4 2024

ISSN 3034-1388 (online)

www.jrsre.ru

Published since 1993.

Frequency — four issues per year.

ESTABLISHER
The Moscow school of social and economic sciences

ADDRESS
119571, Moscow, Gazetnyj per., d. 3–5, str. 1

@RUSSIANWAYS

Editor-compiler: Maxim Malkov
Editor: Katia Naumova
Secretary: Maxim Grigorenko, MSSES
Proofreader: Inna Krol
Design: Maxim Grigorenko
Site editor: Alexander Artamonov

© The Moscow school of social and economic sciences, 2024

Editor-in-chief:
Dmitry Rogozin, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, RANEPA, Moscow.

Deputy editor-in-chief:
Aleksandr Nikulin, Cand. Sc. (Economics), MSSES, RANEPA, Moscow.

EDITORIAL BOARD
Roman Bumagin, Cand. Sc. (Sociology), FOM (Public Opinion Foundation), Moscow,
Anastasiya Gacheva, D. Sc. (Philology), IWL RAS, Moscow,
Irina Dudenkova, Cand. Sc. (Philosophy), MSSES, Moscow,
Anna Ipatova, Cand. Sc. (Culturology), independent scientist.
Ol'ga Karpova, MSSES, Moscow,
Nikita Petrov, Cand. Sc. (Philology), MSSES, RANEPA, Moscow.
Ol'ga Solodovnikova, Cand. Sc. (Philology), RANEPA, Moscow.
Aleksandr Suvalko, HSE University, Moscow,
Andrej Teslya, Cand. Sc. (Philosophy), Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad,
Aleksandr Fokin, Cand. Sc. (History), MSSES, Sechenov University, Moscow.
Tatyana Cherkashina, Cand. Sc. (Sociology), IEIE SB RAS, Novosibirsk State University.

EDITORIAL COUNCIL
Roman Abramov, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Svetlana Barsukova, D. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Tatyana Bogomolova, Cand. Sc. (Sociology), Novosibirsk State University,
Leonid Blyaher, D. Sc. (Philosophy), Pacific National University, Khabarovsk,
Valerij Fyodorov, Cand. Sc. (Politics), VCIOM (Russian Public Opinion Research Center), Moscow.
Marina Karceva, Cand. Sc. (Economics), RANEPA, Moscow.
Gul'nara Krasnova, D. Sc. (Philosophy), RANEPA, Moscow.
Vitalij Kurennoj, Cand. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,
Tat'yana Maleva, Cand. Sc. (Economics), RANEPA, Moscow.
Stepfan Merl, Prof. Dr. Dr. h. C. mult., Bielefeld University, BRD
Ol'ga Molyarenko, Cand. Sc. (Sociology), Fund of support of social researches «Hamovniki», HSE University, Moscow,
Sergej Mohov, Cand. Sc. (Sociology), Liverpool John Moores University, UK,
Yurij Plyusnin, D. Sc. (Philosophy), HSE University, Moscow,
Vadim Radaev, D. Sc. (Economics), HSE University, Moscow,
Mariya Sigova, D. Sc. (Economics), MSSES, Moscow,
Denis Strebkov, Cand. Sc. (Sociology), HSE University, Moscow,
Irina Tartakovskaya, Cand. Sc. (Sociology), ISRAS, Moscow,
Irina Trotsuk, D. Sc. (Sociology), PFUR, Moscow,
Sergej Zuev, Cand. Sc. (Art Criticism), MSSES, Moscow,

Содержание

М. Д. Мальков — У нас не все дома. *Предисловие редактора номера* — **8**

БЕЗДОМНОСТЬ И ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

А. В. Е. Шульц — В тени мегаполиса: способы использования городского пространства бездомными людьми (на примере Москвы) — **15**

Л. В. Яхно — Общественное пространство для бездомных: образ Курского вокзала в Москве — **42**

М. Д. Мальков, А. А. Ченцова — Логики взаимодействия с бездомными людьми на московских вокзалах — **70**

Г. Улунов — Что делает фриганов фриганами? Исследование фриганских практик в Москве и Санкт-Петербурге — **100**

ГЕНДЕР И БЕЗДОМНОСТЬ

Е. Н. Кузинер — Гендерный капитал и бездомность в России: от теории к практике — **123**

БЕЗДОМНОСТЬ И АРХИТЕКТУРА

К. М. Гудков — Бездомность в эпоху конструктивизма — **155**

РЕ-КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДОМА

Т. В. Колотилова — Социальная топология релокации: гомеоморфные и негомеоморфные преобразования «дома» — **183**

И. В. Дуденкова — Поэтика и политика дома — **204**

ПРАКТИЧЕСКИЙ ОПЫТ

Д. А. Байбакова, К. А. Гаринова — Что известно о бездомности в России — **215**

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ

А. И. Васильева — Проданов, Д. С. Колыбельные неведомых улиц. Разговоры с бездомными об их жизни. «ЛитРес: Самиздат», 2018 — **259**

А. А. Ченцова — Colburn, D., Aldern, C. Homelessness Is a Housing Problem. How Structural Factors Explain U.S. Patterns. Oakland, CA: University of California Press, 2022. — **263**

А. В. Е. Шульц — Lenhard, J. Making Better Lives: Hope, Freedom, and Home-Making among People Sleeping Rough in Paris. Oxford, New York, 2022 — **267**

В. Р. Мисихин — Southworth, S., Brallier, S. Homelessness in the 21st Century: Living the impossible American Dream. New York: Routledge, 2023 — **271**

А. А. Фатова — Мануильская, К. М., Рогозин, Д. М., Грязнова, О. С., Ипатова, А. А., Вьюговская, Е. В. Жизнь вне изоляции. Концепция нового социального дома. М., Дело, 2021 — **277**

И. И. Низгораев — 100 книг о бездомности, изданные за последние 10 лет — **282**

Contents

M. Malkov — We're not all there
Preface by the editor of the issue — **8**

HOMELESSNESS AND URBAN SPACE

A.V. Shults — In the Shadow of the Metropolis: Ways of Using Urban Space by Homeless People (Using the Example of Moscow) — **15**

L. Iakhno — A Public Space for the Homeless: the Image of Kursky Railway Station in Moscow — **42**

M. Malkov, A. Chentsova — Logics of Interaction with Homeless People at Moscow Railway Stations — **70**

G. Ulunov — What Freegans Do and How It Defines Them: A Study of Freegan Practices in Moscow and Saint Petersburg — **100**

GENDER AND HOMELESSNESS

E. Kuziner — Gender Capital as a Resource of Survival and Adaptation for Homeless People: Russian Context — **123**

HOMELESSNESS AND ARCHITECTURE

K. Gudkov — Homelessness during Constructivism — **155**

RE-CONCEPTUALIZATION OF THE HOME

T. Kolotilova — Social topology of relocation: homeomorphic and non-homeomorphic transformations of 'home' — **183**

I. Dudenkova — Poetics and politics of home — **204**

PRACTICAL EXPERIENCE

D. Baybakova, K. Garinova — What is known about homelessness in Russia — **215**

BOOK REVIEWS, OVERVIEWS, ABSTRACTS

A. Vasilyeva — Prodanov, D.S. Lullabies of unknown streets. Conversations with homeless people about their lives. «LitRes: Samizdat», 2018 — **259**

A. Chentsova — Colburn, D., Aldern, C. Homelessness Is a Housing Problem. How Structural Factors Explain U.S. Patterns. Oakland, CA: University of California Press, 2022. — **263**

A.V. Shults — Lenhard, J. Making Better Lives: Hope, Freedom, and Home-Making among People Sleeping Rough in Paris. Oxford, New York, 2022 — **267**

V. Misikhin — Southworth, S., Brallier, S. Homelessness in the 21st Century: Living the impossible American Dream. New York: Routledge, 2023 — **271**

A. Fatova — Manuilskaya, K.M., Rogozin, D.M., Gryaznova, O.S., Ipatova, A.A., Vyugovskaya, E.V. Life outside isolation. The concept of a new social home. Moscow, Delo, 2021 — **277**

I. Nizgoraev — 100 books on homelessness published in the last 10 years — **282**

М. Д. Мальков

У нас не все дома
Предисловие редактора номера

Этот выпуск посвящен исследованиям бездомности. Когда я пишу «бездомность», о ком или о чём идет речь? Это исследования особой категории людей — «бездомных»? Или специфического вида человеческого опыта — «опыта бездомности»? Может, исследуется определенная ситуация — «ситуация бездомности»? В литературе используются все три способа концептуализации бездомности и не существует консенсуса о границах её определения [Chamberlain, MacKenzie, 1992; Edgar, Meert, 2005; Edgar, 2009; Busch-Geertsema, 2010; Meanwell, 2012; Somerville, 2013; Treglia, Culhane, 2023].

Каждый подход подсвечивает разные аспекты проблемы. Если мы выделяем критерии, по которым человека можно причислить к категории бездомных людей, мы создаем сравнительно четко очерченную группу — теперь можно говорить о масштабах бездомности, статистике смертности или продолжительности жизни среди бездомных. Однако такой подход, эссенциализирующий бездомность, имеет неприглядную изнанку. Если мы утверждаем, что существует особая группа бездомных с фиксированным набором черт, то используя эту категорию, мы чуть ближе подходим к границе, за которой начинается экзотизация, стигматизация и демонизация людей, объединенных под лейблом «бездомные» [Schneider, Remillard, 2013].

Если акцент делается на опыте бездомности, мы смещаем оптику в сторону исследования проживания или осмысления исключенности и стигматизации, обитания на улице, потери связей с близкими. Опыт бездомности не универсален и различается в зависимости от того, ночует ли человек на улице, в шелтере, у знакомых или даже в принадлежащем ей или ему доме, но не ощущает себя там безопасно [Cheshire, Easthope, 2021]. Акцент на опыте бездомности позволяет прицельно изучать мужскую и женскую бездомность [Mayock, Bretherton, 2016], бездомность квир-подростков [Ecker, 2016], бездомность после возвращения с военных действий или из тюрьмы [Flike, Byrne, 2023].

В свою очередь, разговор о ситуации бездомности позволяет говорить о структурных факторах, сочетание которых приводит к потере жилья. Здесь акцент делается на экономических, политических, культурных и социальных событиях, констелляция которых может привести к ситуации, в которой человек оказывается без дома или в

уязвимой жилищной ситуации. В рамках этого подхода можно делать прогнозы и выявлять группы людей, которым потенциально может угрожать потеря дома и анализировать, каким образом не допустить этого [Phillips, Sullivan, 2023].

Само употребление слова «бездомный» может быть проблематично, поскольку оно отражает определенную нормативную позицию. В этом случае следует задаться вопросами — кто, как и зачем борется за ту или иную практику наименования? В действительности, хотя слово «бомж» несет негативные коннотации и тесно связано с криминализацией бездомных [Буланников, 2019], оно может иметь субверсивный потенциал и отражать сложный и не укладывающийся в рамки инклюзивного языка опыт, по аналогии с использованием слова «квир» в гендерной и феминистской теории [Джагоз, 2008], которое «отвергает логику превращения в меньшинство, относительно которого следует проявлять терпимость, или простой идеи политической представленности интересов группы» [Warner, 1993, p. xxvi]. Иначе говоря, исследуя бездомность, мало ставить под сомнения стереотипы о «бездомных» и анализировать жизни людей в сложных жилищных ситуациях. Ставкой может быть критика оснований, на которых вообще держатся наши представления о том, что является домом и нормальной жилищной ситуацией [Бредникова, Ткач, 2010; McCarthy, 2018].

«Когда долго просидишь под землёй, теряешь ощущение времени. А я неделю не вылезал», — говорит персонаж фильма «Среди серых камней» (1983) Киры Муратовой. И продолжает: «У нас, конечно, темно, у нас, конечно, сыро, но я думаю, что не помещение, а индивидуальность человека определяет меру возможного для него счастья. Ты знаешь, в конце концов, находясь в одном и том же помещении, люди живут все же в разных мирах». Можем ли мы одновременно поспорить и согласиться с ним? Утверждение, что помещение не способно определить меру возможного счастья, не означает, что жить нужно в темноте и сырости. Однако нет сомнений в том, что замыкать счастье только в помещении, в месте, где ты живешь или находишься временно, было бы наивно и беспочвенно. Что определяется местом, где живет человек? Всегда ли оно совпадает с «домом»? Дом невозможно обрести или мы способны обрести дом везде? Можем ли мы проблематизировать дом, одновременно не романтизируя руину, не-место [Оже, 2017], которое обладая «свободой и открытой недетерминированной потенциальностью» [Ямпольский, 2015, с. 121], при этом может угрожать жизни? Дом всегда находится в состоянии коллапса — он тираничен [Douglas, 1991], но необходим и желаем; не всегда локализован, но материален; место может мимикрировать под дом, но так никогда и не стать им [Navaro-Yashin, 2009, p. 4].

В последней фразе героя фильма Муратовой есть важное наблюдение. Находиться в одном и том же месте — не значит находиться в одном и том же мире. Разница между этими мирами определяется

и человеком, и местом. В этом выпуске мы пытаемся исследовать эти разные миры, однако это не миры бездомных, это миры людей.

О бездомности и доме в России написано мало. Этот выпуск — попытка задать вопросы и очертить круг проблем в этом поле, привлечь к дискуссии исследователей и исследовательниц из разных дисциплинарных областей: социологии, антропологии, урбанистики, истории, экономики, политологии. Мы постарались собрать сюжеты, отражающие различные преломления феномена бездомности и попытались найти адекватные им междисциплинарные аналитические языки описания. В рубрике «Бездомность и городское пространство» Алина Вивьен Шульц исследует пространственный аспект бездомности в Москве. На материалах интервью с бездомными людьми и работниками НКО демонстрируются различные стратегии использования городского пространства бездомными. С помощью различения на «маргинальные» и «основные» пространства классифицируются практики использования таких мест, как вокзалы, аэропорты, территории церкви, подвалы и чердаки. В исследовании Лины Яхно продолжается осмысление опыта бездомности в контексте использования общественных пространств. В центре анализа — практики использования пространства Курского вокзала, который, по данным исследовательницы, является для бездомных людей наиболее предпочтительным среди других вокзалов Москвы. Максим Мальков и Александра Ченцова, также исследуя бездомность в русле городской антропологии, в статье задаются вопросом о том, какие модели взаимодействия с бездомными существуют в транзитных зонах. Наблюдения и интервью на Ярославском и Ленинградском вокзалах позволяют выявить ключевые формы взаимодействий, в которые вступают сотрудники вокзалов и те, кого они считают бездомными. Гликерий Улунов в течение 2 лет проводил включенное наблюдение на фриганских точках в Москве и Санкт-Петербурге, где люди забирают выброшенную еду. Подробное описание и анализ практик фриганства позволяют автору проследить тесные связи между фриганством и бездомностью, а также выявить организующие принципы, по которым протекают взаимодействия людей на фриганских точках друг с другом и с материальными объектами, такими как еда, мусорные контейнеры и камеры видеонаблюдения.

В рубрике «Гендер и бездомность» Евгения Кузинер анализирует гендерный аспект бездомности и вводит, с опорой на работы Пьера Бурдье, концепт «гендерного капитала», который отражает используемые бездомными символические практики, связанные с традиционными представлениями о роли мужчин и женщин. На данных 60 полуструктурированных биографических интервью и включенного наблюдения выявлены различные стратегии адаптации и выживания бездомных людей, в зависимости от того, как они используют ресурсы гендерного капитала.

В рубрике «Бездомность и архитектура» Константин Гудков на материале архивных документов анализирует скрытую бездомность в СССР 1920-1930-х годов. В исследовании приводятся свидетельства различных жилищных условий того времени и очерчивается спектр дискуссий по поводу их (не)нормальности, как на уровне центральной власти, так и на уровне повседневной жизни людей.

Рубрика «Ре-концептуализация дома» представлена работами Татьяны Колотиловой и Ирины Дуденковой. Татьяна Колотилова обращается к ресурсам пост-акторно-сетевой теории, чтобы концептуализировать релокацию как пересборку дома, и задается вопросом о том, в каком случае такой процесс происходит успешно. Ключевым для исследования становится авторское понятие «скевоморфных преобразований» — таких преобразований дома, в которых сохраняется форма, но меняется содержание. Именно задействование этих практик способствует успешной релокации, в отличие от нетранспортируемых практик, которые приводят к потере герметичности и распаду «дома». Ирина Дуденкова в своей работе, опираясь на работы Жиля Делеза, Эммануэля Левинаса, Ханны Арендт и Гастона Башляра демонстрирует две магистральных концептуализации дома — экстраверсивную (изнутри вовне) и интроверсивную (извне вовнутрь). На основе политических (свой/чужой) и поэтических (укорененный/непривязанный) разметок дома, в эссе ставится вопрос: можем ли мы помыслить дом как счастливое пространство?

В рубрике «Практический опыт» Дарья Байбакова и Карина Гаринова, представляя благотворительную организацию «Ночлежка», анализируют существующие данные по бездомности в мире и России и предлагают посмотреть на проблему со стороны практиков, выделяя для будущих исследователей круг вопросов и тем, по которым не хватает данных.

В обзоре Ивана Низгораева — библиография, состоящая из 100 книг о бездомности, изданных за последние 10 лет. Какие вопросы ставят перед собой исследователи в контексте проблемы бездомности, как концептуализируется и методологически изучается бездомность в мире и России? Подборка литературы позволяет оценить актуальное состояние академической рефлексии на тему бездомности, о которой в России пока написано мало.

Для цитирования: *Мальков, М.Д.* У нас не все дома. Предисловие редактора номера // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 8–13.

Литература

1. Бредникова, О., Ткач, О. Дом для номады // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 3.
2. Буланников, А. В. К истории слова бомж // Русская речь. 2019. № 1. С. 18–36.
3. Джагоз, А. Введение в квир-теорию. М.: Канон +. 2008.
4. Оже, М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. Москва: Новое литературное обозрение. 2017.
5. Ямпольский, М. Муратова. Опыт киноантропологии. СПб.: Сеанс. 2015.
6. Busch-Geertsema, V. et al. Defining and measuring homelessness // Homelessness Research in Europe: Festschrift for Bill Edgar and Joe Doherty. 2010. P. 19-39.
7. Chamberlain, C., MacKenzie, D. Understanding contemporary homelessness: Issues of definition and meaning // Australian Journal of Social Issues. 1992. Vol. 27. No. 4. P. 274-297.
8. Cheshire, L., Easthope, H., ten Have, C. Unneighbourliness and the unmaking of home // Housing, Theory and Society. 2021. P. 133-151.
9. Douglas, M. The idea of a home: A kind of space // Social research. 1991. Vol. 58. No. 1. P. 287-307.
10. Ecker, J. Queer, young, and homeless: A review of the literature // Child & Youth Services. 2016. Vol. 37. No. 4. P. 325-361.
11. Edgar, W. and Meert, H. Fourth Review of Statistics on Homelessness. 2005
12. Edgar, B. European Review of Statistics on Homelessness. Brussels: FEANTSA. 2009
13. Flike, K, Byrne, T. Systematic review of access to healthcare and social services among US women Veterans experiencing homelessness // Women's Health. 2023. Jan-Dec.
14. Mayock, P., Bretherton, J. (ed.). Women's homelessness in Europe. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 127-154.
15. McCarthy, L. (Re) conceptualising the boundaries between home and homelessness: the unheimlich // Housing Studies. 2018. Vol. 33. No. 6. P. 960-985.
16. Meanwell, E. Experiencing homelessness: A review of recent literature // Sociology Compass. 2012. Vol. 6. No. 1. P. 72-85.
17. Navaro Yashin, Y. Affective spaces, melancholic objects: ruination and the production of anthropological knowledge // Journal of the Royal Anthropological Institute. 2009. Vol. 15. No. 1. P. 1-18.
18. Phillips, D.C., Sullivan, J.X. Do homelessness prevention programs prevent homelessness? Evidence from a randomized controlled trial // Review of Economics and Statistics. 2023. May. 29. P. 1-30.
19. Schneider, B., Remillard, C. Caring about homelessness: How identity work maintains the stigma of homelessness // Text & Talk. 2013. P. 95-112.
20. Somerville, P. Understanding homelessness. // Housing, theory and society. 2013. Vol. 30. No.4. P. 384-415.
21. Treglia, D., Culhane, D. Defining and counting homelessness // The Routledge Handbook of Homelessness. Routledge. 2023. P. 35-47.
22. Warner, M. et al. (ed.). Fear of a queer planet: Queer politics and social theory. Minneapolis, London: University of Minnesota Press, 1993.

Maxim Malkov

We're not all there

Preface by the editor of the issue

References:

1. Brednikova, O., Tkach, O. (2010). Dom dlya nomady // Laboratorium: zhurnal social'nyh issledovanij. No. 3. (In Russ.)
2. Bulannikov, A.V. (2019). K istorii slova bomzh // Russkaya rech'. No. 1. C. 18–36. (In Russ.)
3. Busch-Geertsema, V. et al. (2010). Defining and measuring homelessness // Homelessness Research in Europe: Festschrift for Bill Edgar and Joe Doherty. P. 19-39.
4. Chamberlain, C., MacKenzie, D. (1992). Understanding contemporary homelessness: Issues of definition and meaning // Australian Journal of Social Issues. Vol. 27. No. 4. P. 274-297.
5. Cheshire, L., Easthope, H., ten Have, C. (2021). Unneighbourliness and the unmaking of home // Housing, Theory and Society. P. 133-151.
6. Douglas, M. (1991). The idea of a home: A kind of space //Social research. Vol. 58. No. 1. P. 287-307.
7. Dzhagoz, A. (2008). Vvedenie v kvir-teoriyu. M.: Kanon +. (In Russ.)
8. Ecker, J. (2016). Queer, young, and homeless: A review of the literature // Child & Youth Services. Vol. 37. No. 4. P. 325-361.
9. Edgar, W. and Meert, H. (2005) Fourth Review of Statistics on Homelessness.
10. Edgar, B. (2009) European Review of Statistics on Homelessness (Brussels: FEANTSA).
11. Flike, K, Byrne, T. (2023). Systematic review of access to healthcare and social services among US women Veterans experiencing homelessness // Women's Health. Jan-Dec.
12. Mayock, P., Bretherton, J. (ed.). (2016). Women's homelessness in Europe. London: Palgrave Macmillan. P. 127-154.
13. McCarthy, L. (2018). (Re) conceptualising the boundaries between home and homelessness: the unheimlich // Housing Studies. Vol. 33. No. 6. P. 960-985.
14. Meanwell, E. (2012). Experiencing homelessness: A review of recent literature // Sociology Compass. Vol. 6. No. 1. P. 72-85.
15. Navaro Yashin, Y. (2009). Affective spaces, melancholic objects: ruination and the production of anthropological knowledge // Journal of the Royal Anthropological Institute. Vol. 15. No. 1. P. 1-18.
16. Ozhe, M. Ne-mesta. (2017). Vvedenie v antropologiyu gipermoderna. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
17. Phillips, D.C., Sullivan, J.X. (2023). Do homelessness prevention programs prevent homelessness? Evidence from a randomized controlled trial // Review of Economics and Statistics. May. 29. P. 1-30.
18. Schneider, B., Remillard, C. Caring about homelessness: How identity work maintains the stigma of homelessness // Text & Talk. 2013. P. 95-112.
19. Somerville, P. Understanding homelessness. (2013) // Housing, theory and society. Vol. 30. No.4. P. 384-415.
20. Treglia, D., Culhane, D. (2023). Defining and counting homelessness. The Routledge Handbook of Homelessness. Routledge. P. 35-47.
21. Warner, M. et al. (ed.). (1993). Fear of a queer planet: Queer politics and social theory. Minneapolis, London: University of Minnesota Press.
22. Yampol'skij M. Muratova. Opyt kinoantropologii. SPb.: Seans. 2015.

Бездомность и городское пространство

А. В. Е. Шульц

В тени мегаполиса: способы использования городского пространства бездомными людьми (на примере Москвы)

Алина Вивьен Евгеньевна Шульц — студентка ОП «Городское планирование» Факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ. **Адрес:** 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. **Электронная почта:** aedrozdova_1@edu.hse.ru. **ORCID:** https://orcid.org/0009-0008-7900-9839

Аннотация: Бездомность является серьезной проблемой для многих крупных городов России. Однако российский ландшафт исследований бездомности преимущественно фокусируется на социально-психологических аспектах, в то время как связь между бездомностью и городской средой остается недостаточно изученной. Цель настоящего исследования — осмыслить пространственный аспект бездомности в Москве, выявить и проанализировать способы использования городского пространства бездомными людьми. Основные задачи включают сбор и анализ интервью с бездомными и сотрудниками благотворительных организаций, определение категорий мест, предпочтительных для бездомных, и изучение влияния погодных условий, времени суток и сезона на выбор мест пребывания. Исследование проводилось с использованием качественных методов, включая экспертные интервью с сотрудниками некоммерческих организаций и полуструктурированные интервью с бездомными. В рамках исследования под «бездомностью» понимается уличная форма бездомности, отнесенная к категории ETHOS[1] «Люди, живущие на улице». Одной из ключевых находок исследования является выявление так называемых «основных» и «маргинальных» пространств города, а также мест с иными «моральными порядками», привлекающих бездомных людей. В статье также рассматривается темпоральное и пространственное распределение бездомных в городской среде. Отдельное внимание в работе уделено гендерным аспектам бездомности, уязвимому положению женщин-бездомных и их стратегиям выживания.

Ключевые слова: бездомность, городская среда, моральный порядок, «не-места», «основные» и «маргинальные» пространства

Для цитирования: *Шульц, А. В. Е.* В тени мегаполиса: способы использования городского пространства бездомными людьми (на примере Москвы) // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 15–41.

[1] ETHOS — Европейская типология бездомности и жилищной маргинализации (European Typology on Homelessness and Housing Exclusion), разработанная в 2005 году Европейской федерацией национальных организаций, работающих с бездомными FEANTSA в попытке охватить все жизненные ситуации, которые представляют собой формы бездомности по всей Европе. В типологии ETHOS используются как физические, так и социально-юридические аспекты «дома».

Бездомные люди концентрируются в крупных городах, поскольку мегаполисы предлагают большее количество сервисов и возможностей для работы по сравнению с небольшими населенными пунктами [Lee, Price-Spratlen, Kanan, 2003]. В последней переписи населения 2020 года в г. Москва зафиксировано 6 637 бездомных домохозяйств без указания количества членов домохозяйства[2]. Государственные органы часто минимизируют численность бездомных, концентрируясь на наиболее видимых категориях, в то время как неправительственные организации могут использовать более широкие определения. Так, на основе исследования частной компании Validata в Москве проживает более 200 тысяч бездомных людей [Сколько бездомных..., 2022]. На все государственные и благотворительные пункты ночлега и приюта в городе приходится менее одной тысячи мест, что в разы меньше любой из вышеуказанных оценок. В связи с этим встает масштабный вопрос, касающийся пространственного нахождения такого большого количества бездомных людей в городе. Государственные и некоммерческие организации не представляют полноценной картины пространственного распределения бездомных людей, что, с одной стороны, приводит к неэффективному расположению сервисов для бездомных, а с другой — к неэффективным затратам со стороны организаций.

На данный момент исследовательский ландшафт бездомности в России и, в частности, в Москве, зачастую фокусируется на социально-психологических аспектах проблемы. При этом в отечественной литературе практически не встречаются исследования, которые связывали бы напрямую такие понятия как «бездомность» и «городская среда». Исследование городской среды через призму бездомности является перспективным направлением социологических исследований, поскольку оно позволяет глубже понять структурные и социальные механизмы, которые работают в городе, и формируют невидимое социальное пространство города. Одной из главных сложностей исследования бездомности как в России, так и в мире является отсутствие детальных статистических данных в связи со сложностью учета бездомных людей, а также отсутствием единого определения бездомности. Различные инстанции и организации ведут учет разными способами: силовые ведомства — количество задержанных за правонарушения, медицинские учреждения — количество обратившихся за медицинской помощью, а некоммерческие благотворительные организации — количество клиентов социальных услуг. Современный фокус российских исследований бездомности смещён на выявление причин [Ордиянц, Демидова, 2017; Антонова, 2009; Пла-

[2] Росстат. Официальная статистика. Всероссийская перепись населения 2020 года. [Online] <https://77.rosstat.gov.ru/folder/210976> [Дата обращения] 02.06.2024.

тонова, 2009], а также на профилактику и решение проблемы [Молчанов, 2007; Коваленко, Строкова, 2010; Низиньковская, 2020; Кирсанова, 2020; Уфимцева, 2017; Метелева и др., 2022; Зиннуров, 2023]. Существует также комплекс работ, направленных на изучение психологии бездомного человека [Клюева, 2011; Жеребкина, Лапшина, 2016; Петренко, 2017].

Однако вопрос о пространственном распределении бездомных в городе практически игнорируется в российском исследовательском поле. Одна из немногих этнографических работ, посвященная бездомности в Москве, Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia Светланы Стивенсон описывает вокзалы как ключевые места в жизненном мире бездомных людей в силу возможностей социального взаимодействия, предоставляемых данным городским пространством [Stephenson, 2017]. Исследовательница также выделяет такие значимые места для бездомных людей, как площади, транспортные пересадочные узлы (подземные переходы в метро, вестибюли и территории возле станций), Кольцевую линию московского метро, рынки, дешевые столовые и кафетерии, церкви. Среди причин привлекательности подобных мест для бездомных людей называются невысокая степень официальной зарегулированности пространства, возможность знакомиться с другими людьми и принимать участие в социальной и экономической жизни локального сообщества бездомных.

Последним количественным исследованием, затрагивающим хоть как-то вопрос использования городского пространства бездомными, была работа «Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве» Цацуры Е. А. и Клюевой Н. Ю. В рамках исследования суммарно было опрошено 297 бездомных людей, включая проживающих в приютах, рабочих домах, ЦСА. По итогу, больше половины респондентов ночевали хотя бы один раз непосредственно на улице за прошедший месяц. Среди других мест ночлега за последний месяц были также выделены вокзалы (30% ночевало несколько раз), подъезды (27% ночевало несколько ночей), электрички (20% ночевало регулярно), вокзалы и социальные учреждения (17% ночевало несколько ночей), рабочие дома (15% ночевало несколько раз). Наименее популярным местом для ночлега бездомных в Москве были заброшенные дома — лишь 6% ночевало там несколько раз. Исследовательницы также приходят к неочевидным выводам, например, что бездомные москвичи чаще ночуют в подъездах, в то время как те, кто приехал в Москву из других городов, чаще ночуют в электричках и рабочих домах. Однако, стоит учитывать, что опрос проводился с 10 мая по 3 августа, что дает нам представление лишь о ночевках бездомных в тёплое время года.

В рамках работы я постараюсь осмыслить пространственный аспект бездомности в городе. Основные вопросы, которые ставит

перед собой исследование, — Какие места и по каким причинам являются для бездомных аттракторами (притягательными благодаря их функциональным, социальным или символическим характеристикам)? Как выглядит мобильность бездомных в городе? Какие существуют практики использования городского пространства у бездомных? *Объектом* исследования является бездомность в Москве, предметом — взаимодействие бездомных с городской средой. Главной *целью* исследования является выявление и анализ способов использования городского пространства бездомными людьми. Среди задач моей работы можно выделить 1) сбор и анализ интервью с бездомными людьми и сотрудниками организаций; 2) Выявление основных категорий мест, где бездомные люди предпочитают находиться; 3) Определение основных мотивов и причины, по которым бездомные выбирают определенные локации; 4) Изучение влияния погодных условий, времени суток и сезона на выбор мест пребывания.

Данное исследование проводилось с помощью качественных методов в силу острой сензитивности поля, поскольку изучение бездомных требует крайне деликатного отношения как изучение уязвимой группы [Liamputtong, 2006; с.4]. В рамках исследования были проведены экспертные интервью с сотрудниками некоммерческих организаций, а также биографические полуструктурированные интервью с бездомными людьми. Интервью с бездомными проводились в приюте «Ночлежка», «Тёплый прием», реабилитационном центре «Дом Друзей», а также на точках маршрута «Ночного автобуса». Мною опрашивались те, кто находился в данном месте, имел опыт бездомности и соглашался побеседовать. Суммарно было проинтервьюировано 6 работников некоммерческих организаций, а также 12 бездомных людей. Также применялся метод включенного наблюдения со стороны сотрудника благотворительной организации. Наблюдение проводилось на протяжение всего времени исследования.

Любому разговору о бездомности стоит начинаться с того, что вообще можно понимать под «бездомностью». Традиционные подходы нередко бывают ограничены и стереотипизированы, что препятствует глубокому пониманию и эффективному решению проблемы, а также снятию социальной стигмы с людей, оказавшихся в ситуации бездомности [Lancione et al., 2013]. Несмотря на длительные дискуссии, до сих пор не существует единого международного определения бездомности, что затрудняет сравнение данных и разработку политики по борьбе с этой проблемой на глобальном уровне. Даже в рамках национальных агентств и организаций используются свои внутренние определения, что приводит к вариациям в статистических данных [Amore, Baker, Howden-Chapman, 2011]. Нередко, государство заинтересовано в исключении некоторых уязвимых социальных групп, в связи с уменьшением собственных расходов на социальную политику [Jacobs, Kemeny, Manzi, 1999]. Однако, понятие бездомности со време-

нем имеет свойство расширяться под влиянием общественных и политических изменений. Европейская типология бездомности и жилищного исключения (ETHOS) была разработана Европейской федерацией национальных организаций, работающих с бездомными (FEANTSA), чтобы предложить согласованный и всесторонний подход к пониманию и измерению бездомности и жилищного исключения в Европе[3]. ETHOS стремится обеспечить унифицированные определения и классификации, которые могут быть использованы в различных странах для исследования и политики. В соответствии с типологией ETHOS, бездомность классифицируется следующим образом:

Без крыши над головой (Roofless):

Люди, живущие на улице.

Люди, живущие в ночных убежищах.

Без дома (Houseless):

Люди, находящиеся во временных приютах или хостелах для бездомных.

Женщины в кризисных центрах.

Иммигранты в центрах временного размещения.

Люди, которые скоро будут выписаны из учреждений (тюрем, больниц и детских домов) и не имеют жилья.

Люди, получающие длительную поддержку из-за бездомности.

Жилищное исключение (Housing exclusion):

Люди, живущие в небезопасных условиях (нелегальные арендаторы, нелегальные оккупанты земель).

Люди, которым угрожает выселение или насилие.

Люди, живущие в неподходящих временных или нестандартных структурах (мобильные дома, временные сооружения).

Люди, живущие в непригодном для пребывания жилье (без базовых удобств).

Люди, живущие в условиях крайней переполненности.

Несмотря на всю многогранность определения бездомности, в рамках качественной части данной работы под «бездомностью» будет пониматься именно уличная форма бездомности, которую можно отнести к категории ETHOS «Люди, живущие на улице», поскольку идентификация именно этой группы бездомных наиболее методологически проста в силу своей экстремальности.

[3] FEANTSA. ETHOS Typology on Homelessness and Housing Exclusion. [Online] <https://www.feantsa.org/en/toolkit/2005/04/01/ethos-typology-on-homelessness-and-housing-exclusion> [Дата обращения] 02.06.2024.

Важно отметить, что в нашем языке категория «бомж» имеет большое значение для конструирования социальной классификации современного российского общества. Этот термин часто ассоциируется с символическим полюсом социальной структуры, сосредотачивая в себе исключительно негативные атрибуты: асоциальность, наркотическую или алкогольную зависимость, личностный распад, крайнюю бедность [Stephenson, 2017]]. Таким образом, конструкт бездомного человека начинает служить фоном для любых различий и «вносить свой вклад, по принципу отрицания, в диалектику притязания и различия» [Бурдье, 2005]. С точки зрения Пьера Бурдье, социальное пространство с той или иной степенью размытости конвертируется в физическое пространство. Исходя из обладания различными видами капитала, власть над пространством принимает конфигурацию отношения между пространственными структурами распределения агентов и структурами распределениями ресурсов в существующем физическом пространстве. Таким образом, участок физического пространства, на котором находится агент, нередко определяется его позицией в социальном пространстве. Поэтому «бездомный человек» близок к отсутствию социального существования [Bourdieu et al, 1999]. Дом для человека является локусом повседневности, конструирующим границы между «внутренним» и «внешним», «своим» и «чужим», «опасным» и «безопасным» [Харисова, 2007].

Как заключает Мартин Хайдеггер, ощущение «дома» дает экзистенциальное убежище от чувства заброшенности в безразличном мире, представляя собой сосредоточение жизненных ценностей человека [Чеснокова, 2014; Чеснокова, 2016]. В это же время, для бездомного человека пространственная дихотомия «публичное» — «частное» не имеет особого смысла, поскольку из всех частных и многих публичных пространств он исключен. При этом стратегии выживания бездомных, особенно в холодное время года, зачастую предполагают попытки кратковременного «захвата» публичных пространств (вокзалы, скамейки, входы у магазинов) [Wardhaugh, 1996]. Таким образом бездомный, «захватывающий» публичное пространство, разрушает его для всех остальных, угрожая границе «публичное — частное», размывая её, поскольку «захваченное» публичное пространство перестает в полном смысле быть публичным.

Само пространство города разделено на более или менее четкие зоны, которые контролируются той или иной социальной группой, поддерживающей там собственный моральный порядок (moral order), равняющийся публичному порядку [Park, 1926]. Моральный порядок определяет совокупность общественных отношений и своеобразный этикет, предписывающий при каких обстоятельствах какой деятельностью разрешается заниматься в каком месте [Lofland, 1971]. Моральный порядок — результат не только «переговоров», но и рутинного социального взаимодействия, накладывающегося на

моральные устои и закрепленные формальные законы, поддерживаемые силовыми структурами. Порой различия между местными устоями и общегородским моральным порядком производят определенную напряженность, которая ожидается, что будет под контролем силовых органов. Однако сами полицейские могут менять представления о том, что «нормально» для разных частей города, признавая, что местные моральные устои существуют и имеют приоритет над общегородским моральным порядком [Rubinstein, 1980].

В рамках существующих рыночных отношений и превалирующей индивидуальной формы собственности бездомный человек, в отличие от бедного, вдвойне является угрозой для морального порядка на территории, поскольку он не только не имеет собственности, но также не имеет социальных связей с местными жителями в силу своей мобильности. Немногое, что имеет бездомный человек в распоряжении, — своя рабочая сила, которая зачастую обесценивается алкогольной зависимостью и вытекающими оттуда проблемами с собственным здоровьем. С точки зрения рыночной морали, не используя свою рабочую силу, и таким образом сводя свою практическую ценность для либерально-демократического общества к нулю, человек, не желающий выбраться из состояния бездомности, осознанно отрицает установленный моральный порядок [Macpherson, 1973].

Невидимость бездомного — одно из средств доступа к общественным пространствам, гарантирующее отсутствие притеснения [Hombs, Snyder, 1983; Koprowska et al., 2020].

> «*Проблема, мне кажется, в том, как бы, не проблема, а факт в том, что большую часть даже уличных бездомных мы не замечаем. Ну, помимо того, что мы можем просто не замечать сами, мне кажется, что бездомный человек не очень хочет, чтобы его увидели, в таком его свойстве, как вот сейчас у него происходит. Я думаю, что бездомные просто скрываются, чтобы их не видели*». (Сотрудник благотворительной организации.)

> «*Ну, старался, чтобы это нелюдимо было, но людей было везде много. Искал такое место, потому что на скамейке, сами понимаете, не выспишься. Я уединялся, старался, чтобы меня люди не видели*». (Бездомный мужчина, 35 лет, стаж бездомности полгода.)

Однако, остаться незаметным не так легко, поскольку зачастую бездомный человек носит старую, потрепанную одежду, которую не так просто скрыть. Также отсутствие грязной одежды значительно снижает шансы на успех в попрошайничестве, поскольку это один из немногих индикаторов бедственного положения, нуждающегося в подаянии [Sutherland, Locke, 1936]. Бездомный человек использует ландшафт в качестве укрытия, и это требует очень специ-

ализированных знаний о городской среде, которыми не обладают «домашние» люди, например, где можно в теплом месте провести холодную ночь и остаться незамеченным для других, а также какую стратегию выбрать, чтобы защитить это пространство от других.

Для того чтобы выжить, нужно осознавать все тонкости того, как местные жители классифицируют пространство, поэтому бездомным не настолько важна форма собственности, а важно то, насколько пространство функционально важно для постоянно проживающих горожан [Snow, Anderson, 1993]. Таким образом городское пространство можно разделить не только на «публичное» и «частное», но и отнести к континууму от «основного» (prime) до «маргинального», основываясь на их ценности для жителей города [Duncan, 2012]. При этом ценность пространства динамична и основывается на определенной степени консенсуса, и бездомные люди наиболее осведомлены об устойчивых элементах городской среды. «Основные» пространства ежедневно используются горожанами в жилищных, коммерческих или рекреационных целях, а также могут иметь символическое значение, когда оно символизирует своеобразный порядок, в то время как «маргинальные» пространства обычно не представляют никакой ценности для горожан. «Маргинальное» пространство подразумевает под собой различные тихие переулки, контейнерные площадки и мусорные свалки, территории транспортной инфраструктуры, заброшенные, «ничейные» пространства, они не патрулируются полицией в силу бессмысленности затрат на подобные мероприятия. В качестве примера «маргинального» пространства в центре Москве, выявленного в ходе глубинных интервью с бездомными, можно привести сквер у музея им. Сахарова рядом с парком усадьбы Усачёвых-Найдёновых:

> «Он *говорит, всё, идём пить. Мы выпили, он говорит, поехали на Сахаровский центр. Да-да-да. Территория свободы, как её называют. Туда не приезжают полицейские. Там пьющих людей не трогает никто. Свободно. Летом сейчас там будет куча народа, бездомных, которые там будут день и ночь, ну, по возможности, в зависимости от денег, пить.*» (Бездомный мужчина, 47 лет, стаж бездомности 6 лет.)

Также к «маргинальным» местам зачастую можно отнести места ночлега бездомных людей в городе. Так, сотрудниками благотворительных организаций и бездомными называлось множество мест ночлега, помимо очевидных мест, таких как вокзал или лавочки на улице. Не только в тёплое, но и в холодное время суток бездомные люди могут ночевать в лесах и парках:

> «*Мы знаем и знали, что Лосиный остров вмещает в себя довольно большое количество людей, потому что он находится, вроде бы, в Москве. При этом это такой огромный, известный всем зеленый остров,*

где можно, я думаю, заныкаться и зашкериться с успехом, с большим и тебя там никто не найдет. Просто зимой, как-то, видимо, он его утеплял получше. Вот это я точно не помню, поэтому просто предположу, что, скорее всего, он использовал какие-то стройматериалы, пленку какую-нибудь, как правило, люди используют всё, что можно, всё, что можно, не за деньги взять. Один мужчина строил сам всегда всё из веток, из деревьев, и он говорит, ну, типа, вот у меня сегодня сгорел, я, типа, вот скоро буду строить новый дом.» (Сотрудник НКО.)

Однако с развитием и благоустройством московских парков, и, соответственно, переходом этих мест от «маргинальных» к «основным», их привлекательность для бездомных начала снижаться:

«Одно время в парках прям были такие. Парки сейчас стали облагораживать, а до этого это были такие лесочки, у них там были свои такие поселения, палаточки, в принципе, кое-где они ближе к мкаду остались, где ещё парки не благоустроили, то есть как-то так». (Учредитель некоммерческой организации, занимающейся помощью бездомными.)

Отдельного внимания среди мест ночлега бездомных заслуживают обустроенные подвалы и чердаки жилых домов, которые более всего напоминают жилые квартиры за счет их инженерной оснащенности.

«Р: Я встретил опять Валеру. Валера говорит, всё нормально, у нас есть жильё. И в Останкинском районе я, был подвал. Значит, там парень один оборудовал подвал. Там была трехкомнатная квартира просто.
И: В подвале? А как вообще, откуда у него был доступ к этому подвалу?
Р: А он там замок сорвал, и как бы туда никто не ходил. То есть, он ещё такой подвал, вот так дома ходишь, и там первый раз, и спускаешься. И если ты ходишь, тебя никто не видит, то как бы всё нормально. И мы там оборудовали, там у нас были диваны, огромный матрас ещё был. Двух, это такой из двух этих штук. У нас там была горячая-холодная вода. У нас было электричество, освещение, посуда, мебель. У нас была микроволновка новая, у нас был чайник электрический, стеклянный, у нас была плитка, куча посуды, всевозможные, мы там готовили, разогревали». (Бездомный мужчина, 47 лет, стаж бездомности 6 лет.)

Однако чтобы выжить и обеспечить себе средства к существованию, бездомные люди вынуждены периодически покидать «маргинальные» пространства, и выходить в «основные» пространства, которые представляют собой большую часть города. Наиболее подходящими для пребывания бездомных людей являются такие «основные» пространства, которые сами по себе крайне обезличены

низким уровнем взаимодействия, и в которых при возможности можно легко отдалиться от бездомного человека. Из-за существующего предубеждения, что социальная значимость человека соотносится с социальной значимостью мест, которые он посещает [Mead, 1975], мы невольно начинаем разделять свою идентичность с другими посетителями тех или иных заведений. Данная предпосылка позволяет стигме распространяться в пространственном измерении. Поскольку бездомный человек не обладает «нормой», а лишь имеет нежелательные качества, дефекты, то его идентичность становится испорченной [Гофман, 2017], таким образом его присутствие в пространстве также портит обстановку и «нормальных» людей, находящихся там. Обезличенные общественные места редко являются значимой частью идентичности человека, поэтому присутствие там бездомных считается простительным в силу большего разделения «нормальной» и «испорченной» идентичностей. Однако, вопрос, кто может пользоваться общественным пространством и имеет к нему доступ, нормативно соприкасается с вопросом о том, кто принадлежит обществу в целом [Kawash, 1998].

К подобным обезличенным «основным» пространствам можно отнести «не-места», выделяемые Оже. «Не-места» способствуют формированию анонимности и временной идентичности [Оже, 2017]. В таких пространствах люди ощущают себя частью массового потока, где личные связи и уникальная идентичность становятся незначительными, что позволяет человеку чувствовать себя временным посетителем, а не постоянным жителем. Самыми яркими примерами «не-мест» в московской действительности являются вокзалы и различные объекты транспортной инфраструктуры. Однако, бездомный на вокзале продолжает всё ещё находиться в крайне уязвимом положении. Рассмотрим агентную структуру московского вокзала. Главным производителем микрополитики являются работники охраны вокзала, целью которых является поддержание социального порядка и исключение бездомных людей из общественного пространства. Другим государственным актором является «Социальный патруль», который в рамках реализации своего механизма власти накапливает бездомных людей с вокзала и перевозит на ночлег из центра на городскую периферию, тем самым продолжая делать бездомность невидимой для других горожан. Но не только государство имеет свой интерес в контроле бездомных людей. Также рабочие дома через своих волонтеров стремятся завладеть телом и рабочей силой бездомного, чтобы получить большую прибыль за низкую цену этой рабочей силы:

> «*Волонтер он тебе вот рассказывает, ты туда едешь. Рассказал одно, а по факту совсем другое. Встречал их где угодно, в основном на ж/д станциях*». (Бездомный мужчина, 41 год, стаж бездомности 3 года.)

Несмотря на уязвимое положение бездомных, даже внутри группы существует своего рода угнетение. Так, самым угнетенным и объективированным актором будет бездомная женщина, что лаконично описано в следующей цитате сотрудника благотворительной организации:

> *«Ты для всех объект, и для рабочего дома ты объект, и для помогающих, в том числе организаций, ты объект, потому что, к сожалению, многие коллеги общаются с бездомными как с объектами, а для мужчин в очереди ты объект, наверное, самый такой опасный собеседник, соприсутствующий».* (Сотрудник благотворительной организации.)

В ответ на микрополитику службы охраны вокзала бездомные используют тактику покупки дешевого билета на электричку, чтобы оставаться на вокзале якобы как пассажир:

> *«Ты на вокзальчике лег спать, тебя никто не трогает. Сейчас это не милиция, а служба безопасности вокзала, они ходят, они в принципе часть людей в лица знают, то есть когда там 5–10 раз человек там, они подходят, если ты билет не показываешь, они сопровождают на выход. Билет показываешь, они отстают, некоторые из них покупают билеты на электричку. И во-первых, на электричке можно потом всё-таки уехать, покататься, поспать в электричке. Можно на вокзале несколько часов просидеть. И так стали гонять. Но тут момент ещё, как выглядит человек. Если человек зайдёт чистый, даже бездомный, но как понять, что человек бездомный, если он не грязный? Никак. Соответственно, если человек чистый, к нему вряд ли кто подойдёт. Если он грязный, ну, тут можно понять, почему их гоняют с вокзалов. Остальным это не очень, это приятно находиться, поэтому да, гоняют».* (Учредитель некоммерческой организации, занимающейся помощью бездомными.)

Как было отмечено сотрудником благотворительной организации, выгоняют лишь «грязных бездомных», из чего можно заключить, что микрополитика так или иначе формируется биополитикой, поскольку изгнание бездомного может быть мотивировано стремлением предотвратить возможные угрозы здоровью для других людей [Фуко, 2010].

Если говорить про другие объекты транспортной инфраструктуры, то важно обратить внимание, что фактор доступности даже для столь удаленных мест, как аэропорты, находящиеся за чертой города, имеют значение для бездомных. Так бездомный информант отдельно отмечает, что ночевать в аэропорт Домодедово бездомные люди не ездят.

«Ездили ночевать в аэропорту. Очень много людей едет ночевать в аэропорт Шереметьево, они называют это „Шарик“, во “Внучку”, во Внуково. В Домодедово, не знаю, далеко. А вот в Шереметьево и во Внуково ездят». (Бездомный мужчина, 47 лет, стаж бездомности 6 лет.)

Другими «основными» пространствами, которые привлекают бездомных, являются места с иными моральными порядками. Так, церковные территории являются стратегически важными для бездомных людей пространствами, поскольку в этих пространствах моральный порядок «христианского естественного права», гласящий о равенстве людей перед Богом, доминирует над либерально-демократическим рыночным моральным порядком, что дает такие выгоды бездомным, как возможность просить милостыню [Wardhaugh, 1996]:

«У храма, как правило, они знают, двунадесятые праздники, все главные христианские праздники православные, пожалуйста, все на паперти, т. е. все знают, что православные помогают. Они, пользуясь случаем, встают. Есть храмы в центре, там люди добрые, обеспеченные, они могут больше помочь. Подопечные уже немножко даже избаловываются. Но тем не менее, это как бы возможность получить какое-то пропитание». (Руководительница благотворительных программ некоммерческой организации.)

Это наводит на мысль о том, что попрошайничество в городе рутинизировано и структурировано во времени и пространстве.

Ещё одним типом общественных пространств, предполагающим равенство посетителей, являются публичные библиотеки. Несмотря на такой барьер входа, как читательский билет, который может быть оформлен лишь при наличии паспорта, библиотека предоставляет возможность для обогрева и сна в холодное время суток, а также доступ в интернет. Излюбленным местом московских бездомных является Российская Государственная Библиотека им. Ленина, нередко обеспечивающая незаметность для бездомных людей своим колоссальным масштабом пространств.

«Р: *Днём в библиотеке я был, а ночью я шёл в какие-то подъезды.*
И: *Так, а какая у вас любимая библиотека?*
Р: *Ну, в первое время в Ленинку ходил. А потом в историческую.*
Р: *И что вы там читаете обычно?*
И: *Я в интернете информацию читаю».*
(Бездомный мужчина, 53 года, стаж бездомности 9 лет.)

Особый моральный порядок можно также встретить в питейных заведениях, своеобразных пространствах карнавализации. Кар-

навализация относится к процессу, при котором социальные и культурные нормы временно отменяются, а традиционные иерархии и властные структуры переворачиваются [Бахтин, 1990]. В карнавальном контексте границы между различными социальными классами и ролями стираются. Алкоголь способствует расслаблению и снижению социальной напряженности, что помогает людям свободнее выражать себя и взаимодействовать друг с другом. Таким образом атмосфера бара становится близкой к карнавальной, где обычные правила поведения временно приостанавливаются.

«У некоторых прямо есть такое, что надо зайти на Китай-город, потому что что-то ценное можно найти, почти всегда находишь ночью, подбираешь. Или какая-нибудь компания, кто-то угощает». (Сотрудник НКО.)

Если возвыситься до масштаба всего города, то у многих состоятельных горожан есть общий образ города, ассоциированный с ключевыми значимыми местами. Подобный образ можно назвать «городской гордостью», поскольку он воплощает собой то, как местные жители хотят, чтобы их город видели другие [Duncan, 2012]. Наибольшее влияние подобного конструкта происходит во время больших празднований и массовых мероприятий, когда в городе много приезжих, когда город выставляется напоказ перед туристами, и эстетичность его элементов начинает иметь большое значение. В это же время бездомные люди в общественном сознании ассоциируются с мусором и грязью. Проживание на улице требует большого количества времени и сил, поскольку самые базовые и рутинные задачи, выполняемые обычными людьми в рамках домашнего пространства, вынуждают бездомного человека перемещаться по нескольким точкам в пределах города [Russell, 2013].

Это приводит к идее о том, что жизнь на улице трансгрессивна (transgressive), из-за того, что рутинные практики и функции повседневной жизни выносятся на улицу в общественные пространства. Подобная трансгрессивность (transgressiveness) символически воспринимается как загрязнение городской среды. Если обратиться к идеям Мэри Дуглас, то происходит это из-за того, что перемещённые и оторванные от своего места тела и практики являют собой опасность для общественного порядка, которая преодолевается за счет идей и ритуалов загрязнения [Дуглас, 2000]. Поэтому, например, во время зачистки города перед «Олимпиадой-80» в Москве бездомные люди и другие «асоциальные элементы» вывозились за пределы города [Иманкулова, 2012]. Несмотря на проведение «матчей солидарности» чемпионата мира по футболу среди бездомных в московских «Сокольниках» за неделю до начала мундиаля [В Москве прошёл…, 2018], чистки городов от бездомных людей коснулись не только Москвы, но и других городов,

принявших участие в ЧМ в 2018 году [Полонский, 2018; Белова, 2018]. Таким образом, во время больших праздников социальная ценность пространства охватывает собой практически весь город.

Важно обратить внимание на то, что пространственное распределение бездомных в городе темпорально. При этом ощущение времени для бездомных людей значительно отличается, поскольку оно имеет не линейный, а цикличный характер в силу малой ориентированности на будущее [Wardhaugh, 1996]. Зачастую горизонт планирования бездомных людей ограничивается завтрашним днём:

«И: *Как вот, основываясь на рассказах и на вашем опыте общения, как по-вашему выглядит обычный день бездомного человека?*
Р: *Я думаю, что, опять же, всё по-разному, но, во-первых, думаю, что это сложный день. Какой бы уровень бездомности ни был, и какая бы форма ни была, уличная, не уличная, это попытка дожить до какого-то момента, до условного завтра. Очень, очень упрощая, мне кажется, бездомный человек живёт каким-то коротким, я не хочу говорить одним днём, чтобы это не звучало совсем плохо. Но я думаю, что человек живет коротким промежутком, и планировать что-то сложно».* (Ю., сотрудник благотворительной организации.)

Цикличен не только день бездомного, но и год. Сезонная смена климатических условий в городе вынуждает бездомных людей искать более укромные и тёплые места дневного пребывания, а также ночлега. В городе расширяется система «пунктов обогрева» некоммерческих организаций и Центра Социальной Адаптации им. Е. П. Глинки, однако мест, чтобы приютить всех желающих, в них не хватает. Более того, возможности для сна во многих из них ограничены сидячим положением. Одной из стратегий бездомных людей в зимний период является уход в рабочие дома или трудовые общины при храмах:

«Р: *Наплыв «клиентов» идёт с начала зимы. Они, когда ещё можно находиться на улице, пьют много. А потом, перед тем, как уйти зимовать, они часто уходят зимовать в какие-то рабочие дома или ещё так далее. Они хотят поправить своё здоровье. (сотрудник благотворительной организации)*
И: *Где находятся вот бездомные, там, днём, вечером, ночью, где они ночуют?*
Р: *Это зависит от сезона. Начнём там с начала года. Зима. Их в Москве остаётся очень мало, так как холодно, уже проблематично спать в переходах, на лавочке, в подъезде. Кто-то, какая-то малая часть остаётся, которые в подъезде, может быть, в ЦСА ночуют, ходят, может быть, всё-таки, у каких-то там друзей какое-то время. Но большая часть, мы как понимаем, они разъезжаются на зиму в рабочие дома, при храмах есть трудовые общины, то есть там, где*

можно перезимовать. Весна начинается, они бездомные возвращаются в город». (Сотрудник благотворительной организации.)

С темпоральностью бездомного человека также неразрывно связана и его мобильность, поскольку принуждаемое передвижение бездомного человека определяется его физиологическими потребностями. В работе Стивена Вандерстея "Street lives : an oral history of homeless Americans" в рассказах бездомных людей обозначаются места для ночлега, теплые зоны, места для приема пищи, отдыха, безопасные уголки, места для попрошайничества и туалеты [VanderStaay, 1992]. Таким образом, с точки зрения бездомного человека городское устройство теряет свою последовательность, поскольку бездомный ищет места, где можно удовлетворить основные физические потребности, в то время как официальная логика города строится на закрепленности функций места.

Спонтанное использование пространства бездомным телом отчасти обнажает политическое и социальное производство пространственных отношений. Двоякость места заключается в том, что, с одной стороны, место возникает как ответ на тело, с другой стороны, тело функционирует в рамках того, как это позволяет место [Kawash, 1998]. При этом зачастую мобильность бездомных связана не столько с их личными характеристиками, сколько с доступностью и расположением ресурсов [Wolch, Rahimian, Koegel, 1993; Jackson, 2012]. Таким образом, мобильность выступает стратегией выживания, позволяющей бездомным адаптироваться к условиям и искать необходимые ресурсы и получать услуги.

Повседневная мобильность бездомных может также рассматриваться как тактика выживания в городском пространстве [Jackson, 2012]. Постоянное движение по городу служит способом избегания конфликтов с полицией. Также бездомные могут бродить по городу, чтобы найти какие-то новые места и возможные ресурсы. При этом движение бездомных по городу хотя и кажется свободным и хаотичным, на самом деле сильно ограничено и структурированно. В первую очередь, бездомные ограничены финансово, что вынуждает их использовать виды «бесплатного» общественного транспорта без турникетов, как, например, автобус или трамвай в Москве. В случае использования электричек нужно прилагать большое количество физической силы, чтобы забраться на железнодорожную платформу, что недоступно некоторым бездомным в силу их физического состояния. Метро бездомные используют лишь в рамках экстренной необходимости, поскольку наличие турникета и вынужденная тактика прохода за другим человеком некомфортна, так как является очевидным нарушением социального порядка в транспорте, в то время как нарушение порядка при проезде на наземном транспорте невидимо, поскольку большую часть времени порядок контролируется лишь неодушевленным актором-валидатором.

«Я в основном на автобусе. На метро я не люблю за кем-то пробегать, это всё. Это когда вам экстренно необходимо. Если у меня нет денег на проезд, то я на автобусе. Я маршруты знаю все отлично, могу на любом, и метро знаю замечательно, а на автобусе все маршруты, где пересесть, куда уехать, у меня проблем вообще не составляет. Мне навигатор в Москве точно не нужен, вообще абсолютно никакой». (Бездомный мужчина, 47 лет, стаж бездомности 6 лет.)

Мобильность бездомных может быть ограничена и институциональными факторами. Например, бездомные могут ездить на общественном транспорте, чтобы потратить время от закрытия до открытия ночлега в течение дня. Например, в отзыве на Яндекс. Картах на ЦСА им. Глинки бездомный описывает практики того, как люди тратят день в районе до открытия ночлега:

«Утром выгоняют всех на улицу и весь день люди не знают чем заняться: кто-то катается на автобусе, кто-то на электричках, а кто-то просто попрошайничает а вечером опять пытаются туда попасть и стоят в очереди мерзнут, и давка, как при пожаре»

О такой же практике было рассказано в ходе интервью с одной из постояльцев приюта:

«Приехала на Иловайку. И там вот с кем мы общались, я говорю, девчонки, я нашла работу, там уезжаю, за вещами приехала. Я говорю: „Чего вы сидите здесь? Езжайте в Москву, ходите по всем организациям, узнавайте, где работу можно найти“. Какое-то время они на меня как на дуру смотрят, говорят, а зачем? Молодые женщины, по 30, по 40 лет. Я говорю, ну как зачем? Чтобы работать. „А зачем нам работать?“ Мы здесь живем, ночуем здесь, нас здесь кормят, вещи дают. А вот в семь утра подъем, к восьми, чтобы никого не было там. Я говорю, вот в течение дня чем занимаетесь? Ну или в кафе где-нибудь посидим, или в автобусе ездим, катаемся». (Бездомная женщина, 68 лет, стаж бездомности полгода.)

Подобное институциональное ограничение мобильности приводит к тому, что автобусные маршруты, курсирующие по району, переполнены бездомными людьми, что вызывает недовольство и раздражение местных жителей.

Ещё один важный сюжет — использование общественного транспорта бездомными как места ночлега. Так, многие бездомные садятся на последнюю электричку, доезжая до конечного пункта назначения, который может находиться в другой области, и с утра на первой электричке возвращаются в Москву.

«Очень многие, наверное, вообще большинство людей пользуются электричками как ночлегом, я думаю, вы это уже всё знаете. Особенно зимой электричка — это место, где можно быть в тепле, хотя ночью на какое-то время машинисты выключают обогрев часто». (Сотрудник благотворительной организации.)

«Ездили в электричке, ночевали, приезжали, садились там, например, в 11 вечера садились, уезжали на, черт-те знает, до конечной, выходили на конечную станцию, стояли там с полчаса, может, потом эта электричка назад приходила, мы садились назад, и под утро ты уже приезжаешь. Например, мы приезжали в 5–6 утра на вокзал уже на Курский, потому что, я же говорю, мы стояли там, ну, недолго, час, полчаса на станции вышли, приехали на конечную, час-полчаса подождали, приехала опять эта электричка, и мы садились, и утром в 5 или 6 часов утра ты на вокзале». (Бездомный мужчина, 39 лет, стаж бездомности полгода.)

В общественном сознании бездомный человек — чаще всего мужчина, что не до конца верно. Подобный стереотип и его воспроизведение негативно сказывается и на работе НКО, оказывающих социальные услуги бездомным людям, поскольку отдельное пространство для женщин порой не продумывается функционально. Показателен пример гендерно-нейтральной карантинной комнаты в одном из приютов, создающий некомфортные и небезопасные условия для женщин, находящихся в организации:

«И: *Получается, женщины вместе с мужчинами находятся?*
Р: *Это большой-большой минус. Потому что, например, если девочка когда-нибудь попала в такую ситуацию, то как-то нужно, ну, как-то ей завешиваться, переодеваться проблемно, там туалет. Ну, в общем, как бы и ночью же камеры пишут, они пишут, там всё светится, но всё равно немножко, так, ну, немножко некомфортно. Как говорится "c'est la vie". Вот, у нас есть вот эти 700 квадратов, на которых мы вот может быть, немножко упустили, забыли эту деталь. У нас женщин мало, есть одна женская комната, и если, например, женщины с инвалидностью, вы сейчас увидите, они там живут, проживают вместе с мужчинами, потому что, ну, комнаты общие, мест мало».* (Сотрудница НКО.)

Женщина на улице находится в крайне уязвимом положении, поскольку всегда есть крайне высокий риск оказаться жертвой сексуального насилия. За время работы, мне удалось поговорить лишь с одной женщиной, находящейся в ситуации уличной бездомности, на кормёжке. На вопрос «где вы ночуете?», информантка ответила: «Бывало на вокзале оставалась, но с осторожностью», а на вопрос «Как Вы узнали о сервисе?» был дан следующий ответ:

«Мне ещё до того как эту бумажку дали, подвернулись ребята, которые предложили эту помощь. На Курском вокзале они были, где кормят. Ну так разговорилися, нормальные ребята, вообще, крутятся тут как могут. Ну они меня не обижают, с уважением относятся». (Бездомная женщина, стаж бездомности несколько недель.)

Особое упоминание осторожности, а также отдельный акцент на том, что мужчины-бездомные её «не обижают», наталкивают на мысль о том, что даже в, казалось бы, безопасных публичных местах, где есть охрана, бездомные женщины не чувствуют себя защищённо. Особенно бездомные женщины стараются выглядеть «как все», избегая типичных признаков бездомности, например, за счет чистой одежды и тела:

«На днях вот мылась в „Ангаре“ [социальная служба „Ангар спасения“] в Москве , я постирала эти штаны, прямо мокрые даже одела, думаю лучше мокрые, но чистые одену. И бельё тоже постирала и сразу отжала хорошо и надела, зато чистые». (А. бездомная, стаж бездомности несколько недель.)

Когда женщина оказывается в ситуации уличной бездомности, перед ней встает выбор, касающийся стратегии выживания — либо выживать в одиночку, либо найти мужчину / группу других бездомных, которые могут предоставить некую защиту [Casey, Goudie, Reeve, 2008; Кузинер, 2020]. Ради собственной безопасности и независимости бездомные женщины могут отказаться от компании, но тогда место для ночевки в одиночестве должно быть крайне укромным и недоступным для других:

«Женщины стараются ещё больше изолироваться. У нас была история про женщину, которая жила буквально, ну и, кстати, не она одна так делает, многие так делают. Она жила буквально в туалете в вокзале. Потому что в электричке небезопасно, на улице небезопасно, больше негде, где жить. Туалет на вокзале — одно из самых безопасных мест. Там неудобно. Но зато вот такое место». (Ю., сотрудник благотворительной организации.)

Выводы

Резюмируя, вслед за Дунканом городское пространство можно разделить на «маргинальные» и «основные» места. «Маргинальные» пространства являются таковыми в силу того, что не представля-

ют особой ценности для горожан. За счет своей «ничейности», присутствие бездомного человека в таком пространстве не вызывает недовольства со стороны местных жителей. К «маргинальным» пространствам в Москве чаще всего можно отнести места ночлега бездомных людей (отдаленные парки, подвалы, чердаки), а также некоторые места проведения досуга, непатрулируемые полицией. Однако, пространственный мир бездомного не ограничивается лишь «маргинальными» местами в городе. Для того чтобы выжить, бездомный выходит в «основное» пространство города. Некоторые «основные» пространства, например, такие как вокзалы, аэропорты, торговые центры, толерантны к бездомным, поскольку являются «не-местами», с которыми жителями не ассоциируют свою личность и ощущают себя лишь временными посетителями. В связи с этим в «не-местах» горожане не чувствуют распространения стигмы от бездомного человека.

К другим «основным» местам, имеющим большое значение для бездомных, относятся места с отличным от общегородского либерально-демократического рыночного порядка. Такими местами являются церковные территории, где доминирует христианский порядок «естественного права» равенства людей перед Богом, публичные библиотеки, где доминирует моральный порядок равенства посетителей в доступе к знаниям, и питейные заведения, где равенство обеспечивается за счет атмосферы карнавализации.

Также важным для рассмотрения является аспект мобильности бездомных в городском пространстве. Мобильность во многом зависит от темпоральности жизни бездомного человека, которая заметно отличается от темпоральности «домашних» людей. В первую очередь, из-за короткого горизонта планирования темпоральность жизни бездомного носит цикличный характер в пределах дня. Также в силу отсутствия крова над головой, на жизнь уличных бездомных людей в городе влияет цикл сезонов года. Так, в холодное время года бездомные люди могут уходить в рабочие дома, трудовые общины при храмах или же возвращаться в свои родные населённые пункты. Мобильность бездомных в городе зависит как от их личных потребностей, так и от расположения сервисов в городе, где они могут получить нужные им ресурсы. Однако, мобильность может также служить и тактикой выживания, как, например, в случае ночлега в общественном городском транспорте или же в междугородней электричке.

Гендерная специфика в пространственном аспекте бездомности зачастую не проявляется, поскольку одной из стратегий выживания женщин на улице служит поиск защиты от мужчины или группы мужчин, что стирает какие-либо различия в пространственном распределении. Но, если женщина решает находиться на улице в одиночку, то главными атрибутами мест нахождения должны быть укромность и недоступность.

Дискуссия

Для комплексного понимания проблемы не стоит ограничиваться лишь качественными методами исследования. Так, например, интересно изучение проблемы бездомности с помощью ГИС-инструментов, поскольку ГИС позволяет улучшить понимание географического распределения бездомных и факторов, влияющих на их передвижение и доступ к услугам [Semborski et al., 2022]. На данный момент ГИС остается инновационным методом в социальных науках, однако который требует критического применения для получения значимых результатов.

В качестве эксперимента с портала «Наш город Москва» были собраны более 11 тысяч жалоб за период с декабря 2016 года по декабрь 2023 года в категории «незаконное проживание мигрантов в местах общего пользования многоквартирного дома». Далее были отсортированы лишь те, в которых упоминались такие категории как «бомж» «бездомный», «бродяга», «лицо без определенного места жительства».

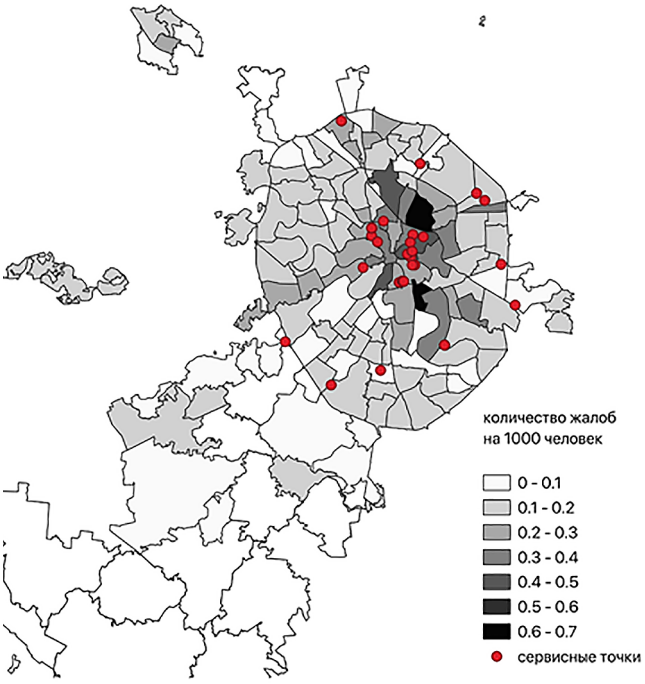

Рис. 1. Распределение жалоб на бездомных людей по административным районам Москвы с портала «Наш город Москва»

В финальном наборе осталось 1970 жалоб. Далее, жалобы были визуализированы по административным районам Москвы.

Несмотря на наибольшую видимость бездомных в центре города, наиболее популярными районами для ночлега в местах общего пользования многоквартирного дома являются районы за пределами Садового кольца (Южнопортовый, Сокольники). Также место ночлега бездомных не зависит однозначно от расположения точек оказания сервиса. Однако для осмысленной интерпретации полученных результатов требуется дальнейшая углубленная работа.

Не менее интересно также расширение географии исследования, поскольку сравнение условных «карт мест бездомности» разных городов друг с другом могло бы пролить свет на институциональные различия городов, а также выявить другие аспекты пространственного распределения бездомности, незаметные в рамках одного мегаполиса.

Литература

1. *Антонова, Н. С.* К характеристике причин бездомности в современной России // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 220–224.
2. *Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990.
3. *Белова, Н.* Бомжи сообщили, что их отправляют в спецлагеря перед чемпионатом мира // Московский комсомолец. 06.06.2018 [Online] <https://www.mk.ru/sport/2018/06/06/bomzhi-soobshhili-chto-ikh-otpravlyayut-v-speclagerya-pered-chempionatom-mira.html> [Дата обращения] 02.06.2024.
4. *Бурдье, П.* Различение: социальная критика суждения // Экономическая социология. 2005. №3. С. 33.
5. В Москве прошёл первый чемпионат по футболу среди бездомных людей // Агенство социальной информации. 14.06.2018. [Online] <https://asi.org.ru/news/2018/06/14/chempionat-po-futbolu-bezdomnye/> [Дата обращения] 02.06.2024.
6. *Дуглас, М.* Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу. М.: Канон-пресс-Ц; Кучково поле, 2000.
7. *Жеребкина, В. Ф., Лапшина, Л. М.* Самоотношение и копингстратегии бездомных людей // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2016. № 4. С. 127–132.
8. *Зиннуров, А. А.* Актуальность проблемы бездомности для российского общества и пути её решения // Стратегии развития общества и социальная работа. Ростов-на-Дону: 2023. С. 283–289.
9. *Иманкулова, Е. В.* Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века // Человек в мире культуры, 2012. № 1. С. 12–19.
10. *Кирсанова, К. С.* Сущность проблемы бездомности в России, пути и методы её решения // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2020. № 1. С. 132–135.

11. *Клюева, Н.Ю.* Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал. 2011. № 41. С. 15–19.
12. *Коваленко, Е., Строкова, Е.* Бездомность: есть ли выход // М.: Фонд «Институт экономики города, 2010. Т. 128.
13. *Кузинер, Е.Н.* «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. Т.158. № 4. С. 273–298.
14. *Метелева, Е. и др.* Решение проблемы бездомности: модель социальной адаптации и ресоциализации лиц без определенного места жительства в регионе // Вопросы государственного и муниципального управления. 2022. № 1. С. 170–192.
15. *Молчанов, А.А.* Бездомность в России: комплексный анализ и технология профилактики // Отечественный журнал социальной работы. 2007. № 4. С. 43–52.
16. *Низиньковская, В.В.* Пути и методы решения проблемы бездомности в России // Актуальные проблемы современной науки: теория и практика. М.: 2020. С. 422–424.
17. *Оже, М.* Неместа. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое Литературное Обозрение, 2017.
18. *Ордиянц, А.Ю., Демидова, Т.Е.* Проблема бездомности в России: причины и следствия // Новая наука: история становления, современное состояние, перспективы развития: сборник статей. Волгоград: 2017. С. 202.
19. *Петренко, С.С.* Психологический портрет лиц без определённого места жительства. Нефтекамск: Научно-издательский центр «Мир науки», 2017.
20. *Платонова, Н.М.* Бездомность в современной России: причины и следствия // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 56–60.
21. *Полонский, И.* ЧМ-2018:Бомжей и проституток опять отправят за 101-й километр // Свободная пресса. 19.05.2018 [Online] <https://svpressa.ru/sport/article/200558/> [Дата обращения] 02.06.2024.
22. Сколько бездомных людей в России: исследование Validata // «Ночлежка». 09.12.2022. [Online] <https://homeless.ru/news/skolko_bezdomnykh_lyudey_v_rossii_issledovanie_validata/> [Дата обращения] 14.06.2024.
23. *Уфимцева, Е.И.* Социальные модели преодоления бездомности: российская практика // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2017. Т. 17. № 3. С. 291–297.
24. *Фуко М.* Рождение биополитики. СПб.: Наука, 2010.
25. *Харисова, А.В.* Дом как путь «к себе» в философии М. Хайдеггера и Э. Левинаса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2007. №3. С. 224.
26. *Цацура, Е.А., Клюева, Н.Ю.* Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. Т.168. № 2. С. 409–429.
27. *Чеснокова, Л.В.* Концепт Heim (дом, домашний очаг): убежище от экзистенциального страха в немецкой культуре // Философия и культура. 2014. № 5. С. 723.
28. *Чеснокова, Л.В.* Феномен жуткого: опыт философской рефлексии Фрейда и Хайдеггера // Тамбов: Манускрипт. 2016. Т. 66. №4 С. 214.
29. *Amore, K., Baker, M., Howden-Chapman, P. T*he ETHOS definition and classification of homelessness: an analysis // European Journal of Homelessness. 2011. Vol. 5. No. 2.

30. *Bourdieu, P.* The weight of the world. Vol. 217. Cambridge: Polity Press, 1999.
31. *Casey, R., Goudie, R., Reeve, K.* Homeless women in public spaces: Strategies of resistance // Housing Studies. 2008. Vol. 23. No. 6. P. 899–916.
32. *Duncan, J. S.* Men Without Property: The Tramp's Classification and Use of Urban Space // The Urban Sociology Reader. New York: Routledge, 2012. P. 225–233.
33. *Goffman, E.* Stigma: Notes on the management of spoiled identity. New York: Simon and Schuster, 2009.
34. *Hombs, M.E., Snyder, M.* Homelessness in America: A forced march to nowhere // Community for creative non-violence. 1983. No. 39.
35. *Jackson, E.* Fixed in mobility: Young homeless people and the city // International Journal of Urban and Regional Research. 2012. Vol. 36. No. 4. P. 725–741.
36. *Jacobs, K., Kemeny, J., Manzi, T.* The struggle to define homelessness: A constructivist approach // Homelessness: Public policies and private troubles. 1999. P. 11–28.
37. *Kawash, S.* The homeless body // Public culture. 1998. Vol. 10. No. 2. P. 320.
38. *Koprowska, K. et al.* Condemned to green? Accessibility and attractiveness of urban green spaces to people experiencing homelessness // Geoforum. 2020. Vol. 113. P. 1–13.
39. *Lancione, M. et al.* How is homelessness // European Journal of Homelessness. 2013. Vol. 8. No. 2.
40. *Lofland, L.H.A* World of Strangers; Order and Action in Urban Public Space. San Francisco: University of California Press, 1971.
41. *Lee, B.A., Price-Spratlen, T., Kanan, J. W.* Determinants of homelessness in metropolitan areas // Journal of Urban Affairs. 2003. Vol. 25. No. 3. P. 335–356.
42. *Liamputtong, P.* Researching the vulnerable: A guide to sensitive research methods. London: SAGE Publications, 2006.
43. *Macpherson, C.B.* Democratic theory: Essays in retrieval // Philosophical Review. 1973. Vol. 84. No. 2.
44. *Mead, G.H.* Mind, Self and Society. / Ed. by CW Morris. Chicago: The University of Chicago Press, 1975.
45. *Park, R.E.* The urban community as a spatial pattern and moral order // Urban social segregation. 1926. P. 21–31.
46. *Rubinstein, J.* City Police. New York: Farrar, Staus, and. Giroux, 1973.
47. *Russell, B.G.* Silent sisters: An ethnography of homeless women. New York: Routledge, 2013.
48. *Semborski, S. et al.* The application of GIS in homelessness research and service delivery: A qualitative systematic review // Health & place. 2022. Vol. 75.
49. *Snow, D.A., Anderson, L.* Down on their luck: A study of homeless street people. California: University of California Press, 1993.
50. *Stephenson, S.* Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. New York: Routledge, 2017.
51. *Sutherland, E.H., Locke, H.J.* Twenty thousand homeless men: A study of unemployed men in the Chicago shelters. New York: Arno Press, 1936.
52. *VanderStaay, S.* Street lives: An oral history of homeless Americans. British Columbia: New Society Publishers, 1992.
53. *Wardhaugh, J.* Homeless in Chinatown: deviance and social control in cardboard city // Sociology. 1996. Vol. 30. No. 4.
54. *Wolch, J.R., Rahimian, A., Koegel, P.* Daily and periodic mobility patterns of the urban homeless // The Professional Geographer. 1993. Vol. 45. No. 2. P. 159–169.

Alina Viven Shults

In the Shadow of the Metropolis: Ways of Using Urban Space by Homeless People (Using the Example of Moscow)

Alina Viven Shults — Urban Planning Student, Faculty of Urban and Regional Development, National Research University Higher School of Economics. **Address:** Moscow, 20, Myasnitskaya St. **E-mail:** aedrozdova_1@edu.hse.ru. **ORCID:** https://orcid.org/0009-0008-7900-9839.

Abstract: Homelessness is a serious problem for many large Russian cities. However, the Russian homelessness research landscape mainly focuses on socio-psychological aspects, while the relationship between homelessness and the urban environment remains poorly understood. The purpose of this study is to comprehend the spatial aspect of homelessness in Moscow, to identify and analyse ways of using urban space by homeless people. The main objectives include collecting and analysing interviews with homeless people and employees of organisations, identifying categories of places preferred by homeless people, and studying the influence of weather conditions, time of day and season on the choice of places to stay. The research was conducted using qualitative methods, including expert interviews with staff of non-profit organisations and semi-structured interviews with homeless people. For the purposes of the study, 'homelessness' refers to the street form of homelessness categorised by ETHOS as 'people living on the street'. One of the key findings of the study is the identification of the so-called 'main' and 'marginal' spaces of the city, as well as places with different 'moral orders' that attract homeless people. The article also considers the temporal and spatial distribution of homeless people in the urban environment. Special attention is paid to gender aspects of homelessness, vulnerable position of women-homeless people and their survival strategies.

Keywords: homelessness, urban environment, moral order, "non-places», "prime" and "marginal" spaces

References

1. *Amore, K., Baker, M., Howden-Chapman, P.* (2011). The ETHOS definition and classification of homelessness: an analysis // European Journal of Homelessness. Vol. 5. No. 2.
2. *Antonova, N.S.* (2009). On the characterization of the causes of homelessness in modern Russia // Bulletin of the Buryat State University. No. 5. P. 220–224. (In Russ.)
3. *Auger, M.* (2017). Non-places. Introduction to the anthropology of Hypermodernism. Moscow: New Literary Review. (In Russ.)
4. *Bakhtin, M.M.* (1990). The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Hudojestvennaya Literatura. (In Russ.)
5. *Belova, N.* (2018). The homeless reported that they were being sent to special camps before the World Cup // Moskovsky Komsomolets. 06.06. [Online] <https://www.mk.ru/sport/2018/06/06/bomzhi-soobshhili-chto-ikh-otpravlyayut-v-speclagerya-pered-chempionatom-mira.html> [Date of access] 02.06.2024. (In Russ.)

6. *Bourdieu, P.* (2005). Distinction: a social critique of judgment // Economic Sociology. No.3. P. 33. (In Russ.)
7. *Bourdieu, P.* (1999). The weight of the world. Vol. 217. Cambridge: Polity Press.
8. *Casey, R., Goudie, R., Reeve, K.* (2008). Homeless women in public spaces: Strategies of resistance // Housing Studies. Vol. 23. No. 6. P. 899–916.
9. *Chesnokova, L. V.* (2014). The concept of Heim (home, hearth): a refuge from existential fear in German culture // Philosophy and Culture. No. 5. P. 723. (In Russ.)
10. *Chesnokova, L. V.* (2016). The phenomenon of the creepy: the experience of philosophical reflection of Freud and Heidegger // Manuscript. Vol 66. No.4–1. p. 214. (In Russ.)
11. *Douglas, M.* (2000). Purity and danger: An analysis of ideas about desecration and taboo. Moscow: Canon-press-C; Kuchkovo Pole. (In Russ.)
12. *Duncan, J. S.* (2012). Men Without Property: The Tramp's Classification and Use of Urban Space // The Urban Sociology Reader. New York: Routledge. P. 225–233.
13. *Goffman, E.* (2009). Stigma: Notes on the management of spoiled identity. New York: Simon and Schuster.
14. *Hombs, M. E., Snyder, M.* (1983). Homelessness in America: A forced march to nowhere // Community for creative non-violence. No. 39.
15. How many homeless people are in Russia: a Validata study (2022) // «Nochlezhka». 09.12. [Online] <https://homeless.ru/news/skolko_bezdomnykh_lyudey_v_rossii_issledovanie_validata/> [Date of access] 14.06.2024. (In Russ.)
16. *Imankulova, E. V.* (2012). Transformation of the concept of purity in the culture of Russia of the XX century. // Man in the world of culture. No. 1. P. 12–19. (In Russ.)
17. *Jackson, E.* (2012). Fixed in mobility: Young homeless people and the city // International Journal of Urban and Regional Research. Vol. 36. No. 4. P. 725–741.
18. *Jacobs, K., Kemeny, J., Manzi, T.* (1999). The struggle to define homelessness: A constructivist approach. // Homelessness: Public policies and private troubles. P. 11–28.
19. *Kawash, S.* (1998). The homeless body // Public culture. Vol. 10. No. 2. P. 320.
20. *Kharisova, A. V.* (2007). House as a way «to oneself» in the philosophy of M. Heidegger and E. Levinas. // Bulletin of St. Petersburg University. International Relations. No.3. P. 224 (In Russ.)
21. *Kirsanova, K. S.* (2020). The essence of the problem of homelessness in Russia, ways and methods of its solution // Science of the XXI century: current directions of development. No. 1. P. 132–135. (In Russ.)
22. *Klyueva, N. Y.* (2011). Psychology of the homeless and homelessness // Siberian Psychological Journal. No. 41. P. 15–19. (In Russ.)
23. *Koprowska, K. et al.* (2020). Condemned to green? Accessibility and attractiveness of urban green spaces to people experiencing homelessness // Geoforum. Vol. 113. P. 1–13.
24. *Kovalenko, E., Strokova, E.* (2010). Homelessness: is there a way out // Foundation "Institute of City Economics". Vol. 128. (In Russ.)
25. *Kuziner, E. N.* (2020). «I'm going home, home means to the basement»: everyday practices and strategies for the survival of homeless women // Monitoring public opinion: economic and social changes.. №. 4 Vol. 158. P. 273–298. (In Russ.)
26. *Lancione, M. et al.* (2013). How is homelessness // European Journal of Homelessness. Vol. 8. No. 2.
27. *Lofland, L. H. A* (1971). World of Strangers; Order and Action in Urban Public Space. San Francisco: University of California Press,.
28. *Lee, B. A., Price-Spratlen, T., Kanan, J. W.* (2003). Determinants of homelessness in metropolitan areas. // Journal of Urban Affairs. Vol. 25. No. 3. P. 335–356.

29. *Liamputtong, P.* (2006). Researching the vulnerable: A guide to sensitive research methods. London: SAGE Publications.
30. *Macpherson, C.B.* (1973). Democratic theory: Essays in retrieval // Philosophical Review. Vol. 84. No. 2.
31. *Mead, G. H.* (1975). Mind, Self and Society. / Ed. by CW Morris. Chicago: The University of Chicago Press.
32. *Meteleva, E. et al.* (2022). Solving the problem of homelessness: a model of social adaptation and re-socialization of persons without a fixed place of residence in the region // Issues of state and municipal management. No. 1. P. 170–192. (In Russ.)
33. *Molchanov, A.A.* (2007). Homelessness in Russia: a comprehensive analysis and prevention technology // Domestic Journal of Social Work. No. 4. P. 43–52. (In Russ.)
34. *Nizinkovskaya, V.V.* (2020). Ways and methods of solving the problem of homelessness in Russia // Actual problems of modern science: theory and practice. P. 422–424. (In Russ.)
35. *Ordiyants, A.Yu., Demidova, T.E.* (2017). The problem of homelessness in Russia: causes and consequences // New Science: history of formation, current state, development prospects: collection of articles. P. 202. (In Russ.)
36. *Park, R.E.* (1926). The urban community as a spatial pattern and moral order // Urban social segregation. P. 21–31.
37. *Petrenko, S.S.* (2017). Psychological portrait of persons without a fixed place of residence. Scientific Publishing Center «World of Science». (In Russ.)
38. *Platonova, N.M.* (2009). Homelessness in modern Russia: causes and consequences // Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. Vol. 11. No. 1. P. 56–60. (In Russ.)
39. *Polonsky, I.* (2018). World Cup 2018:Homeless people and prostitutes will be sent back for the 101st kilometer // Free Press. 19.05. [Online] <https://svpressa.ru/sport/article/200558/> [Date of access] 02.06.2024. (In Russ.)
40. *Rubinstein, J.* (1973). City Police. New York: Farrar, Staus, and. Giroux.
41. *Russell, B.G.* (2013). Silent sisters: An ethnography of homeless women. New York: Routledge.
42. *Semborski, S. et al.* (2022). The application of GIS in homelessness research and service delivery: A qualitative systematic review // Health & place. Vol. 75.
43. *Snow, D.A., Anderson, L.* (1993). Down on their luck: A study of homeless street people. California: University of California Press.
44. *Stephenson, S.* (2017). Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. New York: Routledge.
45. *Sutherland, E.H., Locke, H.J.* (1936). Twenty thousand homeless men: A study of unemployed men in the Chicago shelters. New York: Arno Press.
46. The first football championship among homeless people was held in Moscow (2018) // Social Information Agency. 14.06. [Online] <https://asi.org.ru/news/2018/06/14/chempionat-po-futbolu-bezdomnye/> [Date of access] 02.06.2024. (In Russ.)
47. *Tsatsura, E.A., Klyueva, N.Y.* (2022). Socio-demographic characteristics, living conditions and needs of people in the situation of homelessness in Moscow // Monitoring public opinion: economic and social changes. Vol.168. №. 2. P. 409–429. (In Russ.)
48. *Ufimtseva, E.I.* (2017). Social models of overcoming homelessness: Russian practice // Proceedings of the Saratov University. A new series. The Sociology series. Political Science. Vol. 17. No. 3. P. 291–297. (In Russ.)
49. *Foucault M.* (2010). The Birth of Biopolitics. St. Petersburg: Nauka. (In Russ.)
50. *VanderStaay, S.* (1992). Street lives: An oral history of homeless Americans. British Columbia: New Society Publishers,.

51. *Wardhaugh, J.* (1996). Homeless in Chinatown: deviance and social control in cardboard city // Sociology.. Vol. 30. No. 4. P. 704
52. *Wolch, J. R., Rahimian, A., Koege,l P.* (1993). Daily and periodic mobility patterns of the urban homeless. // The Professional Geographer. Vol. 45. No. 2. P. 159–169.
53. *Zherebkina, V. F., Lapshina, L. M.* (2016). Self-attitude and coping strategies of homeless people // Bulletin of the South Ural State Humanitarian Pedagogical University. No. 4. P. 127–132. (In Russ.)
54. *Zinnurov, A. A.* (2023). The relevance of the problem of homelessness for Russian society and ways to solve it // Strategies for the development of society and social work. P. 283–289. (In Russ.)

Л. В. Яхно

Общественное пространство для бездомных: образ Курского вокзала в Москве

Лина Вячеславовна Яхно — магистр Высшей школы урбанистики им. А. А. Высоковского ФГРР НИУ ВШЭ. **Адрес:** 101000, Москва, Мясницкая, д. 13, стр. 4. **Электронная почта:** lina-yakhno@yandex.ru.

Аннотация: Городские общественные пространства часто концептуализируются как открытые и доступные для всех пользователей. Фактически современные общественные пространства приватизируются и коммерциализируются, на их территории действуют формальные или неформальные ограничения на доступ и режимы использования территории. Эти процессы приводят к исключению из пользования такими пространствами ряда социальных групп, в том числе маргинализированных, которые не способны реализовать запланированное поведение или создают препятствия для его реализации другими группами пользователей.

Интересы исключенных групп, в частности, людей в ситуации бездомности, при этом редко принимаются в расчет при территориальном планировании, однако, в жизнях бездомных людей городские общественные пространства играют ключевую роль. В то же время в российском академическом дискурсе мало что известно об опыте взаимодействия бездомных с общественными пространствами города и их запросах к таким пространствам. Мы на примере Курского вокзала в Москве предприняли попытку изучить этот опыт через географические образы, сопоставляя их с образами не являющихся бездомными.

Хотя мы и можем выделить некоторые сходные черты в образах Курского вокзала у бездомных и не являющихся бездомными, обоснование этих черт различно и во многом связано с проживаемым на территории опытом, который отличен у представителей двух групп. Для бездомных ключевую роль в восприятии территории играют возможности реализации базовых потребностей, которые обеспечиваются не только вокзалом, но и социальными организациями: через них обозначают границы, качество их сервисов и отношения с сотрудниками задают образы. Для бездомных характерно описание территории через ее функции и сервисы, а не, например, физические особенности среды. При этом безопасности территории отводится более значимая роль, чем её комфорту. Редкие высказывания о комфорте также напрямую связаны с безопасностью, угрозой здоровью.

Ключевые слова: географический образ, бездомность, бездомность в городе, пространственное восприятие бездомных

Для цитирования: *Яхно, Л. В.* Общественное пространство для бездомных: образ Курского вокзала в Москве // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 42–69.

В Москве в 2021 г. по различным источникам насчитывалось от 6,7 до 475 тыс. человек, находящихся в ситуации бездомности, и эксперты ожидают дальнейшего увеличения численности бездомных людей [Сколько бездомных..., 2022; В России..., 2022; Число бездомных..., 2023]. Даже при наиболее оптимистичных и нереалистичных данных вместимость социальных организаций Москвы, не превышающая 1 тыс. мест, не позволяет обеспечить ночлегом и/или временным местом проживания всех. В то же время нельзя говорить о возможности сопоставимого роста числа организаций, работающих с бездомными, и их обслуживающей способности. Можем предполагать, что в этом случае большая доля бездомных будет проводить повседневную жизнь в общественных пространствах города.

При этом функции общественного пространства для бездомного человека отличаются от тех, что ожидает от них человек, не являющийся бездомным. Часто бездомные переносят практики, ассоциированные с частными пространствами (например, сон или гигиену), за неимением доступа к ним в общественные пространства [Bergamaschi, Castrignanò & De Rubertis, 2014]. Не являющиеся противоправными, такие практики в общественных местах могут восприниматься как угроза общественному порядку, девиантное поведение, и пресекаться сотрудниками правоохранительных органов [Mitchell, 1997; Herring, 2019; Johnsen, 2010]. С ужесточением полицейского контроля и введением законодательных ограничений на определенные виды деятельности ряд социальных групп, в том числе маргинализированных, оказываются исключенными из пользования общественными пространствами.

Пребывание бездомных в общественных пространствах вызывает негативные чувства у других его пользователей: дискомфорт, страх и отвращение — а около пятой части людей считают, что бездомные часто совершают преступления [Большинство россиян..., 2022; Отношение к бездомным..., 2019].

Вышеперечисленные факторы: увеличение числа бездомных, вынужденно пребывающих в общественных пространствах, отличный от стандартного набор функций, ожидаемых бездомными от общественных пространств, негативное отношение других горожан к контакту с бездомными могут привести к столкновению интересов, которое может вылиться в городской конфликт. Одними из наиболее ярких примеров этому в Москве могут служить конфликты, возникшие между «Ночлежкой» и жителями Савеловского и Бегового районов в 2018 и 2020 гг. Во втором конфликте сотрудники «Ночлежки» при выборе помещения для приюта заранее пообщались со всеми заинтересованными сторонами, чтобы исключить нарушение их интересов. В данном кейсе мы можем наблюдать внимание к потребностям всех задействованных групп населения, в том числе и бездомных: «Ночлежка» выбрала локацию в шаговой доступности от станций метро, а также вблизи

двух ж/д вокзалов [Пандемия «помогает»..., 2020]. Такая попытка могла бы снизить уровень пространственной исключённости бездомных в Москве, отмеченный А. Варсопко [Варсопко, 2017]. Однако, помимо территориальной доступности, в российском контексте мало что известно о запросах бездомных к городу, общественным пространствам и их опыте взаимодействия с городским пространством.

Российские исследователи в большей степени сфокусированы на институциональных аспектах бездомности, лишь несколько работ посвящено непосредственно практикам бездомных. М. В. Мельников на основе анализа публикаций зарубежных исследователей выделил лакуны в знании пространственных аспектов бездомности, среди которых «индивидуальный опыт бездомных при освоении ими общественных пространств» [Мельников, 2018].

Мы в этом исследовании постараемся, с одной стороны, закрыть эту лакуну и изучить опыт бездомных людей через географический образ территории, с другой — определить различия в опыте бездомных и не являющихся бездомными, проявляющиеся в создаваемых ими образах территории. Курский вокзал в Москве выбран в качестве объекта исследования, потому что, во-первых, вокзалы часто используются бездомными Москвы для ночлега [Цацура, Клюева, 2022], во-вторых, в окрестностях Курского вокзала сосредоточено большое число организаций, работающих с бездомными, что позволит обеспечить эмпирическую базу исследования.

Теоретические основы исследования

Образ места и опыт взаимодействия с пространством

Под образом места или географическим образом будем понимать совокупность представлений, символов, смыслов и стереотипов о территории, закрепленных в сознании индивида [Замятин, 2010; Замятин, 1999]. Географическим образом может быть любой объект, который ассоциируется у носителя образа с неким географическим пространством и используется для описания, характеристики этого пространства [Замятин, 2010].

Географический образ может быть обусловлен особенностями индивида (социально-демографическими, ментальными, его состоянием и настроением в момент восприятия, предыдущим опытом), культурной группы, эпохи. Под воздействием этих факторов индивид использует для описания имеющегося у него образа места определенный набор языковых символов, выбирает определенные элементы из окружения и наделяет их особым смыслом [Tuan, 1975;

Голд, 1990; Замятина, 2001]. В связи с этим образы пространства могут быть отличными у разных наблюдателей. В то же время представители групп, однородных по некоторому признаку, например, возрасту, полу, роду занятий, культурному бэкграунду, личностным особенностям, могут иметь схожее восприятие мира. Значит, в их индивидуальных образах могут прослеживаться общие черты, из которых можно сформировать групповой образ [Линч, 1982].

Не только опыт взаимодействия с пространством влияет на формируемый образ, но и наоборот: сложившиеся в сознании индивида образы могут определять его практики на территории. Пространственные практики представляют собой поведенческие паттерны горожан в городском пространстве, включают выбор ими занятия в городе и способа его реализации [Lefebvre, 1991].

Признаки общественных пространств и их эволюция

В городском планировании общественные пространства традиционно воспринимались как открытые пространства, например, улицы, парки, площади, находящиеся в собственности и под управлением государства. Общественные пространства в таком ключе обычно противопоставлены пространствам частным – жилищу и месту работы.

В социальных науках общественное пространство концептуализируется иначе: не через право собственности на территорию, а через формы общественных отношений, возникающих на территории. В общественных пространствах собираются некие общности людей [Вахштайн*, 2021], не занятых производственной деятельностью [Глазычев, 2009], а встречающихся целенаправленно или случайно для обсуждения и решения вопросов, общих для сообщества, к которому они принадлежат [Arendt, 1958; Habermas, 1989]. Такая функция требует свободного доступа к общественным пространствам, а эта их доступность включает как физическую [Madanipour, 1999; Benn & Gauss, 1983; Kohn, 2004; Zukin, 1995], так и психологическую, то есть осознаваемую самими пользователями [Joseph 1998; Varna & Tiesdell, 2010; Staeheli & Mitchell, 2008]. При такой концептуализации общественным пространством будем считать пространство с не закрытым доступом, не требующее принадлежности к определенному сообществу, чтобы иметь возможность безопасно и разнообразно им пользоваться.

С 1960-х гг. стал возможным переход общественного пространства в собственность или под управление частного лица — правовая приватизация. Так, к общественным пространствам, кроме открытых, стали относиться вокзалы, аэропорты, остановки общественного транспорта, станции метро, парковки, торговые центры. Этому сопутствовала и приватизация социальная — общественных отно-

шений, возникающих на территории, и «разрешенных» видов деятельности. Участие частного лица в собственности или управлении общественным пространством дало ему возможность накладывать ограничения на доступ тех или иных групп к пользованию общественным пространством [Luk, 2009].

Помимо приватизации общественных пространств, ограничения на доступ к ним и реализуемые практики может накладывать также и их коммерциализация — доминирование коммерческой функции. Вследствие этого формируются общественные пространства с ограниченным доступом, полупубличные. Они предполагают определенный тип поведения при их использовании, чаще потребительского, и исключают из доступа тех, кто не способен это поведение реализовать или может создать препятствия для тех, кто способен. Д. Митчелл назвал этот процесс минимизации присутствия негативных элементов, наркоторговцев, бродяг и бездомных, в общественных пространствах их «диснеификацией» [Mitchell, 1995].

Вокзалы, как и другие сооружения транспортной инфраструктуры, начинают служить не только транспортной функции, но приобретают многофункциональность и коммерциализируются: в них размещают магазины, кафе и рестораны [Doherty J. et al., 2008]. Помимо непосредственно транспортной и сопутствующей ей коммерческой функции, вокзалы приобретают некоторые характеристики общественных пространств. Вокзал как общественное пространство может использоваться для публичных мероприятий, например, проведения ярмарок или выставок, а также служить местом встреч [Zemp et al., 2011]. Однако полноценными общественными пространствами вокзалы не становятся, так как управляются частными лицами или принадлежат им и часто имеют ограничения на доступ и реализуемые в них практики [Tosi & Petrillo, 2006; Nissen et al., 2008].

Подобные процессы происходили и на Курском вокзале, когда после реконструкции 1968–1972 г. в здании вокзала были открыты ресторан, кафе и буфеты [Незнакомый Курский вокзал, 2018], а в 2008 г. был значительно увеличен объем коммерческих площадей, спроектированы зоны торговли, деловой активности, игровая зона для детей [Курский вокзал Москвы..., 2008].

Бездомные в общественных пространствах города

Несмотря на отсутствие в России законодательно закрепленного определения бездомного человека, лица без определенного места жительства упоминаются в ряде нормативно-правовых актов, обязательных к исполнению и добровольных. Каждый из документов содержит несколько отличающийся набор признаков бездомного:

отсутствие регистрации по месту проживания и/или пребывания, отсутствие занятий, бродяжничество. Для получения социальных услуг в государственных учреждениях Москвы обратившемуся также необходимо соответствовать критериям бездомности, но негосударственные организации не имеют такого требования, поэтому не все, кто получает услуги организаций, работающих с бездомными, формально ими являются.

Помимо физической бездомности, выраженной в отсутствии или неудовлетворительных условиях места для ночлега или проживания, существует также психологическая бездомность, связанная с восприятием себя как бездомного. Бездомность не заключается только в отсутствии дома в физическом или ментальном («чувство дома») воплощении, она также может включать бедность, плохое физическое или эмоциональное состояние здоровья, нарушенные социальные связи и их недостаточность, подконтрольность внешним силам, отсутствие приватности [Watson & Austerberry, 1986]. В нашей работе будем оперировать следующим определением человека, находящегося в ситуации бездомности: человек, пользующийся услугами организаций, работающих с бездомными, и определяющий себя как бездомного.

Часто государственные и негосударственные организации не имеют возможности охватить всех бездомных на территории их обслуживания и обеспечить их ресурсами, необходимыми для реализации повседневных практик. По этой причине бездомные зачастую реализуют свои повседневные практики доступными им способами и в доступных им пространствах городов. Однако внешний вид и поведение бездомных может выделять их из массы жителей города, мешать другим пользователям (или восприниматься как мешающие) и провоцировать их исключение из пользования общественными пространствами [Sennett, 2001].

Для большинства бездомных вокзалы являются важными местами, они используются как площадки для общения, попрошайничества, встреч с друзьями, ожидания поезда и пребывания, чтобы согреться [Kesselring et al., 2012]. Элементы системы общественного транспорта в целом также часто используются бездомными для реализации базовых потребностей, в основном, сна [Strauß, 2020] и транзита [Ding et al., 2022].

Актуальной информации об опыте пребывания бездомных на вокзалах в российской научной литературе немного. По данным благотворительной организации «Врачи без границ» в 1994–1995 гг. 44% бездомных Москвы ночевали на вокзалах, в 2006 г. — 18–21% [Коваленко, Федорец, 2006; Бездомность в современной..., 1996]. Согласно исследованию 2022 г., этот показатель уменьшился: 30% ночевали на вокзалах несколько раз, 10% ночуют регулярно [Цацура, Клюева, 2022]. Среди практик, которые реализуют бездомные на вокзалах, российские исследователи выделяют сон в зале ожидания, устрой-

ство на работу в работные дома, совершение преступлений с целью обеспечения выживания, гигиену [Стивенсон, 1996].

Особенности восприятия бездомными общественных пространств — тема, в меньшей мере разработанная в академической литературе. В основном, исследователи задаются вопросом о происхождении чувства дома у бездомных и практиках «одомашнивания» пространств, в которых живут бездомные [Watson & Austerberry, 1986; McCarthy, 2017; Nóżka, 2019; Rennels & Purnell, 2015; Johnsen et al., 2008; Кузинер, 2020]. В опыте взаимодействия бездомных с пространствами вокзалов изучалось лишь насколько бездомные чувствуют себя безопасно, при этом безопасность понималась скорее как степень угрозы стать жертвой преступления, однако, детально предпосылки этого чувства не изучались [Kesselring et al., 2011].

Методология эмпирического исследования

Ввиду того, что нам важно получить информацию о представлениях индивида о пространстве и его объяснение значения своих суждений, образ места будем изучать качественными методами, а именно посредством глубинного полуформализованного интервью [Голд, 1990]. Для выявления групповых образов Курского вокзала и их сопоставления были сформированы две выборки информантов, различающихся лишь по одному признаку — нахождение в ситуации бездомности. Невнимание к социально-демографическим, культурным и личностным особенностям информантов обусловлено тем, что нахождение в ситуации бездомности мы будем считать тем фактором, который определяет формирование некоторой общей картины мира у людей [Romney, Batchelder & Weller, 1986]. Для упрощения процесса выявления образов мы задали еще один критерий — частое пользование Курским вокзалом — предполагая, что больший опыт взаимодействия с объектом восприятия позволит информантам легче транслировать сформированный ими образ в разговоре. Границы территории исследования границы не были заданы информантам заранее, их просили самих обозначить, какие границы в их сознании имеет Курский вокзал.

Информантов из группы людей, находящихся в ситуации бездомности, искали через организации, работающие с бездомными и расположенные в окрестностях Курского вокзала. Для работы были выбраны организации «Дом друзей», специализирующаяся на оказании медицинской помощи людям, попавшим в трудную ситуацию, и инициатива Food Not Bombs, которая проводит раздачи горячей еды в сквере у наб. Академика Туполева.

Влияние нахождения в ситуации бездомности на образ Курского вокзала

Сопоставление опыта взаимодействия с Курским вокзалом у бездомных и не являющихся бездомными пользователей показывает, что в восприятии территории представителями этих групп есть как схожие, так и различные особенности. Однако даже схожие черты в образах чаще всего обусловлены разными факторами, связанными с пространственными практиками или особенностями восприятия пространства представителями групп.

Более обширный, чем только здание вокзала

Для обеих групп территория Курского вокзала имеет большую площадь, чем только здание вокзала. К ней относится различные наборы объектов, которые расположены вблизи и функционально связаны для пользователей с самим вокзалом (Рис. 1).

Не являющиеся бездомными при определении границ Курского вокзала относили к территории объекты, которые расположены

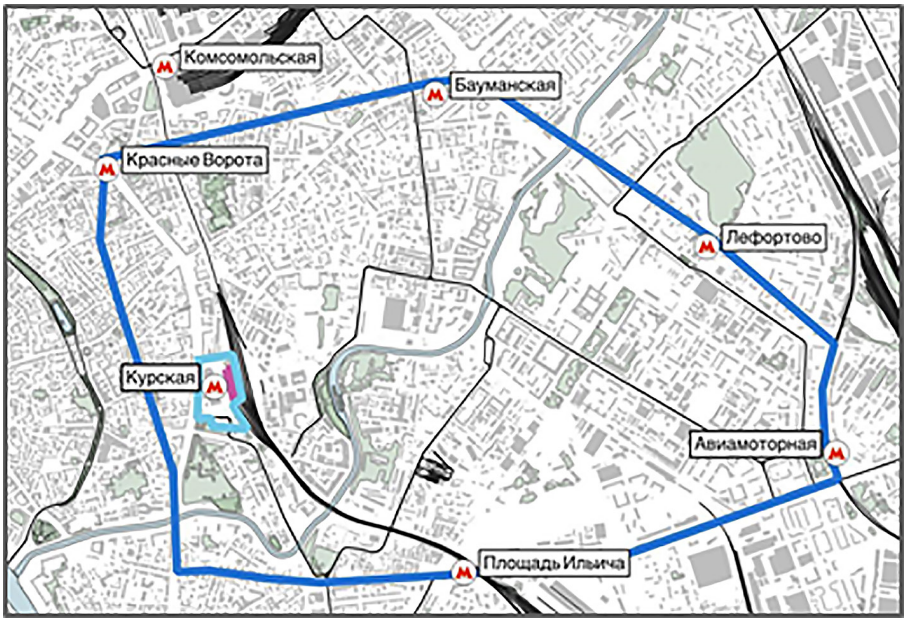

Рис. 1. Границы территории Курского вокзала в восприятии бездомных (синий контур) и не являющихся бездомными (голубой контур). Источник: составлено автором

поблизости: площадь перед зданием вокзала, ТЦ «Атриум», территории у входов на станции метрополитена, путь вдоль ж/д путей электропоездов Горьковского направления до Троицкого тоннеля и Верхний Сыромятнический сквер. Такое обозначение границ территории Курского вокзала связано с функциями, которые она выполняет для данной группы: транспортная и транзитная. Не являющиеся бездомными оказываются на территории целенаправленно, чтобы добраться до точки назначения вне её.

Для бездомных территория Курского вокзала значительно шире, к нему относится обширный участок, включающий территории нескольких административных районов (Басманный, Таганский и Лефортово) и ограниченный станциями метро Красные ворота, Бауманская, Лефортово, Авиамоторная и Площадь Ильича. Основной причиной этому служит то, что вокзалы и привокзальные территории являются площадками, где работают социальные организации, услугами которых пользуются информанты. В связи с этим у бездомных создается прочная ассоциация вокзалов с определенными организациями и они склонны включать в ареал территории вокзала еще и территории организаций, расположенных в относительной близости (чаще доступные пешком или на наземном общественном транспорте). Социальные организации могут задавать маршруты перемещения бездомных по территории, перенаправляя бездомного в другую организацию.

Значимый в городской инфраструктуре

Важной особенностью территории Курского вокзала для обеих групп информантов служит его интегрированность в городскую среду и связность с другими видами общественного транспорта: до него легко добраться различными видами транспорта и пешком, он расположен в центре города.

Для не являющихся бездомными Курский вокзал воспринимается преимущественно как элемент городской транспортной инфраструктуры. Они отмечают значимость его центрального местоположения и значимую роль в системе общественного транспорта. Курский вокзал, с одной стороны, выполняет функцию «ворот в город», потому что выйдя из него можно сразу попасть в центр, с другой — предстает несколько обособленным из-за визуального доминирования ТРЦ «Атриум».

Для бездомных пользователей Курского вокзала он служит многофункциональной территорией, позволяющей закрывать обширный набор потребностей, хотя сейчас и играет меньшую роль, чем это было раньше. Раньше залы ожидания вокзала использовались

многими бездомными для ночлега, сейчас эта практика применяется в исключительных случаях отсутствия возможности переночевать в другом месте. Чаще бездомные ночуют в электричках, в том числе отправляющихся с Курского вокзала, ночных автобусах, в приютах, у знакомых или в открытых общественных пространствах в теплое время года. С изменением ключевой функции вокзала продолжительность пребывания на нем бездомных сократилась, однако, в большей степени он все еще остается для них связанным с практической функциональностью. Несмотря на в целом ограниченный набор возможных для реализации практик в здании самого вокзала, так как бездомные относят к нему и социальные организации, расположенные поблизости, функционал территории включает и спектр услуг, предлагаемых данными организациями.

Бездомные используют территорию вокзала для удовлетворения базовых потребностей (сон, прием пищи, гигиена) и иных бытовых нужд (получение на раздачах одежды и иных предметов), рекреации (прогулки и отдых в залах ожидания, скверах и дворах жилых зданий), коммуникации (случайные или запланированные встречи со знакомыми), поиска работы, получения медицинской помощи (в том числе на раздачах медикаментов), получения юридических услуг или как транзитную зону для доступа к социальным организациям. Кроме того транспортная функция вокзала остается актуальной: информанты пользуются электропоездами для транзита, кратковременного отдыха или ночлега.

> *«Я тут каждый день бываю. А чем занимаюсь.. Телефон тут можно зарядить, туалет бесплатный, умыться можно. На кормежки я сюда прихожу. Так, еще в душ хожу в Ангар, на Николоямской он. Там и нижнее белье дают, и паспорт восстановить можно, билет могут купить. Еще постираться можно, это Дом друзей [в этом же здании находится Дезстанция №4, которую имел в виду информант]».* (Информант 4, мужчина, 43 года.)

«Сервисное» место

Стоит отметить и разный характер использования территории и сервисов Курского вокзала различными группами. Для не являющихся бездомными использование данной территории для реализации иных функций, чем транспортная и транзитная, скорее вынужденная мера, они стремятся сократить свое пребывание на территории вокзала и для удовлетворения других потребностей используют другие городские пространства. При выборе между зданием Курского вокзала и ТЦ «Атриум», например, чтобы воспользоваться туалетом,

поесть, купить продукты в дорогу или подождать отправления поезда, не являющиеся бездомными предпочтут последний.

Для бездомных использование территории Курского вокзала в некотором смысле тоже вынужденная мера, но по другой причине. Для не являющихся бездомными выбор в пользу Курского вокзала обусловлен невозможностью воспользоваться услугой альтернативного поставщика. Для бездомных альтернативных поставщиков услуги часто в принципе нет или существуют гораздо более сильные барьеры для доступа к альтернативе. Например, на Курском вокзале есть возможность бесплатно сходить в туалет, в то время как в ближайших заведениях общественного питания для доступа в туалет необходимо ввести код, напечатанный на чеке.

Предпочитаемый среди других вокзалов

При сравнении Курского вокзала с другими вокзалами Москвы не являющиеся бездомными часто не могли сделать выбор, однако, отмечали как положительные, так и отрицательные черты различных вокзалов. В их рассуждениях особое место занимали архитектурные особенности зданий вокзалов: Курский вокзал хотя и выделяется по стилю архитектуры, воспринимается серым и безликим, оторванным от истории и культуры, «*как аэропорт*». Курский вокзал «*более центральный*», более интегрированный в городскую ткань за счет его расположения у Садового кольца.

Для бездомных Курский вокзал был явно более предпочтительным среди других вокзалов Москвы. При этом чаще всего бездомные сопоставляли Курский вокзал с Площадью Трёх вокзалов и Белорусским вокзалом по причине большего опыта использования этих вокзалов среди других. Можно выделить две основные причины предпочтения Курского вокзала другим: меньшая концентрация бездомных в более низком социальном положении, «*асоциальных элементов*»[1], и большая удовлетворенность качеством услуг, которые они получают на территории.

> «*На Курском вокзале это [комфортнее], там на Трех вокзалах раз в десять, наверное, опаснее. Там эти банды кочуют, алкаши, наркоманы, сумасшедшие. Они с места на место кочуют*». (Информант 7, мужчина, 52 года.)

[1] Те, кто ночует или обитает на вокзале или ближайших территориях, они находятся в крайне критической ситуации, но при этом часто имеют проблемы с психическим здоровьем, иногда связанные с зависимостями, из-за которых такие бездомные «потеряны», им очень сложно или невозможно помочь.

Опыт взаимодействия с социальными организациями во многом задает восприятие бездомными территории в целом. На территории, которую они относят к Курскому вокзалу, действует старейшая в Москве социальная организация, Православная служба помощи «Милосердие», с которой, по словам информантов, началась организация системы помощи бездомным в городе. По этой причине территория Курского вокзала имеет особенное значение для них.

Связанный с негативным опытом

Главным сходством во взглядах бездомных и не являющихся бездомными информантов на территорию Курского вокзала является её общее негативное восприятие. При этом большее значение имеет скорее тот факт, что доминантой территории является вокзал как тип функционального объекта, с которыми у всех информантов есть устойчивые ассоциации: суета, грязь, шум, небезопасность и дискомфорт из-за высокой концентрации бездомных, людей, употребляющих алкогольные напитки, мошенников и преступников. Особенности Курского вокзала и прилегающих территорий оказались для информантов недостаточно значимыми, чтобы повлиять на эффект общих стереотипов о вокзалах.

Не являющиеся бездомными чаще делятся историями о том, как они были свидетелями ситуаций или преступлений, от которых им становилось страшно или некомфортно, и они стремились по возможности покинуть территорию вокзала. Однако даже если в личном опыте информантов таких наблюдений не было, они переживают, что могут его получить, поэтому во избежание его также сокращают продолжительность и частоту своего присутствия на территории. Положительный опыт не являющихся бездомными информантов связан чаще всего с их личными переживаниями и состоянием в момент посещения территории вокзала. Например, информанты отмечали «*дух приключений*», который возникает, когда они едут через Курский вокзал в новое для себя место. Однако это чувство в большей степени было связано с поездами дальнего следования, и после их переноса с Курского вокзала «*дух приключений*» стал возникать реже.

Несмотря на то, что для бездомных Курский вокзал служит пространством удовлетворения большого круга потребностей, причем реализуются они на более высоком уровне, чем на других территориях, негативный опыт всё же превалирует. Рассказывая истории о негативном опыте взаимодействия с территорией, информанты в большинстве упоминали о себе как о свидетелях, нежели акторах негатива. Бездомные считают, что вокзал и прилегающие территории имеют некоторый отпечаток неблагоприятности, которую создают

бездомные в более низком социальном положении, мигранты и мошенники. Себя при этом информанты не включают в этот перечень категорий. Отношение к таким бездомным и их присутствию на вокзале у информантов скорее снисходительное, чем сочувственное или категорически негативное.

> «*Есть, знаете, несколько пород бомжей. Есть как мы, мы знаем, где помыться, где взять одежду, новое нижнее белье, там все такое, чтобы выглядеть, как просто обычный человек. А люди не стесняются [испражняться] в себя, вонять, ну сумасшедшие уже*». (Информант 2, мужчина, 53 года.)

Информанты считают, что было бы хорошо сократить их численность на территориях вокзала, обеспечив тем самым больший комфорт для остальных категорий пользователей. Редкие истории о положительном опыте бездомных, как правило, связаны с получением помощи или денег без запроса или попрошайничества.

Небезопасный

Набор факторов, влияющих на чувство безопасности на территории, также схож для обеих группы информантов. Положительно на чувство безопасности влияет наличие на вокзале механизмов контроля: сотрудников охраны и полиции, системы видеонаблюдения, а также возможность обратиться за помощью. Снижает чувство безопасности на территории для обеих групп присутствие бездомных (для группы бездомных это бездомные в более низком социальном положении, чем информанты), мигрантов, употребляющих алкогольные напитки, мошенников, преступников и прочих подозрительных людей. Также среди информантов, особенно среди бездомных, распространено мнение о неэффективности механизмов контроля. Отсутствие действий со стороны полиции и охраны в ситуациях нарушения общественного порядка, нежелание оказать помощь или грубое обращение от сотрудников вокзала отрицательно сказывается и на чувстве безопасности, и на образе территории в целом.

Не являющиеся бездомными воспринимают территорию Курского вокзала скорее как неблагоприятную и некомфортную, чем как небезопасную. На чувство безопасности у не являющихся бездомными влияют как физические характеристики пространства, особенности его организации, так и его пользователи. Образные ассоциации, которые они использовали, описывают территорию как закрытое пространство, которое как будто не приглашает в него войти («*закрытый*», «*запертый*», «*подвал*»). Территория вокзала некомфортна с точ-

ки зрения пребывания на ней, присутствует много раздражителей («*шумный*», «*мельтешат туда-сюда*», «*базар-вокзал*»). Пространство вокзала визуально непривлекательно, не имеет элементов, которые удовлетворяют эстетическим потребностям пользователей («*блеклый*», «*серый*», «*теряется*»), хотя некоторые отмечали «*красивые*» новые залы ожидания, одних их недостаточно, чтобы сгладить это впечатление от вокзала. Частая модернизация самого вокзала и прилегающих территорий создает для информантов ощущение «*постоянной стройки*», где им не хочется проводить время.

Аудитория вокзала также не вызывает у информантов положительных ассоциаций, чаще они обращают внимание на «*маргиналов*», «*шайки*», «*мошенников*», «*торговок-воровок*», опасаясь за свою безопасность, чем замечают пользователей или сцены их взаимодействия, способные вызвать приятные эмоции. При этом информанты отмечали, что сейчас этих «*маргиналов*» стало меньше, чем было раньше, более 3–5 лет назад. С другой стороны, присутствует устойчивая ассоциация вокзалов со скоплениями таких «*маргиналов*», поэтому в целом эти люди не вызывают острых чувств, воспринимаются как данность, которую сложно или невозможно устранить. Некоторые информанты относятся к «*маргиналам*» на вокзалах сочувственно, видя в этом проявления несовершенств работы системы социальных служб.

Ощущение неблагоприятности территории усиливают большие потоки людей и высокая проходимость территории в целом. При этом отмечают, что потоки пользователей не разведены по целям посещения территории и направлениям движения, из-за этого возникает ощущение «*хаоса*», «*толкучки*», «*базара-вокзала*». Неорганизованные потоки пользователей возникают в том числе из-за сложностей с навигацией как внутри самого здания вокзала, так и на прилегающих территориях. Множество закоулков между объектами вокзала (между самим зданием и зоной отправления пригородных электропоездов) и торговыми объектами вызывают негативные эмоции, чувство обеспокоенности, незащищенности. Отчасти это связано с тем, что там скапливаются «*маргиналы*», люди, ожидающие своей очереди на покупку билетов в терминалах, ждущие отправления поезда или встречающие.

Информанты, не являющиеся бездомными, обращали особое внимание на физические характеристики вокзала, выделяя их как фактор неблагоприятности территории. Здание вокзала им кажется старым, изношенным, потрепанным, грязным, что ухудшает общее впечатление от территории и вынуждает не задерживаться внутри. Кроме того, фасад торгового центра, обращенный к зданию вокзала, усиливает негативное отношение к территории. При выходе из здания вокзала или из метро, пользователи чувствуют, что попали в техническую зону, где им находиться не положено. Покрытие фасада граффити несколько снижает уровень этого ощущения, однако, всё равно заметны вентиляционные шахты.

Несмотря на общее ощущение неблагополучности территории, сам вокзал воспринимается скорее как безопасное пространство, хотя и некомфортное. Отношение у информантов к организации безопасности на территории вокзала разное и зависит от пережитого ими ранее опыта. Одни чувствуют себя уверенно и безопасно благодаря присутствию охраны и полиции. Как правило, в их опыте были случаи, когда они обращались за помощью и получали ее. Другие считают это ощущение безопасности мнимым. Они имели негативный опыт взаимодействия с контролирующими субъектами или же были свидетелями их бездействия в ситуациях опасности. Тем не менее информанты выработали для себя индивидуальные стратегии пользования территорией вокзала, чтобы снизить уровень тревожности. В большей степени эти стратегии предполагают сокращение времени пребывания на территории, а механизмы контроля на территории не оказывают значительного влияния на образ территории.

Бездомные также не чувствуют себя безопасно на территории Курского вокзала. Наибольшую опасность для информантов на территории представляют мигранты, распивающие алкогольные напитки и бездомные в более низком социальном положении. Если бездомный наблюдает скопление людей из этих категорий на территории, он стремится ее сразу же покинуть вне зависимости от целей посещения. В противном случае они рискуют быть обокраденными, попасть в трудовое рабство, или быть замешанными в конфликт, где они могут получить телесные повреждения или попасть в полицейский участок. Чувство небезопасности чуть менее выражено на открытых территориях, так как на них меньше барьеров к тому, чтобы их покинуть.

> *«Я стараюсь не проявлять агрессию и не лезть к ним лишний раз, но некоторые люди всё равно настолько ведут себя похабно и нагло, и я даю им понять, что не надо этого делать. Нападают и всё, типа [нецензурный аналог «достал»], ты плохой, ты москвич, с кулаками нападают».* (Информант 4, мужчина, 43 года.)

Роль сотрудников охраны вокзала и полиции в восприятии территории для бездомных также неоднозначна. Среди историй о позитивном опыте часто упоминаются случаи, когда бездомным была необходима помощь (медицинская или бытовая), они обращались за ней к сотрудникам охраны или полиции и получали ее. В то же время в жизни бездомных возникали ситуации, когда их без видимой и, на их взгляд, без объективной причины не пускали в здание вокзала, особенно остро эти ситуации переживались, когда на улице была плохая погода. Другой стороной негативного отношения к механизмам контроля бездомные называют бездействие по отношению к группам людей, представляющих для них опасность, в том числе игнорирова-

ние присутствия этих людей на территории Курского вокзала, отсутствие реагирования на возникающие конфликты и совершаемые ими правонарушения и преступления.

> «*Часто смены охраны тут странные бывают. Не пускают в вокзал и всё, без видимых причин. Ты видишь, я опрятно одет, не грязный, ничего, не пахну ничем, вот был, как сейчас, а не пускают. Либо говорят, что ты пьяный, либо — что ты грязный, ну, без видимых причин*». (Информант 2, мужчина, 53 года.)

Нежелательный для коммуникации

Нежелание вступать в коммуникацию с другими пользователями территории, если они не являются знакомыми, также совпадает для двух групп информантов. Находясь на территории вокзала, информанты стараются не участвовать в коммуникации, чувствуют дискомфорт и небезопасность, когда оказываются вовлеченными в неё. В ситуации, когда пользователи вокзала могут решить свою проблему самостоятельно, они предпочтут не обращаться даже к сотрудникам вокзала, будь то охранники или кассиры (например, при трудностях в навигации по территории). Если же требуется срочная помощь при угрозе жизни или здоровью, в таком случае пользователи вокзала готовы обратиться за ней к сотрудникам вокзала и ожидают, что помощь им будет оказана.

Для бездомных нежелательна коммуникация и с другими бездомными. Если встретили знакомых — стремятся покинуть территорию вокзала, опасаясь, что их могут выгнать или вызвать полицию, увидев, что собрались группой.

> «*Если идти [на Курский вокзал], не связываться ни с кем. Если разговаривать, то только с проезжими, ну теми, кто проезжает [имеются в виду пассажиры ж/д транспорта]*». (Информант 5, мужчина, 63 года.)

Более комфортный, чем ранее

Хотя по ответам информантов из обеих групп можно заключить, что пребывание на территории Курского вокзала в целом скорее некомфортно и нежелательно для них, уровень комфорта все же несколько увеличился. При этом период, в течение которого люди пользовались вокзалом, не играл большой роли: изменения в лучшую сторону

отмечали те, кто пользуется территорией вокзала и два года, и десять лет. Общими факторами, повлиявшими на повышение уровня комфорта для обеих групп стало благоустройство территории, модернизация здания Курского вокзала, снижение барьеров к использованию сервисов вокзала, сокращение концентрации людей, которые вызывают у информантов чувство небезопасности. Для бездомных одним из факторов также стало увеличение количества организаций, работающих на территории Курского вокзала, и более открытый доступ к ним. Так, например, если одна из организаций начинает к раздачам еды готовить блюдо, которое информант особенно любит, частота и уровень комфорта от посещения территории возрастает.

«Мы, как и обычные люди, там, где вкусно кормят — народа больше, там, где невкусно — меньше. Самая лучшая точка — это, кстати, здесь, потом Павелецкая, потом Киевская». (Информант 4, мужчина, 43 года.)

Особенности восприятии территории Курского вокзала различными группами

Не являющиеся бездомными чаще обращались к физическим особенностям территории, описывали элементы экстерьера и интерьера, декора, делились ощущениями, которые у них вызывает тот или иной элемент пространства, а также выражали свое отношение к ним. Многие называли цвета, которые, как им кажется, превалируют на территории, материалы, из которых выполнены объекты, и формы. Те, чья профессиональная деятельность связана с архитектурой и строительством, давали более развернутые описания, однако, эта особенность характерна для всей группы информантов, не являющихся бездомными. Бездомные же выражали свое отношение к территории через функции, которые территория для них выполняет, и свою удовлетворенность от их реализации. Например, благоустройство прохода вдоль ж/д путей Горьковского направления до Троицкого тоннеля повысило уровень комфорта на территории для не являющихся бездомными, потому что забор вдоль железной дороги начали расписывать граффити, он стал более ярким и не таким отталкивающим, а для бездомных — потому что было заменено дорожное покрытие и стало более удобно перемещаться по нему менее мобильным людям.

Кроме того, не являющиеся бездомными в своих ответах большее внимание уделяли своим ощущениям и эмоциям от объектов территории, бездомные же в большей степени описывали рутинные практики использования территории, не выражая своего отношения

к их реализации. Переживания от своего опыта пользования Курским вокзалам бездомные озвучивали только после конкретизирующих вопросов, причем чаще всего в дихотомии комфортно/некомфортно и безопасно/небезопасно. Такое различие в восприятии территории может быть связано с психологическими особенностями людей, находящихся в ситуации бездомности: бездомные воспринимают свою жизнь лишь как существование, удовлетворение базовых потребностей, их притязания к окружающему миру сильно снижены, а также бездомным характерен более низкий уровень рефлексии жизни [Клюева, 2011].

Заключение

Несмотря на то, что бездомные и не являющиеся бездомными представляют собой две культурные группы с различным жизненным опытом, определяющим их восприятие пространства, в их образах Курского вокзала есть общие черты. В большей степени эти сходства связаны с объектом восприятия: вокзал как тип функционального объекта формирует определенное отношение к территории и пространственные практики.

В восприятии бездомными пространства действительно есть некоторые особенности. Для бездомных городские пространства важны в большей степени с точки зрения функционала, потребностей, которые они там могут реализовать, и возможностей успешной их реализации. При этом на восприятие городских территорий бездомными значимое влияние оказывают социальные организации, расположенные вблизи. Социальные организации задают для бездомных границы территории, перечень и качество оказываемых ими услуг влияет на частоту и комфорт пребывания, определяет предпочтения относительно выбора между альтернативными пространствами.

Для бездомных Курский вокзал работает как многофункциональное общественное пространство, где возможно удовлетворить разные потребности, однако, сейчас существуют барьеры, не позволяющие им пользоваться территорией комфортно. Во многом существование этих барьеров связано с необходимостью обеспечить комфорт использования территории не являющимися бездомными пользователями. Однако текущая политика РЖД по управлению вокзалом не учитывает интересов бездомных, скорее исключая их из пользования территорией. В то же время на некоторых вокзалах в странах Европы реализуют поддерживающие политики по отношению к бездомным, заключающиеся в проведении тренингов среди персонала по взаимодействию с бездомными, а также в организации

консультационных центров, где бездомные могут в зависимости от потребности получить направление в специализированную социальную организацию [Loukaitou-Sideris et al., 2020].

Несмотря на то, что нам удалось выявить некоторые особенности восприятия пространства бездомными и их запросы к общественным пространствам города, к Курскому вокзалу, в частности, данная работа все же имеет ряд ограничений. С одной стороны, при формировании выборки информантов в ситуации бездомности мы обращались к социальным организациям, и нам не удалось охватить бездомных в более низком социальном положении, которые и создают наибольший дискомфорт и небезопасность для других категорий пользователей Курского вокзала. С другой стороны, исследование было направлено на изучение особенностей восприятия бездомными городских пространств, чего недостаточно для формулирования практических рекомендаций по снижению пространственной и социальной исключенности бездомных при пользовании городскими пространствами.

Данные ограничения, однако, задают несколько векторов в продолжении работы по изучению опыта взаимодействия бездомных с городскими пространствами. Во-первых, исследование восприятия пространства бездомными в более низком социальном положении позволит более широко охватить неоднородную группу бездомных людей. Во-вторых, привлечение других стейкхолдеров: сотрудников Курского вокзала, представителей РЖД и работников социальных организаций — даст возможность усилить практическую значимость результатов данного исследования и сформулировать рекомендации для РЖД относительно политики, проводимой на вокзалах, чтобы улучшить положение бездомных пользователей вокзалов, не создавая при этом неудобств для других категорий пользователей. В-третьих, в силу того, что вокзалы являются специфическими общественными пространствами, что было подтверждено и результатами данного исследования, представляется целесообразным изучить восприятие бездомными других типов общественных пространств, для генерализации знания об особенностях восприятия и запросов бездомных к городским пространствам.

Литература

1. Большинство россиян сочувствуют бездомным, и только единицы их боятся // Аналитический центр НАФИ. 1.02.2022. [Online] <https://nafi.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-sochuvstvuyut-bezdomnym-i-tolko-edinitsy-ikh-boyatsya/> [Дата обращения] 13.02.2023
2. В России может кратно вырасти число бездомных людей. Рассказываем, сколько их сейчас и как им помочь // Если быть точным. 3.03.2022. [Online] <https://tochno.st/materials/v-rossii-mozhet-kratno-vyrasti-chislo-bezdomnykh-lyudey-rasskazyvaem-skolko-ikh-seychas-i-kak-im-pomoch> [Дата обращения] 13.02.2023
3. *Варсопко, А. В.* Бездомные в официальном городском пространстве: территориальная и социально-правовая исключенность // Социальные и пространственные измерения современного мегаполиса. 2017. С. 65–71. [Online] <https://elibrary.ru/item.asp?id=32523970> [Дата обращения] 13.02.2023
4. *Вахштайн, В*.* Воображая город: введение в теорию концептуализации. М.: Новое Литературное Обозрение, 2021.
5. *Глазычев, В. Л.* Политическая экономия города: учебное пособие. М.: Издательство «Дело», 2009.
6. *Голд, Дж.* Психология и география: Основы поведенческой географии. М.: Прогресс, 1990.
7. *Замятин, Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. №3. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-geografiya-prostranstvo-voobrazhenie-i-vzaimodeystvie-sovremennyh-gumanitarnyh-nauk> [Дата обращения] 13.02.2023
8. *Замятин, Д. Н.* Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. В 2 т. Т. 2. Смоленск: Ойкумена, 1999.
9. *Замятина, Н. Ю.* Взаимосвязи географических образов в страноведении. Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М., 2001.
10. *Клюева, Н. Ю.* Психология бездомного и бездомности // Сибирский психологический журнал. 2011. №41. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-bezdomnogo-i-bezdomnosti> [Дата обращения] 13.02.2023
11. *Коваленко, Е. А., Федорец, А. В.* Бездомность в России: проблематика и методология изучения. М.: Фонд «Институт экономики города», 2006.
12. *Кузинер, Е. Н.* Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. №4. С. 273–298. [Online] <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1653/1411?fbclid=IwAR1-CYy68gaQGx4_ZfpOzteCwLSKIuzH7lBZ7u7eViyMu7SqHWlSObNHqlo> [Дата обращения] 13.02.2023
13. Курский вокзал Москвы полностью обновлен // Вести.ру. 11.09.2008. [Online] <https://www.vesti.ru/article/2188066> [Дата обращения] 16.03.2023
14. *Линч, К.* Образ города. / Пер. с англ. В. Л. Глазычева, под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982.
15. *Мельников, М. В.* Отношение к пребыванию бездомных в общественном пространстве: теоретические аспекты социологического изучения // Общество: социология, педагогика, психология. 2018. №1. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-prebyvaniyu-bezdomnyh-v-obschestvennom-prostranstve-teoreticheskie-aspekty-sotsiologicheskogo-izucheniya> [Дата обращения] 13.02.2023
16. *Молчанов, А. А.* Бездомность в России: комплексный анализ и технология профилактики. Автореф. дисс. канд. соц. наук. СПб., 2006.

17. Незнакомый Курский вокзал // Архнадзор. 27.04.2018. [Online] <https://www.archnadzor.ru/2018/04/27/neznakomyiy-kurskiy-vokzal/> [Дата обращения]
18. Отношение к бездомным и бездомности в России // Если быть точным. 25.03.2019. [Online] <https://tochno.st/materials/otnoshenie-k-bezdomnym-i-bezdomnosti-v-rossii> [Дата обращения] 17.03.2023
19. Пандемия «помогает» бездомным. Всеобщая незащищенность заставила россиян поддержать «людей улицы» // Версия. 15.04.2020. [Online] <https://versia.ru/vseobshhaya-nezashhishhennost-zastavila-rossiyan-podderzhat-lyudej-ulicy> [Дата обращения] 13.02.2023
20. Сколько бездомных людей в России? Исследование Validata // Благотворительная организация «Ночлежка». 9.12.2022. [Online] <https://moscow.homeless.ru/news/skolko_bezdomnykh_lyudey_v_rossii_issledovanie_validata/> [Дата обращения] 13.02.2023
21. *Стивенсон, С.А.* Положение бездомных в социальной структуре современного российского общества: На прим. Москвы и Санкт-Петербурга. Автореф. дисс. канд. соц. наук. М.: Институт социологии РАН, 1996.
22. *Цацура, Е.А., Клюева, Н.Ю.* Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. №2(68). [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-demograficheskie-harakteristiki-usloviya-zhizni-i-potrebnosti-lyudey-v-situatsii-bezdomnosti-v-moskve> [Дата обращения] 13.02.2023
23. Число бездомных снизилось в 6 раз за 10 лет // Ведомости. 19.01.2023. [Online] <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/01/19/959587-chislo-bezdomnih-snizilos-v-6-raz> [Дата обращения] 13.02.2023
24. *Arendt, H.* The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press, 1958.
25. *Benn, S., Gauss, G.* The public and the private. In Public and private in social life. New York: St. Martin's Press, 1983.
26. *Bergamaschi, M., Castrignanò, M. & De Rubertis, P.* The Homeless and Public Space: Urban Policy and Exclusion in Bologna // Revue Interventions économiques. 2014. Vol. 51. [Online] <http://journals.openedition.org/interventionseconomiques/2441> [Date of access] 13.02.2023
27. *Ding, H., Loukaitou-Sideris, A., & Wasserman, J. L.* Homelessness on public transit: A review of problems and responses // Transport Reviews. 2022. Vol. 42. No. 2. P. 134–156. [Online] <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01441647.2021.1923583> [Date of access] 20.04.2023
28. *Doherty, J. et al.* Homelessness and exclusion: regulating public space in European cities // Surveillance & Society. 2008. Vol. 5. No. 3.
29. *Habermas, J.* The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: The MIT Press, 1989.
30. *Herring, C.* Complaint-Oriented Policing: Regulating Homelessness in Public Space // American Sociological Review. 2019. Vol. 84. No. 5. P. 769–800. [Online] <https://doi.org/10.1177/0003122419872671> [Date of access] 18.03.2023
31. *Höjdestrand, T.* Needed by nobody: homelessness and humanness in post-socialist Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009.
32. *Johnsen, S., May, J., & Cloke, P.* Imag(in)ing "homeless places": using auto-photography to (re)examine the geographies of homelessness // Area. 2008. Vol. 40. No. 2. P. 194–207. [Online] <https://rgs-ibg.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1475-4762.2008.00801.x> [Date of access] 13.02.2023
33. *Joseph, I.* La ville sans qualités. La tour d'Aigues. France: Editions de l'Aube, 1998.
34. Kesselring, A., Bohonnek, A., & Smoliner, S. HOPE in stations: Homeless People in European train stations. Final evaluation report. Paris: ANSA. 2012. [Online] <https://www.solidarites-actives.com/sites/default/files/2018-03/ANSA_HOPE_FinalEvaluationReport_EN_V0.pdf> [Date of access] 20.04.2023

35. *Kohn, M.* Brave new neighborhoods: The privatization of public space. New York: Routledge, 2004.
36. *Lefebvre, H.* The Production of Space. / Trans. Nicholso D. Oxford: Blackwell, 1991.
37. Loukaitou-Sideris, A., Wasserman, J., Caro, R., & Ding, H. Homelessness in Transit Environments. Vol. I, Findings from a Survey of Public Transit Operators. UCLA ITS. 2020. [Online] <https://doi.org/10.17610/T6V317> [Date of access] 21.04.2023
38. *Luk, W.* Privately Owned Public Space in Hong Kong and New York: The Urban and Spatial Influence of the Policy // The 4th International Conference of the International Forum on Urbanism (IFoU). 2009. P. 697–706. [Online] <http://www.ifou.org/conferences/2009delft/proceedings/5%20The%20Transformation%20of%20Urban%20Form/full%20papers/d056_luk_winglun_Revised.pdf> [Date of access] 20.03.2023
39. *Madanipour, A.* Why are the design and development of public spaces significant for cities? // Environment and Planning B: Planning and Design. 1999. Vol. 26. No. 6. P. 879–891.
40. *McCarthy, L.* (Re)conceptualising the boundaries between home and homelessness: the unheimlich // Housing Studies. 2017. Vol. 33. No. 6. P. 960–985. [Online] <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02673037.2017.1408780> [Date of access] 16.04.2024
41. *Mitchell, D.* The annihilation of space by law: The roots and implications of anti-homeless laws in the United States // Antipode. 1997. Vol. 29. No. 3. [Online] <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/1467-8330.00048> [Date of access] 13.02.2023
42. *Mitchell, D.* The end of public space? People's Park, definitions of the public, and democracy // Annals of the association of american geographers. 1995. Vol. 85. No. 1. P. 108–133. [Online] <https://sites.middlebury.edu/igst404/files/2014/01/Mitchell-End-of-Public-Space.pdf> [Date of access] 16.04.2024
43. *Nissen, S. et al.* Urban transformation from public and private space to spaces of hybrid character // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. 2008. Vol. 44. No. 6. P. 1129–1149.
44. *Nóżka, M.* Rethinking Homelessness. Residence and the Sense of Home in the Experience of Homeless People // Housing, Theory and Society. 2019. P. 1–20. [Online] <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14036096.2019.1658622> [Date of access] 16.04.2024
45. *Rennels, T. R., & Purnell, D. F.* Accomplishing Place in Public Space: Autoethnographic Accounts of Homelessness // Journal of Contemporary Ethnography. 2015. Vol. 46. No. 4. P. 490–513. [Online] <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0891241615619990?journalCode=jcec> [Date of access] 16.04.2024
46. *Romney, A., Batchelder, W, Weller, S.* Culture as consensus: A theory of culture and informant accuracy. // American Anthropologist. 1986. Vol. 88. No. 3, P. 13–38. [Online] <https://www.bebr.ufl.edu/sites/default/files/Culture%20as%20Consensus.pdf> [Date of access] 10.05.2023
47. *Sennett, R.* Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization. New York: W. W. Norton, 1994.
48. *Staeheli, L., Mitchell, D.* The people's property? Power, politics, and the public. New York: Routledge, 2008.
49. *Strauß, S.* Erste Ergebnisse der Obdachlosenzählung: Senatorin Breitenbach will Hilfsangebote vor Ort für obdachlose Menschen verbessern. Berlin Senate Office for Integration, Labor, and Social Affairs. 2020. [Online] <https://www.berlin.de/sen/ias/_assets/presse/downloads/20_02_07_pm_auswertung_nds.pdf> [Date of access] 17.04.2023
50. *Tosi, A. & Petrillo, A.* Urban Governance, homelessness and exclusion in Italy. / National Report for Italy, Working Group 1, European Observatory on Homelessness // FEANTSA. Brussels. 2006. [Online] <http://www.feantsa.org> [Date of access] 28.03.2023
51. *Tuan, Y.-F.* Images and mental maps // Annals of the Association of American Geographers. 1975. Vol. 65. No. 2. P. 205–213. [Online] <https://www.jstor.org/stable/2562082> [Date of access] 05.05.2023

52. *Varna, G., Tiesdell, S.* Assessing the publicness of public space: The Star Model of publicness // Journal of Urban Design. 2010. Vol. 15. No. 4. P. 575–598.
53. *Watson, S. & Austerberry, H.* Housing and homelessness: a feminist perspective. – Boston: Routledge & Kegan Paul, 1986.
54. *Zemp, S., Stauffacher, M., Langм D.J. & Scholz, R.W.* Generic functions of railway stations – A conceptual basis for the development of common system understanding and assessment criteria // Transport policy. 2011. Vol. 18. No. 2. P. 446–455. [Online] <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0967070X10001162> [Date of access] 15.04.2023
55. *Zukin, S.* The cultures of cities. Oxford: Blackwell, 1995.

Нормативные документы

56. Федеральный закон №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013. [Online] <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/> [Дата обращения] 23.03.2023
57. Порядок признания бездомных граждан нуждающимися в социальном обслуживании: утв. и введен в силу Департаментом труда и социальной защиты населения города Москвы. [Online] <https://dszn.ru/deyatelnost/Socialnaya-pomoshch-bezdomnym-grazhdanam> [Дата обращения] 23.03.2023
58. «ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Термины и определения.» [Online] <https://docs.cntd.ru/document/1200043280> [Дата обращения] 23.03.2023
59. «ГОСТ Р 53064–2017. Национальный стандарт Российской Федерации. Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания и социальные услуги лицам без определенного места жительства и занятий». [Online] <https://docs.cntd.ru/document/1200157131> [Дата обращения] 23.03.2023
60. Письмо Минздрава России от 02.05.2017 №28-4/10/2-2916 «По вопросу обеспечения лиц без определенного места жительства полисами обязательного медицинского страхования и оказания им медицинской помощи». [Online] <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280793/> [Дата обращения] 23.03.2023

Приложение

61. Перечень информантов [Online] <https://docs.google.com/document/d/1tzio5Byq07W1PSm_NJRusz5tiazXSnWhKvPKXNv-JDU/edit?usp=sharing> [Дата обращения] 25.05.2023

Lina Iakhno

A Public Space for the Homeless: the Image of Kursky Railway Station in Moscow

Lina Iakhno — Master in Urban Planning Higher School of Economics in Moscow. **Address:** 101000, Moscow, Myasnitskaya, 13, p. 4. **E-mail:** lina-yakhno@yandex.ru.

Abstract: Urban public spaces are often conceptualized as open and accessible to all users. In reality, modern public spaces are being privatized and commercialized, with formal or informal restrictions on access and usage scenarios. These processes lead to the exclusion of certain social groups, including marginalized ones, who cannot engage in planned behaviors or who hinder others from doing so.

The interests of these excluded groups, particularly homeless people, are rarely taken into account in urban planning. However, public spaces play a crucial role in the lives of homeless people. At the same time, the Russian academic discourse lacks information about the experiences of homeless people interacting with public urban spaces and their needs for such spaces. We attempted to study this experience through a geographical image, using the example of the Kursky railway station in Moscow, comparing it with the image of non-homeless individuals.

While we can identify some similar features in the image of Kursky railway station for both homeless and non-homeless individuals, the justification for these features differs significantly and is largely tied to the lived experiences of each group. For homeless people, the key factor in their perception of the area is an opportunity to meet their basic needs, which is facilitated not only by the station but also by social organizations. These organizations delineate boundaries, and the quality of their services and relationships with their staff shape the image of the area. Homeless people tend to describe the area in terms of its functions and services rather than its physical characteristics. Additionally, their feeling of safety if the area is given more importance than their comfort. Rare mentions of comfort are also directly related to safety and health threats.

Key words: geographical image, homelessness, spatial perception of the homeless

References

1. *Arendt, H.* (1958). The Human Condition. Chicago: University of Chicago Press.
2. *Benn, S., Gauss, G.* (1983). The public and the private. In Public and private in social life. New York: St. Martin's Press.
3. *Bergamaschi, M., Castrignanò, M. & De Rubertis, P.* (2014). The Homeless and Public Space: Urban Policy and Exclusion in Bologna // Revue Interventions économiques. Vol. 51. [Online] <http://journals.openedition.org/interventionseconomiques/2441> [Date of access] 13.02.2023
4. Bol'shinstvo rossiyan sochuvstvuyut bezdomnym, i tol'ko edinicy ih boyatsya. (2022) // Analiticheskij centr NAFI. 1.02. [Online] <https://nafi.ru/analytics/bolshinstvo-rossiyan-sochuvstvuyut-bezdomnym-i-tolko-edinitsy-ikh-boyatsya/> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)

5. Chislo bezdomnyh snizilos' v 6 raz za 10 let. (2023) // Vedomosti. 19.01. [Online] <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/01/19/959587-chislo-bezdomnih-snizilos-v-6-raz> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
6. *Ding, H., Loukaitou-Sideris, A., & Wasserman, J. L.* (2022). Homelessness on public transit: A review of problems and responses // Transport Reviews. Vol. 42. No. 2. P. 134–156. [Online] <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/01441647.2021.1923583> [Date of access] 20.04.2023
7. *Doherty, J. et al.* (2008). Homelessness and exclusion: regulating public space in European cities // Surveillance & Society. Vol. 5. No. 3.
8. *Glazychev, V.L.* (2009). Politicheskaya ekonomiya goroda: uchebnoe posobie. Moscow: Izdatel'stvo «Delo». (In Russ.)
9. *Gold, Dzh.* (1990). Psihologiya i geografiya: Osnovy povedencheskoj geografii. Moscow: Progress. (In Russ.)
10. *Habermas, J.* (1989). The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society. Cambridge: The MIT Press.
11. *Herring, C.* (2019). Complaint-Oriented Policing: Regulating Homelessness in Public Space // American Sociological Review. Vol. 84. No. 5. P. 769–800. [Online] <https://doi.org/10.1177/0003122419872671> [Date of access] 18.03.2023
12. *Höjdestrand, T.* (2009). Needed by nobody: homelessness and humanness in post-socialist Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press.
13. *Johnsen, S., May, J., & Cloke, P.* (2008). Imag(in)ing "homeless places": using auto-photography to (re) examine the geographies of homelessness // Area. Vol. 40. No. 2. P. 194–207. [Online] <https://rgs-ibg.onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/j.1475-4762.2008.00801.x> [Date of access] 13.02.2023
14. *Joseph, I.* (1998). La ville sans qualités. La tour d'Aigues. France: Editions de l'Aube.
15. *Kesselring, A., Bohonnek, A., & Smoliner, S.* (2012). HOPE in stations: Homeless People in European train stations. Final evaluation report. Paris: ANSA. [Online] <https://www.solidarites-actives.com/sites/default/files/2018-03/ANSA_HOPE_FinalEvaluationReport_EN_Vo.pdf> [Date of access] 20.04.2023
16. *Klyueva, N.Yu.* (2011). Psihologiya bezdomnogo i bezdomnosti // Sibirskij psihologicheskij zhurnal. No. 41. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-bezdomnogo-i-bezdomnosti> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
17. *Kohn, M.* (2004). Brave new neighborhoods: The privatization of public space. New York: Routledge.
18. *Kovalenko, E.A., Fedorec, A.V.* (2006). Bezdomnost' v Rossii: problematika i metodologiya izucheniya. Moscow: Fond «Institut ekonomiki goroda». (In Russ.)
19. Kurskij vokzal Moskvy polnost'yu obnovlen. (2008) // Vesti.ru. 11.09. [Online] <https://www.vesti.ru/article/2188066> [Date of access] 16.03.2023 (In Russ.)
20. *Kuziner, E.N.* (2020). Pojdu domoj, domoj eto znachit v podval»: povsednevnye praktiki i strategii vyzhivaniya bezdomnyh zhenshchin // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. No. 4. P. 273–298. [Online] <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/1653/1411?fbclid=IwAR1-CYy68gaQGx4_ZfpOzteCwLSKIuzH7lBZ7u7eViyMu7SqHWlSObNHqlo> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
21. *Lefebvre, H.* (1991). The Production of Space. / Trans. Nicholso D. Oxford: Blackwell.
22. *Linch, K.* (1982). Obraz goroda. / V.L. Glazychev (tr.), A.V. Ikonnikov (ed.). Moscow.: Strojizdat. (In Russ.)
23. *Loukaitou-Sideris, A., Wasserman, J., Caro, R., & Ding, H.* (2020). Homelessness in Transit Environments. Vol. I, Findings from a Survey of Public Transit Operators. UCLA ITS. [Online] <https://doi.org/10.17610/T6V317> [Date of access] 21.04.2023
24. *Luk, W.* (2009). Privately Owned Public Space in Hong Kong and New York: The Urban and Spatial Influence of the Policy // The 4th International Conference of the International Forum on Urbanism (IFoU). P. 697–706.

[Online] <http://www.ifou.org/conferences/2009delft/proceedings/5%20The%20Transformation%20of%20Urban%20Form/full%20papers/d056_luk_winglun_Revised.pdf> [Date of access] 20.03.2023

25. *Madanipour, A.* (1999). Why are the design and development of public spaces significant for cities? // Environment and Planning B: Planning and Design. Vol. 26. No. 6. P. 879–891.
26. *McCarthy, L.* (2017). (Re)conceptualising the boundaries between home and homelessness: the unheimlich // Housing Studies. Vol. 33. No. 6. P. 960–985. [Online] <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/02673037.2017.1408780> [Date of access] 16.04.2024
27. *Mel'nikov, M.V.* (2018). Otnoshenie k prebyvaniyu bezdomnyh v obshchestvennom prostranstve: teoreticheskie aspekty sociologicheskogo izucheniya // Obshchestvo: sociologiya, pedagogika, psihologiya. No. 1. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-prebyvaniyu-bezdomnyh-v-obschestvennom-prostranstve-teoreticheskie-aspekty-sotsiologicheskogo-izucheniya> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
28. *Mitchell, D.* (1997). The annihilation of space by law: The roots and implications of anti-homeless laws in the United States // Antipode. Vol. 29. No. 3 [Online] <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/pdf/10.1111/1467-8330.00048> [Date of access] 13.02.2023
29. *Mitchell, D.* (1995). The end of public space? People's Park, definitions of the public, and democracy // Annals of the association of american geographers. Vol. 85. No. 1. P. 108–133. [Online] <https://sites.middlebury.edu/igst404/files/2014/01/Mitchell-End-of-Public-Space.pdf> [Date of access] 16.04.2024
30. *Molchanov, A.A.* (2006). Bezdomnost' v Rossii: kompleksnyj analiz i tekhnologiya profilaktiki. Avtoref. diss. kand. soc. nauk. St. Petersburg. (In Russ.)
31. Neznakomyj Kurskij vokzal. (2018) // Arhnadzor. 27.04. [Online] <https://www.archnadzor.ru/2018/04/27/neznakomyiy-kurskiy-vokzal/> [Date of access] 17.03.2023 (In Russ.)
32. *Nissen, S. et al.* (2008). Urban transformation from public and private space to spaces of hybrid character // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. Vol. 44. No. 6. P. 1129–1149.
33. *Nóżka, M.* (2019). Rethinking Homelessness. Residence and the Sense of Home in the Experience of Homeless People // Housing, Theory and Society. P. 1–20. [Online] <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/14036096.2019.1658622> [Date of access] 16.04.2024
34. Otnoshenie k bezdomnym i bezdomnosti v Rossii. (2019) // Esli byt' tochnym. 25.03. [Online] <https://tochno.st/materials/otnoshenie-k-bezdomnym-i-bezdomnosti-v-rossii> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
35. Pandemiya «pomogaet» bezdomnym. Vseobshchaya nezashchishchennost' zastavila rossiyan podderzhat' «lyudej ulicy». (2020) // Versiya. 15.04. [Online] <https://versia.ru/vseobshhaya-nezashhishhennost-zastavila-rossiyan-podderzhat-lyudej-ulicy> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
36. *Rennels, T.R., & Purnell, D.F.* (2015). Accomplishing Place in Public Space: Autoethnographic Accounts of Homelessness // Journal of Contemporary Ethnography. Vol. 46. No. 4. P. 490–513. [Online] <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0891241615619990?journalCode=jcec> [Date of access] 16.04.2024
37. *Romney, A., Batchelder, W, Weller, S.* (1986). Culture as consensus: A theory of culture and informant accuracy // American Anthropologist. Vol. 88. No. 3, P. 13–38. [Online] <https://www.bebr.ufl.edu/sites/default/files/Culture%20as%20Consensus.pdf> [Date of access] 10.05.2023
38. *Sennett, R.* (1994). Flesh and Stone: The Body and the City in Western Civilization. New York: W.W. Norton.
39. Skol'ko bezdomnyh lyudej v Rossii? Issledovanie Validata. (2022) // Blagotvoritel'naya organizaciya «Nochlezhka». 9.12. [Online] <https://moscow.homeless.ru/news/skolko_bezdomnykh_lyudey_v_rossii_issledovanie_validata/> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)

40. *Staeheli, L., Mitchell, D.* (2008). The people's property? Power, politics, and the public. New York: Routledge.
41. *Stivenson, S.A.* (1996). Polozhenie bezdomnyh v social'noj strukture sovremennogo rossijskogo obshchestva: Na prim. Moskvy i Sankt-Peterburga. Avtoref. diss. kand. soc. nauk. Moscow: Institut sociologii RAN. (In Russ.)
42. *Strauß, S.* (2020). Erste Ergebnisse der Obdachlosenzählung: Senatorin Breitenbach will Hilfsangebote vor Ort für obdachlose Menschen verbessern. Berlin Senate Office for Integration, Labor, and Social Affairs. [Online] <https://www.berlin.de/sen/ias/_assets/presse/downloads/20_02_07_pm_auswertung_nds.pdf> [Date of access] 17.04.2023
43. *Tosi, A. & Petrillo, A.* (2006). Urban Governance, homelessness and exclusion in Italy. / National Report for Italy, Working Group 1, European Observatory on Homelessness // FEANTSA. Brussels. [Online] <http://www.feantsa.org> [Date of access] 28.03.2023
44. *Tsatsura, E.A., Klyueva, N.Yu.* (2022). Social'no-demograficheskie harakteristiki, usloviya zhizni i potrebnosti lyudej v situacii bezdomnosti v Moskve // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. No. 2(168). [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-demograficheskie-harakteristiki-usloviya-zhizni-i-potrebnosti-lyudey-v-situatsii-bezdomnosti-v-moskve> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
45. *Tuan, Y.-F.* (1975). Images and mental maps // Annals of the Association of American Geographers. Vol. 65. No. 2. P. 205–213. [Online] <https://www.jstor.org/stable/2562082> [Date of access] 05.05.2023
46. V Rossii mozhet kratno vyrasti chislo bezdomnyh lyudej. Rasskazyvaem, skol'ko ih sejchas i kak im pomoch'. (2022) // Esli byt' tochnym. 3.03. [Online] <https://tochno.st/materials/v-rossii-mozhet-kratno-vyrasti-chislo-bezdomnykh-lyudey-rasskazyvaem-skolko-ikh-seychas-i-kak-im-pomoch> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
47. *Vahshtajn, V*.* (2021). Voobrazhaya gorod: vvedenie v teoriyu konceptualizacii. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
48. *Varna, G., Tiesdell, S.* (2010). Assessing the publicness of public space: The Star Model of publicness // Journal of Urban Design. Vol. 15. No. 4. P. 575–598.
49. *Varsopko, A.V.* (2017). Bezdomnye v oficial'nom gorodskom prostranstve: territorial'naya i social'no-pravovaya isklyuchennost' // Social'nye i prostranstvennye izmereniya sovremennogo megapolisa. P. 65–71. [Online] <https://elibrary.ru/item.asp?id=32523970> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
50. *Watson, S. & Austerberry, H.* (1986). Housing and homelessness: a feminist perspective. – Boston: Routledge & Kegan Paul.
51. *Zamyatin, D.N.* (2010). Gumanitarnaya geografiya: prostranstvo, voobrazhenie i vzaimodejstvie sovremennyh gumanitarnyh nauk // Sociologicheskoe obozrenie. Vol. 9. No.3. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-geografiya-prostranstvo-voobrazhenie-i-vzaimodeystvie-sovremennyh-gumanitarnyh-nauk> [Date of access] 13.02.2023 (In Russ.)
52. *Zamyatin, D.N.* (1999). Modelirovanie geograficheskih obrazov: Prostranstvo gumanitarnoj geografii. In 2 vol. Vol. 2. Smolensk: Oikumena. (In Russ.)
53. *Zamyatina, N.Yu.* (2001). Vzaimosvyazi geograficheskih obrazov v stranovedenii. Avtoref. diss. kand. geogr. nauk. Moscow. (In Russ.)
54. *Zemp, S., Stauffacher, M., Langм D.J. & Scholz, R.W.* (2011). Generic functions of railway stations — A conceptual basis for the development of common system understanding and assessment criteria. // Transport policy. Vol. 18. No. 2. P. 446–455. [Online] <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0967070X10001162> [Date of access] 15.04.2023
55. *Zukin, S.* (1995). The cultures of cities. Oxford: Blackwell.

Regulatory documents

56. Federal'nyj zakon №442-FZ «Ob osnovah social'nogo obsluzhivaniya grazhdan v Rossijskoj Federacii» ot 28.12.2013. [Online] <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/> [Date of access] 23.03.2023. (In Russ.)
57. Poryadok priznaniya bezdomnyh grazhdan nuzhdayushchimisya v social'nom obsluzhivanii: utv. i vveden v silu Departamentom truda i social'noj zashchity naseleniya goroda Moskvy. [Online] <https://dszn.ru/deyatelnost/Socialnaya-pomoshch-bezdomnym-grazhdanam> [Date of access] 23.03.2023. (In Russ.)
58. «GOST R 52495-2005. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Social'noe obsluzhivanie naseleniya. Terminy i opredeleniya». [Online] <https://docs.cntd.ru/document/1200043280> [Date of access] 23.03.2023. (In Russ.)
59. «GOST R 53064-2017. Nacional'nyj standart Rossijskoj Federacii. Social'noe obsluzhivanie naseleniya. Tipy uchrezhdenij social'nogo obsluzhivaniya i social'nye uslugi licam bez opredelennogo mesta zhitel'stva i zanyatij». [Online] <https://docs.cntd.ru/document/1200157131> [Date of access] 23.03.2023. (In Russ.)
60. Pis'mo Minzdrava Rossii ot 02.05.2017 №28-4/10/2-2916 «Po voprosu obespecheniya lic bez opredelennogo mesta zhitel'stva polisami obyazatel'nogo medicinskogo strahovaniya i okazaniya im medicinskoj pomoshchi». [Online] <http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_280793/> [Date of access] 23.03.2023. (In Russ.)

Appendix

61. List of interviewees [Online] <https://docs.google.com/document/d/1tzio5Byqo7W1PSm_NJRusz5tiazXSnWhKvPKXNv-JDU/edit?usp=sharing> [Date of access] 25.05.2023 (In Russ.)

* Включен в реестр иностранных агентов.

М. Д. Мальков, А. А. Ченцова

Логики взаимодействия с бездомными людьми на московских вокзалах

Максим Дмитриевич Мальков — MA in Sociology, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** mdmalkov@universitas.ru.

Александра Александровна Ченцова — младший научный сотрудник Центра полевых исследований ИНСАП РАНХиГС. **Адрес:** Москва, Пречистенская наб. 11. **Электронная почта:** alexchentsova@mail.ru.

Аннотация: Разговор о бездомности в контексте взаимодействий в транспортных или транзитных зонах либо сводится к алармистским заявлениям о том, что бездомные активно используют эти пространства, мешая остальным людям, либо к заявлениям о том, что бездомных неправомерно исключают и выгоняют из зданий вокзалов и аэропортов. Первые заявления, как правило, исходят от государственных акторов, вторые — от НКО, благотворительных организаций и активистов. Поскольку транспортные зоны неизбежно становятся точкой притяжения бездомных людей, в работе нас интересует, какие существуют стратегии взаимодействия с бездомными на вокзалах в Москве, кто выступает в качестве акторов этого взаимодействия и какими логиками руководствуются эти акторы. Эмпирический материал исследования — наблюдения и экспресс-интервью в зданиях Ленинградского и Ярославского вокзалов и на привокзальных территориях, которые проводились зимой и летом 2024 года. В статье мы демонстрируем несколько логик или паттернов взаимодействия, которыми пользуются сотрудники вокзалов и показываем, что доминирующей логикой можно назвать логику распределенной ответственности. В рамках этой логики решения об исключении бездомных с вокзалов, игнорировании или оказании им помощи зависят от нескольких факторов: оценки сотрудниками уровня своей ответственности за ситуацию, их личных качеств и критериев, по которым они идентифицируют бездомных людей.

Ключевые слова: бездомность, бездомные люди, вокзалы, логики взаимодействия, маргинальные пространства, первоклассные пространства

Для цитирования: *Мальков, М.Д., Ченцова, А.А. Л*огики взаимодействия с бездомными людьми на московских вокзалах // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 70–99.

Введение

Вокзалы и привокзальные пространства являются точками сборки множества акторов, в том числе и тех, кто находится в сложной ситуации, лишился дома и/или не имеет средств к существованию [Höjdestrand, 2005; Stephenson, 2017; Ding et al., 2022]. Обладая некоторыми знаниями и опытом, человек может найти на вокзале более-менее безопасное пристанище на ночь, подзаработать, поесть, получить определенные медикаменты, закрыть базовые гигиенические потребности. Возможность находиться на вокзале, привлекая к себе гораздо меньше внимания, чем в ряде других публичных пространств, обусловлена чертами вокзалов как транзитных зон [Doherty et al., 2007; Carminucci, 2011]. Доэрти и его коллеги, отсылая к исследованию бездомности Хоппера [Hopper, 2003], показывают, как выделяемый им при описании специфики пространства аэропорта концепт лиминальности может быть применён к описанию пространства вокзала. По Хопперу, лиминальность — транзитное состояние, состояние перехода между хорошо известными, фиксированными ролями, когда привычные маркеры социального различия стираются; лиминальность подразумевает смешение с «незнакомыми другими» в «странной» обстановке, часто «мобильных обстоятельствах» [Hopper, 2003, p. 20]. В аэропорту, говорит Хоппер, временно приостанавливается привычное разделение на частную и публичную сферы жизни, набор правил допустимого поведения обретает бóльшую эластичность: «… обычные граждане <…>, многие с сумками, а большинство выглядит не лучшим образом, — укладываться спать у всех на виду. Достаточно чистому и прилично одетому бездомному не составит труда затеряться среди импровизированных ночлежек <…> И поведение, которое обычно считается неуместным, например, распаковывание, перебирание и повторное упаковывание комплектов одежды в общественном месте, остается незамеченным в условиях, когда импровизации спешащих путешественников могут легко прерывать действие установленной конвенции» [Ibid., p. 125]. Это описание в значительной степени релевантно и для вокзалов.

С другой стороны, вокзалы и привокзальные площади как транзитные зоны характеризуются и особым темпоральным режимом: если не происходит никаких накладок (например, выхода из строя аппаратов по продаже билетов или задержек в отправлении поездов), пассажиры на вокзалах не спят. На вокзале появляются, чтобы его покинуть. Нормой вокзальных пространств является постоянное движение: быстрая покупка кофе или фастфуда в дорогу, стремительные перекуры, лавирование и маневрирование среди бегущих, опаздывающих и зазевавшихся людей. Если человек сидит на лавочке с сумками

и пакетами, он может быть воспринят патрулирующими сотрудниками как пассажир, ожидающий поезд. Однако если человек сидит слишком долго, он может вызвать подозрение у работников вокзала.

По каким признакам человека на вокзале могут идентифицировать как бездомного? Что происходит с человеком после такой идентификации? Какие существуют стратегии взаимодействия с бездомными на вокзале, кто выступает в качестве акторов этого взаимодействия, какими логиками руководствуются эти акторы?

В статье мы коротко опишем, как на эти вопросы отвечают зарубежные исследования, и попытаемся дать свои ответы в рамках исследования, эмпирическим материалом которого стали наблюдения в зданиях Ярославского и Ленинградского вокзалов и привокзальных территориях и 25 интервью со стейкхолдерами вокзала (дежурные, сотрудники транспортной безопасности, полиция, продавщицы в магазинах) разной степени продолжительности — от 5 до 40 мин — и в самых разнообразных условиях: на кассах, у стоек, во время перекуров работников на улице и т. д. Интервью и наблюдения проходили в 2 этапа: в феврале и в течение лета 2024 года.

Необходимо отметить, что вокзал как объект исследования сильно отличается от других общественных пространств. Найти информантов, которые готовы на хотя бы небольшое интервью гораздо сложнее, чем, к примеру, в парке. Так, метод экспресс-этнографической оценки («rapid ethnographic assessment»), в рамках которого возможны неспешные прогулки антропологов совместно с посетителями парка, комментирующими свой маршрут [Taplin et al., 2002], практически неприменим в (при)вокзальном сеттинге. Наши респонденты, работники вокзала, были обычно заняты, исполняя свои должностные обязанности, и потому часть интервью длились всего несколько минут. Самые протяженные интервью относятся к ночному времени. Одна из сотрудниц вокзала, которая смогла уделить нам немного времени днём, высказала подтвердившееся на практике мнение: когда ночью приостанавливается движение поездов и на вокзале почти нет посетителей, многие сотрудники вокзала охотно поддержат разговор.

Практики и агенты взаимодействия с бездомными на вокзалах

В исследованиях регулирования доступа бездомных к публичному пространству в европейских странах и США демонстрируется, что по отношению к бездомным зачастую применяются ограничительные меры. Говоря точнее, эти меры формально применяются в ответ

на «антисоциальное» поведение, которое ассоциируется с бездомными, например, попрошайничество, алкогольное опьянение, сон в общественных местах и, если переходить непосредственно к транзитным зонам, нахождение на территории вокзала без билета или нахождение в вагонах, прибывших на конечную станцию маршрута [Wasserman et al. 2024; Doherty et al., 2007].

К примеру, в рамках модернизации немецких железных дорог (Deutsche Bahn) утвержденная программа трех S — Service, Sicherheit und Sauberkeit (Сервис, Уверенность и Чистота) — запрещала «чрезмерно» потреблять спиртные напитки, сидеть и лежать на ступеньках, рыться в мусорных корзинах [Busch-Geertsema, 2006].

На железнодорожном вокзале в Варшаве патрули национальной и муниципальной полиции и сотрудники железнодорожной охраны обязаны выгонять бездомных в ночные часы, когда нет железнодорожного сообщения и запланирована уборка. Так бездомные лишаются возможности переночевать на территории вокзала и в вагонах поездов. В остальное время им настойчиво предлагают отправиться в приюты, то есть покинуть вокзал; сотрудники служб безопасности могут вывести их насильно, если те пьяны и/или ведут себя «буйно» [Wygnańska, 2006].

Высокую эффективность отслеживания и выдворения нарушителей обеспечивает широкое использование систем видеонаблюдения, а также привлечение наряду с полицией новых агентов правопорядка, а именно частных охранных служб. Это становится возможным с юридической точки зрения, так как на территории европейских вокзалов располагается большое количество магазинов, ресторанов, находящихся в частной собственности.

Это факт свидетельствует еще об одном важном аспекте — расширении круга акторов, принимающих участие в ужесточении нормативного порядка в транзитных зонах и территориях, к ним прилегающих. Группа исследователей описывает кейс, в котором владельцы и арендаторы магазинов и ресторанов торгового центра в Швеции, заключившего улицы под стеклянную крышу и лишившего их статуса публичного пространства, объединились в коалицию и добились решения властей ограничить доступ в торговый центр, рядом с которым находились автобусная и железнодорожная станции, привлекавшие бездомных: на его территории запретили употребление алкогольных напитков и нахождение в ночные часы [Sahlin, 2006].

Меры, препятствующие нахождению бездомных в транспортных хабах, не исчерпываются просьбами/требованиями покинуть территорию и применением силы в случае несогласия. Распространяются способы воздействия, не требующие участия акторов-людей, например, создание «враждебной/надзорной архитектуры» [Petty, 2016; Rosenberger, 2020; Wasserman et al., 2024]. Скамейки, на которых бездомные могли бы отдохнуть или поспать, демонтируются и/или заменя-

ются на такие, на которых можно только сидеть; ликвидируются элементы архитектуры, мешающие обзору камер.

Системы видеонаблюдения в тандеме с увеличением числа сотрудников охраны ставят под угрозу существование одной из основополагающих характеристик транспортных хабов — лиминальность пространства, допускающую разные формы поведения. Это меняет практики самих бездомных: они пытаются дисциплинировать свои тела таким образом, чтобы стать «невидимыми», помещая себя в «слепые» зоны, не попадающие в обзор камер. Часто они вынуждены покидать территорию. Тем не менее, некоторые бездомные находят способы находиться на вокзале легально (например, в случае устройства на работу на вокзале).

Важно отметить, что также существует ряд инициатив и стратегий, нацеленных на помощь бездомным в транзитных зонах или в непосредственной от них близости. Авторы одного из исследований выделяют несколько стратегий работы с бездомностью в таких локациях [Loukaitou-Sideris A. et al., 2023].

Первой является создание вблизи транспортных узлов центров, которые оказывают услуги и помогают бездомным (hub of services). Исследователи рассматривают такой центр в Филадельфии, в котором работают социальные и медицинские работники. Другой коллектив исследователей упоминает также введение в повторную эксплуатацию так называемых ferrohotels, где бездомные могут принять душ и переночевать [Tosi & Petrillo, 2006]. В Польше действуют «комнаты для согрева», находящиеся неподалеку от зданий вокзалов. Эта стратегия применяется по отношению к другим маргинальным группам, которых стремятся вытеснить из общего пространства: в Дании функционируют «маргинальные комнаты», например, кафе для людей с наркотических зависимостью [Doherty et al., 2007].

Вторая стратегия реагирования — это мобильный аутрич (метод работы с бездомными, который заключается в оказании помощи в том месте, где проживает на данный момент бездомный), работники которого не концентрируются в каком-то конкретном месте, а перемещаются по транспортной зоне и помогают бездомным адресно. Как отмечают авторы, задача работников аутрича во многом заключается в том, чтобы сократить количество столкновений бездомных с полицией [Loukaitou-Sideris A. et al., 2023, p. 1203–1204]. Мы полагаем, что к этой стратегии можно отнести и практики фиксирования случаев выдворения бездомных с вокзала с превышением должностных полномочий сотрудниками полиции и иных служб безопасности. Эта стратегия реализовывалась, в частности, на Брюссельском южном вокзале объединенными силами сотрудников социальных служб, благотворительных организаций и самих бездомных. В результате политика на вокзале в отношении бездомных несколько «смягчилась» [Meert et al, 2006].

Третья стратегия заключается во введении для людей в ситуации бездомности тарифов на проезд с большими скидками. Как отмечается в другом исследовании, проведенном в Канаде, высокие цены на транспорт не позволяют многим бездомным искать работу или добираться до нее, а это становится серьезным барьером на пути выхода из состояния уличной бездомности [Hui and Habib, 2017].

Четвертая стратегия состоит в бесплатной транспортировке бездомных в шелтеры из транспортных зон[1].

Стоит также расширить эту классификацию за счет упоминания филиалов различных социальных служб, НКО, благотворительных организаций, действующих на территории самих вокзалов и оказывающих определенные виды помощи на месте. Например, на территории вокзалов в Германии действуют филиалы социальной службы Bahnhofsmission под эгидой евангелической и католической церквей[2]. Они оказывают помощь тем, кто оказался в чрезвычайной ситуации, в том числе «экзистенциального» характера обеспечивают местом, где можно отдохнуть или переночевать, горячей едой, направляют в другие социальные службы [Busch-Geertsema, 2006].

Логики взаимодействия с бездомными на вокзалах

Заметное количество англоязычной исследовательской литературы, посвященной выделению и описанию модусов и конкретных практик взаимодействия с бездомными в городском пространстве (включая территории транспортных хабов), в своих интерпретациях апеллирует к неолиберальной логике / «неолиберальному реваншизму» / «неолиберальной урбанизации», «реколонизации города капиталом», которая подразумевает превращение публичного пространства в частное, наполовину частное или квазипубличное и его коммодификацию [Doherty et al., 2007; Hennigan & Speer, 2019]. Города

[1] О проблематичности транспортировки людей можно прочитать в материале The Guardian, где показано, как более 10 тысяч бездомных людей транспортировали из Сан-Франциско «билетом в один конец», зачастую для того, чтобы освободить приюты, дав надежду многим на то, что переезд поможет им начать жизнь заново, хотя это не всегда приводило к улучшению жизни людей и выходу из состояния бездомности. Bussed out How America moves its homeless [Электронный ресурс] <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2017/dec/20/bussed-out-america-moves-homeless-people-country-study> [Дата обращения:15.10.2024].

[2] Сайт миссии Bahnhoffsmission [Online] <https://www.bahnhofsmission.de/index.php?id=1933> [Дата обращения] 12.08.2024.

соревнуются друг с другом за привлечение капитала, стремятся создать наиболее привлекательные условия для бизнеса, что помимо всего прочего предполагает контроль за движениями бездомных и управление ими. Освоение бизнесом вокзалов как выгодной локации (большая проходимость, меньшие ограничения по часам работы) для реализации широкого спектра коммерческих активностей могут приводить к стигматизации бездомных на специфических основаниях. Бездомные/пьяные/попрошайки — «нежелательные», «лишние» элементы в потребительском опыте платежеспособных клиентов.

Джонсен и Фицпатрик выделяют несколько категорий мер, применяемых к бездомным в ситуации неолиберальной урбанизации, которые мы будем называть логикой исключения:

- законодательные (например, криминализация уличного образа жизни);
- физические (манипуляции с городским пространством, чтобы исключить нежелательные группы/активности);
- надзорные (усиление контроля общественных/квазипубличных мест);
- дискурсивные (конструирование отталкивающего образа бездомного) [Johnsen & Fitzpatrick, 2010].

Любопытно, как в ряде случаев в стремлении ликвидировать бездомность ее делают гипервидимой. Пример такой дискурсивной практики описан в статье Голдфишера, анализирующего кампанию против бездомных в Нью-Йорке 2015 г. [Goldfischer, 2018]. Эта кампания под названием «Peek-A-Boo, We See You Too» была инициирована полицейским профсоюзом и призывала сотрудников не при исполнении и всех неравнодушных граждан фотографировать лежащих на улицах бездомных, попрошаек, наркоманов: эти фотографии публиковались на созданном для кампании сайте с целью продемонстрировать властям, в каком ужасном состоянии находится Нью-Йорк. Голдфишер использует концепт эпистемического бэкграундинга, чтобы продемонстрировать механику производства знания о субъекте, который сам в этом производстве принять участие не может, поскольку объективируется. Фотографии бездомных производят знание о них вокруг них, но не для них. Тела бездомных фреймируются фотографиями, криминализируются, помещаются вне закона. Как правило, на фотографиях был запечатлен один образ: мужчина средних лет, растянувшийся на тротуаре, грязные лохмотья, кружка для милостыни, спальный мешок. Так смотрящий на фотографии видит конкретного человека, но не задумывается о структурных причинах бездомности, не задумывается о том, что человек может и не быть бездомным — итоговым аргументом причисления человека к «бездомному» становится само его присутствие в Гарлеме [Ibid.].

Логике исключения подчиняются как меры карательного характера со стороны полиции, охранных служб, так и практики «заботы», инклюзии, осуществляемые благотворительными организациями,

социальными службами и в ряде случаев — также полицейскими и охранниками [Hennigan & Speer, 2019], поскольку эти практики направлены на контейнирование маргинальных групп, прежде всего бездомных, сокрытие их от всеобщего обозрения в специализированных учреждениях. То, что кажется заботой, в действительности может вписывается в аппарат карающих практик. Шелтеры оказываются в одном ряду с тюрьмами, цель у них одна — изоляция и дисциплинирование неугодных тел, так как бездомные в антураж коммерчески привлекательных зон не вписываются[3].

Любой приют, шелтер, с точки зрения рассмотренной литературы, — удобный инструмент для полиции, который позволяет им арестовывать бездомных, конфисковывать их имущество под видом соблюдения санитарных норм. В логике исключения шелтеры функционируют как службы, ориентированные на жалобы, интересы резидентов того или иного района, бизнеса, политиков, а интересы бездомных игнорируются [Herring, 2021].

Было бы весьма опрометчиво считать исчерпывающей объяснительную силу этих аргументов, в рамках которых все стратегии взаимодействия с маргинализированными группами в городском ландшафте подчиняются неолиберальной/капиталистической логике. Критики подхода, ориентированного только на рассмотрение карательных практик, помимо обращения внимания на чересчур эмоциональный вербальный регистр [May & Cloke, 2013], предостерегают от некорректной экстраполяции выводов, полученных на ряде кейсов в нескольких городах Северной Америки, на кейсы в других городах и странах с более развитой и сильной системой социальной поддержки, и в целом выступают за более взвешенную оптику «правительственного ассамбляжа» (governmental assemblage), включающего в себя различные интервенции, рациональности, императивы, дискурсы, материальные объекты, которые собираются случайно и ситуативно посредством агентности акторов в сборке, и эта сборка обладает способностью быть относительно автономной от более широких структур и процессов [Clarke & Parsell, 2020].

[3] В некоторых исследованиях отмечается, что бездомные люди могут чувствовать себя в шелтерах небезопасно, там их могут ограбить, отнять вещи, которые многое для них значат и создают ощущение дома. Информанты из Германии отмечали, что на улице у них больше свободы и возможностей, чем в шелтере, где все жестко регулируется и регламентируется. «Вы перестаете быть личностью и превращаетесь в проблему, которую они должны решить» [Schneider, 2022, p. 238]. Помимо этого, критикуется идея гендерно-разделенных шелтеров, поскольку многие бездомным приходится разлучаться со своими партнерами при заселении. В то же время, идея совмещенных по гендерному признаку шелтеров также критикуется, поскольку многие женщины чувствуют себя в них небезопасно.

Стоит отдельно подчеркнуть, что законодательство, особенно если оно сформулировано нечетко и открыто к разным интерпретациям, позволяет полицейским становиться интерпретаторами норм на локальном уровне [Levi, 2021]. К примеру, полицейские «на передовой» иногда могут игнорировать приказы руководства в отношении некоторых безобидных, на их взгляд, проявлений уличной культуры [Johnsen & Fitzpatrick, 2010]. Поднявшись на уровень выше, мы тоже можем найти аналогичные кейсы: в лондонском округе Вестминстер властям было затруднительно применять предписания об антисоциальном поведении (the Anti-Social Behaviour Orders)[4] по отношению к просящим милостыню, так как главный магистрат в подавляющем большинстве случаев отказывался от их применения, поскольку не находил достаточных оснований обвинить их в домогательстве / создании беспорядка [Johnsen & Fitzpatrick, 2010]. Таким образом, важно тщательно изучать реальные локальные практики, которые являют собой селективное, нюансированное, творческое правоприменение [Donoghue, 2008].

Что касается образа шелтера как тюрьмы, в некоторых исследованиях, включающих в себя интервью с бездомными, описаны случаи, когда социальные центры, приюты и другие аналогичные организации действительно помогают представителям уязвимых категорий поправить свое положение, а кто-то из бездомных даже признавался, что применение к ним предписаний об антисоциальном поведении спасло им жизнь [DeVerteuil, 2006; Herring, 2021; Johnsen & Fitzpatrick, 2010].

Хотелось бы упомянуть еще одну гипотезу, которая расширяет представление о логиках, которые могут формировать и направлять стратегии взаимодействия с бездомными. Эта логика кажется весьма релевантной для анализа практик на вокзалах. Речь идет о концепте «пешеходности», в рамках которого в городе выделяются зоны, предназначенные для свободного движения пешеходов, соответственно, перед служителями порядка стоит задача обеспечивать максимальную реализацию этой функции; люди онтологически уравниваются в своем статусе с материальными объектами, все вещи делятся на

[4] Anti-Social Behaviour Orders — комплекс предписаний, действовавших на всей территории Соединенного Королевства с 1998 до 2014 год (с 2014 года они были отменены в Англии и Уэльсе и заменены на гражданско-правовые запреты и предписания о криминальном поведении) в отношении лиц, вовлеченных в «антисоциальное поведение». К таковому относились алкогольное опьянение, проявление агрессии в отношении других лиц, попрошайничество, справление нужды в общественном месте, бродяжничество/праздношатание («намеренное»), вандализм и т.д. Среди пресекающих такое поведение мер — запрет возвращаться на определенную территорию и предписание обратиться в социальные службы, ходить в группы поддержки и т.д.

две категории — препятствующие движению (и подлежащие устранению) и не препятствующие движению [Blomley, 2007; Levi, 2021]. В рамках этой логики абсолютно не важно, кто или что находится перед человеком, следящим за порядком.

«Пассажиры», «посетители», «покупатели», «граждане», «жители», «вурдалаки», «тараканы», или кого сегодня можно встретить на московских вокзалах

Статус вокзала в России претерпевал изменения в зависимости от социально-экономической и политической обстановки [Höjdestrand, 2005; Stephenson, 2017]. Последнюю радикальную трансформацию крупного российского вокзала в исследовательской литературе зафиксировала Т. Хёйдестранд [Höjdestrand, 2005]. В своей книге, посвященной изучению бездомности в Санкт-Петербурге, она показывает, что в конце 80-х — начале 90-х годов бездомные могли сравнительно просто проходить в здание Московского вокзала, их часто нанимали на подработку, а иногда бездомные могли работать там постоянно — например, в ларьках с едой. Однако с наступлением периода экономического роста городские власти инициировали трансформацию общественных пространств города в более привлекательные места в «евростиле». Вокзалы начинают модернизировать в стремлении сделать их более «презентабельными». Также декларируется намерение сделать вокзалы безопасными пространствами перед лицом террористической угрозы[5]. Одной из первых мер для достижения поставленных целей становится полное исключение бездомных людей [Höjdestrand, 2005, p. 94][6].

[5] Можно проследить параллели в обоснованиях необходимости ужесточить надзор за территорией вокзала и отказывать бездомным в доступе к ней с европейскими кейсами. В них также использовался антитеррористический аргумент, однако, как отмечается в одном из исследований политики регулирования итальянских вокзалов, на самом деле усиление контроля предшествовало терактам в Мадриде 2004 г. и Лондоне 2005 г: запрет находиться без билета на вокзале и даже пользоваться уборными на его территории был введен в 1996 г. [Tosi & Petrillo, 2006].

[6] «Окончательный удар был нанесен приближающимся трехсотлетним юбилеем города в 2003 году, после чего Московский вокзал стал похож на любой гипермодный столичный транспортный объект: стерильные рестораны быстрого питания на западный манер, магазины, а не киоски (за исключением нескольких безупречно чистых фастфудов), и, кроме того, тщательная реорганизация милицейского надзора, позволившая явно разросшейся милиции проверять документы у каждого путешественника, который, как ка-

Хёйдестранд в своем анализе актуализирует различение пространства на «первоклассное» («prime space») и «маргинальное» («marginal space») — эта концептуализация часто используется в исследованиях бездомности и других маргинализированных групп [Snow & Anderson, 1993]. Из первоклассных пространств — общественных зон отдыха, парков, музеев и т. д. — бездомные исключаются с наибольшей интенсивностью, поскольку они, говоря словами Мэри Дуглас, «оскверняют» эти места [Дуглас, 2000]. Маргинальные пространства, в свою очередь, удалены от скоплений людей — это склады, пустыри, зоны под мостами или автострадами. Эти пространства могут становиться убежищами для бездомных, поскольку не имеют особой ценности для облика города [Perry, 2013, p. 434]. Маргинальные пространства «оторваны от пространства работы, общения и личной гигиены» и часто становятся объектами государственных «зачисток» [Langegger & Koester, 2016, p. 7]. По этой причине, «чтобы выживать, им [бездомным] нужно занимать место в первоклассном пространстве, а для сна и отдыха они используют маргинальные пространства» [Höjdestrand, 2005, p. 78].

Такая категоризация пространства не подразумевает существование лишь этих двух состояний — они скорее обозначают крайние точки диапазона градиентных статусов. Тем не менее, в кейсе Московского вокзала, который описала Хёйдестранд, вполне четко прослеживается вектор движения в сторону ликвидации амбивалентности вокзала и превращения его в первоклассное пространство.

Свидетельства этой интенции мы находим и в медийном освещении политики, проводимой РЖД и в последние 10 лет. Например, в 2017 году Тимур Соцкий, глава пресс-службы Дирекции железнодорожных вокзалов, упоминая уже вокзал не в Санкт-Петербурге, а в Москве, сообщил изданию «Аргументы и факты»: «Мы делаем всё, что в наших силах. В первую очередь меняем формат вокзального пространства, убирая точки „антисоциального притяжения“. Например, на днях на Казанском вокзале с поперечной платформы убрали все кафе типа забегаловок, реформируем зоны торговли, залы ожидания. Повышаем уровень комфорта и услуг, чтобы сама среда не допускала наличия опасных элементов» [Костенко-Попова, 2017].

Если обратиться к перечисленным нами ранее логикам, которые могут обуславливать имплементацию тех или иных практик взаимодействия с бездомными, кейс вокзалов на уровне описания Хёйдестранд (с фиксацией на практиках исключения) и на уровне деклараций акторов-представителей проводимой политики кажется

жется, родом с Кавказа. Бомжей не видно, за исключением пары очень старых бабушек, которые, видимо, до сих пор пользуются своеобразным иммунитетом» [Höjdestrand, 2005, p. 109].

модельным для иллюстрации логики исключения, причем исключительно этой логики.

Тем не менее, данные наблюдений и интервью в рамках нашего исследования позволяют говорить о гораздо более гетерогенном ландшафте как практик, так и логик. Несмотря на принятие мер по ужесточению контроля за бездомными, недавнее исследование демонстрирует, что вокзалы являются распространенным местом ночлега для людей в ситуации бездомности в Москве [Цацура, Клюева, 2022, с. 421]. По этой причине можно говорить о сохраняющейся актуальности описания Комсомольской площади, или Площади трех вокзалов (Ленинградский, Ярославский и Казанский вокзалы), предложенного ранее Стивенсон: это «центральный узел в физической и ментальной географии бездомных людей» в Москве [Stephenson, 2017, p. 20].

Поскольку категория «бездомности» размытая и ни в исследовательской литературе, ни в повседневных практиках нет консенсуса, кого и в какой ситуации считать «бездомным», мы столкнулись с очевидной проблемой нашего исследования — как понять, каким образом сотрудники вокзала взаимодействуют с категорией людей, которую невозможно очертить, и идентификация которой будет отличаться у разных акторов? Именно поэтому мы отталкивались от обратного — прежде всего, нас интересовало, как *сами сотрудники решали для себя вопрос идентификации*.

В разговоре с дежурным по вокзалу возник такой сюжет: сотрудник разделяет всех людей на вокзале на две категории: «посетители» и «пассажиры». По его словам, для сотрудников на вокзале нет никаких бездомных: «Может, он пришел посидеть в КФС пивка попить». Даже если у человека нет билета или он неопрятно выглядит, он является «посетителем», а значит, имеет право находиться на вокзале. Ту же линию аргументации транслирует и сотрудник транспортной безопасности: «Ну, зайдет тот же бомж в магазин. Его уже не выгонят. Ну, он зашел. Он *покупатель*[7]» (сотрудник транспортной безопасности). Эта логика вступает в заметное противоречие с логикой исключения, согласно которой бездомные подлежат удалению с территории вокзала, поскольку подразумевается, что они не могут выступать в роли покупателей по умолчанию. Здесь же бездомные маркируются как потенциальные покупатели, и этот потенциальный статус легитими-

[7] Пространство, в котором находится человек, может маркировать его статус. Некоторые исследователи отмечают, что бездомные стремятся к анонимности и не-узнаванию и не-распознаванию как «бездомные». Это может влиять на то, что они избегают появления в местах, которые обязательно маркируют их как бездомных (например, рядом с приютами) [Langegger, Koester, 2016, p. 11]. Соответственно, заходя в магазин, человек принимает вписанную в пространство роль пользователя, то есть покупателя, что дает ему возможность хотя бы временно не идентифицироваться другими как бездомный.

руется просто присутствием на территории магазина, факт покупки товара не обязателен. С другой стороны, у некоторых бездомных выработаны практики, позволяющие им фактически становиться покупателями. Сотрудник закусочной у вокзала в ответ на вопрос, заходят ли в нее бездомные и, если да, то как себя ведут, смеясь, рассказал про одного такого посетителя, «дядю Гену» (имя изменено), который ловит снаружи проходящих людей и просит купить ему поесть: «У него лицо такое, что как увидишь, сразу захочешь че-нить ему подарить». Любопытно отметить, что, когда молодой человек на кассе прервал с нами разговор для того, чтобы обслужить посетителя, тот, будучи не бездомным, выразил удивление высоким ценам. Несмотря на это, как мы смогли позже убедиться и сами, дяде Гене действительно удавалось убеждать покупать ему в закусочной еду, причем он выбирал конкретные позиции из меню.

Тем не менее, нельзя утверждать, что бездомные обладают беспрепятственным доступом на вокзал. Тот же дежурный вокзала, который изначально разделял всех находящихся на вокзале на посетителей и пассажиров, в ответ на прямой вопрос про бездомных ответил так: «Тех, о ком вы говорите, просто выводят с вокзала». Другие сотрудники называют эту регулярную процедуру «зачисткой». Такое название многие информанты давали ночному обходу вокзала, который осуществляли сотрудники транспортной безопасности и полицейские. Этот обход описывался сотрудниками как «наведение порядка» — в рамках него из здания вокзала могут выгнать, к примеру, людей без билетов или пьяных, в том числе и бездомных. «А вот они идут, которые делают зачистку. Это наши сотрудники, полиция. Вот как раз они сейчас сгонят… *жителей*, вот сгонят в следующий зал» (сотрудница на рамке Ленинградского вокзала). Важно обратить внимание, что из этой цитаты становится понятно, что в ряде случаев зачистка предполагает не удаление с вокзала, а *перемещение* человека из одного зала в другой, вероятно, в область ответственности другого работника. Это подтверждает цитата из интервью с сотрудником транспортной безопасности: «Если *на нашей территории* лежит, то, естественно, мы реагируем». Так, можно сделать вывод, что ответственность на вокзалах распространена пространственно.

Зачистка происходит ночью, когда людей меньше: «Днем как бы они [бездомные] сливаются с массой пассажиропотока, да, и то есть в основном… С ними мы не контактируем» (сотрудник транспортной безопасности).

Важно сразу отметить, что не существует закона или правила, по которому можно выгнать человека из здания вокзала[8]. Это никак

[8] За исключением ситуаций, когда человек находится в состоянии алкогольного опьянения. Не претендуя в статье на подробный анализ юридической стороны нашей темы,

законодательно не урегулировано, однако сотрудники транспортной безопасности все равно могут использовать различные стратегии по контролю за перемещениями людей на вокзале. Самая распространенная стратегия — это попросить человека уйти с вокзала, аргументируя это тем, что у человека нет билета. Сотрудники также могут настойчиво предлагать человеку покинуть вокзал под разными предлогами. Если это не удается, сотрудники могут вызывать полицию. Сами дежурные или сотрудники транспортной безопасности (которые и проводят «зачистку») не имеют права выгнать человека с вокзала, и важно, что многие люди, в том числе, и бездомные, знают об этом. Таким образом, тот, кто первый будет апеллировать к полиции, будет прав: если сотрудник вызвал полицию, то нарушителем будет бездомный; если бездомный успел вызвать и пожаловаться, то бездомный становится несправедливо выгнанным посетителем.

Некоторые информанты отмечают новую практику, которую бездомные используют, чтобы остаться на вокзале: они стали «переодеваться в одежду СВО» — предположительно, символический капитал «бойца СВО», который выражается в Z-атрибутике и милитари-стиле, дает бездомным возможность заходить на вокзалы. Такая маскировка становится стратегией, с одной стороны, прохождения в те места, откуда раньше бездомных выгоняли (или куда их не пускали), с другой — сокрытия своего статуса бездомного. Другие сотрудники указывали, что начали чаще видеть людей в военной форме на вокзале, но могут никак не реагировать на них, даже если они пьяные или у них нет билета. «Очень много есть с зелёным, с зелёным, с камуфляжем, но просто… Ну, вот пьяный, ну мало ли, у него такая психологическая травма, оттуда едет. Может, он напился от этого. Я не могу пока это определить» (сотрудник транспортной безопасности).

До «зачистки» происходит другая процедура — «отсев». Чтобы попасть на вокзал, любому человеку нужно пройти через рамку досмотра — именно там происходит первый «отсев» людей, которые, по мнению дежурных на рамке, не должны попасть на вокзал. Для этого сотрудники могут задавать наводящие вопросы, например, узнавать, куда едет человек. Если он, пытаясь пройти на Ленинградский вокзал, утверждает, что едет в Краснодар, то его могут не пустить, так как

следует отметить неоднозначность и размытость законов, которые регулируют подобные практики исключения. Как мы уже отметили, дежурный считает, что многие люди могут прийти на вокзал чтобы «попить пивка» — как минимум, попить пивка может также и множество пассажиров (и не только пивка). Таким образом, нахождение на вокзале в состоянии алкогольного опьянения еще не означает, что полиция будет как-то на это реагировать. Помимо этого, стоит отметить, что все эти вопросы может решить только полиция, полномочий выгнать кого-то с вокзала у дежурных или сотрудников транспортной безопасности нет.

с этого вокзала в Краснодар поезда не отправляются. Помимо этого, сотрудники смотрят на внешний вид человека, на его «опрятность» и оценивают его запах и одежду: «…есть определенные требования к гражданам, независимо от того, бомжи там, не бомжи — чтоб были чистые и трезвые, не вонючие». Другой сотрудник все-таки выделял бездомных как категорию и признавал, что их на вокзал старались не пускать: «…скажем так, стараемся *граждан-бездомных* не пускать на вокзал, чтобы другие пассажиры не чувствовали себя некомфортно». Как утверждали информанты, работающие на рамке, по виду человека «все очевидно». В процессе одного из наших интервью, работница на рамке консультировалась с коллегами, стоит ли пускать «подозрительного» мужчину: «Оцените, пожалуйста вот, пускать, не пускать?» Сам мужчина был довольно молодой, у него были документы, но не было билета. Попасть на вокзал днем гораздо проще, и, как отмечали информанты, большинство бездомных или безбилетников все равно свободно проходит на вокзал в течение дня и затем пытается остаться там на ночь.

«Зачистка» всегда проходит по-разному: поскольку универсальных регламентов нет, зачастую каждый работник лично решает, что делать с тем или иным «нарушителем»: «Мы идем с сотрудниками полиции обязательно, потому что они тут только-только имеют основания и законные права попросить их выйти. Мы вместе с ними идем и, как бы сказать, зачищаем вокзал от бомжей. Ну, от конкретных. Есть бедолаги, ну, которые трезвые, нормальные. Ну и… можно войти в положение» (сотрудник транспортной безопасности). Что за «конкретные бомжи»? «Обычно мы удаляем из вокзала тех, кто уже конкретно пьяный, в пачкающей одежде, ну и тем более буйный, да» (он же).

Неопрятно выглядящим, неприятно пахнущим людям даже при наличии денег могут отказать в использовании капсульного отеля, или «капсулы», располагающегося на втором этаже Ярославского вокзала. В этом призналась сотрудница этого «отеля», несмотря на то, что формально для сна в капсульном отеле не требуется никаких документов. Несмотря на привлекательное объявление, сон в этом «отеле» вряд ли можно назвать комфортным, при этом стоимость за шесть часов сна составляет 900 рублей (Рис. 1).

В то же время на вокзале есть бездомные, которых могут и не трогать, закрыть глаза на то, что они там ночуют. У этих людей есть клички, их знают многие сотрудники на вокзале: «Инженер», «Еврей», «Монах» и т. д. Эти люди не пьют и не ругаются, но ночуют на вокзале регулярно — их «зачистка» может не касаться.

Тем не менее, многое зависит от ситуации, например, если на бездомного пожалуются пассажиры, то транспортной безопасности и полиции придется отреагировать. Одна из охранниц ленинградского вокзала разделяет бездомных на «приличных» и «дебоширов»:

Рис. 1. Капсульный отель на втором этаже Ярославского вокзала

«Бездомных, если они выглядят прилично, могут оставить ночевать на вокзале. Если дебоширят, то выгоняют».

Зачастую судьба бездомного зависит от того, какой работник его обнаружил. При этом сама идентификация бездомных происходит по принципу «примелькания»: если одного и того же человека начинают часто замечать на вокзале, это может вызвать подозрение и привести к «удалению» на улицу. Будет ли при этом вызываться полиция или социальная служба, решает отдельный работник.

В отличие от, к примеру, кейса варшавского вокзала, который мы упоминали, «начальство» не снабжало сотрудников, ответственных за поддержание порядка, четкими инструкциями по перенаправлению бездомных в приюты и службы, оказывающие помощь нуждающимся. Вместо официально прописанных рекомендаций или регламентов, руководство вокзала может «на словах» и в туманных формулировках сообщать требования примерно так: «Следите, контролируйте, чтобы не было того-то, того-то» (именно так описал задачи начальства один из сотрудников). Очевидно, что, с одной стороны, такая неофициальная позиция развязывает руки сотрудникам, которые могут заниматься самоуправством, с другой же — сотрудники могут вообще избегать каких-то контактов с людьми, которые кажутся им бездомными, поскольку никаких правил нет. В основном

работников вокзала судьба бездомных не беспокоила. Когда мы задавали вопросы о том, есть ли возможность у бездомных подзаработать на вокзалах или почему, на их взгляд, бездомным так важно попасть на территорию вокзала сотрудник транспортной безопасности ответил: «Это я уже не знаю <…> Это не ко мне вопросы».

Отчасти возможность не переживать за бездомных обеспечивает разделение бездомных на достойных сочувствия и снисхождения и на тех, кто этого не достоин. Эта риторика присутствовала в большинстве проведенных интервью с работниками вокзала. «Недостойные» описываются как «грязные», «ленивые», «вонючие», «опущенные», которые «все пропили в этой жизни, уже нечего терять», которые «постоянно лезут сюда» (сотрудник транспортной безопасности). Такие бездомные дегуманизируются, превращаются в речи информантов в «тараканов», в «вурдалаков», в «это». Сотрудница вокзала, указывая на группу бездомных, сидящих на ступенях у входа на вокзал, сообщила: «Вон, в в серых штанах, черной футболке сидит женщина, если *это* можно назвать женщиной». Она также утверждала, что помогать таким бездомным бессмысленно, поскольку оставаться на улице — во многом их выбор: «…где-то же их кормят, моют, переодевают <…> Два дня такими побудут, а потом возвращаются в такую жизнь». Другой информант, работник службы безопасности, утверждал, что единственная стратегия работы с ними вызов полиции и «удаление» с вокзала на улицу.

С другой стороны, многие информанты утверждали, что на вокзалах творится беспорядок: «[Бездомные люди] пользуются, всем, чем хотят. У них свобода» (работница Ярославского вокзала). Таким образом, утверждения о том, что бездомными занимается полиция и «удаляет» их с вокзала, соседствовали с историями о чуть ли не захвате бездомными всего пространства вокзала: «Зал для ожидания и зал для военных: они атаковали все и орут. Люди с ними не связываются, стараются обойти. Они там как дома у себя, и ничего с ними сделать нельзя. В пятом, шестом зале, да их везде много, по всему вокзалу. Они находят билеты, подбирают, который пассажир нормальный приехал, воспользовался, выбросил. Они его подбирают и по билету проходят сюда. На ночь, могут вот тут на первом этаже посидеть. Они как тараканы со всех сторон, если вас это интересует» (работница Ярославского вокзала).

Бездомность как результат личного выбора и как личная вина — такую точку зрения некоторые исследователи считают элементом логики исключения, иллюстрацией неолиберального дискурса о личной ответственности каждого человека за свое благополучие, о том, что всегда есть шанс заработать и поправить свое положение. Однако мы полагаем, что эта логика не свойственна исключительно капиталистической идеологии: аналогичное отношение к «тунеядцам» можно было встретить и, например, при советском режиме.

Стоит также отметить что, несмотря на нескрываемое отторжение, которое выражали информанты в отношении бездомных, в ходе интервью выяснялось, что такую установку на расчеловечивание нельзя назвать распространенной среди всех работников. Так, сотрудник транспортной безопасности, рассказывая, что несколько раз вызывал бездомным скорую помощь, был убежден, что не может поступить иначе: «Как-никак, это же человек». Еще один вариант при взаимодействии с предположительно бездомными, у которых на территории вокзала возникают острые проблемы со здоровьем, описали сотрудники Ленинградского вокзала, стоявшие на рамке — вызвать «социальный патруль»[9]. Часто бывает, что сам бездомный может попросить помощи, иногда бездомные отказываются от помощи и не едут никуда с социальными службами. Дежурному сообщают о проблеме, затем вызывается социальная служба или скорая, затем бездомный может уехать, либо остаться каким-то образом на вокзале, либо его просто попросят выйти на улицу.

Хотелось бы снова подчеркнуть, что за исключением случаев, когда жизнь бездомного очевидно находится под угрозой и он/она нуждается в скорой медицинской помощи, четкого регламента взаимодействия с бездомными нет, и потому есть основания говорить не о единой логике, структурирующей существующие практики, а об ассамбляже логик. Большое значение имеет личностный фактор: убеждения конкретного актора, обладающего определенной властью на локальном уровне в условиях отсутствия соответствующего законодательства и четких инструкций, его личное представление о «порядке». С другой стороны, можно говорить о самой амбивалентности, ситуативности принятия решений как о едином структурирующем принципе в пространстве мерцающих и изменчивых практик. Человека могут не пустить на вокзал, опираясь на несуществующее правило, а могут и пустить; могут выгнать с вокзала, а могут и позволить там переночевать с сумками и мешками; некоторые сотрудники могут попробовать выгнать «нарушителей» на улицу, а некоторые — просто увести в другой зал, за который уже не несут ответственность.

Безусловно, разнообразие практик и логик не бесконечно, и мы можем выделять общие тенденции. В частности, в отличие от более ранней политики, больше не ставится задача сделать бездомность «невидимой», главное требование — контроль за порядком, потому бездомные могут сидеть на улице или на самих вокзалах, если они не пьют алкоголь, не шумят, не привлекают внимания, выглядят опрятно: «Сидит и сидит, это не запрещено, у нас страна свободная» (сотрудник транспортной безопасности). Можно предположить, что такая лояльность все же связана не с либеральными взглядами сотрудников,

[9] Мобильные бригады помощи бездомным Центра социальной адаптации имени Е. П. Глинки.

а осознанием, что «опрятный и тихий» бездомный не нарушает порядок, следовательно, проходящие люди не будут интерпретировать нахождение такого человека на вокзале как ошибку или халатность сотрудников транспортной безопасности. Таким образом, сотрудники вокзала, полиция, служба безопасности во многих случаях может свести взаимодействие с бездомными к минимуму и, как правило, многие интеракции с бездомными происходят не потому, что сотрудники стараются им помочь или, наоборот, выгнать с вокзала, а потому что «надо же что-то сделать, как-то отреагировать» в зависимости от конкретной ситуации. Сотрудники могут не пустить или попробовать выгнать человека из здания вокзала (вне зависимости от того, бездомный это или нет), если сотруднику кажется, что человек по какой-либо причине может нарушить порядок.

Мы считаем важным подчеркнуть, что отсутствие регламентов, универсальных рекомендаций и выработанных моделей взаимодействия с бездомными иногда может приводить как к полному игнорированию беспорядка или ситуаций, когда человеку необходима помощь, так и к жестким и дискриминирующим интервенциям сотрудников вокзалов, причем эти интервенции могут быть применены в том числе к тем, кого посчитали бездомным ошибочно. В качестве примера приведем попытку выгнать из здания продавщицу, работающую на вокзале, которая вызвала подозрение, поскольку долго сидела на лавочке без вещей: «У меня перерыв, получается, официальный, да, там, там… Я иногда просто закрываю магазин, ну, по телефону поговорить, там, и все. У меня важный разговор, чтобы никто не отвлекал, я закрываю и иду туда в зал. Села, народу рядом нету, я открываю телефон, набираю, вот, и говорю. Но один раз я так сидела, минут 10, позвонила уже, перерывчик у меня. И подходит полиция. Здесь есть два вида, ну, как, полиция и вот эти, служба безопасности. И они в лицо смотрят, и это, каждую твою… Они меня знают, но все равно они проверяют все. Они подходят и спрашивают. Поднимают меня, если я глаза закрыла. Говорят, что вы тут сидите? Я говорю, да я вот работаю здесь, может, они увидели меня в камеру и ко мне подошли, я не знаю. Они смотрят в камеру, спросили, почему вы здесь сидите?» (продавщица на Ярославском вокзале).

За все время наблюдений и интервью мы ни разу не сталкивались с медицинскими или социальными работниками, коммуницирующими с бездомными. В процессе наших наблюдений мы заметили, что НКО и иные социальные службы концентрируются прежде всего вне пространства вокзалов, их деятельность вынесена в другие локации. Такой локацией является парковка за Ярославским вокзалом, где собирается бóльшая часть бездомных людей и в целом людей, оказавшихся в сложной ситуации (Рис. 2).

Социальные службы и благотворительные организации привозят сюда еду и горячий чай, одежду и изредка лекарства. Пространство парковки создает достаточно сепарированную и скрытую зону:

Рис. 2. Парковка за Ярославским вокзалом, где благотворительные организации предлагают желающим еду (фото сделано 4 февраля 2024 года, в воскресенье)

чтобы до нее добраться с привокзальной площади, нужно пройти несколько закоулков и поворотов. Так, и это звучит весьма парадоксально, невидимыми бездомных делают не полиция, не служба безопасности, а организации, чья главная декларируемая цель — забота о бездомных, внесение вклада в решение проблемы бездомности.

За помощью на парковку приходят не только бездомные — несколько информанток, с которыми мы пообщались, приходят туда, потому что у них нет денег на еду и одежду. Одна из информанток пришла сюда, чтобы встретиться с волонтером фонда «Люди» и заказать у него лекарства. Информантки отмечали, что парковка — неприятное и опасное место, поскольку порядок там никак не регулируется. «Есть бездомные, есть очень нуждающиеся, есть вот пьянь, и их тоже обслуживают. Они хулиганят, тут очень плохо организовано, они не следят за этим. Иногда помогают. Бездомных некоторых знаю» (информантка, не-бездомная).

Как отметил сотрудник службы транспортной безопасности, отдельную угрозу для бездомных представляют сотрудники рабочих домов, которые эксплуатируют бездомных за минимальное возна-

Рис. 3. Объявления рабочих домов

граждение: «А сейчас уже очень много появилось рабочих домов, которые берут их и держат в скотских условиях, денег недоплачивают, еще что-то, пользуются ими, да, прям ходят вечерами, там, вылавливают их». По всему привокзальному пространству и в особенности на заборах, столбах и стендах рядом с парковкой развешаны объявления о работе с телефонами рабочих домов, которые упоминали информанты (Рис. 3).

Как видно на фотографии, многие объявления сорваны или порваны, что может демонстрировать конкуренцию между рабочими домами или работу волонтеров НКО.

Заключение

Бездомные — это гетерогенная группа, и это ставит под сомнение возможность «изучать бездомность», поскольку те, кого по международным классификациям можно назвать бездомными, обладают очень разным опытом [Busch-Geertsema, 2010]. В нашем исследовании мы фокусировались не на самом опыте бездомности, а на том, какие существуют стратегии взаимодействия с людьми на Ярославском и Ленинградском вокзалах. Мы не ставили задачу сконструировать очередную концептуализацию бездомности, поместив себя в метапозицию, — вместо этого мы сфокусировались на том, как вопрос о принадлежности того или иного человека к категории бездомных решали конкретные сотрудники Ярославского и Ленинградского вокзалов и как в столь же конкретных случаях в зависимости от принятого решения выстраивалось взаимодействие с человеком.

Кто и каким образом регулирует перемещения на вокзале? Как показало наше исследование, универсальных стратегий взаимодействия с бездомными (точнее говоря, теми людьми, которых бездомными считали работники) на исследуемых вокзалах нет, а обнаруженные форматы взаимодействия можно было бы назвать *логикой распределенной ответственности*. Интервью и наблюдения на вокзале и привокзальных территориях показали, что сотрудники, как правило, перекладывают ответственность за взаимодействия с бездомными друг на друга: дежурные говорят, что все вопросы с бездомными решает полиция, полиция отправляет к сотрудникам транспортной безопасности и наоборот. В интервью с дежурными на вокзале чаще всего возникала апелляция к «силовым» структурам — на вокзалах с бездомными чаще взаимодействуют службы безопасности, охрана и сотрудники полиции. Работники медпунктов и аптек также утверждали, что чаще всего с бездомными взаимодействуют сотрудники полиции и охраны — можно предположить, что бездомные

просто не имеют возможности добраться до медпункта и попросить лекарства, поскольку будут сразу же остановлены полицией, которая дежурит рядом с дверью в медпункт. Сотрудницы вокзальной аптеки, в свою очередь, рассказали, что к ним могут иногда заходить волонтеры и покупать лекарства для бездомных, но сами бездомные в аптеки не приходят. Нарративы сотрудников вокзала, которые находились в иерархии ниже и работали на улице (уборщики, носильщики вещей) были иными, и в них демонстрировалась другая форма взаимодействия с бездомными. Они отмечали, что бездомные часто могут мусорить или пить на вокзале, но, по их словам, бездомные редко нарушают порядок и часто помогают уборщикам собирать мусор на Комсомольской площади (не за деньги). Важно отметить, что уличные работники, в отличие от работников вокзала, наоборот, часто упоминали парковку, где бездомных могут накормить. Более того, они часто советовали бездомным пойти туда и получить необходимую помощь.

Не только на уровне российского законодательства, но и на уровне указаний со стороны руководства вокзалов не зафиксировано конкретное определение бездомности как противоправного поведения, влекущего за собой применение комплекса конкретных санкций. Эта амбивалентность наделяет большей властью рядовых сотрудников вокзала, которые как минимум занимаются интерпретацией обтекаемо сформулированных норм, как максимум — сами выступают нормотворцами. В результате достаточно широкого пространства для интерпретации, вместо единой строгой логики взаимодействий с бездомными мы наблюдаем ассамбляж логик и практик, ситуативный и личностный характер интервенций. Принимая решение о том, позволять ли человеку оставаться на территории вокзала, сотрудники субъективно оценивают степень опрятности внешнего вида человека и резкости исходящего от него запаха, частоту его появления на вокзале, степень алкогольного опьянения и «буйности» его поведения, приемлемость положений, которые принимает его тело. Значение имеют моральные, этические убеждения сотрудников: в ряде интервью информанты рассуждают в категориях личной вины человека за свое бедственное положение. В других случаях аргументация с позиции морали не играет заметной роли, и сотрудники руководствуются скорее прагматическими установками: они прогнозируют, насколько высок риск того, что кто-то из пассажиров может пожаловаться на человека. Если по итогам экспресс-диагностики сотрудник решает, что человек не должен / не достоин находиться на вокзале, вновь необходимо проявить изобретательность, чтобы подкрепить свое решение какими-то обоснованиями. Одна из тактик — оправдывать исключение отсутствием билета на поезд, что на самом деле не является обязательным для пребывания на территории вокзала.

Отдельно стоит отметить, что среди логик, обнаруженных нами в проведенных интервью и в результате наблюдений на вокзале, логика исключения не доминировала. Несмотря на то, что некоторые из циркулирующих в СМИ заявлений чиновников, депутатов, официальных представителей РЖД отличает неолиберальная риторика, в рамках которой бездомные расцениваются как препятствие на пути модернизации вокзала, создания для пассажиров комфортного пространства и предоставления им услуг на высоком уровне, многообразие реальных практик на вокзале нельзя свести только к целенаправленной политике превращения вокзала в «первоклассное» пространство посредством исключения неугодных тел и их контейнирования в пространства «маргинальные».

Более того, различение «первоклассных» и «маргинальных» пространств не схватывает специфику пространства вокзала. Можно было бы классифицировать вокзал как «первоклассное» пространство, поскольку практики по исключению в нем соответствуют аналогичным практикам в парках или музеях. Тем не менее, вокзал зачастую воспринимается пассажирами как сравнительно грязное/неприятное место, которое необходимо как можно скорее покинуть, а бездомные могут восприниматься в пространстве вокзала «на своем месте», и поэтому сотрудники вокзалов не чувствуют себя обязанными удалять с территории вокзала каждого человека, соответствующего по ряду выработанных сотрудниками критериев бездомному. Можно было бы определить статус вокзала как гибридную «маргинальную» зону, находящуюся в иерархии пространств ниже, чем другие общественные пространства, однако из-за своей функции посещается людьми гораздо чаще и не находится на окраине города, как другие маргинальные пространства. Однако в таком случае из уравнения выпадают практики по контролю: как мы продемонстрировали, из здания вокзала могут исключать бездомных, а это не свойственно маргинальным пространствам.

Продуктивно было бы предложить реляционную трактовку — пространство обретает статус «первоклассного» или «маргинального» в соотношении с другими пространствами. При этом кажется важной физическая близость мест друг к другу: в случае с Ярославским и Ленинградским вокзалами они обретают свой статус не в соотношении с парками и галереями, а в соотношении с пространством парковки, где кормят бездомных. Трансформация каждого из этих пространств влечет за собой трансформацию соседнего: по словам одного из информантов-полицейских, до того, как парковка стала местом, где собираются бездомные, они концентрировались на вокзале; сейчас же гораздо менее регулируемой зоной стала парковка, куда стекаются все бездомные (и не только с вокзалов).

Можно предположить, что своеобразная геттоизация бездомных на парковке может достигнуть критического момента, когда

парковка разрастется до границ вокзалов и вызовет новые трансформации этих двух зон. Если службы безопасности и полиция могут вытеснять бездомных с вокзала, то волонтеры на автостоянке, в свою очередь, напротив «притягивают» их из других районов города бесплатной едой и лекарствами, а значит, пространство вокзала по-прежнему становится точкой притяжения людей в ситуации бездомности. При этом, никаких эксплицитных указаний на вокзале на парковку нет, некоторые сотрудники вообще не знают, что на парковку приезжают социальные службы.

Минимальной моделью вмешательства на вокзале могло бы стать информирование людей в ситуации бездомности или в сложной ситуации о том, что на парковке им могут оказать помощь или направить в благотворительные организации. С другой стороны, концентрация людей на парковке имеет свои негативные стороны и потенциальные риски — парковку окружают жилые дома, жители которых могут быть против подобной концентрации людей рядом со своими домами и машинами, само пространство парковки довольно небезопасное и кроме волонтеров от НКО, которые приезжают по расписанию, там никто не дежурит. Помимо этого, на парковке оказывают точечную помощь, прежде всего, дают еду, а комплексной помощи не оказывается. Выстраивание системы дальнейшей помощи могло бы способствовать более эффективной работе с бездомными — к примеру, если бы на парковке оказывали консультационные услуги и предлагались различные форматы оказания помощи. Наконец, само расположение парковки делает бездомных невидимыми и снимает ответственность с работников вокзала — в лучшем случае бездомных могут направить на парковку, поскольку им там, возможно, помогут. Однако, как уже было отмечено, на парковке оказывают адресную помощь, следовательно, создают иллюзии конечного решения проблемы, хотя закрывают лишь ситуативные потребности людей (есть человеку захочется уже через пару часов, место для ночлега там никто не предоставит, также, как и консультационные услуги). Наиболее вероятная траектория пути бездомного после парковки — это снова возвращение в пространство вокзала, где повторятся описанные выше практики. Взаимодействие сотрудников вокзалов с бездомными может включать «поиск связей с приютами, социальными службами и медицинскими учреждениями» [Wasserman et al., 2024, p. 1801], а не функционировать по принципу исключения (причем, прежде всего, из тех зон, за которые ответственен этот сотрудник) или игнорирования/бездействия.

Литература

1. *Буланов, С.* Московские вокзалы: куда удобнее всего приезжать // Российская газета. 10.05.2023. [Online] <https://rg.ru/2023/05/10/reg-cfo/s-chego-nachinaetsia-gorod.html> [Дата обращения] 15.10.2024.
2. *Дуглас, М.* Чистота и опасность: Анализ представлений об осквернении и табу М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле. 2000.
3. *Костенко-Попова, О.* Точка «антисоциального притяжения». Чем Комсомольская привлекает бомжей? // Аргументы и факты. 29.09.2017 [Online] <https://aif.ru/society/safety/tochka_antisocialnogo_prityazheniya_chem_komsomolskaya_privlekaet_bomzhey> [Дата обращения] 15.10.2024.
4. *Кузинер, Е. Н.* «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 273–298.
5. Лидером по пассажиропотоку на столичных ж/д вокзалах в 2022 году стал Ярославский // РЖД. [Online] <https://mzd.rzd.ru/ru/3752/page/78314?id=207606> [Дата обращения] 15.10.2024.
6. Оценка числа бездомных на основании данных об их смертности. Validata, 2022. [Online] <https://homeless.ru/who_is/> [Дата обращения] 15.10.2024.
7. *Blomley, N.* How to turn a beggar into a bus stop: Law, traffic, and the “function of the place” // Urban Studies. 2007. No. 44 (9). P. 1697–1712.
8. *Busch-Geertsema, V.* Urban Governance, Homelessness and Exclusion. Homelessness and access to space in Germany. National Report for Germany, Working Group 1 European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels, 2006.
9. *Busch-Geertsema, V.* Defining and measuring homelessness //Homelessness Research in Europe: Festschrift for Bill Edgar and Joe Doherty, 2010. P. 19–39.
10. Bussed out. How America moves its homeless // The Guardian. 20.12.2017. [Online] <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2017/dec/20/bussed-out-america-moves-homeless-people-country-study> [Дата обращения] 15.10.2024.
11. *Carminucci, C.* Models of social action and homeless support services mapping for some major European train stations //European Journal of Homelessness. 2011. Vol. 5. No. 2.
12. *Clarke, A. and Parsell, C.* The Ambiguities of Homelessness Governance: Disentangling Care and Revanchism in the Neoliberalising City // Antipode. 2020. No. 52. P. 1624–1646. [Online] <https://doi.org/10.1111/anti.12671> [Date of access] 15.11.2024.
13. *DeVerteuil, G.* The local state and homeless shelters: Beyond revanchism? // Cities. 2006. No. 23(2). P. 109–120.
14. *Ding, H., Loukaitou-Sideris, A., Wasserman, J. L.* Homelessness on public transit: A review of problems and responses //Transport Reviews. 2022. Vol. 42. No. 2. P. 134–156.
15. *Doherty, J., Busch-Geertsema, V., Karpuskiene, V., Korhonen, J., O’Sullivan, E., Sahlin, I., Tosi, A., Petrillo, A. and Wygnanska, J.* Homelessness and exclusion: Regulating public space in European cities // Surveillance and Society. 2007. No. 5(3). P. 290–314
16. *Donoghue, J.* Antisocial Behaviour Orders (ASBOs) in Britain: Contextualizing Risk and Reflexive Modernization // Sociology. 2008. No. 42(2). P. 337–355. [Online] <https://doi.org/10.1177/0038038507087357> [Date of access] 15.11.2024.
17. *Goldfischer, E.* “Peek-A-Boo, We See You Too”: Homelessness and visuality in New York City // Environment and Planning D: Society and Space. 2018. No. 36(5). P. 831–848. [Online] <https://doi.org/10.1177/0263775818768546> [Date of access] 15.11.2024.

18. *Hennigan, B., & Speer, J.* Compassionate revanchism: The blurry geography of homelessness in the USA // Urban Studies. 2019. No. 56(5). P. 906–921. [Online] <https://doi.org/10.1177/0042098018762012> [Date of access] 15.11.2024.
19. *Herring, C.* Complaint-Oriented "Services": Shelters as Tools for Criminalizing Homelessness // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2021. No. 693(1). P. 264–283. [Online] <https://doi.org/10.1177/0002716221996703> [Date of access] 15.11.2024.
20. *Hopper, K.* Reckoning with Homelessness. Ithaca, Cornell University Press, 2003.
21. *Hui, V., Habib, K.N.* Homelessness vis-à-vis transportation-induced social exclusion: An econometric investigation of travel behavior of homeless individuals in Toronto, Canada // Transportation research record. 2017. Vol. 2665. No. 1. P. 60–68.
22. *Johnsen, S., & Fitzpatrick, S.* Revanchist Sanitisation or Coercive Care? The Use of Enforcement to Combat Begging, Street Drinking and Rough Sleeping in England // Urban Studies. 2010. No. 47(8). P. 1703–1723. [Online] <https://doi.org/10.1177/0042098009356128> [Date of access] 15.11.2024.
23. *Höjdestrand, T.* Needed by nobody: homelessness and humanness in post-socialist Russia. Cornell University Press, 2005.
24. *Langegger, S., Koester, S.* Invisible homelessness: Anonymity, exposure, and the right to the city // Urban Geography. 2016. Vol. 37. No. 7. P. 1030–1048.
25. *Levy, J.J.* Revanchism via pedestrianism: Street?level bureaucracy in the production of uneven policing landscapes // Antipode. 2021. Vol. 53. No. 3. P. 906–927.
26. *Low, S.M.* Spatializing culture: the social production and social construction of public space in Costa Rica // American ethnologist. 1996. Vol. 23. No. 4. P. 861–879.
27. *May, J., Cloke, P.* Modes of Attentiveness: Reading for Difference in Geographies of Homelessness. Antipode, 2013. [Online] <https://doi.org/10.1111/anti.12043> [Date of access] 15.11.2024.
28. *Meert, H., Stuyck, C., José Cabrera, P., Dyb, E., Filipovic, M., Gyori, P., Hradecký, I., Loison, M., and Maas, R.* The Changing Profiles of the Homeless People: conflict, rooflessness and the use of public space. Transnational Report, Working Group 2, European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels, 2006.
29. *Perry, S.L.* Urban hybrid space and the homeless // Ethnography. 2013. Vol. 14. No. 4. P. 431–451.
30. *Petty, J.* The London spikes controversy: Homelessness, urban securitisation and the question of 'hostile architecture' // International journal for crime, justice and social democracy. 2016. Vol. 5. No. 1. P. 67–81.
31. *Rosenberger, R.* Hostile design and the materiality of surveillance // Relating to Things: Design, Technology and the Artificial. 2020. P. 135–150.
32. *Sahlin, I.* Urban definitions of places and behaviour. National Report for Sweden, Working Group 1, European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels, 2006.
33. *Smith, R.J.* Goffman's interaction order at the margins: Stigma, role, and normalization in the outreach encounter // Symbolic Interaction. 2011. Vol. 34. No. 3. P. 357–376
34. *Snow, D.A., Anderson, L.* Identity work among the homeless: The verbal construction and avowal of personal identities // American journal of sociology. 1987. Vol. 92. No. 6. P. 1336–1371.
35. *Snow, D.A., Anderson, L.* Down on their luck: A study of homeless street people. Univ of California Press, 1993.
36. Sometimes life gets off track. Then people need help // Bahnhoffsmission: [Online] <https://www.bahnhofsmission.de/index.php?id=1933> [Date of access] 12.08.2024.
37. *Stephenson, S.* Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. Routledge, 2017.

38. *Stuart, F.* From'Rabble Management'to'Recovery Management': Policing Homelessness in Marginal Urban Space //Urban Studies. 2014. Vol. 51. No. 9. P. 1909–1925.
39. *Taplin, D.H., Scheld, S., Low, S.M.* Rapid ethnographic assessment in urban parks: A case study of Independence National Historical Park // Human Organization. 2002. Vol. 61. No. 1. P. 80–93.
40. *Tosi, A., Petrillo, A.* Urban Governance, homelessness and exclusion in Italy. National Report for Italy, Working Group 1, European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels, 2006.
41. *Wasserman, J.L., Loukaitou-Sideris, A., Ding, H., & Caro, R.* A Bus Home: Homelessness in U.S. Transit Environments // Journal of Planning Education and Research. 2024. No. 44(3). P. 1791–1804.
42. *Wygnańska, J.* Homeless and access to space. National Report for Poland, Working Group 1, European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels, 2006.

Maksim Malkov, Alexandra Chentsova

Logics of Interaction with Homeless People at Moscow Railway Stations

Maksim Malkov — MA in Sociology, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences (Shaninka). **Address:** Moscow, Gazetny per. 3–5, p. 1. **E-mail:** mdmalkov@universitas.ru.

Alexandra Chentsova — MA in Education, Policy and Society, King's College London, Research Fellow at the Center for Field Studies of the Institute of Social Sciences of the Russian Academy of Social Sciences. **Address:** Moscow, Prechistenskaya nab. 11. **E-mail:** alexchentsova@mail.ru.

Annotation: Conversation about homelessness in the context of interactions in transportation or transit zones either boils down to alarmist claims that homeless people are actively using these spaces, interfering with the rest of the population, or to claims that homeless people are being wrongfully excluded and kicked out of train station and airport buildings. The former statements usually come from state actors, the latter from NGOs, charitable organizations and activists. Since transit zones inevitably become a point of attraction for homeless people, in this paper we are interested in what strategies exist for interacting with homeless people at train stations in Moscow, what are the actors in this interaction, and what logics guide these actors. The empirical material of the study is observations and express interviews in the buildings of Leningradsky and Yaroslavsky railway stations and in the station areas, which were conducted in the winter and summer of 2024. In the article we demonstrate several logics or patterns of interaction used by station employees and show that the dominant logic can be called the logic of distributed responsibility. Within this logic, decisions to exclude, ignore, or assist homeless people from stations depend on several factors: employees' assessment of their level of responsibility for the situation, their personal characteristics, and the criteria by which they identify homeless people.

Keywords: homelessness, homeless people, train stations, logics of interaction, marginal spaces, prime spaces

References

1. *Blomley, N.* (2007). How to turn a beggar into a bus stop: Law, traffic, and the “function of the place” // Urban Studies. No. 44 (9). P. 1697–1712.
2. *Bulanov, S.* (2023). Moskovskie vokzaly: kuda udobnee vsego priezzhat’ // Rossijskaya gazeta. 10.05. [Online] <https://rg.ru/2023/05/10/reg-cfo/s-chego-nachinaetsia-gorod.html> [Date of access] 15.10.2024. (In Russ.)
3. *Busch-Geertsema, V.* (2006). Urban Governance, Homelessness and Exclusion. Homelessness and access to space in Germany. National Report for Germany, Working Group 1 European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels.
4. *Busch-Geertsema, V.* (2010). Defining and measuring homelessness //Homelessness Research in Europe: Festschrift for Bill Edgar and Joe Doherty. P. 19–39.
5. Bussed out. How America moves its homeless. (2017) // The Guardian. 20.12. [Online] <https://www.theguardian.com/us-news/ng-interactive/2017/dec/20/bussed-out-america-moves-homeless-people-country-study
6. *Carminucci, C.* (2011). Models of social action and homeless support services mapping for some major European train stations //European Journal of Homelessness. Vol. 5. No. 2.
7. *Clarke, A. and Parsell, C.* (2020). The Ambiguities of Homelessness Governance: Disentangling Care and Revanchism in the Neoliberalising City // Antipode. No. 52. P. 1624–1646. [Online] <https://doi.org/10.1111/anti.12671> [Date of access] 15.11.2024.
8. *DeVerteuil, G.* (2006). The local state and homeless shelters: Beyond revanchism? // Cities. No. 23(2). P. 109–120.
9. *Ding, H., Loukaitou-Sideris, A., Wasserman, J.L.* (2022). Homelessness on public transit: A review of problems and responses //Transport Reviews. Vol. 42. No. 2. P. 134–156.
10. *Doherty, J., Busch-Geertsema, V., Karpuskiene, V., Korhonen, J., O’Sullivan, E., Sahlin, I., Tosi, A., Petrillo, A. and Wygnanska, J.* (2007). Homelessness and exclusion: Regulating public space in European cities. // Surveillance and Society. No. 5(3). P. 290–314
11. *Donoghue, J.* (2008). Antisocial Behaviour Orders (ASBOs) in Britain: Contextualizing Risk and Reflexive Modernization // Sociology. No. 42(2). P. 337–355. [Online] <https://doi.org/10.1177/0038038507087357> [Date of access] 15.11.2024.
12. *Duglas, M.* (2000). CHistota i opasnost’: Analiz predstavlenij ob oskvernenii i tabu M.: Kanon-press-C, Kuchkovo pole. (In Russ.)
13. *Goldfischer, E.* (2018). “Peek-A-Boo, We See You Too”: Homelessness and visuality in New York City. // Environment and Planning D: Society and Space. No. 36(5). P. 831–848. [Online] <https://doi.org/10.1177/0263775818768546> [Date of access] 15.11.2024.
14. *Hennigan, B., & Speer, J.* (2019). Compassionate revanchism: The blurry geography of homelessness in the USA // Urban Studies. No. 56(5). P. 906–921. [Online] <https://doi.org/10.1177/0042098018762012> [Date of access] 15.11.2024.
15. *Herring, C.* (2021). Complaint-Oriented “Services”: Shelters as Tools for Criminalizing Homelessness. // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. No. 693(1). P. 264–283. [Online] <https://doi.org/10.1177/0002716221996703> [Date of access] 15.11.2024.
16. *Hopper, K.* (2003). Reckoning with Homelessness. Ithaca, Cornell University Press.
17. *Hui, V., Habib, K.N.* (2017). Homelessness vis-à-vis transportation-induced social exclusion: An econometric investigation of travel behavior of homeless individuals in Toronto, Canada // Transportation research record. Vol. 2665. No. 1. P. 60–68.

18. *Johnsen, S., & Fitzpatrick, S.* (2010). Revanchist Sanitisation or Coercive Care? The Use of Enforcement to Combat Begging, Street Drinking and Rough Sleeping in England // Urban Studies. No. 47(8). P. 1703–1723. [Online] <https://doi.org/10.1177/0042098009356128> [Date of access] 15.11.2024.
19. *Höjdestrand, T.* (2005). Needed by nobody: homelessness and humanness in post-socialist Russia. Cornell University Press.
20. *Kostenko-Popova, O.* (2017). Tochka «antisocial'nogo prityazheniya». CHem Komsomol'skaya privlekaet bomzhej? // Argumenty i fakty. 29.09. [Online] <https://aif.ru/society/safety/tochka_antisocialnogo_prityazheniya_chem_komsomolskaya_privlekaet_bomzhey> [Date of access] 15.10.2024. (In Russ.)
21. *Kuziner, E.N.* (2020). «Pojdu domoj, domoj eto znachit v podval»: povsednevnye praktiki i strategii vyzhivaniya bezdomnyh zhenshchin // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. No. 4 (158). C. 273–298. (In Russ.)
22. *Langegger, S., Koester, S.* (2016). Invisible homelessness: Anonymity, exposure, and the right to the city. // Urban Geography. Vol. 37. No. 7. P. 1030–1048.
23. *Levy, J.J.* (2021). Revanchism via pedestrianism: Street‐level bureaucracy in the production of uneven policing landscapes // Antipode. Vol. 53. No. 3. P. 906–927.
24. Liderom po passazhiropotoku na stolichnyh zh/d vokzalah v 2022 godu stal YAroslavskij // RZHD. [Online] <https://mzd.rzd.ru/ru/3752/page/78314?id=207606> [Date of access] 15.10.2024 (In Russ.)
25. *Low, S.M.* (1996). Spatializing culture: the social production and social construction of public space in Costa Rica // American ethnologist. Vol. 23. No. 4. P. 861–879.
26. *May, J., Cloke, P.* (2013). Modes of Attentiveness: Reading for Difference in Geographies of Homelessness. Antipode. [Online] <https://doi.org/10.1111/anti.12043> [Date of access] 15.11.2024.
27. *Meert, H., Stuyck, C., José Cabrera, P., Dyb, E., Filipovic, M., Gyori, P., Hradecký, I., Loison, M., and Maas, R.* (2006). The Changing Profiles of the Homeless People: conflict, rooflessness and the use of public space. Transnational Report, Working Group 2, European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels.
28. Ocenka chisla bezdomnyh na osnovanii dannyh ob ih smertnosti. (2022). Validata. [Online] <https://homeless.ru/who_is/> [Date of access] 15.10.2024. (In Russ.)
29. *Perry, S.L.* (2013). Urban hybrid space and the homeless // Ethnography. Vol. 14. No. 4. P. 431–451.
30. *Petty, J.* (2016). The London spikes controversy: Homelessness, urban securitisation and the question of 'hostile architecture' // International journal for crime, justice and social democracy. Vol. 5. No. 1. P. 67–81.
31. *Rosenberger, R.* (2020). Hostile design and the materiality of surveillance // Relating to Things: Design, Technology and the Artificial. P. 135–150.
32. *Sahlin, I.* (2006). Urban definitions of places and behaviour. National Report for Sweden, Working Group 1, European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels.
33. *Smith, R.J.* (2011). Goffman's interaction order at the margins: Stigma, role, and normalization in the outreach encounter // Symbolic Interaction. Vol. 34. No. 3. P. 357–376
34. *Snow, D.A., Anderson, L.* (1987). Identity work among the homeless: The verbal construction and avowal of personal identities // American journal of sociology. Vol. 92. No. 6. P. 1336–1371.
35. *Snow, D.A., Anderson, L.* (1993). Down on their luck: A study of homeless street people. Univ of California Press,.
36. Sometimes life gets off track. Then people need help // Bahnhoffsmission: [Online] <https://www.bahnhofsmission.de/index.php?id=1933> [Date of access] 12.08.2024.
37. *Stephenson, S.* (2017). Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. Routledge.

38. *Stuart, F.* (2014). From'Rabble Management'to'Recovery Management': Policing Homelessness in Marginal Urban Space //Urban Studies. Vol. 51. No. 9. P. 1909–1925.
39. *Taplin, D.H., Scheld, S., Low, S.M.* (2002). Rapid ethnographic assessment in urban parks: A case study of Independence National Historical Park // Human Organization. Vol. 61. No. 1. P. 80–93.
40. *Tosi, A., Petrillo, A.* (2006). Urban Governance, homelessness and exclusion in Italy. National Report for Italy, Working Group 1, European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels.
41. *Wasserman, J.L., Loukaitou-Sideris, A., Ding, H., & Caro, R.* (2024). A Bus Home: Homelessness in U.S. Transit Environments // Journal of Planning Education and Research. No. 44(3). P. 1791–1804.
42. *Wygnańska, J.* (2006). Homeless and access to space. National Report for Poland, Working Group 1, European Observatory on Homelessness, FEANTSA, Brussels.

Г. Улунов

Что делает фриганов фриганами? Исследование фриганских практик в Москве и Санкт-Петербурге

Гликерий Улунов — MA in Sociology, Европейский Университет в Санкт-Петербурге. **Адрес:** 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1 А. **Электронная почта:** pentanonsens1@gmail.com.

Аннотация: Основные исследования фриганства сосредоточены на политических представлениях и активизме, которые лежат в основе фриганской деятельности. В рамках своего исследования я наблюдал совсем иное фриганство, не движения и субкультуры, а самых разных искателей еды, объединённых или разделённых тем, как именно они двигали контейнеры, собирали еду, перевозили еду к себе. Их деятельность не была организована командами волонтёров со штабами и манифестами, она была упорядочена, но совсем иначе. Одни фриганы сортировали и очищали найденную еду, обрабатывали её дома, отгораживали еду от других фриганов и грязи вокруг. Другие сооружали из найденных рядом предметов приспособления для транспортировки большого количества еды, составляли сложные маршруты поиска разных продуктов, а также взаимодействовали со средой так, чтобы делать поиск мусора удобнее. Сотрудни:цы[1] заведений не просто выбрасывали еду, но иногда делали это особым образом, чтобы забрать часть себе.

В основе исследования лежит чуть больше двух лет включённого наблюдения на восьми фриганских точках Москвы и Санкт-Петербурга. Моё исследование направлял вопрос о том, как без координирующих центров и политических программ в разных местах зарождаются и поддерживаются схожие практики и стратегии. В статье я описываю то, как при столкновении систем с различающимися проблемами и принципами формируются повторяющиеся паттерны активности фриганов и сотрудни:ц заведений, как эти паттерны оформляются материальной оснасткой, как они трансформируются от активности других акторов.

Ключевые слова: фриганство, поиск еды, практики утилизации пищи в ресторанах, пищевые отходы, альтернативное потребление, сверхпотребление, упорядочивание, акторно-сетевая теория, АСТ, коллективная идентичность, управление отходами, эко-активизм, бездомность, Москва, Санкт-Петербург, субкультуры

Для цитирования: *Улунов, Г.* Что делает фриганов фриганами? Исследование фриганских практик в Москве и Санкт-Петербурге // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 100–121.

[1] Феминитивы и знаки пунктуации для демонстрации гендерной специфики слов — неустоявшаяся академическая практика, которая вызывает дискуссии. Редколлегия не разделяет позиции автора в необходимости такого правописания. Вместе с тем за подобной орфографией стоят не только и не столько языковой эксперимент или намеренное нарушение стилистической нормы, сколько этическая позиция и авторский научный стиль письма, принятый не только в зарубежных, но и отчасти в российских журналах (например, журнал «Логос»). Поэтому редколлегия посчитала уместным сохранить авторский стиль и предоставить читателю право на критический или апологический отклик. Будем рады и признательны аргументированным замечаниям, комментариям или предложениям. — *Прим. глав. ред.*

Введение

Как-то вечером в конце лета 2023 года я шёл по центру Москвы в сторону места, в котором уже год занимался включённым наблюдением, когда внезапно ко мне обратился молодой мужчина в немного рваной одежде. Он произнёс какую-то отточенную фразу про то, что попал в беду, не ел уже продолжительное время и, кажется, просил зайти с ним в магазин, чтобы оплатить ему продукты. Я очень смутно помню первую часть разговора, припоминаю, что обращался он ко мне «брат», и упоминал, что кто-то его «кинул». Не помню точно, что я ответил, но что-то точно в духе «Какая удача! А я как раз иду к ресторану ******! Там каждый вечер выбрасывают огромные мешки с только-только просроченной едой, пошли со мной, и я покажу это место». Что я помню очень отчётливо, так это его ответ — «Ты ****** [сумасшедший]? Работу найди».

Фриганство — относительно молодая практика поиска выброшенных товаров для того, чтобы найти им какое-то применение. Например, съесть просроченные булочки, отреставрировать старый комод и поставить у себя в комнате. Печально, но во фриганах достаточно легко увидеть «городских сумасшедших», сознательно погружающихся на «социальное дно» для им одним понятных целей. И действительно — большая часть юмористического контента о фриганах в рунете эксплуатирует приём уравнивания фриганов и бездомных — будто оправдываясь странными идеями, молодые и не очень люди приобщаются к опасному [Задорожная, Гузман, 2024], «маргинальному» и «унизительному» образу жизни. Эта тенденция доведена до абсурда в статье на портале «Вести», в которой фриганство выступает эмблемой экзистенциального поражения релокантов [«Мусорная» доля…].

В противовес такому дискурсу авторы многих журналистских и исследовательских материалов стремятся продемонстрировать в практиках фриганства упорядоченную систему представлений, антикапиталистическое мировоззрение, экоактивизм, принципы и «кодексы чести». Если ориентироваться на такие системы, в большинстве столкновений с человеком, собирающим выброшенные продукты, можно подумать, что этот человек или «неправильный» фриган или не фриган вовсе. Например, принцип «кодекса чести» из одной из журналистских публикаций содержит такой пункт: «находить еду только у магазинов, на рынках и у многоквартирных домов» [Задорожная, Гузман, 2024]. Практически все мои информант:ки, как и я сам, по этому принципу должны относиться к «бесчестным» фриганам — ведь еду мы брали у ресторанов и кафе. Если воспринимать фриганство как политизированную субкультуру антикапиталистической направленности, можно вслед за Анастасией Соколовой задаваться вопросом, насколько вообще российских фриганов, руко-

водствующихся экономическими соображениями, можно считать настоящими фриганами [Соколова, 2021, с. 138].

Моё исследование посвящено тому, как упорядочены фриганские практики в Москве и Санкт-Петербурге. Несмотря на то, что это фриганство не представляло собой движение с чёткой структурой, политической программой или «кодексом чести», фриганские практики не были хаотичны. Фриганы старались оставить точку чистой, взять больше еды, не заразиться от других фриганов, сделать распределение еды более справедливым. Эти и другие проблемы принадлежат разным системам, которые встречаются на точках, где фриганы берут еду. В статье я описываю то, как при столкновении систем с различающимися проблемами и принципами формируются повторяющиеся паттерны, а также материальное устройство этих паттернов.

Методы, данные, информант:ки

Моё исследование основано на опыте включённого наблюдения за практиками фриганства в Москве и Санкт-Петербурге, цифровой этнографии фриганских сообществ в социальных сетях, а также этнографических интервью с фриганами, сотрудни:цами заведений и бездомными. Включённое наблюдение предполагало регулярные вылазки на одну из восьми точек в Москве и Санкт-Петербурге в течение 22 месяцев. К четырём точках фриганы приходят ежедневно или почти ежедневно, остальные четыре точки фриганы посещают иррегулярно. Две точки — это мусорные контейнеры около продуктовых магазинов, ещё пять — кафе-рестораны с готовой едой и выпечкой и одна точка — элитный ресторан азиатской кухни.

Моими информант:ками были как фриганы, приходящие к этим точкам, так и сотрудни:цы заведений, выносящих еду. Среди регулярных посетителей этих точек было около восьми московских коммунар:ок от 18 до 35 лет, около пяти художн:иц и поэт:ок 20–30 лет, примерно 4 женщины 30–40 лет, работавших неподалёку, которые заходили время от времени, чтобы сэкономить на десертах и выпечке, несколько житель:ниц рабочих домов около 40 лет, а также самая многочисленная группа пенсионер:ок. Среди сотрудни:ц заведений я общался в основном с женщинами 18–25 лет и женщинами 40–60 лет.

Системы и барьеры

Оба ключевых исследователя современного фриганства, Алекс Барнард и Дэвид Джайлз [Barnard, 2016a; Giles, 2021] рассказывают истории активистских организаций, имеющих политические программы, механизмы координации и рекрутирования новых активист:ок.

freegan.info, о котором писал Барнард и Food Not Bombs, о котором писал Джайлз — не такие же организации, как McDonalds, Amazon или Greenpeace, это не корпорации, не франшизы, не управляемые из одного центра НКО. Фриганские и фудшеринговые движения куда более децентрализованы и горизонтальны, чем перечисленные организации, более того — они вынуждены сохранять маргинализованное, теневое положение. Несмотря на это, freegan.info и Food Not Bombs — это движения, которые проводят регулярные встречи, имеют штат волонтёров, сайты и странички в социальных сетях. Это не самовозникающие спонтанные события, которые не оставляют после себя никаких следов.

Джайлз называет движение Food Not Bombs ризомой, подчёркивая разрозненную, децентрализованную регуляцию этого движения, отсутствие чётких границ и территориальной или институциональной фиксации активист:ок этого движения [Giles, 2021, pp. 167–171]. И тем не менее, он пишет об организации с историей, распределением ролей и, самое главное, задачами, планами и даже стратегией. Книга Барнарда в большей степени сосредоточена на дискурсе фриганства. Он описывает представления об этичном потреблении, сохранении экологии и сепарации от капиталистического общества фриганов. Причём, речь в его текстах идёт не совсем о «ценностных установках», которые направляют фриганство. Например, он упоминает весьма скептически настроенного активиста, который отрицает возможность того, что фриганство может уберечь мир от «катастрофы». Несмотря на то, что фриганство в его случае не является реализацией определённых ценностей, он всё равно легко находит общий язык с другими, менее скептичными фриганами, участвует в экологическом дискурсе [Barnard, 2016a, pp. 6–7]. В другом тексте Барнард заострил внимание на том, как материальные практики фриганов и их моральные представления взаимно поддерживают друг друга — что делают фриганы, чтобы их моральный габитус мог «опираться на непростые аспекты окружающей среды, чтобы создать контекст для действий, основанных на моральных мотивах» [Barnard, 2016b, p. 1045]. Барнард стремится показать, что фриганы обладают разными представлениями и габитусами, но разные человеческие и нечеловеческие акторы в его исследованиях чаще всего находятся внутри одной группы [Barnard, 2016b, p. 1026].

Моё исследование посвящено совсем другим фриганам и другим фриганствам. В моём случае корректнее говорить именно о «фриганствах» во множественном числе, поскольку моих информант:ок не объединяли ни организации, ни ценности, ни дискурсы, ни моральные установки. Люди приходили к мусорным контейнерам, чтобы забрать еду, но делали это настолько непохоже друг на друга, что посчитать их единой группой было почти невозможно. Это были разные практики, но они не были хаотичны, более того, их упорядочен-

ность была видна невооружённым глазом. Фриганы приносили на точки не только свои габитусы, но целлофановые пакетики, коробки, огромные мешки из супермаркетов, мешки для мусора с других точек, санитайзеры, алкоголь и многое другое. Каждый из этих предметов как-то участвовал в организации того или иного аспекта фриганства — формировал «чистоту», позволял забрать с собой больше еды, делал ожидание выноса еды менее скучным.

За время моего участия в жизни точек с едой, на них сменилось множество фриганов, но раз за разом во вспышках фриганской жизни возникали схожие паттерны, которые объединяли разных людей, не делая их при этом группой — многие люди, задействующие схожие способы упорядочивания, не знали друг друга, приходили впервые, держались в стороне. Более того, схожие паттерны возникали на разных точках, на которых фриганы и вовсе не знали друг друга. Для описания этих феноменов я использую понятие «способов упорядочивания», предложенного Джоном Ло. Они представляют собой разнородные процессы, в рамках которых то, что делают разные акторы, приобретает более предсказуемые черты, а результаты их действий становятся более или менее стабильными и прочными [Law, 1993, pp. 108–109]. Способы упорядочивания включают в себя материалы и проблемы. Ло понимает материальность широко, включая туда как мысли, слова и жесты, так и технические артефакты. Включённые в способы упорядочивания проблемы, не являются задачами, которые устанавливаются из какого-то центра, более того, они не закреплены за отдельными акторами [Law, 1993, pp. 109–111].

То, в чём я расхожусь как минимум с Латуром и Каллоном — это макиавеллизм акторно-сетевой теории. АСТ часто представляет картину героических акторов, которые стремятся безгранично распространять и укреплять свои сети, находить как можно больше союзников, подчинять себе других акторов. Изучая тех, кто стал властным, великих учёных, инженеров, владельцев отелей, АСТ часто обходит вниманием менее заметных акторов, которые остаются в тени успешных сетей [Law, 1993, p. 105]. Использовать модель расширяющейся сети было бы продуктивно при описании ресторанов и магазинов — как франшизы распространяются по Москве и России, как они заинтересовывают разных акторов для сохранения своей репутации и привлечения новых клиентов. У моих же информант:ок нет задач по построению крупных властных сетей, по заинтересовыванию многочисленных союзников, что отличает их как от Пастера и Эдисона, так и от руководителей Food Not Bombs.

Поэтому я полагаю, что корректнее было бы говорить, что способы упорядочивания в случае фриганства составляют не сети, а системы. Концепт «системы» основан на противопоставлении внутреннего и внешнего, системы и среды, в то время как концепт «сети» основан на принципе расширения — «организаторы сетей не остав-

ляют ничего снаружи, ничего случайного, что могло бы повлиять на сеть. В системах окружающая среда состоит из воздействий и сил, которые влияют на систему и находятся под ее влиянием, но не контролируются ею» [Hughes, 1986, p. 290].

Несмотря на то, что может показаться странным решением применять этот термин по отношению к самозарождающимся маргинализованным феноменам, я полагаю, что продуктивнее использовать именно этот термин вместо «сети». Наибольшей упорядоченности процессы на фриганских точках достигали в ситуациях, когда сталкивалось несколько систем с находящимися в противоречии принципами и проблемами. Тенденции в системах по большей части включали в себя именно отделение от других систем, создание материальных барьеров между ними. Поиск союзников не был доминирующей тенденцией, хотя и составлял важную часть того, что осуществляли системы. Исходя из этих тенденций, в статье я задаюсь вопросом о том, какие способы упорядочивания возникали при столкновении разных систем на фриганских точках. Прежде всего, я обращаюсь к разным фриганским системам, но описание было бы неполным без учёта систем тех заведений, у которых фриганы брали еду. Как минимум, такие проблемы как сортировка еды возникала у фриганов по причине того, что сотрудни:цы практически не дифференцировали мусор и выбрасывали продукты вперемешку. Как максимум, сама деятельность фриганов становится возможной благодаря тому, что системы заведений выбрасывают еду в достаточных объёмах.

Время политики и экоактивизма. Смолтоки о колбасе

Несмотря на то, что фриганство, которое я изучал, не было активистским движением, в нём было место и для политики. Ожидание выноса на заднем дворе очень часто было наполнено разговорами об актуальных политических событиях, а также о современной России в целом. Способствовали таким разговорам особенно долгие выносы, когда ожидание растягивалось на полчаса и дольше, а также особо значимые новости — неординарные события на фронте, поход Пригожина на Москву, затем его смерть, выборы президента РФ, теракт в «Крокус Сити Холле».

Содержание этих разговоров почти всегда было невозможно свести к какой-то чёткой идеологической позиции. Про моих информант:ок было сложно сказать, к какому «лагерю» они относятся. Например, когда вынос был особенно обильным, многие фриганы старшего поколения (от 40 до примерно 65 лет) начинали говорить о том, как жалко или обидно, что «столько добра пропадает». Кто-то из них

говорил про то, что это бесчеловечно или что это грех выбрасывать хорошую еду, часто мои информант:ки говорили о капиталистическом перепроизводстве и опасностях рынка, сравнивая эту ситуацию с СССР. Многие из них отмечали и то, что в СССР не выбрасывали столько еды, и что сама еда была лучше. Несколько раз за время моего наблюдения я услышал схожий комментарий, что еда сейчас вся полна вредными веществами, что даже «если колбасу на землю кинуть, муха на неё не сядет». Напротив, в СССР всё делалось для людей: «им нужна была сильная армия и рабочая сила, поэтому приходилось хорошо нас кормить». Некоторые информант:ки много говорили о том, как «расходуются» ресурсы России, о том как рыночная экономика вредит стране и природе.

Я полагаю, что «политика» и «экология» были прежде всего способами сделать ожидание выноса менее скучными, способами организации времени на точках. Разговоры о политике были взаимозаменяемыми с походом к витрине, чтобы оценить, как много еды останется, с походом в соседний магазин, с прогулками по территории рядом с точками. Иногда время ожидания заполнялось потреблением алкоголя или небольшим ужином едой, принесённой с других точек или найденной до основного выноса.

В интернете я занимался изучением сообщества фриганов в социальных сетях. В группах и чатах фриганы делились находками, организовывали встречи для обмена этими находками, делились советами по нахождению, обработке и применению найденных предметов, чуть реже — сообщали о местах, где можно было найти хорошие продукты. Среди этих фриганов весьма много активистов, некоторые из них являются участниками движения Food Not Bombs, которое исследовал Джайлз [Giles, 2021]. Однако даже в этом сообществе политика в узком смысле редко выходит на первый план. Описанные Жилем подозрительность и враждебность активистов Food Not Bombs по отношению к людям не-антиэтатистских взглядов [Giles, 2021, pp. 192–193] были совершенно нехарактерны для представителей этого сообщества. Фриганов, с которыми я познакомился вживую, и вовсе было сложно назвать активистами.

А точно это были фриганы?

Исследователи, которые рассматривают фриганство как субкультуру или как форму активизма, вполне вероятно, могли бы не распознать в моих информант:ках фриганов. Тем не менее, для большинства акторов, с которыми я взаимодействовал, было само собой разумеющимся, что имеет место именно фриганство. Причём, наиболее отчётливо категория «фриган» проявлялась во взаимодействии разных

систем. Например, акторы, принадлежащие системам самих заведений с едой, с большой лёгкостью идентифицировали фриганов как фриганов и действовали соответствующе. На одной из новых точек, куда я в начале ходил один, меня заметила сотрудница и на моё приветствие она быстро ответила предложением — я помогаю ей носить тяжёлые мешки до мусорки, а она подсказывает, в каких из них лежит еда. Когда я помог ей отнести последний мешок, она очень вежливо попросила оставить всё в чистоте. Другие сотрудницы тоже были очень приветливы, иногда даже предлагали мне ту часть еды, которую хотели забрать сами. В наших смолтоках мы с самого начала использовали слова «фриганство», «фриган», всем всегда было понятно, о чём идёт речь. На тех точках, где я застал регулярный поток фриганов, сотрудни:цы магазинов и ресторанов тоже распознавали фриганов и либо вступали с ними в кооперацию, либо старались прогнать, угрожали тем, что будут заливать еду хлоркой[2].

Способы упорядочивания, которые задействовали сотрудни:цы, составляли наиболее стабильную систему. Они были на точках буквально каждый день (за исключением 1 января), использовали одни и те же материалы, выполняли схожую работу. То, что они делали, соотносилось со стабильным набором проблем — вынести еду, оставить точку в чистоте, взять еды себе, не пустить неположенных людей в привилегированные места. Появление фриганов на точках увеличивало неопределённость для их систем. Например, сотрудни:цы могли оставить территорию чистой, а на следующий день обнаружить повсюду куски еды, грязь и разбросанные коробки, что могло привести к штрафам от их заведений. Также фриганы могут намеренно или по незнанию забрать ту еду, которую сотрудни:цы откладывают для себя. Сотрудни:цы обычно не могут просто положить еду себе в сумки внутри заведений — за это тоже полагаются санкции. Поэтому ту еду, которую они хотят забрать, им нужно оставлять на улице в пакетах во время перекуров или в начале выноса мусора. На тех точках, где фриганов нет или они появляются достаточно редко, сотрудни:цы оставляли пакеты с едой на видных местах, никак не беспокоясь о маскировке. На фриганских точках такая стратегия почти гарантированно приведёт к утрате еды. На малолюдных точках сотрудни:цы иногда просто просят не брать их еду, на более людных точках — ищут потаённые места, в которые фриганы обычно не залезают или маскируют свои пакеты, например, прячут пакеты под груду пустых коробок. Появление на точке людей, которые забирают просроченную еду требует от них определённых действий для снижения неопределённости. И в целом неважно, эти люди приходят из анархистских коммун или

[2] За время моего исследования я ни разу не сталкивался с намеренным отравлением еды, хотя слышал большое количество историй о таких случаях.

едут из пригородных дач, называют они себя фриганами или «бродягами» — для сотрудни:ц это чётко определённый элемент, повышающий неопределённость, на который им нужно реагировать.

Сами фриганы тоже легко распознавали друг друга, понимали, что другой актор занят одним делом с ними. Когда фриганы видели «новичков» на точках, они обучали их тому, как правильно брать еду, чтобы не вступить в конфликт с заведением, иногда давали советы по тому, как лучше брать еду. Не все мои информант:ки использовали слова «фриган» и «фриганство», но когда я задавал им какие-то вопросы по типу «давно вы занимаетесь фриганством?»; «вы только в этом месте фриганите?» они без замешательств отвечали на них и поддерживали разговор, иногда задавая те же вопросы мне. Фриганы делились друг с другом советами, подсказывали другие места.

Также для некоторых из них было важно отличить себя от бездомных. Когда я говорил информант:кам о том, что отношу часть еды бездомным на вокзал, иногда они реагировали на это негативно. Например, один мужчина в разные дни говорил мне: «Нечего этих бездельников кормить», «Захотят — сами найдут, как мы тут. Они что от вокзала сюда дойти не могут? Ты им мамка что ли?». Другой мужчина говорил мне, что это занятие бессмысленно, потому что бездомных и так хорошо кормят социальные службы.

Иными словами, для моих информант:ок вопрос о том, является ли какой-то актор фриганом или нет, просто не стоял. Не идентичность обычно имела значение, а задействованные практики. Для сотрудни:ц заведений не было принципиально, каких взглядов придерживаются люди, пришедшие за едой, принадлежат ли они к какой-то субкультуре — им нужно было предложить этим людям правила игры или их прогнать. То, что было для них важно — насколько пришедшие могут играть по правилам, например, не оставлять за собой грязь. Для самих пришедших тоже было важно не то, как пришедшие себя идентифицируют, и не то, почему эти практики для них «стоили того», а то, как практики были упорядочены.

Организация пространства

Пространства фриганских точек устроено неоднородно, иерархично. В нём есть наиболее привилегированные зоны, в которые открыт доступ исключительно сотрудни:цам, есть пространства для сотрудни:ц и посетителей, но не фриганов и, наконец, есть задворки, где встречаются фриганы, мусор и сотрудни:цы.

Зимой и осенью, когда идёт дождь со снегом, стоять на улице и ждать выноса достаточно тяжело. В такие дни фриганы могут отойти в соседний супермаркет и сделать вид, что они ищут какой-то особый

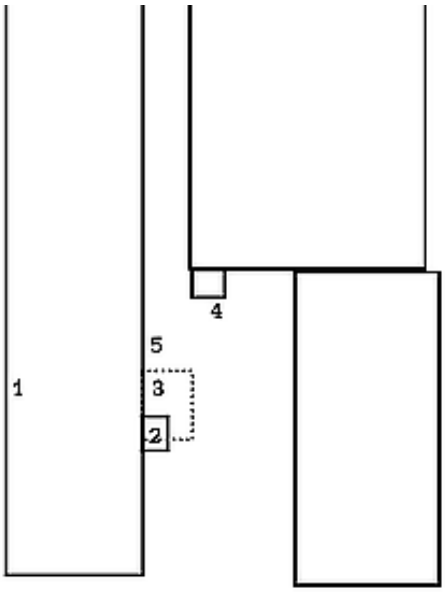

Схема 1. 1 — вход в ресторан; 2 — крыльцо на заднем дворе / выход; 3 — зона, предположительно попадающее в поле зрения камеры; 4 — мусорные контейнеры; 5 — закуток, в котором сотрудни:цы оставляют мешки, когда просят фриганов помочь

товар, или просто постоять в предбаннике, но никогда они не заходят в сам ресторан, где (до закрытия) они могли бы провести 10–20 минут в тепле. И дело не в том, что фриганы выглядят как-то не так, или, тем более, пахнут особым образом. В половине случаев отличить фригана от любого другого горожанина невозможно — это такие же сотрудники каких-то заведений, который после работы приходят за бесплатными сладостями. Но никто не заходит в рестораны даже в самые холодные дни, хотя ничто не помешало бы многим фриганам взять в ресторане самую дешёвую позицию, которая стоила бы дешевле проезда в метро, и посидеть в тепле 10–20 минут.

Пространство, куда не должны попадать фриганы в случае ресторана (см. Схему 1), очерчено не только дверьми и стенами, но и невидимой зоной под камерой наружного наблюдения. Поскольку взаимодействие с фриганами может привести к нежелательным последствиям для сотрудни:ц, они просят фриганов держаться подальше от камеры. Даже когда они выносят тяжёлые мешки, которые просят помочь донести, они сначала заходят за границы зоны камеры, а только потом подзывают фриганов. Более и менее привилегированные зоны отделены барьерами, сформированными разными материалами. Это могут быть как стены и двери, которые отделяют коммерческую зону для посетителей и улицу, так и камера, которая невидимым образом ограничивает перемещение фриганов.

В этом ресторане сотрудни:цы несут мешки с едой либо по маршруту 2–3–5 и оставляют их фриганам, либо по маршруту 2–3–4 и сразу бросают мешки в контейнер. Примерно раз в неделю в закутке ждёт еду человек, который относит её в рабочий дом по договорённости с сотрудни:цами. Если он находится на точке, еду выносят строго в закуток, если же его нет, еду могут как оставить в закутке, так и положить в мусорку, как бы игнорируя наличие фриганов на точке.

Материальный барьер, который больше всего влияет на жизнь фриганов — это замок. На многих точках для «защиты» от фриганов контейнеры закрываются на замки или размещаются в специальных клетках для мусора на замках. Бывают такие замки, которые легко

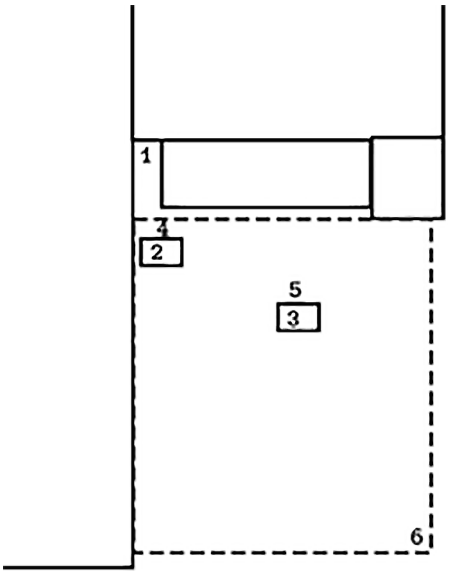

Схема 2. 1 — выход; 2 — изначальное положение мусорного контейнера; 3 — положение контейнера после вмешательства фриганов; 4 — место, куда сотрудни:цы кладут мешки в случае, если контейнер остаётся на месте; 5 — место, куда сотрудни:цы кладут пакеты, если контейнер отодвинут; 6 — зона дикой парковки

вскрыть, ничего не разрушая (например, «замки» из проволоки или замки, не закрытые на ключ), бывают и такие, которые делают еду полностью недоступной. Самый экстремальный вариант, который нередко встречается в Москве — это не только закрытые, но и охраняемые контейнеры. В этих случаях точка почти точно переходит в статус «мёртвой».

Не только сотрудни:цы участвуют в организации пространства. Фриганы нередко передвигают мусорные баки и подготавливают пространство для того, чтобы сделать получение еды более удобным.

В другом ресторане (см. Схему 2) контейнер для мусора практически всегда стоит изначально в неудобном для фриганских систем положении. Скорее всего, в этом положении контейнеры оставляют социальные службы или водители машин, которые паркуются около этих контейнеров. Неудобство заключается в том, что в положении 2 контейнер находится слишком близко к узкому проходу, и оставленные около контейнера мешки придётся разбирать, находясь в этом узком проходе. В результате несколько человек, которые успели зайти в проход, будут с удобством брать еду, остальные же будут вынуждены или ждать своей очереди, или брать еду из неудобных позиций. Фриганы, которые не боятся запачкаться, переставляют контейнеры в положение 3 так, чтобы вынесенные мешки можно было положить около точки 5, где все фриганы попадают в примерно равные условия.

Организация совместного получения еды

До этого момента в моём повествовании присутствовало единое фриганство — система, которая упорядочивала пространство, оставленное ей другими системами, или сама становилась предметом воздействия других систем. Конечно, заметить, что фриганы задействуют разные способы упорядочивания можно и на стадиях предварительной орга-

низации пространства или организации времени ожидания, но наиболее явно различия проявляются именно с того момента, когда сотрудни:цы выносят еду.

На многих точках часто бывает избыток еды в нескольких 30-ти литровых мешках, а после того, как все фриганы возьмут себе еду, в мешках остаётся ещё много килограммов еды. И тем не менее, некоторые фриганы торопятся схватить определённые продукты, иногда даже толкаются и идут на ухищрения, чтобы замедлить других фриганов. Почему фриганы торопятся, если еды очень много? Это может быть связано с тем, что фриганы желают взять какую-то определённую еду. Одни берут только сладкое, другие не берут сладкое, а стараются взять только ту еду, в которой есть котлеты, кто-то берёт только позиции с рыбой. И если позиций с рыбой, например, бутербродов с лососем, очень мало, надо торопиться схватить раньше другого фригана.

Также эта спешка объясняется тем, что фриганы принадлежат к двум системам, способы упорядочивания которых могут приходить в противоречие. Принадлежность к этим системам можно часто определить по тому, что некоторые берут с собой и используют одноразовые целлофановые пакетики, а некоторые — нет. Фриганы, принадлежащие к одной системе, задействуют санитайзеры, дезинфицирующие салфетки, одноразовые пакетики и иногда одноразовые медицинские перчатки, чтобы поддерживать чистоту своей еды. Джайлз пишет, что, хотя ныряние в мусорный контейнер является символически грязным действием, на самом деле это «безопаснее, чем есть во многих коммерческих заведениях с точки зрения реальной грязи и опасности» [Giles, 2021, p. 208]. Я не готов вставать на эту точку зрения, но я полагаю, что если это действительно так, то эта безопасность является результатом многих материальных практик, которую осуществляют фриганы.

Очистить свои руки и подготовить чистые пакеты чаще всего недостаточно, чтобы сохранять эту чистоту. Санитария — это командная игра. Несколько раз я был свидетелем таких сцен: пожилой фриган, который бывает на точке почти каждый день, доставал из мешка еду голыми руками, разгребая все продукты, чтобы достать себе котлеты. Когда он клал котлеты себе в найденные на точке коробки, он облизывал свои руки и продолжал копаться в мешке. Для фриганов, которым важна «чистота», такие действия «загрязняют» всю еду в пакете. Чтобы не допустить этого, можно сделать мужчине замечание, попросить подождать или быть аккуратнее, но самый «надёжный» способ — это дать мужчине пакетики или перчатки. Часто другие фриганы давали этому мужчине и нескольким другим фриганам пакетики за несколько секунд до выноса еды, чтобы, во-первых, обезопасить свою еду, а, во-вторых, немного задержать этого мужчину — даже имея пакетик на одной руке, мужчина нередко помогает

Рис. 1. Сортировка найденных продуктов

себе второй, непокрытой рукой, чем минимизирует положительный вклад другого пакетика.

Одноразовые пакетики имеют разный статус, когда их используют фриганы из разных систем. Для фриганов, которые эти пакетики приносят, это способ не запачкать руки и не загрязнить еду грязью с рук. Для других фриганов эти пакетики не особо важны, некоторые даже говорят, что им неудобно ими пользоваться. В этом случае пакетики играют роль материального барьера, который отделяет систему, которая ставит приоритет на чистоте, от другой системы. Однако даже если фриган из другой системы использует пакетики «как надо», это не всегда является гарантией поддержания чистоты. Ещё один фриган, тоже посещающий точку достаточно часто, легко соглашается на то, чтобы использовать пакетики, но он может компрометировать «чистоту» другим образом. Чтобы лучше видеть содержимое мешка, он держит во рту небольшой фонарик, и, когда он наклоняется, по этому фонарику стекает его слюна, которая попадает в мешок с едой. В этом случае остаются только скорость и проворность, которые могут сохранить «чистоту».

Тем не менее, я не могу сказать, что практики фриганов, которые не используют пакетики, менее упорядочены. Те же самые фриганы, которых я только что упоминал, больше всех беспокоились о том, чтобы мешки были равнодоступны для всех пришедших, также они часто разрывали мешки с мусором так, чтобы всем было удобнее доставать из них еду. Именно они и другие фриганы без пакетиков передвигали контейнеры, они же делали замечания тем, кто распихивал других людей и излишне торопился (в том числе тем, кто беспокоились о «чистоте»). Они же чаще «обустраивали» пространство для ожидания выноса, например, сооружали некоторое подобие табуреток из коробок или раскладывали на картонках все найденные продукты для сортировки. Фриганы, которые относились к этой системе, обычно были лучше подготовлены к фриганству. Они брали с собой или находили на местах коробки, в которых помещалось большое количество еды, у них были с собой большие мешки, иногда очень удобные хозяйственные сумки на колёсиках, походные рюкзаки и даже небольшие тележки, а также они использовали налобные или обычные фонарики. Эти фриганы часто переходили с точки на точку, приходили раньше всех и изучали контейнеры на предмет оставленной

раньше времени еды. В результате у них почти всегда было больше всего еды даже несмотря на то, что они не брали «что попало», а очень тщательно выбирали, что взять. Например, некоторые из них совершали поразительное для меня действие – они разрывали чиабатты, чтобы достать из них мясное содержимое и оставить хлеб в пакете. Для многих других фриганов полные чиабатты – это наиболее лакомое блюдо из всего выноса, для этих же фриганов хлеб – это дешёвый балласт, который нет смысла брать с собой в поездки на большие дистанции. Более того, как я узнал от нескольких информанток, если они находили слегка испорченную или грязную еду, они особым образом обрабатывали её дома.

Системы и группы

Принцип, который лежит в основе одной системы — это «чистота», для второй системы более важными принципами будут «справедливость» распределения еды и количество полученной еды. Предсказать принадлежность фриганов к этим системам по возрасту или другим чертам было затруднительно. Например, на второй год наблюдения я совершенно случайно узнал, что большинство мужчин пенсионного возраста в прошлом имели опыт тюремного заключения, но среди бывших заключённых были как те, что использовали пакетики, так и те, кого меньше беспокоила так понятая «чистота». Обычно, если люди приходили вместе, они действовали согласованно, но принадлежность к какой-либо группе, например, «бывшие заключённые», не является достаточным основанием для предсказания, что фриганы будут делать на точках.

По принадлежности к системам часто можно было судить по гендеру и по мотивам становления фриганами. Женщины в основном использовали пакетики и санитайзеры, также о «чистоте» беспокоились те, для кого фриганство не было экономически необходимо.

Одна женщина в возрасте около тридцати лет, которая всегда очень аккуратно относилась к чистоте, на вопрос, как она стала фриганом, ответила: «Ха-ха, а я не фриган. Я работаю недалеко отсюда, и мне просто удобно перехватить немного сладостей. Ладно, может быть, это и есть фриганство, но для меня это просто развлечение. Я чувствую кураж, когда прихожу сюда. Я работаю в ресторане и знаю настоящую цену такой еды; я просто не хочу переплачивать». Другая женщина, которая говорила, что не испытывает проблем с деньгами, говорила, что занимается фриганством пару лет, и теперь тратит не больше 5000 рублей в год на еду. Она также нашла свою красивую одежду и обувь возле какого-то мусорного бака. Ей грустно, что люди так много выбрасывают. Она радуется каждый раз, когда находит в

мусорном баке что-то, что можно использовать повторно. Для нее это также вопрос экономии, но в первую очередь вопрос экономии времени: «Зачем мне работать сверхурочно, чтобы получать доплаты на работе, когда я могу получить все необходимое без денег, без всякого магазина?» Для обеих информант:ок поиск еды был способом сэкономить в условиях, когда у них было достаточно денег для жизни. Полагаю, что для них было важно упорядочить фриганство таким образом, чтобы оно как можно меньше угрожало остальной жизни. Если они видели, что еда может быть контаминирована другими системами, им ничего не стоило вернуться домой с пустыми руками. Большая часть фриганов, которые, как я понял из разговоров, занимались фриганством как дополнением к основным способам пропитания, как «хобби» или способ сэкономить и получить интересный опыт, тоже сильно беспокоились о чистоте, использовали пакетики, одноразовые перчатки и санитайзеры.

Однажды у меня состоялся большой разговор с парой 42-летних рабочих. Они поделились со мной своей историей жизни и даже дали мне свой номер телефона, пригласив меня навестить их в Подмосковье чтобы увидеть их образ жизни воочию. Они сказали, что раньше были больше похожи на бездомных, жили в рабочем доме, но теперь они работают и у них есть сын. Как они мне сказали, заработанные деньги они тратят на сына, жильё, изредка дорогую одежду и алкоголь, за едой же ходят на несколько точек. Для них фриганство большую часть времени является дополнением, но иногда они остаются полностью без денег, и тогда без фриганства им не обойтись. Также один раз они брали на точке в основном сладости, очень сильно стремясь найти что-то похожее на торт. Как оказалось, тогда был день рождения их сына, и они хотели порадовать его сладким. Несмотря на то, что у них был источник дохода (причём, как они сами говорили, достаточно большого), фриганство для них точно не было чем-то вроде «хобби». Несколько пенсионер:ок, которых я повстречал, ходили на точки регулярно, почти каждый день. Они нередко делились тем, что еда им нужна, чтобы их дети и внуки хорошо питались или чтобы на сэкономленные деньги купить им что-то другое. Как для пары рабочих, так и для части пенсионер:ок «чистота» и «качество» еды на точках уступали по значимости объему и регулярности получения еды. Также они несколько иначе понимали «чистоту». Например, на точке у магазина в Санкт-Петербурге несколько женщин очень заботливо делились со мной рецептами того, как лучше приготовить слегка испорченное мясо, как лучше мыть не самую чистую еду. Почти все эти фриганы не использовали одноразовые пакетики и санитайзеры, и иногда их способы получения еды находились в противоречии с тем, как получали еду другие фриганы.

Оценивание и символические барьеры

Способы упорядочивания включают в себя ранжирование и оценивание — создание представлений о том, как способы упорядочивания соотносятся друг с другом [Law, 1993, p. 116]. Сотрудни:цы заведений и охранники рассказывают истории о фриганах и бездомных, представляя их в негативном свете. Фриганы сравнивают себя с сотрудни:цами и бездомными, противопоставляют разные системы внутри фриганства.

С позиции сотрудни:ц деятельность фриганов может вносить неопределённость и даже дезорганизацию. В ситуации, когда им необходимо донести мусор, не уронив его на землю, и убедиться, что мусорный контейнер и пространство вокруг него выглядит чисто, организующая практика фриганов с разрыванием пакета становится нежелательным обстоятельством за пределами зоны контроля. Также сотрудни:цы рассматривают «одно и то же действие» использования выбрасываемой еды совсем по-разному, если речь идёт о них самих или о фриганах. В одном из разговоров с сотрудни:цами, которые знали детали моей биографии, одна из них предложила мне устроиться к ним в ресторан на открытую вакансию, обосновывая это тем, что таким образом я смогу забирать всю ту же самую еду, но более «по-человечески» и вдобавок буду получать зарплату.

Забавно, но сами фриганы часто указывают на хаос в деятельности сотрудни:ц общепита. В сети, которую я наблюдал больше всего, принято выносить еду в 30-ти литровых мешках для мусора, в большинстве мест еду выносят не разложенной в контейнеры, в перемешанном виде. Фриганы привыкли к тому, что еда представляет собой «кучу», где сложно отличить салат оливье от лапши удон, пюре и винегрета, а рядом с ними равномерно распределены резиновые перчатки, чеки и упаковки. Фриганы очень часто ругаются между собой на сотрудни:ц — «ну зачем так всё в кучу сваливать?!».

Обычно еда всё-таки разделена осмысленным образом — в одном мешке лежат салаты и лапша, в другом — котлеты и бутерброды,

Рис. 2. Обычное состояние еды в мешках

в третьем — сладкое, в четвёртом — несладкая выпечка. Если же в пакет с котлетами попадает салат, фриганы начинают особенно активно ругать то, насколько хаотично действуют сотрудни:цы. То, что для одной системы является ценным объектом, едой, для другой является мусором, не требующим никакого упорядочивания.

Также фриганы нередко оценивают друг друга. Фриганы с пакетиками иногда начинают комментировать вслух чистоту рук других фриганов или иные аспекты «менее чистой» системы. Эти представления нередко начинают сами действовать как барьеры, дополняя работу уже упомянутых пакетиков и санитайзеров — фриганы без пакетиков могут пропустить вперёд тех, кому очень важна чистота, чтобы они взяли еду первыми. Также в смолтоках во время ожидания выноса фриганы, которые используют пакетики, могут с помощью разговоров о чистоте формировать своих союзников — рассказывая о том, насколько «грязны» другие фриганы и как легко достать пакетики в соседнем круглосуточном магазине, они могут привлечь в свою систему тех фриганов, которые хотя и беспокоятся о чистоте, раньше не пользовались пакетиками, к примеру, просто протирали руки влажными салфетками.

Также иногда фриганы противопоставляют себя бездомным. Пара рабочих, упомянутых ранее, неоднократно подчеркивали, что у них есть дом в Химках, приглашали меня в гости, обсуждали стоимость аренды и планы купить квартиру. Мужчина рассказал что-то о своем прошлом, называя себя «алкоголиком-бомжом», подчеркивая, что сейчас его положение значительно лучше. Когда я упомянул, что раздаю еду бездомным, он предложил познакомить меня с каким-то авторитетом, который много взаимодействовал с бездомными на одном из вокзалов. Похоже, для этой пары прежний ярлык «бездомных» был довольно травматичным. Сохраняя некоторые знания и привычки из прошлой жизни, они хотели показать, что они сейчас совсем другие люди. Также среди многих фриганов довольно распространено негативное отношение к бездомным. Много раз, когда я говорил другим фриганам, что я раздаю еду бездомным, они уговаривали меня прекратить это. Эти фриганы утверждали, что помогать бездомным бесполезно. Один мужчина предположил, что все бездомные в конечном итоге станут алкоголиками и умрут, посоветовав мне «не тратить своё время». Другой сказал, что эти люди «обречены» — они могли бы найти работу или прийти к мусорному контейнеру сами — «если они не могут, они просто паразиты».

Совсем иначе вела себя группа музыкантов, которую я встретил на популярной точке. Они были очень аккуратны, снабжены чистыми рюкзаками и всем необходимым для аккуратного поиска еды. Двое из них несли музыкальные инструменты и обсуждали какое-то выступление. Когда я упомянул, что я раздаю еду бездомным, они с энтузиазмом ответили: «А вот и мы! Мы и есть бездомные!» и рассме-

ялись. Однажды я столкнулся с ними около вокзала, когда раздавал еду бездомным. Они узнали меня, подошли и с радостью приняли еду, которой я делился.

В подкасте о феномене бездомности Павел Иноземцев упомянул, что бездомные также занимаются поиском еды в контейнерах [«Мы привыкли...», 2022] — обычно они договариваются с работниками магазинов и сообща собирают еду. Некоторые бездомные, с которыми я общался, делают то же самое. Как я понял, одной из причин проживания рядом с вокзалом является для них наличие хорошего мусорного контейнера из ближайшего супермаркета. Я также слышал историю от жителя коммуны о том, что им приходилось конкурировать с бездомными за мусорный контейнер.

Постоянство и самозарождение

В некоторые моменты наблюдение за системами фриганов и сотрудников приносило чувство скуки от рутинности и постоянства того, что происходило на точках. Каждый вечер в одно и то же время собирались практически одни и те же люди, производя схожие операции, иногда даже разговаривая в очередной раз на повторяющуюся тему. Иногда я строю свои маршруты перемещений по городу так, чтобы заглянуть в положенное время на одну из точек, на которые я уже давно перестал ходить. Ещё ни разу за эти возвращения спустя много месяцев не было ситуации, чтобы я не встретил хотя бы одного из постоянных посетителей этих точек.

Более динамичная картина формировалась при масштабировании — закрытие одних заведений и открытие новых показало как мгновенную дезинтеграцию, так и самозарождение фриганства. Посещая новые точки сети ресторанов, я увидел то, как медленно в новых локациях появляются фриганы и то, как трансформируются действия сотрудни:ц. На одной точке стабильного фриганства так и не появилось, вероятно, из-за того, что мусорный контейнер находится на формально охраняемой территории. Также в беседах с сотрудни:цами я узнал, что они вовсе не берут ничего из еды домой. Один из них попробовал взять один продукт, но попался на этом из-за камеры, в результате чего получил большой штраф и даже, по словам его коллег, был на время уволен. После этого никто даже не пытался взять себе что-то.

На другой новой точке я смог проследить как зарождение фриганства, так и то, как сотрудни:цы постепенно научились брать себе еду. На эту точку время от времени приходят в основном жители рабочих домов. Они не читали фриганскую литературу, не усваивали «кодексы». Просто, по их словам, иногда начальник «забывает» купить им ужин, и чтобы не голодать, они стали ходить в новый ре-

сторан, в котором они подозревали наличие хорошей еды. Как я могу заметить, сразу после открытия сотрудни:цы не брали себе еду или брали её в минимальных количествах, однако затем количество выбрасываемой еды стало сокращаться, а сотрудни:цы стали делать заначки, которые затем забирали после закрытия.

В один из вечеров я рассказал сотрудни:цам этой точки о ситуации со штрафом из другого заведения. Одна из сотрудниц удивилась, что штраф был не «на всю зарплату» и сказала, что у них обычно штрафуют сильнее. Затем она попросила говорить на эту тему потише — к ним на смену вышла новая сотрудница, которая ещё не в курсе, что они забирают еду, и для собственной безопасности они скрывают от неё эту практику. Моя собеседница вернулась в заведение после короткого разговора и вынесла несколько мешков с мусором, один из которых выбросила, а другой положила в тёмное место поодаль. Когда сотрудни:цы закрывали ресторан, те, что забирали еду, дождались, чтобы новая сотрудница ушла домой, после чего пошли вместе со мной к мешку с едой. В этот момент их было бы невозможно отличить от обычных фриганов. Они рылись в мешке, распределяли между собой еду и даже общались точно так же, как обычные фриганы. Больше всего меня поразило то, как они эмоционально ругали тех, кто собирал этот мешок — «кто ***** додумался кинуть сюда арбузы?!» — возмущались они так, будто не «они» собирали этот мешок десятью минутами ранее.

Система, к которой они принадлежали вплоть до жеста закрытия дверей, распалась в момент. Теперь они сами стали фриганами, для которых неаккуратность тех, кто собирает мусор, была дефектом упорядочивания другой системы.

Заключение

Существуют различные категории людей, которые забирают еду, выбрасываемую ресторанами и магазинами, часть из них действует как фриганы, часть как-то иначе. Сотрудни:цы ресторанов очень часто забирают с собой какую-то часть еды, но то, как организована их деятельность, разительно отличается от того, как организована схожая деятельность фриганов. Более того, нередко им необходимо создавать материальные барьеры от фриганов, чтобы успешно забрать еду — замаскировать свои пакеты с едой, спрятать их в неинтересных фриганам местах. Сами фриганы не представляют собой монолитное движение, многие из них занимаются работой по отделению себя от других фриганов. Системы представлений не находятся в сердцевине этих различий, они составляют часть способов упорядочивания, задействованных фриганами и другими акторами.

Барнард и Джайлз, как и исследователь:ницы фриганства на постсоветском пространстве отталкиваются в своих работах именно от идеологии фриганства, от политического активизма и жизни субкультур. А, например, Литвина видит во фриганстве не более чем лайфстайл, характерный анархистам и панкам. Фриганство формирует их (суб) культурный капитал, который позволяет им продемонстрировать их аутентичность по сравнению с другими субкультурами [Litvina, 2019, p. 327]. Я наблюдал совсем иное фриганство, не движения и субкультуры, а самых разных искателей еды, объединённых или разделённых тем, как именно они двигали контейнеры, собирали еду, перевозили её к себе. Их деятельность не была организована командами волонтёров со штабами и программами, она была упорядочена, но совсем иначе.

На точках, в жизни которых я участвовал, соприкасается множество систем — они, спонтанно возникая и «бесследно» исчезая, не обладают тенденциями к расширению и поглощению, напротив, пика упорядоченности они достигают в отделении друг от друга, в производстве барьеров. Барнард и Джайлз описывают барьеры в основном в области разногласий в представлениях, например, пренебрежительное отношение к активистам, которые ведут менее последовательный и этичный образ жизни [Barnard, 2016a, p. 166]. Схожие аспекты я нахожу и в жизни моих информант:ок, однако это лишь часть барьеров и границ, задействованных во фриганствах, которые изучаю я. В большинстве ситуаций границы и барьеры воплощены не в представлениях и моральных кодах, а в простых используемых приспособлениях, пространственном устройстве и самом мусоре.

Литература

1. *Задорожная, М., Гузман, Е.* Что такое фриганство и почему оно опасно для жизни: рассказывает нутрициолог // Спорт-экспресс. 17.04.2024. [Online] <https://www.sport-express.ru/zozh/food/reviews/friganstvo-chto-eto-osnovnye-principy-chem-opasno-dlya-zdorovya-2201232/> [16.11.2024]
2. *Литвина, Д.А.* Что значит быть настоящим: молодежные культуры в поисках аутентичности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1 (149).
3. «Мусорная» доля релоканта. // Вести.ru. 08.11.2023. [Online] <https://www.vesti.ru/article/3644029> [16.11.2024]
4. «Мы привыкли все категоризировать». Антрополог Павел Иноземцев — о восприятии бездомности // Подкаст «Невидимки». 14.07.2022. [Online] <https://nevidimki.mave.digital/ep-6> [16.11.2024]
5. *Соколова, А.В.* Взаимосвязь феномена фриганства и циклической экономики // Телескоп. 2021. № 3.
6. *Barnard, A.V.* Freegans: Diving Into the Wealth of Food Waste in America. University of Minnesota Press, 2016a.
7. *Barnard, A.V.* Making the City “Second Nature”: Freegan “Dumpster Divers” and the Materiality of Morality // American Journal of Sociology. 2016b. Vol. 121. Making the City “Second Nature.” No. 4. P. 1017–1050.

8. *Carfagna, L. B., et al.* An emerging eco-habitus: The reconfiguration of high cultural capital practices among ethical consumers // Journal of Consumer Culture. 2014. Vol. 14. An emerging eco-habitus. No. 2. P. 158–178.
9. *Giles, D. B.* A Mass Conspiracy to Feed People: Food Not Bombs and the World-Class Waste of Global Cities. Duke University Press, 2021.
10. *Hughes, T. P.* The Seamless Web: Technology, Science, Etcetera, Etcetera // Social Studies of Science. 1986. Vol. 16. The Seamless Web. No. 2. P. 281–292.
11. *Law, J.* Organising Modernity: Social Ordering and Social Theory. Wiley, 1993.
12. *Latour, B.* Give me a laboratory and I will raise the world // Science observed: Perspectives on the social study of science. 1983. P. 141–170.

Glikery Ulunov

What Freegans Do and How It Defines Them: A Study of Freegan Practices in Moscow and Saint Petersburg

Glikery Ulunov — MA in Sociology, The European University at Saint Petersburg. **Address:** 6/1A Gagarinskaya st., St. Petersburg 191187 Russia. **E-mail:** pentanonsens1@gmail.com.

Abstract: Most research on freeganism focuses on the political ideas and activism that drive freegan activities. In contrast, my study explores a different side of freeganism—not as a movement or subculture, but as a diverse range of individual practices by people seeking food. These individuals are united or distinguished by their methods of handling containers, gathering food, and transporting it home. Their activities were not coordinated by volunteer groups with central leadership or manifestos, but were structured in their own informal ways, often resembling each other across different locations. Some freegans sorted, cleaned, and processed food at home and took measures to keep their finds separate from other freegans and contaminants. Others built devices from found materials to transport large quantities of food, devised complex routes for sourcing different products, and adapted their interactions with the environment to make gathering food more efficient. Additionally, employees did not simply discard food—sometimes they intentionally hid it in certain places and created material barriers to keep freegans from taking it, so they could retrieve it later.

This study is based on over two years of participant observation at eight freegan sites in Moscow and Saint Petersburg. It examines how similar practices and strategies emerge and persist across locations without centralized coordination or political programs. By exploring how different systems, each with its own problems and principles, interact, the study reveals recurring patterns of freegan activity and employee behavior. It also considers how these patterns are shaped by the material environment and transformed by the actions of other participants.

Keywords: freeganism, restaurant food disposal practices, food waste, alternative consumption, overconsumption, ordering, Actor-Network Theory, collective identity, waste management, eco-activism, homelessness, Moscow, Saint Petersburg, ANT, STS, consumerism, waste

References:

1. *Barnard, A.V.* (2016a). Freegans: Diving Into the Wealth of Food Waste in America. University of Minnesota Press.
2. *Barnard, A.V.* (2016b). Making the City "Second Nature": Freegan "Dumpster Divers" and the Materiality of Morality // American Journal of Sociology. Vol. 121. Making the City "Second Nature." No. 4. P. 1017–1050.
3. *Carfagna, L.B., et al.* (2014). An emerging eco-habitus: The reconfiguration of high cultural capital practices among ethical consumers // Journal of Consumer Culture. Vol. 14. An emerging eco-habitus. No. 2. P. 158–178.
4. *Giles, D.B.* (2021). A Mass Conspiracy to Feed People: Food Not Bombs and the World-Class Waste of Global Cities. Duke University Press.
5. *Hughes, T.P.* (1986). The Seamless Web: Technology, Science, Etcetera, Etcetera // Social Studies of Science. Vol. 16. The Seamless Web. No. 2. P. 281–292.
6. *Law, J.* (1993). Organising Modernity: Social Ordering and Social Theory. Wiley.
7. *Latour, B.* (1983). Give me a laboratory and I will raise the world // Science observed: Perspectives on the social study of science. P. 141–170.
8. *Litvina D.A.* (2019). What it means to be true: youth cultures in search for authenticity // The monitoring of public opinion economic&social changes. No. 1. (In Russ.)
9. *Sokolova. A.* (2021). The relationship between the phenomenon of freeganism and the cyclical economy. // Telescope. No. 3. (In Russ.)
10. The "garbage" share of the relocator. (2023) // Vesti.ru. 08.11. [Online] <https://www.vesti.ru/article/3644029> [16.11.2024] (In Russ.)
11. "We used to categorize everything." Anthropologist Pavel Inozemtsev — on the perception of homelessness. (2022) // The «Invisibles» podcast. 14.07. [Online] <https://nevidimki.mave.digital/ep-6> [16.11.2024] (In Russ.)
12. *Zadorozhnaya, M., Guzman, E.* (2024). What is freeganism and why it is dangerous for life: says a nutritionist // Sport-express. 17.04. [Online] <https://www.sport-express.ru/zozh/food/reviews/friganstvo-chto-eto-osnovnye-principy-chem-opasno-dlya-zdorovya-2201232/> [16.11.2024] (In Russ.)

Гендер и бездомность

Е. Н. Кузинер

Гендерный капитал и бездомность в России: от теории к практике

Евгения Николаевна Кузинер — младший научный сотрудник Центра молодёжных исследований Департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, ул. Седова, 55, к. 2. **Электронная почта:** ekuziner@hse.ru.

Аннотация: Исследование посвящено анализу гендерных аспектов бездомности в России с особым вниманием к различиям в причинах бездомности, стратегиях выживания и уязвимости мужчин и женщин. Данное исследование стремится осветить специфические проблемы, с которыми сталкиваются бездомные женщины и мужчины, а также предложить концептуальную рамку для понимания гендерного капитала как ключевого элемента в их адаптационных стратегиях. Основой исследования являются эмпирические данные, собранные в период с 2018 по 2021 год. Концепт гендерного капитала, предложенный в исследовании, помогает понять, как социальные, культурные и экономические ресурсы используются мужчинами и женщинами в их ежедневной борьбе за выживание. Этот концепт раскрывает, каким образом гендерные нормы и ожидания влияют на опыт бездомности и адаптационные стратегии. Гендерный капитал включает в себя навыки, знания и социальные сети, которые могут как способствовать выживанию, так и ограничивать возможности для выхода из бездомности.

К**лючевые слова:** бездомность, женская бездомность, гендерный капитал

Для цитирования: *Кузинер, Е. Н.* Гендерный капитал и бездомность в России: от теории к практике // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 123–153.

Введение

В 2018 году, когда задумывалось это исследование, в России практически не было ни одного гендерно чувствительного сервиса для бездомных, не было посвященных женской бездомности исследований, а в медиа дискурсе преобладало негативное, стигматизирующее описание бездомных[1]. К 2024 году появилось несколько сервисов для женщин (женские часы «Ночлежки», женские дни в «Неравнодуше», приюты для женщин в Тюмени и Москве, группы психологической поддержки для бездомных женщин и др.), в СМИ (во многом благодаря просветительской работе автора и «Ночлежки») стали появляться материалы, дестигматизирующие и очеловечивающие бездомных[2]. Однако, говорить о том, что на этом можно заканчивать исследовать гендерные аспекты бездомности и женскую бездомность в частности, неверно. Бездомность — социальный процесс, зависящий, как от индивидуальных, так и от социально-экономических факторов, а категории бездомных, причины бездомности могут зависеть от социокультурных и исторических контекстов (как, например, причины бездомности в постсоветское время и причины бездомности во время пандемии Covid 19). Актуальность новых теоретических и эмпирических исследований также определяется необходимостью расширения знаний о том, как разные группы становятся бездомными и как справляются с бездомностью. Бездомные — это гетерогенная социальная группа, внутри которой обнаруживаются люди с различающимся социальным опытом, биографией и особенностями социализации, среди них есть как пожилые, так и молодые люди, бездомные с инвалидностью и тяжелыми хроническими заболеваниями, с тюремным опытом и опытом насилия. У каждой из групп — свои специфические причины попадания на улицу, свои потребности и стратегии совладания со сложившейся ситуацией [McMaster, 2017], что делает актуальными новые исследования специфических групп бездомных.

Первый этап исследования был посвящен исследованию одной из групп бездомных — женщин, их причинам попадания в ситуацию бездомности, стратегиям совладания с ней. Анализ интервью с женщинами с опытом бездомности показал, что одна из главных причин женской бездомности — домашнее насилие, а партнерство играет ключевую роль в стратегиях адаптации к ситуации бездомности [Кузинер, 2020]. Далее было решено исследовать через гендерную

[1] Бездомность и язык вражды в средствах массовой информации. СПб. : Межрегиональная Сеть «За преодоление социальной исключенности», 2009.

[2] См., например, Ирина Новик. Где живет любовь. Такие дела. 13.10.2021. URL: https://takiedela.ru/2021/10/gde-zhivet-lyubov/, дата обращения: 19.07.2024).

оптику бездомных мужчин. Выяснилось, что и у мужчин также существуют специфические стратегии совладания с ситуацией бездомности, связанные преимущественно с трудоустройством [Kuziner, 2023]. Также анализ показал, что причины бездомности и совладание можно рассматривать через потерю ресурсов и их приобретение в новой жизненной ситуации. Таким образом, на основе анализа эмпирических данных и теоретических концепций был выделен концепт гендерного капитала, с помощью которого мужчины и женщины адаптируются в ситуации бездомности. Исследование гендерных аспектов бездомности и гендерного капитала важно для расширения знаний о социальных неравенствах и разработке более эффективных программ помощи бездомным. В российском контексте бездомность часто рассматривается как проблема, требующая государственного вмешательства, однако гендерные аспекты этой проблемы остаются недостаточно изученными. Цель данной статьи — проанализировать гендерный капитал в ситуации бездомности.

Гендер и бездомность

В конце 80-х годов XX века концепция бездомности начинает дополняться гендерным измерением, что становится важным этапом развития исследований бездомности в целом. Анализируя академические дискуссии вокруг изучения этого феномена (в которых не обращалось внимания на различия, связанные с гендерными признаками), исследователи приходят к выводу, что бездомные женщины были не только исключенными из официальной статистики, но и дополнительно стигматизированы в своей маргинализированной группе [Watson, Austerberry, 1986; Watson, 1999]. Вурдхоу считает, что «невидимость» бездомных женщин связана, в первую очередь, с определенной стигмой «неустроенной женщины» и принятыми в обществе культурными и социальными нормами, приписываемые традиционным гендерным ролям. Женщине в рамках патриархального дискурса, долго господствующего в общественном мнении, приписываются социальные роли жены, матери, «хозяйки домашнего очага». Несоответствие этим ролям рассматривается обществом как форма девиации, даже если при этом женщина становится жертвой домашнего насилия и нуждается в помощи [Wardhaugh, 1999]. Исследователи также отмечают, что женщины, переживающие бездомность, более уязвимы и в большей степени подвержены стигматизации, чем мужчины [Finfgeld-Connett, 2010]. Они могут сталкиваться с гендерным насилием, ситуацией распада семьи, крайней бедностью, отсутствием доступного жилья и повышенным риском

сексуальной эксплуатации и насилия [Bretherton and Mayock, 2021], что в определенной степени связано с гендерным, трудовым неравенством и доминированием в некоторых обществах традиционных моделей семьи. Женщинам в патриархальных обществах предписываются традиционные роли матерей и домохозяек, что дополняется обязательствами быть непосредственно связанной с домом и соответствующими нормативными требованиями. В подобном позиционировании, потеря женщиной дома и ситуация бездомности приводит к стигматизации даже среди бездомных [Edgar, Doherty, 2001]. Эдгар и Догерти изучали самоидентификацию и опыт бездомных женщин в Европе в сравнительной перспективе. Данное исследование стало первой масштабной работой, посвященной анализу женской бездомности в Европе. В ходе анализа полученных нарративных историй информанток, авторы пришли к выводу, что проблема женской бездомности ушла на второй план и считается меньшей социальной проблемой, чем феномен мужской бездомности.

Зарубежные авторы актуальных исследований бездомности подчеркивают важность анализа гендерных аспектов этого социального феномена и гендерно-обусловленных потребностей этих людей [Romero, Margolis, 2005]. При этом, в зависимости от социально-экономической ситуации, существующих культурных особенностей и контекстов в разных обществах, гендерные режимы организации повседневной жизни, стратегии выживания в ситуации бездомности могут значимо отличаться. В исследовании, посвященном особенностям женской бездомности в Австралии, сравнивается число женщин, пользующихся различными сервисами для бездомных в исследуемой стране и США, найденные различия объясняются особенностями местного жилищного законодательства и социальной политики [Johnson et al., 2017]. В работе, посвященной анализу социальных сервисов помощи бездомным в Японии, автор пишет о значительном влиянии корпораций на жизнь своих сотрудников и практику предоставления бесплатного корпоративного жилья [Okamoto, 2007].

Большой пласт исследований посвящен концепции дома и его пониманию в нарративах бездомных женщин. Хотя традиционно дом рассматривается как безопасное, комфортное место, где можно найти уединение и эмоциональную защиту, именно дом может стать крайне небезопасным для женщин, подвергающихся домашнему насилию [Tessler et al., 2001]. Акцентирование именно этого фокуса может привести к тому, что из исследовательского внимания могут выпадать бездомные мужчины, их опыт и понимание дома, что может негативно повлиять на развитие гендерно-чувствительных сервисов помощи бездомным.

Учёные, чьи исследования посвящены стратегиям выживания в ситуации бездомности, выделяют несколько гендерных различий. Женщины часто обращаются за помощью к родственникам, дру-

зьям и партнерам, чтобы избежать ситуации уличной бездомности. Чаще всего они используют свой «физический», телесный капитал [Watson et al., 2016], чтобы найти партнера, который обеспечит им не только крышу над головой, но и чувство безопасности и эмоционального комфорта. Для ощущения безопасности на улице, бездомные женщины могут использовать различные гендерные режимы, такие как соответствие традиционным женским нормам («симулякр женственности»), использование мужских паттернов поведения («симулякр мужественности») или сокрытие гендерно-конструирующих элементов («бесполость»). Вырабатывая стратегии, соответствующие социальным представлениям о женственности или мужественности, бездомные женщины стремятся избегать потенциально опасных ситуаций и контролировать обстановку [Huey and Berndt, 2008]. Эрин Деж анализирует, как бездомные мужчины конструируют свою маскулинность. В ситуации нехватки ресурсов бездомные мужчины демонстрируют компенсаторную маскулинность как способ справиться с ситуацией. Лишаясь традиционной роли мужчины как главы дома (и «дома» в целом), они компенсируют эту роль за счёт чрезмерного маскулинного поведения. Этот механизм преодоления влияет на их стратегию выживания, а именно, на то, куда и как они обращаются за помощью [Dej, 2018]. Результаты ряда исследований могут демонстрировать, что траектории попадания в ситуацию бездомности имеют яркие гендерные особенности [O'Grady, Gaetz, 2004], другие исследования, однако, могут показывать, что в ситуации выживания на улице стратегии поведения мужчин и женщин практически не отличаются [Evans, Forsyth, 2004]. Это может быть объяснено тем, как исследователи понимают бездомность. В работах, рассматривающих это явление больше как структурную социальную проблему, гендерные особенности бездомности смещены на второй план.

Среди российских исследований можно выделить три наиболее полные и масштабные исследовательские работы, посвященные феномену бездомности в России. Исследование Елены Коваленко и Елены Строковой было проведено в период с 2007 по 2009 год и посвящено анализу и способам выхода из бездомности. В качестве методов исследовательницы используют экспертные интервью, проводимые с сотрудниками благотворительных организаций и социальных структур. Вводится понятие «придонный слой бездомных» — люди с продолжительным опытом проживания на улице, заметными поведенческими, психологическими и социальными изменениями [Коваленко, Строкова, 2010]. Женщины, пережившие домашнее насилие, относятся исследовательницами к группе риска, однако непосредственно опыт женской бездомности не анализируется. Результаты исследования носят практический характер и представляют собой рекомендации для социальных работников и специалистов государственных служб.

В книге Светланы Стивенсон «Пересекая черту. Бродяжничество, бездомность и социальное вытеснение в России» проанализированы 113 глубинных интервью с московскими бездомными, взятые в период с 1993 по 2005 год, экспертные интервью с сотрудниками благотворительных организаций и социальных учреждений города. В своей работе автор описывает механизмы попадания на улицу, сравниваются советские и постсоветские структурные условия как система социального контроля. В качестве теоретической рамки Стивенсон использует теорию социального пространства П. Бурдье и формулирует концепцию социального вытеснения. Через эту концепцию она анализирует производство маргинальности и бездомности [Stephenson, 2017]. Стивенсон затрагивает опыт бездомных женщин, считая, что их стратегия адаптации — это поиск партнеров, однако отдельно стратегии адаптации с точки зрения гендера исследовательница не анализирует.

Шведский антрополог Т. Хойдестранд проводила исследование бездомности в Санкт-Петербурге в 1990-х годах. Используя концепцию «ненужности», исследовательница рассматривает бездомность как последствие развала Советского союза, а бездомных как не социализировавшихся людей в постсоветское время [Höjdestrand, 2009]. Антрополог отмечает, что 40% исследуемых ею бездомных — женщины. Анализируя занятость бездомных и сравнивая опыт работы мужчин и женщин, она приходит к выводу, что в данном случае, различий в местах занятости нет, кроме того, что женщины также могут зарабатывать деньги проституцией. По мнению Хойденстранд, женщины также чаще становятся жертвами домашнего насилия [Ibid, p. 121]. Отдельного анализа опыта женской бездомности с учётом гендерных различий совладания с бездомностью исследовательница не проводит, однако она указывает, что класс и гендер могут влиять на бездомность, не являясь при этом ключевой причиной этой жизненной ситуации.

В большинстве работ, напрямую посвященных гендерным особенностям бездомности, исследователи уделяют больше внимания опыту бездомных женщин. Это вполне обоснованно, поскольку женская бездомность, имеет, как правило, различные формы, в том числе и скрытые. По статистике, женщины чаще всего становятся жертвами домашнего насилия и сексуальных домогательств, они более уязвимы, а в ситуации бездомности ещё и более виктимизированы. Однако опыт мужчин также важен, поскольку может помочь разглядеть не только гендерные особенности, но и различия, существующие между другими группами бездомных (молодые и пожилые бездомные, бездомные-инвалиды и т. д.).

В большей части российских академических работ чаще всего исследуется уличная форма бездомности и проживание в приютах [Алексеева, 2003; Волков, 2010; Коваленко, Строкова, 2010]. Недо-

статочная теоретическая проработка собственно концепта бездомности с учётом отличающегося опыта групп людей, в особенности гендерных аспектов проживания этой ситуации, затрудняет дальнейшее развитие исследований как в самой этой сфере, так и в рамках гендерных исследований в целом. Мужчин, находящихся в условиях уличной (наиболее «видимой» формы) бездомности статистически больше, чем женщин, поэтому бездомность в этой оптике рассматривается как явление с преимущественно «мужским лицом». Официальные данные о численности бездомных непосредственно влияют на привлечение внимания к проблеме, что, в свою очередь, сказывается на государственном финансировании сервисов для бездомных. Гендерные особенности этого явления не упоминаются в официальной статистике и, достаточно редко, — в статистике НКО. Однако многочисленные международные исследования бездомности показывают, что мужчины и женщины по-разному воспринимают свои жизненные ситуации и по-разному адаптируются к ним[3]. Бездомные женщины оказываются более стигматизированными и уязвимыми внутри стигматизированной и уязвимой группы, оставаясь при этом и более виктимными [Bretherton, 2020; He et al., 2020; Rea, 2023]. Социальная стигма в отношении бездомных женщин может дополняться стигматизацией со стороны некоторых исследователей, описывающих их, например, как «это алкоголички, женщины, вернувшиеся из мест заключения...» [Платонова, 2009, с. 58]. Таким образом, бездомные женщины и их жизненный опыт в сравнении с мужским опытом бездомности оказываются практически вне поля зрения российских исследований.

Ни одно из определений, предлагаемых российскими практиками и исследователями, не включает в себя гендерные аспекты бездомности, уделяя больше внимания видимой группе бездомных — мужчинам (о чём также свидетельствует большинство исследований бездомности в России). Концентрация на определении бездомности только с точки зрения владения/невладения жильем фокусирует внимание практиков и исследователей на том, что главная проблема бездомности — отсутствие жилья. Однако жилье может быть небезопасным местом для женщин [Tomas, Dittmar, 1995]. Включение гендерной оптики в концептуализацию бездомности поможет сделать видимыми разные группы бездомных и людей, находящихся в группе риска стать бездомными.

Британские исследовательницы С. Уотсон и Х. Аустерберри одни из первых обратили внимание на бездомность в феминистской перспективе, исследуя жилищную и социальную политики Великобритании. Исследовательницы пришли к выводу, что существующий

[3] См., например: [Bretherton, 2017; Johnson, 2017; Rea, 2023]

в обществе патриархальный порядок, в котором доминирует норма традиционной семьи, укрепляет подчиненный статус женщины, в результате чего одинокие люди находятся в уязвимом положении. Если одинокая женщина по какой-либо причине теряет дом, для неё существует гораздо меньше безопасных вариантов, чем для оказавшихся в такой же ситуации одиноких мужчин [Watson, Austerberry, 1986].

Женская бездомность не попадает в фокус большинства европейских исследований бездомности из-за того, как определяется бездомность. Женщины, которые теряют свой дом из-за насилия со стороны мужчины и вынуждены пользоваться кризисными центрами, шелтерами и другими специализированными сервисами, часто определяются и исследуются как «жертвы домашнего насилия», а не как бездомные [Baptista, 2010; Jones et al., 2012; Bretherton, 2017]. Женщины не обязательно регистрируются как бездомные, если они сразу направляются в убежище, потому что они стали бездомными в результате домашнего насилия и не обращаются за помощью в рамках установленных законом систем [Quilgars,Pleace, 2010]. Д. Бретхертон выделяет следующие формы женский бездомности — скрытая бездомность (проживание у друзей и родственников); женщины, проживающие в кризисных центрах для «жертв» домашнего насилия [Pleace,Bretherton, 2013].

Для феминистского анализа бездомности также характерны дискуссии о социальном конструировании бездомности и роли патриархата и гендерного неравенства в определении бездомности. Исследователи анализируют состояние и качество социального положения женщин, развитость помогающих сервисов и, в целом, как в конкретном обществе конструируются женские роли [Bretherton, 2017]. В таких работах женская бездомность рассматривается как результат того, какое положение женщины занимают в исследуемом обществе в широком смысле. В таком случае женская бездомность определяется как социальная проблема, появившаяся в результате более глобальных, структурных и культурных проблем, связанных с патриархатом [Watson, 2000]. Сложный, дифференцированный опыт бездомных женщин объясняется через патриархат, системы социального обеспечения и наличие/отсутствие системы профилактики домашнего насилия. При этом агентность женщин в таких подходах не учитывается [Neale, 1997; Casey et al., 2008; McNaughton-Nicolls, 2009], однако в других исследованиях показывается, что женщины в ситуации бездомности влияют на свои жизненные траектории [Mayock and Bretherton, 2016]. Бездомные женщины часто не обращаются в службы помощи бездомным, не живут на улице, не пользуются услугами сервисов, помогающих «жертвам» домашнего насилия. Вместо этого они пользуются своими социальными связями — обращаются к друзьям, знакомым, чтобы не попасть в уличную категорию бездомных [Baptista, 2010; Mayock et al., 2012].

Если вышеописанные «гендерно не чувствительные» определения бездомности критикуются за отсутствие гендерной оптики, то феминистские исследователи этого явления подвергаются критике за концентрирование в определении бездомности на гендерных аспектах дома (как небезопасной среды для женщины), чем на самой ситуации бездомности [Neale, 1997: 151; Wendt, Moulding, 2016].

Гендерный капитал и бездомность

Понятие «капитал» у Бурдье определяется как ресурс, а наличие или отсутствие капитала является важным элементом для формирования классовых различий. Таким образом, капитал — это концепция, которая помогает исследователям понять, как предоставляются или ограничиваются возможности для индивидов: «он позволяет нам думать о различных типах ценностей и мобильности» [Skeggs, 2004, с. 21]. Бурдье описывает три основных типа капитала: экономический капитал (экономическое богатство), социальный капитал (выгодные социальные связи) и культурный капитал (выгодные культурные блага, образование, карьерная траектория). Культурный капитал — самый разнообразный из трех, поскольку он принимает несколько форм и существует в институциональном состоянии (в виде образовательных и профессиональных квалификаций), в виде объектов (в виде картин, книг и т. д.) и воплощенном состоянии (в виде аспектов габитуса) [Bourdieu, 1986]. Кроме того, эти капиталы становятся четвертым типом капитала, когда они получают легитимацию в обществе: символическим капиталом. Концепция «капитала» позволяет нам думать о богатстве за пределами экономики. Однако мы предполагаем, что эта концепция может быть ещё более расширенной и использованной для понимания гендерных практик, связанных со стратегиями совладания с ситуациями, когда ресурсов, капиталов нет или они приобретают другую форму. Бурдье также предположил эволюционный потенциал своей концепции, когда добавил символический капитал к своей формулировке и предположил, что у каждого вида есть подвиды [Bourdieu, Wacquant, 1992, p. 119].

Бурдье считает, что расширение его формулировок имеет смысл, поскольку позволяет «объяснить структуру и динамику дифференцированных обществ» [Bourdieu, Wacquant, 1992, p. 119]. Некоторые теоретики выступают против расширения концептуального инструментария Бурдье. Например, Беннетт [2011] утверждает, что гендер не является капиталом; скорее, он информирует или структурирует культурный капитал. Они с сомнением относятся к развитию исходной концепции Бурдье, полагая, что в таком случае её расши-

рение может происходить бесконечно. Однако некоторые исследователи утверждают, что «гендерный капитал» позволяет учитывать как классовые, так и гендерные процессы; он делает гендер центральным элементом социального пространства [Huppatz and Goodwin, 2013].

Б. Скеггс, исследуя работающих женщин, разработала концепцию женского культурного капитала. В своей работе она пишет, что женщины из рабочего класса активно ищут и используют женственность как капитал для «компенсирования потерь». Таким образом, феминность — это «дискурсивная позиция», которую женщины занимают и которой сопротивляются различными способами. Скеггс также пишет о том, что гендерная нормативность как гендерный капитал по-разному действует на мальчиков и девочек [Skeggs, 2004, p. 22]. Она утверждает, что гендерная нормативность предлагает ограниченную форму капитала для девочек, в то время как она институционализирована в школах и, следовательно, является символическим капиталом и обеспечивает мужскую власть для мальчиков. Таким образом, гендер — это «асимметричная» форма капитала. Поэтому некоторые феминистские исследователи утверждают, что женщины не только накапливают капитал, но и обладают собственными женскими формами капитала. Более того, рассматривая гендер как культурный капитал, эти исследователи понимают женственность как культурно усваиваемую.

Это означает, что, хотя женщин могут поощрять к использованию этой формы капитала больше, чем мужчин, этот капитал может быть доступен как мужчинам, так и женщинам. Хуппатц также утверждает, что гендер является культурным капиталом. Изучая данные исследований, проведенные среди людей, работающих с детьми, исследовательница проводит различия между женским и феминным капиталом. Хуппатц предполагает, что существуют различия между преимуществами, которые вытекают из маркирования женщиной (обычно через признание телесных различий) и преимуществами, которые вытекают из женственности, поэтому, используя понятие «гендерный капитал», не следует смешивать женскость и феминность. Женский капитал и мужской капитал относятся к гендерным преимуществам, которые возникают в результате восприятия женского или мужского тела, в то время как феминный и маскулинный капиталы относятся к гендерным преимуществам, которые возникают в результате склонности или набора навыков, или потому, что индивида наделяют феминными или маскулинными характеристиками.

Гендерный капитал активно исследуется в социологии труда. Некоторые исследователи предполагают, что мы наблюдаем более активное использование гендерного капитала в связи с изменениями в экономике. Например, Л. Адкинс предполагает, что существует «новая экономика», в которой гендер рассматривается как культурный продукт и как ресурс, который можно использовать на рабочем

месте. Однако Адкинс считает, что гендерный капитал ограничен работой [Adkins 2005]. Поскольку работа в новой экономике всё больше включает в себя социальное взаимодействие и исполнение, ее прибыльность в значительной степени зависит от «эффекта аудитории», так удовлетворенность клиентов является ключевым показателем эффективности работы сотрудников. Однако, поскольку женская феминность часто рассматривается как «естественное преимущество», некоторые исследователи считают, что люди не всегда владеют гендерным капиталом или накапливают его [Huppatz and Goodwin 2013].

Феминистские исследователи переработали концепцию Бурдье о «воплощенном культурном капитале», добавив гендерный капитал, но чаще всего используют его только в исследованиях труда. Однако мы считаем, что данная концепция может быть использована шире.

Некоторые исследователи маскулинности также считают гендер преимуществом. Понятие «мужского капитала» получило широкое развитие в более поздних исследованиях маскулинности. В частности, Т. Бриджес, исследуя гендерный капитал мужчин-бодибилдеров, пишет о том, что маскулинность принимает различные формы в различных областях взаимодействия, выступая в качестве формы культурного капитала: гендерного капитала [Bridges, 2009, p. 83]. Гегемонная маскулинность часто рассматривается исследователями как гендерный капитал, который зависит от контекста. Другие исследователи рассматривают поле маскулинности, в котором гегемонная маскулинность, будучи подвижной и изменчивой, имеет тенденцию быть символическим капиталом. Коулз подчеркивает роль телесного капитала и утверждает, что тела, соответствующие гегемонистской маскулинности, представляют наибольшую ценность в поле маскулинности. С. К. Йенсен, исследуя молодых мигрантов Дании, обсуждает ценность «экспрессивной маскулинности». Она утверждает, что экспрессивная маскулинность — это отдельный субкультурный стиль, который связан с телесным капиталом. Исследовательница приходит к выводу, что молодые люди из неблагополучных семей используют преувеличенную маскулинность, «которая охватывает гендер, класс, этническую и расовую принадлежность» [Jensen, 2006, p. 271]. Она утверждает, что гендерный капитал может быть использован уязвимыми сообществами, чтобы компенсировать «потери» других форм капитала. Поэтому исследователи маскулинности выступают за пересмотр концепции культурного капитала и включения в него «мужского капитала», который может принимать различные телесные формы. Э. Деж в своём исследовании маскулинности бездомных мужчин [Dej, 2018] также пишет о том, что в ситуации, когда мужчины утрачивают мужские традиционные роли, включается механизм компенсации, который может проявляться по-разному и зависеть от контекста.

Феминность и маскулинность можно рассматривать как ресурсы, используемые сознательно или бессознательно [Huppatz and

Goodwin 2013]. Однако исследователи подчеркивают, что феминность не следует рассматривать как исключительно женскую характеристику, а маскулинность — как мужскую. Люди с мужским телом могут быть признаны обладателями женских качеств, а люди с женским телом — мужских. Это означает, что можно «делать гендер по-другому», но также, как утверждают Альвессон, Адкинс и Хуппац, в некоторых ситуациях это «делание» может быть выгодно, так что мужчины могут успешно использовать феминность, а женщины — маскулинность в определенных социальных пространствах и контекстах [Alvesson, 1998; Adkins, 2005; Huppatz, 2012].

Стереотипные или гегемонистские гендерные диспозиции могут быть наиболее выгодными [Bridges, 2009; Coles, 2009; Huppatz, 2009, 2012; Skeggs, 1997] и с большей вероятностью будут символически легитимированы. Гендер может быть концептуализирован как форма культурного капитала, существующий в виде различных форм гендерного капитала: женского, мужского (телесность, физиология); феминного и маскулинного (символические практики, гендерные роли).

Эмпирическая база и методология исследования

Данное исследование проведено в рамках диссертации и выполнено с использованием качественной методологии (полуструктурированные биографические интервью и включенные наблюдения). Автор статьи придерживается мнения, что качественная методология является наиболее подходящей для исследования уязвимых стигматизируемых групп, так как с, одной стороны, позволяет получить полное и глубокое понимание опыта и практик исследуемой группы [Hoolachan, 2016], с другой стороны, дает голос участникам исследования [Кузинер, 2024].

Поиск информантов изначально проходил через приюты некоммерческих организаций «Ночлежка», «Мальтийский орден». Далее после нескольких интервью использовался рекрутинг методом «снежного кома». Задача первого этапа исследования заключалась в том, чтобы исследовать опыт бездомных женщин, причины их попадания на улицу и стратегии совладания с ситуацией. Всего в выборку вошли люди с различным опытом бездомности — проживающие в приютах, в заброшенных зданиях.

В ходе исследования всего было собрано 60 интервью с мужчинами и женщинами с опытом бездомности и проживающими в Санкт-Петербурге на момент сбора данных. Выборка гендерно сбалансирована. Возраст участников составил от 31 до 72 лет. Большин-

ство из участников исследования сталкивались с различными формами бездомности (уличная бездомность, ночевки в подвалах домов или заброшенных зданиях, проживание у друзей или партнеров, проживание в приютах). 43 участников переехали в Санкт-Петербург из других регионов, в том числе 10 человек имели другое гражданство. У трех человек были советские паспорта. В ходе интервью участников расспрашивали об их жизни: основные социально-демографические характеристики, семья, детство, образование, карьера, опыт партнерских/семейных отношений, «жилищная» история и опыт бездомности, текущая официальная жилищная ситуация (есть ли регистрация, жилье в собственности и т. д.). Информантов спрашивали о том, как они справляются с ситуацией бездомности. Кроме того, их спрашивали об их самоидентификации (считает ли человек себя бездомным, почему) и как они определяют понятие «дом».

Метод наблюдения использовался во время работы в волонтерских проектах различных некоммерческих организаций, посещения исследовательницей мест проживания информантов (приюты, заброшенные дома, самодельные конструкции). Метод наблюдения позволил получить дополнительную информацию, связанную с организацией быта информантов, их коммуникаций с другими. Наблюдения проводились с октября 2018 в проектах различных НКО, а также в местах проживания информантов. Исследовательница участвовала в различных проектах помощи бездомным, где общалась с бездомными и другими волонтерами и документировала разговоры, действия и реакцию участников на различные события. Наблюдения помогли скорректировать дизайн-проект исследования, установить более доверительные отношения с информантами и рекрутировать большее количество участников. Можно сказать, что наблюдения проходят до сих пор, так как автор статьи активно задействована в нескольких проектах, помогающих бездомным.

Все интервью были записаны, дословно затранскрибированы и анонимизированы. В данном исследовании вместо имен используются идентификационные номера, приписываемые каждому информанту. Анализ полученных эмпирических данных выполнен методом открытого кодирования в логике обоснованной теории (версия К. Шармаз 2002), с применением элементов нарративного анализа.

Анализ данных начался ещё на этапе сбора данных, исследователь вела заметки после каждого интервью, рефлексировала над появляющимися категориями, что помогало корректировать процесс исследования, а также формулировать и закреплять появлявшиеся находки. Сначала было проведено открытое кодирование (с помощью программного обеспечения), были выделены основные темы и категории, возникавшие в ходе интервью, которые в дальнейшем были уточнены в соответствии с теоретическими рамками и теориями капитала. Было выделено несколько главных тем: состояние ресурсов до попа-

дания в ситуацию бездомности (жилищные ситуации, родительская семья и отношения с ней, романтические отношения, матримониальные истории, опыт родительства, образовательная и профессиональная траектории, история здоровья); состояние ресурсов в ситуации бездомности.

Для анализа гендерного капитала как специфического ресурса в ситуации бездомности был разработан набор операциональных индикаторов, позволяющих рассмотреть его проявления и использование в повседневных стратегиях выживания. Подход основывается на концепции капитала Бурдье, где гендерный капитал рассматривается как совокупность навыков, символических и телесных атрибутов, которые индивид может накапливать и конвертировать в ресурсы, способствующие адаптации и выживанию.

На этапе сбора данных особое внимание уделялось выявлению индикаторов накопления и конверсии гендерного капитала, включая следующие аспекты:

1. Воплощенные атрибуты гендерного капитала — поддержание внешности, женственности или маскулинности (например, стремление женщин к приобретению косметики и украшений).
2. Конверсия гендерного капитала — использование гендерных ролей и символических характеристик (феминность, забота, эмпатия) для получения жилья, безопасности или других материальных и нематериальных ресурсов.
3. Взаимодействие гендерного и социального капитала — активное использование гендерной роли для формирования и поддержания социальных связей, включая родственников, друзей и партнеров.

Эти индикаторы использовались при кодировании данных, позволив выделить тематику, связанную с накоплением и использованием гендерного капитала в ситуациях бездомности. Подобный подход дал возможность детализировать и представить эмпирические данные через призму гендерного капитала, акцентируя внимание на его специфике и динамике в контексте социальной уязвимости.

Атрибуты гендерного капитала в ситуации бездомности

Анализируя «воплощенные атрибуты гендерного капитала», можно выделить несколько ключевых аспектов, которые иллюстрируют, как бездомные женщины стремятся поддерживать свою женственность и как это способствует их социальной адаптации. Эти аспекты включают в себя внимание к внешнему виду, попытки поддерживать социально приемлемую гендерную идентичность и использование внешности как ресурса, укрепляющего их положение в условиях уязвимости.

В условиях бездомности для женщин поддержание внешнего вида — это способ сохранить свою идентичность и «нормальность». Женщины из исследуемой группы часто стремились выглядеть «чистыми» и «ухоженными», подчеркивая свою женственность, несмотря на сложные жизненные обстоятельства. Например, многие участницы интервью высказывали желание иметь базовые косметические средства и украшения, что показывает их потребность не только в соблюдении гигиены, но и в поддержании своей женственности. В этих случаях косметика и украшения выступают символами, которые помогают женщинам чувствовать себя «обычными» и соответствовать социальным ожиданиям о внешности женщины, что делает их менее заметными и уязвимыми в стигматизирующей среде бездомности.

> «*Ну потому что женщины же за собой следят, и не скажешь, что они бездомные. Ладно бы опустившиеся там женщины. Видно, что она. И даже я сколько не была на улице, была как раз на этом… грязное это, грязно то. Тут даже я не понимаю, но всё равно. Ты ж сидишь на скамейке, прислонилась куда-то. Я всё время чистилась*». (Инт. № 16, ж., 51, стаж бездомности 2 года, хостел).

На поддержание «нормативного» внешнего вида можно также взглянуть через призму «телесного капитала», в рамках которого женское тело становится неотъемлемой частью гендерного капитала. Женщины стремятся поддерживать свою внешность, не только чтобы чувствовать себя комфортно и не подвергаться стигме, но, и чтобы использовать этот ресурс как защиту от насилия и манипуляций. Например, они могут демонстрировать свою женственность, чтобы повысить социальную и личную безопасность, что особенно важно в условиях уличной бездомности. Телесный капитал в виде ухоженного и аккуратного внешнего вида позволяет им сохранить часть своего социального статуса и защищать себя от стигматизации.

Женственность как форма социального капитала и самосохранения в данном контексте выступает не только как поддержание определенного внешнего вида, но и как способ получения определенных форм поддержки. Поддержание внешности и феминных черт позволяет женщинам легче находить и укреплять социальные связи, в том числе с другими бездомными и с мужчинами, которые могут предложить защиту или временное жилье. Некоторые участницы рассказывали, что придают большое значение опрятности, что не только помогает избежать стигмы, но и позволяет взаимодействовать с окружающими на более равных основаниях, избегая ярлыка «неухоженности» или «отверженности».

Использование женственных атрибутов для поддержания гендерной идентичности становится важной адаптивной стратегией. Многие из женщин старались поддерживать как символическую,

так и физическую стороны женственности, видя в этом способ быть принятыми в обществе и среди других бездомных. Это стремление быть «женщиной как все» выступает не просто желанием выглядеть ухоженно, но также и символической защитой, позволяющей им легче находить социальные связи и поддержку. Женская идентичность может также позволять обращаться за помощью, ведь общество традиционно воспринимает женщин как более уязвимых, нуждающихся в защите и поддержке, что делает их обращения за помощью более приемлемыми и успешными.

Важно также отметить, что поддержание воплощенных атрибутов гендерного капитала может быть сопряжено с определенными трудностями. Например, в условиях бездомности у женщин часто нет доступа к гигиеническим условиям или средствам для поддержания внешнего вида. Это создает дополнительное психологическое давление, так как они чувствуют потребность соответствовать социальным ожиданиям, но не всегда могут это сделать. Женщины, не имеющие доступа к гигиене, косметике или чистой одежде, могут чувствовать себя менее защищенными и менее уверенными, что снижает их шансы на установление социальных связей и получение помощи.

Однако стоит отметить и другие стратегии адаптации к бездомности. Некоторые женщины старались вести себя и выглядеть нейтрально, незаметно, чтобы не привлекать внимание. Третью стратегию можно определить через использование маскулинных черт и практик. С одной стороны, это помогает избавиться от лишнего внимания, однако с другой стороны, также рассматривается другими как отрицательная стратегия (не справилась с удержанием своей женской роли, не следит за собой). Интересно, что женщины, выбравшие маскулинный образ и утратившие женственность по мнению других, ведут себя не соответствующе традиционной модели «женского поведения», в иерархии бездомных занимают самое низшее положение.

«...она живет на улице, у неё всё ровно, чётко, ей это нравится. Но мне как бы с ней рядом находиться не очень хочется, потому что от неё пахнет, от неё воняет — не только потом, но ещё и промежностью, ещё такими-то делами. И я, находясь с ней рядом, получаю, скажем так... не самые лучшие впечатления». (Инт. № 31, м., 35 лет, стаж бездомности 2 года, нет определенного места для ночлега.)

Один из информантов также делит бездомных женщин на «профессиональных бомжих» и случайно ставших бездомными. Последние нуждаются в помощи, поддержке и защите.

«Им только поймать такого же алкаша и чтобы он им хоть стакан налил. И также потом пойти с ним, где-нибудь посидеть, надыбать на бутылку, заработать что-нибудь. А были, да, случайные,

кто по жизни… Я же вижу женщину, что она бедная с сумками стоит, стесняется всего, оглядывается. Ну, мы скорешились с одним мужиком, когда в палатке жили, даже легли рядом, чтобы друг за другом, если что, типа один сходит, чайник возьмет, другой возьмет пакет доширака. И я говорю: «Девушка, иди к нам, мы тебя защитим, если что». И один мужик такой: «Э! О!», свинья такая подходит. Он видит, что она другого типа совсем. Его-то типа вон там сидит, вот такая. Мы: «Девушка, иди к нам, мы пальцем не обидим, если что, то мы гэкнем на них». Она: «Да-да, можно я к вам?» И вот она рядом с нами, со своими кульками. <…> Выяснилось, я с ней разговорился, что она в Выборге живет, у неё там квартира, она с родителями живет. Но, чтобы заработать, от родителей не зависеть, она поехала в Питер. Потому что тут-то да, а там в городе работы вообще нет. Город-то маленький… Раньше там пограничный город был, люди там зарабатывали. Говорит: «Это раньше было, а сейчас вообще нет». Она поехала в Питер подзаработать. Получилось так, что ее попросили с работы, что-то не устроила она работодателя, может фэйсом не вышла. Ну, она такая… Не скажу, что красавица, но средняя дома, приличная, чистая, аккуратная, за собой следит». (Инт. № 49, м., 49 лет, стаж бездомности 4 года, приют.)

Для мужчин-бездомных воплощенные атрибуты гендерного капитала связаны прежде всего с поддержанием маскулинности, которая играет роль в их выживании и адаптационных стратегиях. Этот маскулинный капитал проявляется через такие качества, как сила, независимость и стойкость, что помогает им ориентироваться в условиях социальной уязвимости. Применение и демонстрация этих атрибутов позволяет мужчинам укреплять своё социальное положение, избегать стигматизации, защищать свою идентичность и контролировать восприятие окружающими.

Для многих мужчин сила и способность самостоятельно справляться с трудностями становятся символом мужественности и ключевым элементом гендерного капитала. В условиях бездомности мужчины часто предпочитают избегать обращений за помощью, чтобы сохранить ощущение автономии и независимости. Например, некоторые мужчины отказываются обращаться к родственникам или друзьям, чтобы не казаться зависимыми или «слабыми». Такая независимость воспринимается ими как необходимая маскулинная черта, которая способствует уважению и минимизирует их уязвимость в глазах окружающих. Сила и выносливость также становятся важными атрибутами, позволяющими работать на тяжелых физических работах, таких как строительство или грузоперевозки, что, в свою очередь, укрепляет их социальное положение.

Некоторые мужчины также используют маскулинные социальные сети для выживания, предпочитая объединяться в группы

с другими мужчинами, чтобы взаимно поддерживать друг друга в поиске работы, ресурсов и защиты. В подобных группах демонстрация маскулинных качеств, таких как уверенность и сила, способствует укреплению иерархии и поддержанию порядка. Объединения мужчин-бездомных часто построены на основе сотрудничества в поиске еды, жилья или информации о возможных подработках. Такие социальные сети играют роль расширенного гендерного капитала, где мужчины полагаются на взаимные связи и защиту, усиливая свою способность адаптироваться в условиях уличной бездомности.

Конверсия гендерного капитала

Конверсия гендерного капитала — это процесс, при котором гендерные характеристики и атрибуты, такие как феминность, забота, эмпатия (для женщин), или физическая сила и независимость (для мужчин), обмениваются на ресурсы, необходимые для выживания.

Для женщин, оказавшихся в ситуации бездомности, конверсия гендерного капитала проявляется в использовании феминных характеристик (внешности, эмпатии, заботы) для получения жилья, защиты и других материальных ресурсов. Часто женщины используют женственность и символические черты, ассоциируемые с традиционной ролью заботливой и нуждающейся в защите женщины, для установления связей с мужчинами, которые могут предоставить им временное жилье или безопасность.

В данном случае мы соединяем концепцию «викарного физического капитала» Дж. Уотсон [2016] и женского капитала Б. Скеггс [2004]. Здесь, женский капитал — это физические характеристики (женское тело, внешность), а феминный капитал — это совокупность женского капитала и традиционных представлений о женщине (забота, эмпатия, создание уюта и выполнение традиционных женских ролей). Это обменивается на жилье и относительную безопасность. Однако под вопросом остается добровольность такого решения. Так, несколько женщин рассказывали в интервью, что их «забрали» / «увели» к себе мужчины. Такие союзы, как правило, имеют сильный дисбаланс власти, девушки испытывают домашнее насилие и легко могут снова оказаться на улице.

«...ко мне мужик привязался, к себе увёл жить. <...> вымылась, на Балтийский приехала, и меня на сон потянуло, заснула, просыпаюсь, думала идти. И мужик. И чо-та видит, вроде баба не пьяная. Пошли. Грю, с какой стати я пойду, я тебя не знаю, ты меня не знаешь. Ну потом познакомился. Ну привёл он меня правда к себе на хату, вот.

Ну у него там вместе… но любил выпить, правда, гонял, но без побоев, как напьётся, так начинает, и сколько раз уходила, потом… [Имя информантки], возвращайся. Я грю, не хочу я возвращаться. Потом в один прекрасный момент по ночи выгнал. Потом может и звонил, но я телефон потеряла. Потом уже в больницу попала. И всё». (Инт. № 7, ж., 50, стаж бездомности 10 лет, приют.)

«Вот за этой кафешкой сзади я спала, там труба была, тепленькая. Идти некуда же было мне. Там меня заметил вот этот дедушка. Первый раз увидал — подошёл ко мне. Вот. Купил кофе мне в стаканчике. Там чебуреки продавались, кофе купил мне стакан. А куда деваться — мне идти некуда. Он меня второй раз опять: «ты опять здесь?». — «Мне идти некуда». <…> Потом меня дедушка взял к себе. «Пойдем, пока сестры нет». А я-то не знала, что как. Ну пошли. Грязная, чумазая, еле иду. Он меня тащит на плече. Ну дошли там. Недалеко было. Отмыл меня в ванной. Поспала. Оставляет дома — день, два, три. Два месяца я у него жила». (Инт. № 13, ж., 60 лет, стаж бездомности 20 лет.)

Одной из главных стратегий конверсии является вступление в отношения с мужчинами, которые могут предложить жилье и безопасность. В интервью многие женщины делились опытом, как они находили мужчин, которые предоставляли им кров и защиту в обмен на выполнение традиционных женских ролей. Здесь женственность и забота рассматриваются как ресурс, которым женщины могут пользоваться для улучшения своей ситуации. Однако такие союзы часто несут в себе дисбаланс власти и риск насилия, так как женщина оказывается в зависимом положении.

Мужчины-бездомные в условиях бездомности также конвертируют свои маскулинные характеристики, такие как сила, независимость и способность к физическому труду, в ресурсы для выживания. Их гендерный капитал, построенный на традиционных представлениях о маскулинности, помогает им обеспечивать свои основные потребности через работу и взаимодействие с другими мужчинами.

«А в плане там вот этих чо то там покушать где-то чо то найти, где-то подзаработать, так это, наоборот, дружно, потом что иначе там на улице вообще не выжить. Особенно зимой это всё, это труба. Это надо всегда вместе держаться просто, я говорю, иначе никак. Где-то одна голова хорошо, а две, три, четыре лучше. Потому что один, второй, третий, чо-то подскажет. Кто-то услышал, кто-то где-то какой-то совет услышал, потом раз-раз взялись чо-то, раз-раз и выплыл короче». (Инт. № 47, м., 41 г., стаж бездомности 6 лет, приют.)

При этом, мужчины реже говорили о партнерствах с женщинами, чем женщины — с мужчинами. Для мужчин объединение — это больше про объединение усилий по заработку и поиску ресурсов. Для женщин объединение — про безопасность, физическую и эмоциональную.

«В этой жизни одной бабе тяжело выжить, нужно, чтобы кто-то защищал, поддерживал, заботился». (Инт. № 1, ж, 42 года, стаж бездомности 17 лет, заброшенный дом.)

Гендерный и социальный капиталы

Как для мужчин, так и для женщин, гендерный капитал часто конвертируется в социальный капитал, помогающий им устанавливать и поддерживать связи, которые могут предоставить доступ к ресурсам и защите. Женщины в ситуации бездомности часто обращаются за поддержкой к родственникам или друзьям, используя свои гендерные роли для получения сочувствия и помощи. Такие обращения подкрепляются культурными представлениями о женщинах как более уязвимых и нуждающихся в защите, что помогает им легче получать помощь. Для мужчин-бездомных формирование связей с другими мужчинами также является формой конверсии гендерного капитала, когда мужская солидарность помогает им совместно решать проблемы и минимизировать уязвимость. Мужчины также могут обращаться за помощью к друзьям или коллегам, при этом стараясь не показывать свою уязвимость, чтобы сохранить свою маскулинность. Чаще всего, такие обращения направлены не на получение жилья, а на нахождение работы или совместное проживание, где каждый участник группы вносит свой вклад в общее выживание.

Женщины также часто используют эмоциональные и символические аспекты гендерного капитала для получения моральной поддержки и минимизации социальной изоляции. Мужчины, напротив, часто избегают проявления эмоциональной уязвимости, стараясь поддерживать образ уверенности и независимости, что создает символический статус в их социальном кругу. Это укрепляет их положение и снижает вероятность столкновения с неуважением или негативными реакциями со стороны других бездомных. Мужчины также стремятся демонстрировать физическую силу и самодостаточность, что помогает им создать позитивный образ и уменьшить риски стигматизации и уязвимости.

И мужчины, и женщины в большей степени склонны полагаться на традиционные гендерные роли в выстраивании стратегий преодо-

ления бездомности. Для женщин ситуация «уличной» бездомности достаточно сенситивна, связана со стыдом и небезопасной обстановкой. Попадая в ситуацию риска оказаться на улице, женщины, как правило, задействуют все свои социальные ресурсы — если отношения с родственниками разорваны, то поиск места для ночлега может быть среди друзей и знакомых. Для женщин обратиться за помощью к кому-то из близких или знакомых — это норма, женщина может быть слабой, может быть в беде (не по своей вине), и ей можно помогать.

«Первое время жила у знакомых. У соседей, у знакомых. У кого неделю, у кого две, у кого по месяцу проживала, так вот. Ну люди выручали просто-напросто. Кто подкармливал, кто одежду, вот… помогали, кто чем мог. Вот. Ещё на это время я работала маленько». (Инт № 12, ж., 60, стаж бездомности 20 лет, приют.)

«Инт.: Понятно, а пытались обращаться [за помощью]?
Инф.: Да, я звонила практически всем, все сказали «моя твоя не знает». (Инт. № 9, ж., 36, стаж бездомности 1 год, приют.)

Только когда социальный ресурс исчерпывается, женщина может обратиться за помощью к НКО.

«Инф: Да… У меня супруг погиб и получилось так, что я осталась на улице.
Инт. А как давно это было?
Инф.: Он погиб в 2014 году. Я держалась у друзей, там ещё некоторые люди были. Потом это всё сошло на нет. И когда денег нет, то ты — никто. Когда были деньги, то у меня и друзья были, мы ходили по ресторанам, по кафе, всё было. А когда этого нет, и узнали, что я — бомж, и я сказала…» (Инт. № 19, ж., 59, стаж бездомности 2 года, приют.)

Это может быть также связано и со стигмой — лучше обратиться за любой помощью, чем быть бездомной. При этом женщины редко в ситуации скрытой бездомности (или в зоне риска) обращаются непосредственно в помогающие организации, так как это тоже своего рода признание своего статуса. Наблюдения также показывают, что женщины активно используют социальные связи, от сильных до слабых, предпочитая помощь знакомых, чем НКО. Это объясняется недоверием к организациям, негативным опытом взаимодействия.

Некоторые женщины в своих нарративах рассказывали, что искали партнера с жильем. Также к практикам применения феминного капитала можно отнести поиск «женских» работ — сиделкой, администратором, уборщицей.

Мужчины обращаются за помощью к родственникам реже, предпочитая сначала решать возникшую проблему без их помощи,

потому что в противном случае, это означает признать свою несостоятельность как добытчика и главы дома. В данном случае очень сильна патриархальная парадигма понимания мужских и женских ролей в обществе, и стереотип, что мужчина со своими проблемами должен справляться сам.

«Инт.: А та [дочь], которая здесь, вы к ней за помощью обращались?

Инф.: Зачем? Мне стыдно, это, во-первых. Во-вторых — я мужчина, я должен как-то… Я готов помогать ей, но ей помогать не надо, у неё всё в порядке». (Инт. № 54, м., 58, стаж бездомности 10 лет, дом ночного пребывания.)

«Ну и пошло такое — стал пока один жить, снимал комнатку. Потом потихоньку пошло-пошло-пошло, так и остался снимать комнату. Пока думаю: «Что я, не мужчина? Выживу, заработаю». (Инт. № 54, м., 58, стаж бездомности 10 лет, дом ночного пребывания.)

Исследование стратегий совладания с бездомностью демонстрирует, что как мужчины, так и женщины используют различные подходы в зависимости от формы бездомности (скрытая, уличная, на грани бездомности), а также традиционных гендерных ролей, принятых в обществе. Женщины, оказавшись в рисковой ситуации, активно используют свои социальные связи, обращаясь за помощью к родственникам, друзьям и знакомым. Это связано с восприятием женщин как более уязвимых и нуждающихся в поддержке, что позволяет им легче получать помощь от окружающих. Однако, обращение за помощью к профильным НКО происходит лишь после исчерпания всех социальных ресурсов, так как сопряжено с признанием своего статуса. Женщины могут также обменивать свой феминный капитал (тело, забота, эмпатия) на жилье и относительную безопасность. Однако это часто сопровождается неравноправными отношениями и риском насилия.

Выводы

Бездомность можно определить как сложный динамический социальный процесс, связанный с отсутствием стабильного и безопасного жилья, вызванный отсутствием или утратой ресурсов (материальных, социальных, экономических, культурных). Чем меньше у человека ресурсов, тем больше вероятность его попадания в ситуацию бездомности. Это постоянный процесс — для совладания с бездо-

мностью, индивид постоянно находится в поиске ресурсов — жилья, работы, социальных связей. При этом ресурсы могут приобретаться, конвертироваться в капитал и использоваться как одна из стратегий выхода из ситуации бездомности и адаптации к ней.

В ходе анализа эмпирических данных выдвинут концепт гендерного капитала, который помогает понять, как мужчины и женщины адаптируются и совладают с ситуацией бездомности. Гендерный капитал включает в себя символические практики, связанные с традиционными представлениями о роли мужчин и женщин.

Исследование показывает, что воплощенные атрибуты гендерного капитала играют важную роль в адаптации бездомных людей к трудным условиям жизни. В ситуации риска бездомности и жизни на улице женщины используют «феминный» капитал (тело, женственность, забота) как одну из стратегий совладания с бездомностью. Эта стратегия используется не только для обеспечения физической безопасности, но и для эмоционального комфорта. Это может проявляться в виде партнерства с мужчиной, у которого есть жилье, трудоустройства на традиционные женские работы с проживанием, обращение за помощью в женские помогающие организации. Так как в патриархальных сообществах гендерные роли играют определяющую роль, их потеря ведёт не только к стигматизации, но и к самостигматизации, а также к выработке компенсирующих гендерных стратегий, помогающих адаптироваться к ситуации бездомности. Мужчины также используют свой «маскулинный» капитал.

В ситуации уличной бездомности феминный капитал используется для построения отношений с мужчинами для обеспечения защиты и эмоционального комфорта. Маскулинный капитал также используется как одна из стратегий совладания с бездомностью, однако, вариативность гендерно маркируемых стратегий у мужчин меньше, чем у женщин. Это может быть связано с сильным влиянием традиционных гендерных ролей в российском обществе. В обществе с сильными патриархальными установками гендерные роли в ситуации бездомности гиперболизируются, компенсируя утраченные функции («хозяйки домашнего очага» и «главы дома»).

Женщины и мужчины используют свои гендерные роли для получения различных видов социальной поддержки. Женщины активнее привлекают социальные связи, обращаясь за помощью к родственникам, друзьям и знакомым. Это обусловлено восприятием женщин как более уязвимых и нуждающихся в защите, что делает их обращения за поддержкой более успешными и менее стигматизированными. Мужчины же реже обращаются за помощью, чтобы сохранить свою маскулинность и избежать стигматизации.

Гендерные роли способствуют укреплению социальных связей и служат способом минимизировать уязвимость. Женщины используют свою женственность для создания связей с людьми, которые

могут помочь им избежать бездомности, тогда как мужчины чаще строят отношения с другими мужчинами, объединяясь для взаимной поддержки и поиска ресурсов.

Конверсия гендерного капитала у женщин нередко сопровождается значительным дисбалансом власти, что повышает их уязвимость перед насилием и манипуляцией. В условиях зависимости от мужчин, предоставляющих кров или защиту, женщины могут оказаться в ситуации, где их права и границы нарушаются, что требует дальнейшего изучения и разработки социальной поддержки для таких случаев.

Отношение бездомных мужчин к бездомным женщинам амбивалентно. С одной стороны, женщина с длительной историей бездомности, не соответствующая традиционной женской модели патриархального общества (женственность, уход за собой, забота о мужчине), маргинализируется и воспринимается ими негативно. С другой стороны, бездомная женщина, которая соответствует традиционным представлениям о женственности, напротив, нуждается в заботе и поддержке, что воспринимается мужчинами более позитивно и в определенном смысле помогает им поддерживать свою гендерную роль. Данные результаты вносят вклад в дискуссию о гендерном капитале. Большинство исследований посвящены рассмотрению феминного и маскулинного капиталов в сферах занятости и спорта [Skeggs, 2011; Hupatz, Goodwin, 2013]. Мы же рассматриваем, как трансформируется данная концепция применительно к уязвимым группам в ситуации, когда им необходимо справляться (совладать, выживать, адаптироваться) с жизненными трудностями.

Приписываемые гендерные роли влияют на стратегии адаптации к ситуации бездомности, а также на то, как мы видим этот феномен. За счёт того, что женская бездомность стигматизируется обществом, бездомными и бездомными женщинами, женщины с опытом бездомности, как правило, попадают в «невидимую» категорию бездомности. Их опыт и потребности становятся невидимыми для практиков и исследователей. Концептуализация бездомности с точки зрения разных характеристик, понимание гетерогенности этой группы позволит разработать не только теоретический аппарат для анализа бездомности, но и поможет практикам в области социальной политики разработать услуги, подходящие для различных групп бездомных и групп, находящихся в зоне риска бездомности.

При этом феминный и маскулинный капиталы не обязательно используются только женщинами и мужчинами соответственно. Так, женщины могут использовать маскулинный капитал и вести себя подчеркнуто мужественно, опекать и защищать других женщин.

Литература

1. *Алексеева, Л. С.* Бездомные в России // Социологические исследования. 2003. № 9. С. 56–62.
2. *Волков, В. В.* Бездомность в современной России: проблема типологии бездомных // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 4. С. 366–370.
3. *Коваленко, Е., Строкова, Е.* Бездомность: есть ли выход. М.: Фонд «Институт экономики города. 2010.
4. *Кузинер, Е. Н.* «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 273–298.
5. *Кузинер, Е. Н.* Исследование бездомности: методология, эмоциональная вовлеченность и место исследователя в сенситивных полях // ИНТЕР: Интеракция Интервью. Интерпретация. 2024. Т. 16. № 2. С. 69–88.
6. *Платонова, Н. М.* Бездомность в современной России: причины и следствия // Учёные записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. 2009. Т. 11. № 1. С. 56–60.
7. *Adkins, L.* Social capital: The anatomy of a troubled concept // Feminist Theory. 2005. Vol. 6. No. 2. P. 195–211.
8. *Alvesson, M.* Gender relations and identity at work: A case study of masculinities and femininities in an advertising agency //Human relations. 1998. Vol. 51. No. 8. P. 969–1005.
9. *Baptista, I.* Women and homelessness //Homelessness research in Europe. 2010. Vol. 4. No. 1. P. 163–185.
10. *Bennett, K.* Homeless at home in East Durham // Antipode. 2011. Vol. 43. No. 4 P. 960–85.
11. *Bourdieu, P.* The Forms of Capital. // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / Ed. by J. Richardson. New York: Greenwood, 1986.
12. *Bourdieu, P., Wacquant, L. J. D.,* An invitation to reflexive sociology. Chicago: University of Chicago Press. 1992.
13. *Bretherton, J.* Homelessness and gender reconsidered // European Journal of Homelessness. 2017. No. 11. P. 1–22.
14. *Bretherton, J.* Women's experiences of homelessness: A longitudinal study // Social Policy and Society. 2020. Vol. 19. No. 2. P. 255–270.
15. *Bretherton, J., Mayock, P.* Women's homelessness: European evidence review. Research Report. FEANTSA. 2021.
16. *Bridges, T. S.* Gender capital and male bodybuilders // Body & Society. 2009. Vol. 15. No. 1. P. 83–107.
17. *Casey, R., Goudie, R., Reeve, K.* Homeless Women in Public Spaces: Strategies of Resistance // Housing Studies. 2008. No. 23. P. 899–916. [Online] <https://doi.org/10.1080/02673030802416627> [Date of access] 16.09.2024.
18. *Coles, T.* Negotiating the field of masculinity: The production and reproduction of multiple dominant masculinities // Men and masculinities. 2009. Vol. 12. No. 1. P. 30–44.
19. *Dej, E.* When a man's home isn't a castle: Hegemonic masculinityamong men experiencing homelessness and mental Illness. // Containing Madness. / J. M. Kilty, E. Dej. Cham: Springer International Publishing, 2018. P. 215–239. [Online] <https://doi.org/10.1007/978-3-319-89749-3_10> [Date of access] 25.11.2024.
20. *Edgar, B., Doherty, J. M.* Women and homelessness in Europe: Pathways, services and experiences. Bristol: Policy Press, 2001.
21. *Evans, R. D., Forsyth, C. J.* Risk Factors, Endurance of Victimization, and Survival Strategies: The Impact of the Structural Location of Men and Women on Their Experiences Within Homeless Milieus // Sociological Spectrum. 2004. Vol. 24. No. 4. P. 479–505. [Online] <https://doi.org/10.1080/02732170390260413> [Date of access] 25.11.2024.

22. *Finfgeld-Connett, D.* Becoming Homeless, Being Homeless, and Resolving Homelessness Among Women // Issues in Mental Health Nursing. 2010. Vol. 31. No. 7. P. 461–469. [Online] <https://doi.org/10.3109/01612840903586404> [Date of access] 25.11.2024.
23. *Jones, M. E., Shier, M. L., Graham, J. R.* Intimate relationships as routes into and out of homelessness: Insights from a Canadian city // Journal of Social Policy. 2012. Vol. 41. No. 1. P. 101–117.
24. *Höjdestrand, T.* Needed by Nobody: Homelessness and Humanness in PostSocialist Russia. Ithaca, New York: Cornell University Press, 2009.
25. *Hoolachan, J. E.* Ethnography and homelessness research // International Journal of Housing Policy. 2016. Vol. 16. No. 1. P. 31–49. [Online] <https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1076625> [Date of access] 25.11.2024.
26. *Huey, L., Berndt, E.* 'You've Gotta Learn how to Play the Game': Homeless Women's Use of Gender Performance as a Tool for Preventing Victimization // The Sociological Review. 2008. Vol. 56. No. 2. P. 177–194. [Online] <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2008.00783.x> [Date of access] 25.11.2024.
27. *Huppatz, K., Goodwin, S.* Masculinised jobs, feminised jobs and men's 'gender capital'experiences: Understanding occupational segregation in Australia // Journal of Sociology. 2013. Vol. 49. No. 2–3. P. 291–308.
28. *Huppatz, K.* Social Work // Gender Capital at Work: Intersections of Femininity, Masculinity, Class and Occupation. Springer. Palgrave Macmillan, 2012. P. 96–111.
29. *Jensen, S. K.* Mutually Violent Couples: The Effects of Hypermasculinity and Coercion on Partner Violence and Mental Health. ProQuest Dissertations Publishing, 2006. [Online] <https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc94270/> [Date of access] 10.07.2024.
30. *Johnson, G., Ribar, D. C., Zhu, A.* Women's Homelessness: International Evidence on Causes, Consequences, Coping and Policies // Melbourne Institute Working Paper Series Working Paper. 2017. No. 7/17.
31. *Kuziner, E. N.* 'People Don't Live There, on the Streets — They Are Surviving': Gender Specifics of Homelessness Coping Strategies in St. Petersburg, Russia // Social Sciences. 2023. Vol. 12. No. 9. Article 476.
32. *Mayock, P., Bretherton, J., Baptista, I.* Women's homelessness and domestic violence: (In)visible interactions // Women's homelessness in Europe / Ed. by P. Mayock, J. Bretherton. London: Palgrave Macmillan, 2016. P. 127–154.
33. *Mayock, P., Sheridan, S., Parker, S.* Migrant women and homelessness: The role of gender-based violence // European Journal of Homelessness. Vol. 6. No. 1. 2012.
34. *McMaster, R.* People at risk of homelessness: A qualitative study of housing support initiatives (PhD Thesis). University of Tasmania. 2017.
35. *O'Grady, B., Gaetz, S.* Homelessness, Gender and Subsistence: The Case of Toronto Street Youth // Journal of Youth Studies. 2004. Vol. 7. No. 4. P. 397–416. [Online] <https://doi.org/10.1080/13676260420 00315194> [Date of access] 25.11.2024.
36. *Okamoto, Y.* A comparative study of homelessness in the United Kingdom and Japan // Journal of Social Issues. 2007. Vol. 63 . No. 3. P. 525–542
37. *Parsell, C., Parsell, M.* Homelessness as a Choice // Housing, Theory and Society. 2012. Vol. 29. No. 4 P. 420–434. [Online] <https://doi.org/10.1080/14036096.2012.667834> [Date of access] 25.11.2024.
38. *Pleace, N., Bretherton, J.* The case for Housing First in the European Union: A critical evaluation of concerns about effectiveness // European Journal of homelessness. 2013. Vol. 7. No. 2.
39. *Quilgars, D., Pleace, N.* Homelessness Research in Europe. FEANSTA. 2010 .
40. *Rea, J.* Social relationships, stigma, and wellbeing through experiences of homelessness in the United Kingdom // Journal of Social Issues. 2023. Vol. 79. No. 1. P. 465–493. [Online] <https://doi.org/10.1111/josi.12572> [Date of access] 25.11.2024.

41. *Romero, M., Margolis, E.* (Eds.). The Blackwell Companion to Social Inequalities: Romero. Oxford: The Blackwell Publishing Ltd, 2005. [Online] <https://doi.org/10.1002/9780470996973> [Date of access] 25.11.2024.
42. *Skeggs, B.* Classifying practices: Representations, capitals and recognitions // Class matters:'Working-class' women's perspectives on social class in: Pat Mahoney and Christine Zmroczek. London: Taylor & Francis. 1997. P. 123–139.
43. *Skeggs, B.* Context and background: Pierre Bourdieu's analysis of class, gender and sexuality // The sociological review. 2004. Vol. 52. No. 2_suppl. P. 19–33.
44. *Skeggs, B.* Imagining personhood differently: Person value and autonomist working-class value practices // The sociological review. 2011. Vol. 59. No. 3. P. 496–513.
45. *Stephenson, S.* Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. New York: Routledge, 2017.
46. *Tessler, R., Rosenheck, R., Gamache, G.* Gender Differences in Self-Reported Reasons for Homelessness. // Journal of Social Distress and the Homeless. 2001. Vol. 10. No. 3. P. 243–254. [Online] <https://doi.org/10.1023/A:1016688707698> [Date of access] 25.11.2024.
47. *Tomas, A., Dittmar, H.* The experience of homeless women: An exploration of housing histories and the meaning of home // Housing studies. 1995. Vol. 10. No. 4. P. 493–515.
48. *Wardhaugh, J.* The Unaccommodated Woman: Home, Homelessness and Identity. // The Sociological Review 47. 1999. Vol. 47. No.1. P. 91–109. https://doi.org/10.1111/1467-954X.00164
49. *Watson, J.* Gender-Based Violence and Young Homeless Women: Femininity, Embodiment and Vicarious Physical Capital // The Sociological Review. 2016. Vol. 64. No.2. P.256–273. https://doi.org/10.1111/1467-954X.12365
50. *Watson, J.* Homelessness Through a Feminist Lens, in: The Routledge Handbook of Homelessness. Routledge. 2023. P. 119–129.
51. *Watson, J., Crawley, J., Kane, D.* Social exclusion, health and hidden homelessness // Public health. 2016. Vol. 139. P. 96–102.
52. *Watson, S.* A home is where the heart is: engendering notions of homelessness // Homelessness. Policy Press. 1999. P. 81–100.
53. *Watson, S.D.* Discharges to the Streets: Hospitals and Homelessness // Louis U. Pub. L. Rev. 2000. Vol. 19. No. 2. P. 357–384.
54. *Watson, S.*, Austerberry H. Housing and homelessness: A feminist perspective // Routledge & Kegan Paul. 1986.
55. *Wendt, S., Moulding, N.* (ed.). Contemporary feminisms in social work practice. London: Routledge. 2016.

Evgenia Kuziner

Gender Capital as a Resource of Survival and Adaptation for Homeless People: Russian Cont+ext

Evgenia Nikolaevna Kuziner — Junior Researcher, Center for Youth Studies, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg. **Address:** St. Petersburg, 55/2, Sedova St., 2. **E-mail:** ekuziner@hse.ru.

Abstract: The research is focused on analyzing the gender aspects of homelessness in Russia, with special attention to the differences in the causes of homelessness, survival strategies and vulnerability of men and women. This study seeks to highlight the specific problems faced by homeless women and men, as well as to offer a conceptual framework for understanding gender capital as a key element in their adaptation strategies. The study is based on empirical data collected between 2018 and 2021. The concept of gender capital proposed in the study helps to understand how social, cultural and economic resources are utilized by men and women in their daily struggle for survival. This concept reveals how gender norms and expectations influence the experience of homelessness and adaptation strategies. Gender capital includes skills, knowledge, and social networks that can both facilitate survival and limit opportunities to exit homelessness.

Keywords: homelessness, female homelessness, gender capital

References:

1. *Adkins, L.* (2005). Social capital: The anatomy of a troubled concept // Feminist Theory. Vol. 6. No. 2. P. 195–211.
2. *Alekseeva, L. S.* (2003). Homeless in Russia // Sociological Studies.. №. 9. Pp. 56–62. (In Russ.)
3. *Alvesson, M.* (1998). Gender relations and identity at work: A case study of masculinities and femininities in an advertising agency //Human relations. Vol. 51. No. 8. P. 969–1005.
4. *Baptista, I.* (2010). Women and homelessness //Homelessness research in Europe. Vol. 4. No. 1. P. 163–185.
5. *Bennett, K.* (2011). Homeless at home in East Durham // Antipode. Vol. 43. No. 4 P. 960–85.
6. *Bourdieu, P.* (1986). The Forms of Capital. In J. Richardson (Ed.), Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education (pp. 241–258). New York: Greenwood.
7. *Bourdieu, P., Wacquant, L. J. D.* (1992). An invitation to reflexive sociology. University of Chicago Press.
8. *Bretherton, J.* (2017). Homelessness and gender reconsidered. European Journal of Homelessness. No. 11. P. 1–22.
9. *Bretherton, J.* (2020). Women's experiences of homelessness: A longitudinal study // Social Policy and Society. No. 19 (2). P. 255–270.
10. *Bretherton, J., Mayock, P.* (2021). Women's homelessness: European evidence review. Research Report. FEANTSA..
11. *Bridges, T. S.* (2009). Gender capital and male bodybuilders // Body & Society. Vol. 15. No. 1. P. 83–107.

12. *Casey, R., Goudie, R., Reeve, K.* (2008). Homeless Women in Public Spaces: Strategies of Resistance. // Housing Studies. No. 23. P. 899–916. [Online] <https://doi.org/10.1080/02673030802416627> [Date of access] 16.09.2024.
13. *Coles, T.* (2009). Negotiating the field of masculinity: The production and reproduction of multiple dominant masculinities // Men and masculinities. Vol. 12. No. 1. P. 30–44.
14. *Dej, E.* (2018). When a Man's Home Isn't a Castle: Hegemonic Masculinity Among Men Experiencing Homelessness and Mental Illness // Kilty, J.M., Dej, E. (Eds.), Containing Madness. Cham: Springer International Publishing,. P. 215–239. [Online] <https://doi.org/10.1007/978-3-319-89749-3_10> [Date of access] 25.11.2024.
15. *Edgar, B., Doherty, J.M.* (2001). Women and homelessness in Europe: Pathways, services and experiences. Bristol: Policy Press.
16. *Evans, R.D., Forsyth, C.J.* (2004). Risk Factors, Endurance of Victimization, and Survival Strategies: The Impact of the Structural Location of Men and Women on Their Experiences Within Homeless Milieus // Sociological Spectrum. Vol. 24. No. 4. P. 479–505. [Online] <https://doi.org/10.1080/02732170390260413> [Date of access] 25.11.2024.
17. *Finfgeld-Connett, D.* (2010). Becoming Homeless, Being Homeless, and Resolving Homelessness Among Women // Issues in Mental Health Nursing. Vol. 31. No. 7. P. 461–469. [Online] <https://doi.org/10.3109/01612840903586404> [Date of access] 25.11.2024.
18. *Jones, M. E., Shier, M. L., Graham, J. R.* (2012). Intimate relationships as routes into and out of homelessness: Insights from a Canadian city // Journal of Social Policy.. Vol. 41. No. 1. P. 101–117.
19. *Höjdestrand, T.* (2009). Needed by Nobody: Homelessness and Humanness in PostSocialist Russia. Ithaca, NY: Cornell University Press.
20. *Hoolachan, J.E.* (2016). Ethnography and homelessness research // International Journal of Housing Policy. Vol. 16. No. 1. P. 31–49. [Online] <https://doi.org/10.1080/14616718.2015.1076625> [Date of access] 25.11.2024.
21. *Huey, L., Berndt, E.* (2008). 'You've Gotta Learn how to Play the Game': Homeless Women's Use of Gender Performance as a Tool for Preventing Victimization // The Sociological Review. Vol. 56. No. 2. P. 177–194. [Online] <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2008.00783.x> [Date of access] 25.11.2024.
22. *Huppatz, K., Goodwin, S.* (2013). Masculinised jobs, feminised jobs and men's 'gender capital'experiences: Understanding occupational segregation in Australia // Journal of Sociology. Vol. 49. No. 2–3. P. 291–308.
23. *Huppatz, K.* (2012). Social Work // Gender Capital at Work: Intersections of Femininity, Masculinity, Class and Occupation. Springer. Palgrave Macmillan. P. 96–111.
24. *Jensen, S.K.* (2006). Mutually Violent Couples: The Effects of Hypermasculinity and Coercion on Partner Violence and Mental Health. ProQuest Dissertations Publishing . [Online] <https://digital.library.unt.edu/ark:/67531/metadc94270/> [Date of access] 10.07.2024.
25. *Johnson, G., Ribar, D.C., Zhu, A.* (2017). Women's Homelessness: International Evidence on Causes, Consequences, Coping and Policies // Melbourne Institute Working Paper Series Working Paper.. No. 7/17.
26. *Kovalenko, E., Strokova, E.* (2010). Homelessness: is there a way out // M.: Foundation "Institute of Urban Economics. Vol. 128. (In Russ.)
27. *Kuziner, E.N.* (2024). Homelessness: Methodology, Emotional Involvement and the Researcher's Role in Sensitive Field. Interaction. Interview. Interpretation. Vol. 16. No. 2. P. 69–88. (In Russ.)
28. *Kuziner, E.N.* (2020). 'I Will Go Home', with 'Home' Meaning 'Basement': Homeless Women's Daily Practices and Coping Strategies'. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 4. P. 73–98. (In Russ.)

29. *Kuziner, E. N.* (2023). 'People Don't Live There, on the Streets — They Are Surviving': Gender Specifics of Homelessness Coping Strategies in St. Petersburg, Russia // Social Sciences. Vol. 12. No. 9. Article 476.
30. *Mayock, P., Bretherton, J.* (ed.). (2016). Women's homelessness in Europe. London: Palgrave Macmillan. P. 127–154.
31. *Mayock, P., Sheridan, S., Parker, S.* (2012). Migrant women and homelessness: The role of gender-based violence // European Journal of Homelessness. Vol. 6. No. 1.
32. *McMaster, R.* (2017). People at risk of homelessness: A qualitative study of housing support initiatives (PhD Thesis). University of Tasmania.
33. *O'Grady, B., Gaetz, S.* (2004). Homelessness, Gender and Subsistence: The Case of Toronto Street Youth. // Journal of Youth Studies. Vol. 7. No. 4. P. 397–416. [Online] <https://doi.org/10.1080/13676260420000315194> [Date of access] 25.11.2024.
34. *Okamoto, Y.* (2007). A comparative study of homelessness in the United Kingdom and Japan // Journal of Social Issues. Vol. 63. No. 3. P. 525–542
35. *Parsell, C., Parsell, M.* (2012). Homelessness as a Choice // Housing, Theory and Society. Vol. 29. No. 4 P. 420–434. [Online] <https://doi.org/10.1080/14036096.2012.667834> [Date of access] 25.11.2024.
36. *Platonova, N. M.* (2009). Homelessness in modern Russia: causes and consequences // Scientific Notes of the St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work. Vol. 11. №. 1. P. 56–60. (In Russ.)
37. *Pleace, N., Bretherton, J.* (2013). The case for Housing First in the European Union: A critical evaluation of concerns about effectiveness // European Journal of homelessness. Vol. 7. No. 2.
38. *Quilgars, D., Pleace, N.* (2010). Homelessness Research in Europe. FEANSTA.
39. Rea, J. (2023). Social relationships, stigma, and wellbeing through experiences of homelessness in the United Kingdom // Journal of Social Issues. Vol. 79. No. 1. P. 465–493. [Online] <https://doi.org/10.1111/josi.12572> [Date of access] 25.11.2024.
40. *Romero, M., Margolis, E.* (Eds.). (2005). The Blackwell Companion to Social Inequalities: Romero. Oxford: The Blackwell Publishing Ltd. [Online] <https://doi.org/10.1002/9780470996973> [Date of access] 25.11.2024.
41. *Skeggs, B.* (1997). Classifying practices: Representations, capitals and recognitions // Class matters:'Working-class' women's perspectives on social class in: Pat Mahoney and Christine Zmroczek. London: Taylor & Francis. P. 123–139.
42. *Skeggs, B.* (2004). Context and background: Pierre Bourdieu's analysis of class, gender and sexuality // The sociological review. Vol. 52. No. 2_suppl. P. 19–33.
43. *Skeggs, B.* (2011). Imagining personhood differently: Person value and autonomist working-class value practices // The sociological review. Vol. 59. No. 3. P. 496–513.
44. *Stephenson, S.* (2017). Crossing the line: Vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. Routledge.
45. *Tessler, R., Rosenheck, R., Gamache, G.* (2001). Gender Differences in Self-Reported Reasons for Homelessness // Journal of Social Distress and the Homeless. Vol. 10. No. 3. P. 243–254. [Online] <https://doi.org/10.1023/A:1016688707698> [Date of access] 25.11.2024.
46. *Tomas, A., Dittmar, H.* (1995). The experience of homeless women: An exploration of housing histories and the meaning of home // Housing studies.. Vol. 10. No. 4. P. 493–515.
47. *Volkov, V. V.* (2010). Homelessness in modern Russia: the problem of homeless typology // Vestnik of Nizhny Novgorod University named after NI Lobachevsky. №. 4. P. 366–370. (In Russ.)
48. *Wardhaugh, J.* (1999). The Unaccommodated Woman: Home, Homelessness and Identity. // The Sociological Review 47. Vol. 47. No.1. P. 91–109. https://doi.org/10.1111/1467-954X.00164

49. *Watson, J.* (2016). Gender-Based Violence and Young Homeless Women: Femininity, Embodiment and Vicarious Physical Capital // The Sociological Review. Vol. 64. No.2. P.256–273. https://doi.org/10.1111/1467-954X.12365
50. *Watson, J.* (2023). Homelessness Through a Feminist Lens, in: The Routledge Handbook of Homelessness. Routledge. P. 119–129.
51. *Watson, J., Crawley, J., Kane, D.* (2016). Social exclusion, health and hidden homelessness // Public health. Vol. 139. P. 96–102.
52. *Watson, S.* (1999). A home is where the heart is: engendering notions of homelessness // Homelessness. Policy Press. P. 81–100.
53. *Watson, S. D.* (2000). Discharges to the Streets: Hospitals and Homelessness // Louis U. Pub. L. Rev. Vol. 19. No. 2. P. 357–384.
54. *Watson, S.*, (1986). Austerberry H. Housing and homelessness: A feminist perspective // Routledge & Kegan Paul.
55. *Wendt, S., Moulding, N.* (ed.). (2016). Contemporary feminisms in social work practice. London: Routledge.

Бездомность и архитектура

К. М. Гудков

Бездомность в эпоху конструктивизма

Константин Михайлович Гудков — историк, независимый исследователь, соавтор телеграм-канала «Центр 1931». **Электронная почта:** kmgudkov@gmail.com.

Аннотация: В статье представлены свидетельства, позволяющие рассмотреть существование явной и скрытой бездомности в СССР 1920–1930-х гг. через описания нормальности пространств, которые занимают люди, не имеющие обычного жилья. Рассмотрена дискуссия вокруг первых государственных проектов решения проблемы бездомности и нищенства. Предлагается выход за пределы репрессивной модели объяснения работы с бездомностью в СССР. Проанализированы проекты конструктивистских домов ночлега.

Ключевые слова: бездомность, скрытая бездомность, ночлежка, приют, конструктивизм, жилищная кооперация, социальное обеспечение, сталинизм

Для цитирования: *Гудков, К. М.* Бездомность в эпоху конструктивизма // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 155–181.

Введение

Важной движущей силой для работы исследователей советской бездомности является желание «заглянуть в закулисный мир советского проекта» [Зубкова, 2013, с. 289]. При этом целостной истории бездомности в СССР ещё только предстоит быть написанной. Подбор инструментария для этой работы должен включать отказ как от модернизирующего взгляда современной публицистики, так и от воспроизведения дискриминирующих бездомных людей шаблонов мышления, взятых из языка сталинских источников. Особенностью нашего сегодняшнего взгляда на историю советской бездомности является его фрагментарность. Так, одна из наиболее полных и глубоких работ, затрагивающих тему российской бездомности, книга социолога Светланы Стивенсон, фокусируется на постсоветском периоде, ставя основной целью изучения предшествующего времени поиски объяснений для настоящего [Stephenson, 2006]. Разбирая механизмы вытеснения из физического и социального пространства, Стивенсон анализирует репрессивную работу советского государства и приводит множество общих для советской и современной власти практик. Историк Елена Зубкова фокусируется на послевоенном периоде, изучая советское нищенство [Зубкова, 2013]. Нищенство, как можно заметить, — это явление, которое в работах многих исследователей пересекается с темой бездомности, однако анализ их общих и отличительных исторических черт ещё предстоит сделать.

Немало работ традиционно, ещё с советского времени, посвящены детской беспризорности. Без рассказа о ней не обходится ни одна большая книга о советской истории 1920–1930-х, например, эту тему затрагивает Шейла Фицпатрик в своей работе Everyday Stalinism в качестве примера эффектов, которые испытала российская семья. Фицпатрик касается и темы изгоев (outcasts), однако, в их число попадают в основном лишенцы и кулаки, что также иллюстрирует рассказ о репрессивной политике государства [Fitzpatrick, 1999]. Взрослая бездомность оказывается то ли слишком мелкой, то ли слишком сложной темой, и к тому же неясно, следует ли рассматривать взрослую бездомность как одно явление с детской и подростковой беспризорностью, либо это явления разные, либо пересекающиеся (в чём и как?).

Разумеется, одна из проблем здесь в самом языке — в 1920–1930-е публично и тем более в государственных документах, на которые опираются многие исследователи, практически не использовалось слово «бездомный», не говоря уже о современных и советских довоенных критериях бездомности, которые мы должны «переводить». Ещё одной принципиальной сложностью является поиск свидетельств о бездомности в источниках за пределами специальных ситуаций государственной «борьбы» с ней. Следование этим источникам неизбежно приведёт нас к формированию «тоталитарной» интерпретации истории советской

бездомности. Я задался вопросом, можем ли мы разработать больше материала, отражающего ситуацию «снизу», а также выявить больше акторов и представить более плюралистичную картину советского общества, стремящегося решить проблему бездомности. В этой статье будут использованы несколько источников, обнаруженных случайно, на протяжении нескольких лет и в ходе разных исследовательских проектов, связанных с изучением архитектуры и общества 1920–1930-х. Эти случаи дадут нам необходимый материал для взгляда на советскую бездомность снизу, что позволит высветить скрытые и непроговоренные проблемы, связанные с отсутствием дома у советских граждан 1920–1930-х. Помимо них, в этой работе будут рассмотрены первые дискуссии в СНК РСФСР о помощи бездомным, которые проходили на протяжении второй половины 1920-х гг. при участии представителей самых разных вовлечённых ведомств — от Наркомата соцобеспечения до НКВД и НКПС. Этот ранний этап даст нам возможность представить себе, как шёл поиск идей и творческое конструирование модели работы с проблемой бездомности с документированным вовлечением многих участников ещё до того, как сцементировался официальный советский нарратив про борьбу и победу над бездомностью.

Я благодарю Александра Дуднева за предоставленные источники из жизни бездомных советских кооператоров, Дарью Байбакову за помощь в понимании функций и пространственной организации учреждений и зданий, существующих для помощи бездомным людям в России сегодня, а Шанинку за предложение обратить внимание на эту тему, которое привело меня к докладу и этой статье. Мне бы хотелось, чтобы она внесла небольшой вклад в изучение советской бездомности, а также показала возможности работы в духе «архитектурного поворота» в исследованиях советского, который, как мне кажется, может быть продуктивен — например, если использовать богатые материалы о проектировании и строительстве 1920–1930-х годов, изучать участников, движущие силы, язык и результаты этих процессов, чтобы лучше понять советское общество этого времени.

Ящики, овощехранилище, аптека

В какой-то момент я задумался о том, что моя будущая бабушка, тогда 16-летняя Анна Старшинова, приехав в Москву в 1936 г., чтобы поступить в ФЗУ при фабрике «Красный Октябрь», снимала угол в комнате коммуналки у дальней родственницы. Была ли она бездомной? Интуитивно мы скажем, что нет. Вероятно, что так сказала бы и она. При этом сегодня мы такую ситуацию представить как вариант своего жилья вряд ли готовы, а в некоторых странах разного рода «невыносимые» условия жизни входят в определение бездомности. Однако

мы также знаем, что человек — существо приспосабливающееся, и то, что нам казалось вчера неприемлемым, сегодня может становиться нормой. А мнение стороннего наблюдателя, который определяет состояние исторического героя как бездомность, может не совпадать с самоощущением самого этого героя. Этот мысленный эксперимент наводит на идею о том, что границы между домашностью и бездомностью могут легко подвергаться переоценке, которая может быть более надёжным предметом изучения, чем «объективная» бездомность. А пример исследования Светланы Стивенсон позволяет предположить, что «пересечение черты» (признание необратимости своего асоциального статуса) может в аналогичной, пусть и более мягкой форме, происходить и в ситуациях признания той самой «скрытой» бездомности. До такого признания, она оказывается скрытой не только государством от общества или обществом от критического взгляда исследователя, но и самим «скрыто бездомным человеком» от себя.

Ниже мы рассмотрим несколько примеров, которые позволят нам глубже заглянуть в то, как определялась норма или ненормальность в отношении условий жизни в советские 1920–1930-е. Примеры будут касаться Москвы, что конечно является ограничением, но позволяет подобрать сопоставимые случаи.

№ 1. Случай в домике из ящиков. В 1928 г. на окраине Замоскворецкого района Москвы санитарным надзором был «случайно обнаружен… посёлок из 20 домиков» [Случайно обнаружен…, 1928, с. 2]. Домики, которые в сообщении называют хибарками, стояли вплотную друг к другу и были выстроены из «самого разнообразного материала, даже из деревянных ящиков, а крыши из набросанных кусков железа, толя и фанеры». Средняя площадь хибарки составляла 8–10 метров, при этом в одной хибарке на площади в 11 кв. м жили 6 человек, в другой, на 6 кв. м — 4 человека. «Везде сырость, вентиляция отсутствует. На всей территории посёлка нет ни уборных, ни выгребных ям, и почва кругом загрязнена уже гниющими отбросами». Обитателями посёлка оказались рабочие расположенных вблизи фабрик, а также учащиеся, железнодорожники, безработные, всего около 100 человек. Обследователи выяснили, что «<н>икто из них не имел раньше собственной жилплощади; все они жили по несколько лет у родных, знакомых, ютились на кухнях, чердаках и даже сараях. Есть, между прочим, среди них члены жилкооперативов с 2-летним стажем. Потеряв надежду на получение площади от РОУНИ и Жилкоопа, все они занялись строительством: большая часть построек воздвигнута личным трудом обитателей и оценивается застройщиками в сумме от 60 до 400 рублей. Есть уже случаи перепродажи хибарок».

Замечательно, что «обнаружение» посёлка было на самом деле чем-то вроде «открытия Америки» — «<п>осёлок имеет, между прочим, собственного старосту, при посредстве которого сносится с милицией». Также указывается, что «<д>ругой такой посёлок (только

поменьше) возник близ фабрики б. Вогад (вероятно, Вогау. — К. Г.)», то есть само явление точно не было «скрытым» от городских властей. Ещё один подобный посёлок можно обнаружить на подборке фотографий из Шелепихи, хранящейся в Центральном государственном архиве (ЦГА) г. Москвы без дополнительных пояснений [ЦГА г. Москвы, №:№: А-2-7367, А-2-7368, А-2-7369, А-2-7370, А-2-7371.]. А практика анархического по сути коллективного захвата земли явочным порядком не просто не была советским изобретением, анонимный автор (или авторы) статьи сразу же определяют посёлок как «новую „Нахаловку“», отсылая к нескольким аналогичным посёлкам, возникшим во второй половине XIX века сразу в нескольких городах Российской Империи. Вероятно, первый из них — Нахаловка в Ростове-на-Дону, возникшая в 1850–1860-е годы (при этом ещё до неё самозахватом в том же городе появился район Богатяновка, а после — Бессовестная слободка). Под названием Нахаловки возникают районы самостроя в Тифлисе (Тбилиси) в 1880-е, в Ново-Николаевске (Новосибирск) в 1890-е и др. местах, и название становится нарицательным.

В отличие от всех остальных «нахаловок», посёлок близ Зелёных Гор по описанию выглядел как временный, не предназначенный для жизни. В то время как, например, в Нахаловке в Ростове-на-Дону основную часть жилья составляли перевезённые хатки, и ещё в 1880-е городские власти приложили усилия к упорядочиванию улиц и благоустройству. Все перечисленные дореволюционные «нахаловки» выросли в обычные районы и существуют до сих пор. В советской же Москве комиссия признала подобное строительство недопустимым ввиду «отсутствия дорог, возможности затопления посёлка в весеннее время, возникновения эпидемических заболеваний, пожаров и т. д. и постановила принять меры к немедленному прекращению застройки этого и других подобных посёлков, выселить жильцов из их хибарок (которые должны быть уничтожены), и предоставить их обитателям жилплощадь» [ВМ, 1928, с. 2]. Таким образом, при схожести низовых практик, реакция государства отличается совершенно: теперь власть считает, что только она имеет право регулировать пространство, хотя бы там, куда может дотянуться.

№ 2. Случай в овощехранилище. Ещё один репортаж в стиле «удивительное рядом». Мы снова на окраине Москвы, на этот раз в Сокольниках — «там, где улицы сменяются пустырями и огородами, раскинулись строения комбината № 10 „Мосплодовощеторга“» [ВМ, 1938]. В попытке разобраться в проблемах с поставками овощей корреспондент невольно обращает внимание, «что некоторые овощехранилища выглядят „кокетливо“: на окнах — кисейные занавески, на подоконниках — горшки с геранью и фикусами. Эта странная картина объясняется просто: в хранилищах живут люди, которым ни Сокольнический райпищеторг, ни „Мосплодоовощторг“ до сих пор не представили жилплощади». Интонация журналиста маркирует

место ситуации между нормой (всё-таки это не шок и даже не сильное удивление) и аномалией (тем не менее, чувствуется, что так быть не должно). При этом вполне представимое сегодня положение с проживанием рабочих на подобном месте работы может навести на размышления об изменении отношения к проблеме бездомности. При том, что неудовлетворительные жилищные условия 100 лет назад и сегодня имеют очень много сходного, в 1920-е рабочие, живущие в хибарке или на овощехранилище ни государством, ни обществом не считалась нормой — провозглашались политические цели по решению жилищного вопроса на государственном уровне, предпринимались действия, направленные на решение проблемы в целом, а государство считало это своей ответственностью. Сейчас подобная ситуация вряд ли привлечёт внимание городской газеты, и тем более, проблема поиска места для ночлега является личным делом тех, кто работает на овощехранилище.

№ 3. Случай в аптеке. В ноябре 1931 г. Надежда Крупская получила письмо от машинистки Коллектора массовых библиотек ОГИЗа («Объединение государственных книжно-журнальных издательств») Ксении Рытиковой. Рытикова пишет, что она 1,5 года назад вступила в рабочий жилищно-строительный кооператив (РЖСКТ) «Московское объединение», и свой пай в размере 573 рублей внесла за год, «отказывая себе во всём». Квартиру она до сих пор не получила и ночует «то у одних знакомых, то у других». «Ударница, несу общественные нагрузки. Работать приходится много. Работаю, а в голове всегда одна мысль: „Где я сегодня буду ночевать“. Когда же бывают собрания, они кончаются всегда поздно, тогда я форменным образом ночую на улице. Ночую по вокзалам, аптекам, мыслима ли подобная жизнь для человека, работающего более 12 часов в сутки. … Боюсь заделаться инвалидом, а работать хочу. А нервы настолько издёрганы, что я боюсь или скорого помешательства или самоубийства, мысль о котором меня начинает преследовать. Но нет, я не хочу умирать, ведь должна же быть правда. Я знаю, что Вы стараетесь вскрывать всяческие неправильности и бюрократизм, а поэтому обращаюсь к Вам… Ещё раз прошу, не откажите в содействии, т. к. я дитя улицы» [ЦГА г. Москвы. Р-1951. Оп. 11. Д. 6].

В «обнаруженном» посёлке близ Зелёных Гор, как мы помним, тоже были члены жилищно-строительного кооператива, отчаявшиеся получить жильё.

№ 4. Случай в трамвае. Похожая ситуация описывается профессором Белоруссовым в письме в газету «Правда» в октябре 1932 г. (опубликовано исследовательницей истории науки Евгенией Долговой): «Живу в течение полутора лет, ночуя по „конвейеру“ в 3–5 местах по очереди, не раздеваясь. Научная работа проводится на бульварах, в трамваях, случайных комнатах. Семья в том же положении. Я в партии 13 лет, активно участвовал в Октябрьской революции, член секции научных работников с 1923 года. К XV годовщине Октября прошу Ваше-

го вмешательства в это исключительное дело» [ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 14. Д. 295. Л. 28]. К письму Белоруссов прикладывает ходатайства коллег. Член ВКП(б) Ильин подтверждает, что профессор «ночевал у него, как правило, 1–2 раза в пятидневку сего года до августа месяца», а доцент П. Н. Сергеев дополняет, что «товарищи предоставляют ему ночлег, как обычно, на полу», научной работой Белоруссов занимается, пользуясь «или случайными помещениями или на открытом воздухе в летнее время» [ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 14. Д. 295. Л. 30, Долгова, 2021].

Как показывает исследователь жилкооперации Александр Дуднев, в механизме работы советских жилстройкооперативов к 1930-м годам возник эффект финансовой пирамиды, связанный с тем, что власть форсировала включение в жилкооперацию малообеспеченных рабочих [Дуднев, готовится к печати]. Так что ситуации с неисполнением ожиданий кооператоров по получению жилья стали обычными. А по сравнению с рассказом Ксении Рытиковой жизнь в хибарке из строительных отходов уже не кажется такой страшной.

№ 5. Случай в туалете. Бездомным сложно ожидать многого от внутренних социальных связей — очевидно, что сами связи слабы, а ресурсов, мягко говоря, немного. Поэтому вдвойне ценными оказываются связи в других сообществах. Под Рождество 1929 года в Правление дома № 4 по Подколокольному переулку поступает обращение от председателя Всероссийского общества ассирийцев Самсона Пираева. Пираев пишет: «В доме В<ашем> освободилось маленькое холодное, полужилое помещение, которое вероятно не захочет занять ни один член В<ашего> Жилтоварищества. Ассириец Саркиз Николай Амерханович находится сейчас в невероятно тяжёлых жилищных условиях, т. е., вернее, никакого жилища не имеет, проживает по парадным-коридорам с семьёй и малолетним ребёнком. В силу своего материального положения он не в состоянии снять где-либо угол под жильё по спекулятивным ценам, т. к. он занимается чисткой обуви, а заработок от этого ремесла весьма невелик» [ГАРФ. Ф. Р3302. Оп. 1. Д. 138. Л. 50 и 50об.]. Неизвестный член Правления жилкооператива направляет запрос в Народный суд Рогожско-Симоновского района: «В Жил<ищно-арендном> Тов<ариществе> № 503, д. № 4 по Подколокольному пер. освобождается на днях маленькое помещение полужилое размером не более одной сажени, переделанное из общей уборной на холодной чёрной лестнице. По существу это помещение нельзя признать жилым, и оно едва ли может быть использовано домоуправлением для жилья своих жильцов, но по формальным соображениям Правление не может пустить в него постороннего человека. Так вот я обращаюсь к Вам с частной просьбой сделать всё возможное к вселению в эту комнату гр. Саркиз Николая Амерханова, положение которого Вы узнаете от него самого. Я могу добавить только, что из чувства „гуманности“ Правление не будет протестовать против возможного его вселения в указанное помещение распоряжением Нарсуда» [ГАРФ, там же].

Мы должны оценить солидарность, которую проявил член Правления кооператива, согласившись поселить бездомного человека в свой дом. При этом мы обращаем внимание, что сам автор берёт слово гуманность в кавычки, то есть «говорит по-большевистски», отдавая себе отчёт в том, что благотворительность — это паллиатив. Гуманность без кавычек означала бы признание, что сами члены кооператива не считают для себя нормальным жить в туалете, но при этом для человека из другой социальной группы это может быть нормально или даже очень хорошо. С точки зрения большевика, проблема бездомности должна быть решена только радикальным способом — коммунистическим переустройством мира, ликвидацией государственного устройства, воспроизводящего неравенство. Пока светлое коммунистическое будущее не наступило, приходится прибегать как к благотворительности, так и к использованию этнических сообществ, что для советского общества в 1928 г. выглядит не вполне обычно, но тем более интересно, отражая, вероятно, только редкий случай институционализированной этнической солидарности, но вполне себе можно представить, что не уникальный. Подобные формы взаимной поддержки хорошо известны по дореволюционному опыту, близко к ним находятся и землячества.

Социалистическая бездомность

Подводя итог выявленным нами историям про (скрытую) бездомность в СССР, мы можем разложить эти и не вошедшие в эту статью случаи по степени восприятия ситуации рассказчиками — как находящейся близко к условной «черте», когда скрытая проблема бездомности становится явной. Итак, из ситуаций, которые в свидетельствах описывались как однозначно неприемлемые, отчаянные и трагические, мы можем назвать: ночлег или жизнь на улице, ночлег в местах общего пользования (вокзалы, аптеки, транспорт), ночлег «по конвейеру» у друзей (часто на полу и т. п.).

С другой стороны, ряд ситуаций находится в «серой зоне». Описывая их, как сами герои, так и наблюдающие их люди (ведь между ними нет разницы, «черта» ещё не пройдена) хоть и видят положение как не совсем нормальное, и признают или требуют улучшений, но не воспринимают ситуацию как критическую и требующую неотложного вмешательства. К таким ситуациям, располагая их от тёмно-серого к светло-серому краю спектра, можно отнести: жизнь в подобиях жилища (старые вагоны, баржи и т. п.), жизнь в подвалах, чердаках и пр. «полужилых» помещениях, жизнь в самострое (обычно ветхом, как в случае посёлков из строительных отходов), жизнь в оставленных строительных бараках, других постройках под снос (или даже частично снесённых), жизнь в

недостроенном жилье (в одном таком случае строители жили во вчерне построенном корпусе дома, в то время как строительство другого корпуса затянулось, в другом — в подвале строящегося дома), жизнь в производственных помещениях (вроде овощехранилища), жизнь в крайне перенаселённом жилье (в одном случае жители нового дома укладывались особым способом восьмером на полу одной комнаты). Если сюжеты «чёрного» спектра мы встречаем в жалобах, требованиях, они привязаны к институциям, отвечающим за проблему жилья, то варианты «серого» могут вполне быть случайными наблюдениями, такие свидетельства исследователю обнаружить сложнее.

Что касается содержания описанных сюжетов, из анализа этого спектра советской бездомности 1920–1930-х мы можем предположить, что восприятие ситуации как не вполне нормальной, но и не драматической, соответствует положению, когда человек может днём распоряжаться своим пространством, пусть сколь угодно плохого качества. Напротив, даже относительно хорошие условия ночлега (как в квартире знакомых) в отсутствие своего нормального пространства днём являются катастрофической ситуацией.

Эти рассуждения о природе дома, а не самой бездомности, можно продолжить в направлении понятия жилья в советском коллективистском контексте. С одной стороны, оно конструируется как новое пространство с обобществлённым бытом (в пределе или идеале — как дом-коммуна), с другой — параллельно с общим для модерных обществ XIX–XX вв. контекстом всё ускоряющейся мобильности — миграцией, утратой корней и космополитизмом, развитием транспорта как места, где человек ежедневно проводит существенную часть времени, либо может находиться несколько дней подряд (как в поездах). Для советского архитектора Эль Лисицкого купе поездов и каюты пароходов — эстетический идеал квартиры. В статье «Культура жилья» Лисицкий пишет: «Мы должны <преодолеть> мещанский идеал „мой дом — моя крепость“. <…> Развитие… транспорта… вырвало нас из старой обстановки и сделало опять полукочевниками» [Эль Лисицкий, 1926].

Здесь мы также можем вспомнить о готовности советского общества 1920-х мириться с трудностями, связанными с «изучением» новых географических и социальных пространств. Отметим привязку рассказов о самострое к окраинам, которая перекликается с идеей Эммы Уиддис о значимости и интересе к периферии в этот период (она называет его surveying, «изучение»), а также о том, что для этого времени характерно «ментальное открытие» новых пространств, что мы действительно наблюдаем в цитированных донесениях «обследователей» как раз в момент, когда оно перестраивается в требование централизованного «освоения» (conquest по Уиддис) [Widdis, 2003], [Горбачёв, 2018].

Ещё одну версию переизобретения пространственно-временной концепции дома демонстрирует высшее советское руководство во

главе со Сталиным, который проводит ночи, работая в своём кабинете, Кремль как бы становится его символическим домом, а руководители по всей стране подражают ему, также проводя ночи на рабочем месте. И дело не только в том, что подобный трудоголизм признаётся доблестью начальством. Мы встречали совершенно искренние рассказы о том, как молодые советские архитекторы по нескольку дней не уходили из проектного бюро, увлечённые своей работой.

Эти размышления предполагают, что контекст для обсуждения отсутствия прежнего «дома» предоставлял возможности для изменения своего собственного отношения к старому понятию «дома» и также «бездомности». Он не давил на советских граждан обязательным требованием иметь собственное жильё в виде общественного ожидания, требования успеха или долга перед семьёй, часто относя это в перспективу будущего, что могло влиять на более оптимистичное восприятие собственного статуса в «серой зоне». Сегодняшний контекст презентизма и отсутствия общественной картины будущего, напротив, заостряет требование к обладанию собственным жильём прямо сейчас.

Помощь бездомным, борьба с бездомностью и с «взрослыми беспризорными»

Правда ли, что в СССР боролись с бездомными, а не с бездомностью? А советское государство неизбежно должно было прийти к репрессивной модели контроля за телами граждан и пространством? Такое заключение можно сделать, изучая многочисленные работы, в которых оптика исследователя нацелена на запретительную систему, выстроенную в СССР с возвращением внутригражданских паспортов после 1933 г. [Жирнов, Смородин, 2003], [Байбурин, 2018].

Задачей этой главы будет изучить начальные этапы дискуссии о проблеме бездомности, которая происходила в руководстве РСФСР и СССР во второй половине 1920-х, когда важные решения ещё не были приняты, и мы можем увидеть более сложную картину и палитру идей, отражающую различные концепции внутри советской социалистической модели.

По-видимому, первой в советской истории попыткой построить системную работу с бездомными людьми был проект Наркомата социального обеспечения (НКСО, Наркомсобес). В конце 1925 г. НКСО разработал Проект постановления Совнаркома РСФСР «О мероприятиях по оказанию помощи лицам, впавшим в нужду и по борьбе с нищенством» [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 9б. Д. 757. Л. 1]. Из формулировки видно, что НКСО рассматривал помощь в качестве парадигмы работы с теми гражданами, которые оказались «в затруднительном положе-

нии», для их обозначения в проекте постановления вводится неологизм «беспризорные взрослые». «Взрослая беспризорность» выглядит как биополитический термин, очевидно сконструированный по аналогии с детским понятием, и отражает социальную несамостоятельность, «детское» по отношению к власти («взрослому»), требующее надзора положение бездомных. При этом с нищенством, под которым далее в тексте подразумевается профессиональное, предполагалась борьба. Само по себе слово борьба по отношению к нищете и бездомности использовалось и до революции, но в советском контексте получило ещё, по-видимому, классовый оттенок.

НКСО указывает на относительное улучшение в деле обеспечения основного контингента (инвалидов Гражданской войны и членов семей погибших красноармейцев) и на общее укрепление финансового положения, что должно позволить направить усилия на борьбу с «одной из наиболее серьёзных наших социальных болезней» — беспризорностью и нищенством, которые являются «главным рассадником преступности» [Там же, Л. 2].

Среди практических мер, предложенных Наркомсобесом для лиц, впавших в нужду, — организация распределителей, убежищ временного пребывания, при которых должны быть организованы приёмник-изолятор, баня, парикмахерская, амбулатория со стационаром, справочное бюро и интернат [Там же, Л. 3]. Помощь будет заключаться в следующем: а) выдача единовременного пособия; б) помещение в дома больничного типа; в) помещение в специальные закрытые дома с трудовым режимом и мастерскими; г) отправление на родину или к месту постоянного жительства [Там же, Л. 3об.]. Для профессиональных нищих, «систематически уклоняющихся от предлагаемой им трудовой помощи или от помещения в учреждения больничного типа», предлагается принудительное помещение в дома с трудовым режимом, больницы, включая психиатрические, либо административная высылка НКВД.

Проект НКСО наделяет ведомство ответственностью за оказание помощи лицам, впавшим в нужду и борьбу с нищенством, а также предполагает, что руководство займется разработкой мероприятий и их координацией. В специально организованных на местах постоянных комиссиях с участием представителей здравоохранения и др. Наркомсобес должен наладить работу других органов, таких как местные исполкомы, на которые при этом возложена ответственность за бюджет.

В состоявшемся обсуждении большого и, очевидно, затратного проекта Наркомфин оказался единственным ведомством, у которого не возникло возражений на предложения Наркомсобеса [Там же, Л. 19]. Т. е. проблемными оказались не вопросы бюджета. Так, главными претензиями Наркомюста стали совершенная недопустимость мер административного принуждения как в смысле помещения лиц, впавших в нужду по стечению неблагоприятных обстоятельств

в дома с трудовым режимом, так и удержания их там помимо их воли. «Вступление и выход должны быть свободны, зависеть от самих нуждающихся» [Там же, Л. 20об.]. НКЮ прямо называет интернированием принудительное помещение профессиональных нищих в дома с трудовым режимом и указывает, что такая мера может быть исключительно ограниченной по максимальному сроку и применяться не иначе, как по приговору суда, «на основании особой, пока не существующей, статьи Уголовного кодекса» [Там же, Л. 21].

НКВД в своём отзыве приветствует цели оказания помощи, как трудовой, так и лечебной, и требует отказаться от применения «административных репрессий» к нищим и лицам, впавшим в нужду. НКВД указывает, что административная ссылка не может служить средством борьбы с социальным паразитизмом, т. к. она, в этих случаях, кроме возможности ошибок и больших расходов, не даст никаких результатов. Высланные из одной местности будут продолжать свою деятельность в другой, тем более, что на новом месте они будут лишены жилищ и обычных условий. Поэтому такие меры лишь приведут к развитию преступности. НКВД считает нецелесообразным принудительное помещение в дома с трудовым режимом или лечебные заведения, т. к. это «потребует больших средств, людей для охраны и т. д.» [Там же, Л. 22]. Наркомздрав в отзыве за подписью Николая Семашко обращает внимание, что проект предусматривает устройство убежищ закрытого характера с амбулаторией, стационаром и пр., «т. е. такой тип учреждений, который по своему устройству и внутреннему режиму приближается к структуре мест заключения». НКЗ называет совершенно нецелесообразным объединение в одном общем учреждении здоровых нуждающихся и нищенствующих с больными, указывая, что хронически больные и нетрудоспособные, а особенно душевнобольные, должны находиться в соответствующих медицинских учреждениях, где им сотрудниками органов здравоохранения был бы обеспечен надлежащий уход.

Наркомтруд протестует против не соответствующего закону предложения направлять фонды соцстраха на подобный проект. Ведомство, к которому относится и Главсоцстрах, сетует, что «контингент лиц» в проекте не описан: «Ведь по существу получать помощь на основании этого проекта будут лица деклассированные, оторванные от какого-либо труда и лишённые большей частью даже каких-либо личных документов, т. е. лица, которые никоим образом застрахованными являться не могут» [Там же, Л. 29]. Моссовет сообщает, что расход «в виду огромного количества нищих и впавших в нужду лиц ляжет непосильным бременем не только на органы Собеса, но даже на весь местный бюджет» [Там же, Л. 25]. Президиум Моссовета предлагает борьбу с беспризорностью и нищенством производить в общегосударственном масштабе с отнесением соответствующих расходов на счёт госбюджета [Там же]. Наконец, Народный комиссариат путей

сообщения (НКПС) просит «конкретизировать понятие „беспризорный взрослый“, так как такового понятия до сего времени не имеется» [Там же, Л. 28]. К взрослым целесообразнее, по мнению НКПС, применить наименование «бездомный».

Мы можем обратить внимание на почти единодушное (кроме СНК и с его подачи, НКСО) отношение участников совещания к бездомным и нуждающимся людям как к полноценным гражданам, лишь временно находящимся в ситуации нужды, но не как к определённой социальной категории, обладающей некими свойствами. Этот дискурс в целом можно назвать либеральным, выделяющим права граждан как важнейшую ценность. Лишь для стороны Наркомсобеса и Наркомтруда с Главсоцстрахом люди в нужде — «контингент» и объект для работы. Обратим также внимание, что нуждающиеся люди никем из участников дискуссии не рассматриваются с марксистских позиций как сторона в социальных отношениях, оказавшаяся жертвой социальной несправедливости. Такая модель, очевидно, уже не может играть той объяснительной роли в производстве нищеты, которая отводилась ей в описании капиталистического классового общества. Признаки новой объяснительной конструкции выглядят довольно условными — для начала 1926 г. риторика о «стихийных и социальных бедствиях» в стратегическом документе вряд ли выглядит убедительно.

В итоге СНК отвергает идею проекта НКСО и взамен постановляет подготовить секретный циркуляр Центральным исполнительным комитетам автономных республик РСФСР, краевым, областным и губернским исполнительным комитетам РСФСР о порядке борьбы с нищенством, который снова готовит НКСО [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 769. Л. 4.]. Циркуляр проходит несколько кругов обсуждения и из большого централизованного проекта превращается в короткую записку, которая рассылается губернским властям с призывом обратить внимание на проблему бездомности [ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 3429. Л. 10.]. Из всей дискуссии наиболее примечательна позиция НКВД, который снова выступает против репрессий по отношению к нищим: «главная масса нищих, не профессионалов, состоит из лиц, или лишённых трудоспособности и вследствие своей инвалидности и недостаточной помощи органов НКСО, прибегающих к нищенству, или лишённых трудоспособности, но не могущих получить социального обеспечения вследствие формальных требований закона, напр., старики, старухи, прислуги, прачки и т. п.» [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 769. Л. 30б.]. НКВД призывает расширить оказание помощи инвалидам и отказаться от «строгой формальности закона» в случаях, когда бывшие работники по найму обрекаются на нищету из-за несоответствия прописанным требованиям.

В итоговом заключении юрист-консультант Совнаркома Абрам Золотаревский подчёркивает, что нищие — элемент не социально-опасный, а социально-обиженный, в связи с чем проблема должна

решаться не отдельными наркоматами, а верховными органами Советской власти — ВЦИК и СНК [Там же, Л. 14–15об.].

Таким образом, «переложив» всю ответственность за проблему на региональные власти и не выделив требующегося финансирования, центральный государственный орган, видимо, счёл свою работу выполненной. На уровне наркоматов в середине 1920-х работали профессионалы, которые аргументировали свои действия технократическими и идейными соображениями легалистского и либерального плана. Они были способны генерировать оригинальные идеи, использовать дореволюционный опыт и вырабатывать решения с учётом аргументов различных сторон. При этом решения, принимаемые на высшем уровне, характеризуются «делегированием» проблемных решений на места и склонностью к принятию более жёстких и ориентированных на принуждение решений. Социальные органы мыслят в категориях «распределения благ».

Единственным проявлением логики, напоминающей марксистскую, является разработка плана по борьбе с «профессиональным» нищенством и проституцией, которым заняты НКВД и Социально-культурная секция Госплана РСФСР [ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 65. Д. 32. Л 1–4.]. Воктябре 1926 г., то есть уже после свёртывания «большого» проекта НКСО, и до организации ГУЛАГа, НКВД предлагает разделить ответственность за борьбу с нищенством и проституцией между НКСО, НКТрудом и НКЗдравом, чтобы заняться профилактическими мероприятиями, включая мероприятия по изжитию основных причин, порождающих эти явления — безработицы, недостаточности заработка, венерических болезней и т. п. НКВД предполагает, что для этой цели со стороны указанных ведомств должны быть созданы соответствующие учреждения, в коих впавшие в нужду граждане могли бы получить и материальную, и моральную поддержку. С другой стороны, для своей работы НКВД выделяет лиц, избравших указанные занятия как профессию и «настолько морально разложившихся, что возвращение их в трудовую среду возможно только путём принудительного трудового воспитания посредством известной изоляции их».

Для борьбы с профессиональным нищенством и профессиональной проституцией, в качестве «мер социальной защиты от паразитического элемента», НКВД считает необходимым организацию трудовых колоний с применением в них неквалифицированного принудительного труда: это сельскохозяйственные колонии, а также фабричные производства с простейшим оборудованием — кирпичные заводы, торфяные разработки, пошивочные мастерские и т. п. Колонии организуются в отдалённых местностях — северных губерниях, Сибири и Юго-Востоке, в одной колонии содержатся 100 человек. Срок пребывания в колонии, как общее правило, не ниже года. Содержание колоний осуществляется на государственные средства по смете НКВД с учётом доходов колоний от продукции последних.

Труд колонистов, бесплатный или с оплатой в размере 10–15% от профессиональных ставок. Принимая во внимание приблизительные данные НКСО о числе подпадающих под понятие элемента подлежащего ведению НКВД — 5000 человек в год, а равно приблизительного количества таких же профессиональных проституток — 3500 человек, следует, что таковых колоний потребуется 80, что вызовет общий расход в сумме 2.522.000 рублей в первый год. В последующие годы содержание уменьшится за вычетом расходов на оборудование (400 000 руб.) плюс доходы от колоний.

По-видимому, надежда на то, что проблема как-нибудь рассосётся, если отодвинуть её куда-нибудь подальше, не очень сработала. В феврале 1928 г. в Малый СНК поступает обращение Моссовета, который просит помощи, а именно, — организовать мероприятия по борьбе с нищенством на территории прилежащих к Москве губерний. Моссовет докладывает, что его опыт по борьбе с нищенством и взрослой беспризорностью с мая 1926 г. выявил ряд вопросов, требующих урегулирования. Главная проблема, по мнению московских властей — «наплыв взрослых беспризорных и нищенствующих» из смежных губерний и районов (Калужской, Тульской и пр.) [ГАРФ. Ф. А391. Оп. 8. Д. 294. Л. 3.]. По статистике Комиссии по борьбе с нищенством при Моссовете, «иногубернские нищие» составляют около 87% от всех, при этом 67% из них приехали в Москву лишь менее года назад. Москва жалуется на необходимость расходования значительных сумм на «эвакуацию иногубернских нищих по месту постоянного жительства» и на содержание тех из них, кто не имеет на родине хозяйства и родственников, в Трудовой колонии.

Несмотря на то, что все губернии высказывают готовность содействовать этому предложению, побеждает «партия репрессий» — СНК заявляет о невозможности возложения дополнительных расходов на местные бюджеты и отклоняет предложение Моссовета о распространении мероприятий по борьбе с нищенством и взрослой беспризорностью (так СНК счёл необходимым заменить термин «бездомность») на другие губернии [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 901. Л. 48]. В этом же протоколе № 13 СНК предлагает Моссовету вместо этого «усилить борьбу с нищенством и с социально-опасным элементом, хотя и не имеющим судимость», т. е., по сути, расширить судебные репрессивные практики за счёт внесудебных. Наконец, ОГПУ и НКЮ поручается восстановить юридическую практику, применявшуюся согласно Постановлению СНК РСФСР от 14.08.1925 «О мероприятиях по разгрузке г. Москвы от нищих и беспризорных», и распространить такую репрессивную политику на смежные с Московской губернии [Там же].

В это же время в Кабинете изучения личности преступника и преступности при Мосздравотделе начинает работать команда исследователей бездомности, нищенства и детской беспризорности, которая производит анализ исторических данных, собирает собственную

статистику, проводя крупное количественное исследование, и проводит обследование дома для нищих в Сергиевом Посаде. Изучение нищенства сотрудниками кабинета было начато ещё в 1926 г., тогда же, когда проблема была поднята Наркомсобесом. Результатом стало издание подробного сборника в 1929 г. В этой работе можно найти, в частности, рекомендации для совершенствования работы дома для нищих, которые нам интересны с точки зрения их направленности: по составу дома для нищих — разделение профессионалов, впавших в нужду, престарелых, больных; по быту — труд, обучение, помощь, замена принудительного режима свободным, вовлечение в культурную работу; администрация — введение воспитателей-педагогов; самодеятельность — привлечение Комитета призреваемых к работе Дома [Нищенство и беспризорность, с. 259–263].

А всего через несколько месяцев Постановлением II Сессии ВЦИКа XIII созыва (06.05.1928 г. № 47 ст. 349) по докладу НКСО о положении социального обеспечения в РСФСР по пункту 1 ст. 4 признано необходимым развёртывание мероприятий по борьбе с нищенством и проституцией путём организации трудовых колоний и т. п. учреждений с отпуском средств на эту цель по государственному и местным бюджетам. В соответствии с этим к августу 1928 г. НКСО разработал на ближайшее пятилетие план борьбы с общественными аномалиями (нищенство и проституция), в котором предусматривается организация специальных учреждений для вышеупомянутого контингента (трудовые и хозяйственные колонии, распределители и т. д.). После чего уже в третий раз запускается дискуссия между наркоматами с повторением всё тех же основных аргументов.

Как и два года назад, Наркомтруд категорически возражает против участия органов социального страхования в расходах на борьбу с нищенством. Наркомтруд утверждает, что органы соцстраха не имеют никакого отношения к «тому контингенту, который предусмотрен проектом постановления» [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 12б. Д. 779. Л. 6]. НКТ «допускает, что часть нищих может быть в течение своей жизни и работала по найму случайно непродолжительное время, но это обстоятельство не даёт совершенно никаких оснований к тому, чтобы органы социального страхования обеспечивали этих лиц» [Там же. Л. 6об.]. НКСО указывает, что до настоящего времени участие как государственного, так и местного бюджета в борьбе с нищенством и бездомностью только «в незначительной степени» покрывали имеющуюся острую потребность [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 901. Л. 53]. НКСО признаёт, что проблема отнюдь не сводится к узкой группе профессиональных нищих — «основными кадрами нищих и бездомных являются бывшие трудящиеся по найму, не обеспечиваемые по формальным причинам органами Социального Страхования» [Там же]. НКСО утверждает, что «организация колоний трудового типа» показала себя наиболее приемлемым методом борьбы с нищенством и бездомностью, а кроме того,

Илл. 1. Фото из Приложения к Иллюстрированной бытовой газете, 1930, фев. (№ 2).

рекомендует Моссовету вместо покупки инструментов нищим и бездомным применять «коллективное трудовое устройство», под которым как раз имеются в виду колонии и артели [Там же, Л. 530б.].

Секретный протокол заседания ЦИК СССР № 62 от 24 августа 1928 г. постановляет предложить ОГПУ «изъять всех нищих взрослых беспризорных, хулиганствующий элемент в Москве, Ленинграде, промышленных центрах и по линии железных дорог… путём применения высылки, ссылки, отправления на родину и заключения в концлагерь» [ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 901. Л. 17]. В сентябре 1928 г. СНК РСФСР отвергает проект об использовании средств социального страхования в борьбе с нищенством [ГАРФ. Ф. А391. Оп. 8. Д. 286. Л. 11]. В этой же парадигме репрессивных мер по отношению к профессиональным нищим Было принято Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа 1929 г. «О мероприятиях по ликвидации нищенства и беспризорности взрослых».

Несмотря на то, что результатом запутанных, и, как кажется, ходящих по кругу дискуссий является не так много действий, мы можем сделать несколько важных заключений: воображение акторов работает в вилке выбора между помощью и соблюдением прав граждан и изоляцией, пространственным исключением тех, кто не признаётся частью советского общества. В отношении этих последних «классово

чуждых» конструируется псевдомарксистская концепция принудительного трудового исправления через ссылку и заключение. Несмотря на последовательный отказ центральной власти в лице СНК и ЦИК от финансирования программ помощи и выбор в пользу принуждения и насилия, множество акторов продолжают указывать на необходимость более справедливого устройства социальных функций советского общества. Можно думать, что их отсроченными итогами стали всё-таки последующие изменения систем социальной защиты.

Конструктивизм против бездомности

В сентябре 1928 г. Московская государственная строительная контора «Мосстрой» по заказу Жилищно-строительной комиссии Моссовета начинает проектировать первый советский Дом ночлега. До этого момента в СССР продолжали работать дореволюционные ночлежные дома, построенные на деньги меценатов и церкви. По-видимому, какое-то время после революции дома ночлега не работали. Заново первый дом ночлега в Москве был открыт в 1922 г., в нём было развёрнуто 960 коек, а к 1927 г. в Москве было пять домов ночлега, число коек было доведено до 4000 [СМ, 1927, с. 9]. В 1930 г. в столице работало уже 10 домов ночлега [Вся Москва, 1930, с. 77].

Утверждалось, что «<с>оветские дома ночлега ничего общего не имеют с домами ночлега довоенного времени», поскольку при их оборудовании принималась во внимание не только «необходимость предоставить бездомным койку, но по возможности удовлетворить и их культурные потребности» [СМ, 1927, с. 10]. При двух домах ночлега функционировали клубы, в остальных были организованы красные уголки. Работали амбулатории с выдачей бесплатных лекарств, столовые и бани. Журнал «Строительство Москвы» приводит такой отзыв австрийских журналистов из газеты «Красное Знамя», которым показали первый московский дом ночлега: «Мы были поражены в СССР колоссальным сдвигом и можем констатировать, что на поприще социальной заботы о гражданах сделано гораздо больше, чем мы, коммунисты, этого ожидали… И в этом доме ночлега мы видели ту же готовность помочь бедным и были поражены товарищеским отношением между администрацией и бездомными» [Там же].

В Ленинграде из работавших на 1911 г. 52 ночлежных домов, рассчитанных на 8195 мест, в 1925 продолжали работать 4, где было 1067 мест. Учитывая, что население города за это время сократилось примерно на 600 тысяч человек, на себя обращает внимание тот факт, что освободившейся площади всё ещё «не хватило» на 1000 человек. Можно уверенно сказать, что проблема бездомности — не в недостатке жилья, а в несправедливом устройстве общества.

В предыдущей главе мы рассмотрели документы, запечатлевшие споры вокруг путей решения проблемы бездомных людей, где ломали копья разные наркоматы, а Моссовет отчаянно пытался оградить свою территорию от потока «иногубернских» иммигрантов. Теперь мы лучше понимаем, что именно весной и летом 1928 г. состоялась основная часть обсуждений, закончившаяся неудачей для Моссовета. Одобрение на выделение дополнительных средств на «борьбу с нищенством» не было получено, подключить соседние губернии к работе по сдерживанию и возвращению стремящихся в Москву граждан не удалось. Именно такой контекст мы можем реконструировать для решения о строительстве первого в советской истории нового здания Дома ночлега на Сущёвском Камер-Коллежском валу в Марьиной Роще [ЦГАМ. Ф. Т-2. Оп. 1. Д. 9241–9242]. В проектной документации он именуется 1-м Домом ночлега для строительных рабочих, а в 1936 году носит название 9-го Дома ночлега для строительных рабочих, а также удешевлённой гостиницы. К сожалению, в деле, хранящемся в Центральном государственном архиве г. Москвы, отсутствует пояснительная записка, что оставляет немало вопросов к тому, как должен был работать дом ночлега. Тем не менее, наиболее важные заключения мы можем сделать из анализа проектной графики, а также фотофиксации интерьеров выстроенного здания (снимки хранятся в Государственном научно-исследовательском музее архитектуры им. А. В. Щусева).

В качестве архитектора здания выступил Александр Фуфаев, конструктивист, создавший много проектов жилых домов, и особо «специализировавшийся» на общежитиях и домах с обобществлённым бытом (по типу коммуны). Его самый известный проект — дом РЖСКТ «Дукстрой» (современный адрес Ленинградский просп., д. 26, к1, к2, перестроены), который был осуществлён непосредственно перед строительством 1-го Дома ночлега. Фуфаев работал в проектном бюро «Мосстроя», таким образом, Моссовет являлся заказчиком постройки, его же структуры отвечали за проектирование и возведение здания. Уже в мае 1929 г., т. е., всего через 9 месяцев после начала проектирования выстроенное здание было принято.

Строение, снесённое в 2007 г., имело 5–6 этажей в основных корпусах, напоминающих в плане букву Ч, которые были расположены перпендикулярно к улице на вытянутом участке. В глубине участка в виде отдельной постройки было возведено здание для прачечной, душевой и персонала, которое на уровне второго этажа соединялось железобетонным крытым переходом с основным корпусом. Основной зигзагообразный объём здания включал меньший по площади корпус дома ночлега для семейных с коридорной системой комнат на 2–5-м этажах и помещением клуба на 6-м этаже и больший корпус для холостых, где в коридор открывались просторные палаты, рассчитанные каждая на 32 койки. Несмотря на то, что мы не знаем режима работы этого учреждения, мы можем предположить, что в палатах такого размера

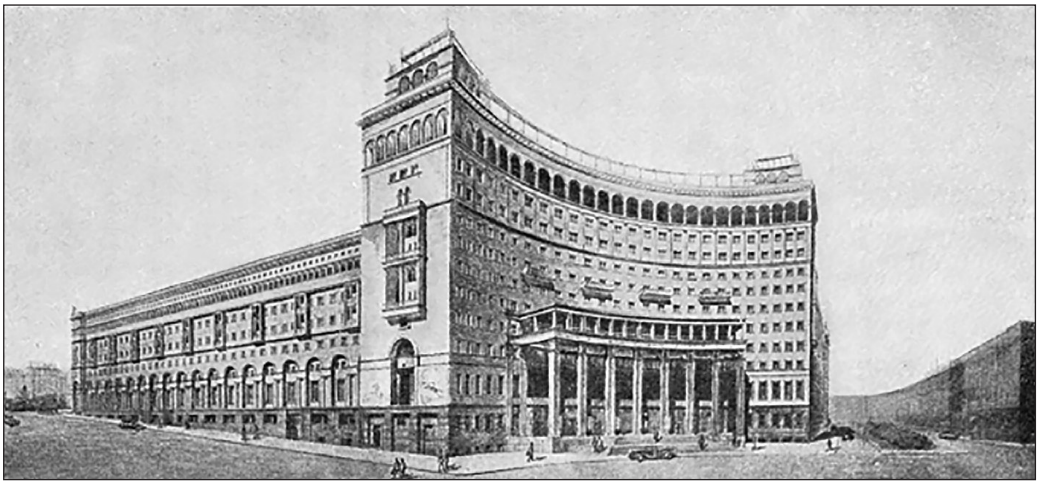
Илл. 2. Первый Дом ночлега строительных рабочих на Сущёвском валу. Почтовая карточка из серии «СССР на стройке», М.: Изогиз, 1931 г. На оборотной стороне ошибочная подпись: «Дом ночлега МУНИ в Пролетарском районе» (правильно: в Дзержинском).

Илл. 3. Центральный дом крестьянина, Москва, Б. Златоустинский пер. Фото: М. Сурмин, 1928 г. Источник: МАММ / МДФ.

не предполагалось или было как-то ограничено дневное пребывание, собственно, на это указывает и название «дом ночлега». Территорию предполагалось огородить забором, наличие его нехарактерно для проектной документации 1920-х, что свидетельствует об особом значении, придававшемся контролю за территорией, а на входе была спроектирована контрольная будка. Насколько можно судить, однако, по более поздним картам, эта охранная архитектура не была реализована. На крыше здания должна была быть установлена светящаяся электровывеска, направленная в сторону Савёловского вокзала.

Любопытно сопоставить проект конструктивистского дома ночлега в Москве с малоизвестными объектами Ле Корбюзье, который в самом начале своей карьеры оказался привлечён к проектированию Армией спасения. Было осуществлено три проекта — пристройка для ночлежки Армии спасения к Народному дворцу (Париж, 1926–1927, Ле Корбюзье и Пьер Жаннере), плавучий приют «Луиза-Катерина» (б. баржа «Льеж», Париж, 1929–1930, Ле Корбюзье при уч. Кунио Маэкава) и приют Армии спасения (Париж, Ле Корбюзье, 1929–1933). Не вдаваясь в подробности, можно отметить, что проекты Ле Корбюзье могут быть трактованы как выражающие очень высокую степень пространственного исключения — баржа-ночлежка буквально отделяет бездомных людей от города «рвом с водой», а огромное здание приюта было исполнено по системе «точного дыхания», которая

Илл. 4. Проект Центрального дома колхозника, арх. А. В. Щусев, И. Н. Лихачёв, Ю. А. Дульгиер и А. А. Мндоянц, 1933–1934.
Источник: Соколов Н. Б. А. В. Щусев. Москва, 1952, С. 274.

не предполагала ни одного открывающегося окна, вместо них были устроены витражи из стеклоблоков, а вентиляция должна была работать централизованно (эта идея, однако, провалилась, и здание было реконструировано).

В апреле 1929 г. начинает проектироваться второй советский дом ночлега, также предназначенный для строительных рабочих. В этот раз в качестве локации выбран участок напротив Киевского вокзала. В 1932 г., ещё до того, как строительство Второго дома ночлега будет закончено, его будет решено перепроектировать в более привычную гостиницу, на планировках этажей вместо палат появятся номера. Эта новая гостиница под названием Брянской, а затем Киевской также просуществует до 2000-х гг. и будет снесена.

Сотрудники Кабинета по изучению личности преступника и преступности на основании анализа статистических данных констатируют, что «российское нищенство в своём большинстве являлось и… является деревенским нищенством» [Нищенство и беспризорность, с. 18]. В 1922 году в Москве в бывшем ресторане «Эрмитаж» (современный адрес Неглинная улица, дом 29/14) был открыт Центральный дом крестьянина, который совмещал функции дешёвой гостиницы, кабинета консультаций для крестьян и агитационного клуба. В последующем он был переведён в Большой Златоустинский переулок в огромное здание бывшей «Большой Сибирской гостиницы».

В 1933–1934 проектировался Центральный дом колхозника на Каланчёвской площади рядом с тремя вокзалами. Известен проект мастерской А. В. Щусева с участием архитекторов И. Н. Лихачёва,

Таблица 1. Здания для бездомных людей сечас в и 1920-е

	Для кого (как их называют)	Условия	
Дом ночлега, сейчас	Для бездомных (бездомные граждане; лица, попавшие в трудную жизненную ситуацию; лица без определённого места жительства и занятий)	Можно находиться только ночью, место не закреплено	
Приют, сейчас	Для бездомных, которые решают свои проблемы (бездомные люди, клиенты)	Можно находиться днём, место закреплено, пока необходимо	
Хостел, сейчас	Для малообеспеченных (гости)	Можно находиться днём, место закреплено, пока гость готов платить	
Работный дом	Для бездомных (попавших в кризисную ситуацию)	Можно находиться днём, место закреплено, свободный режим, риски рабства	
Дом ночлега, 1920-е	Для малообеспеченных рабочих (ночлежники)	?	

Ю. А. Дульгиера и А. А. Мндоянца. Гостиница из трёх корпусов планировалась на 452 номера [Болдина, 2021]. Проект включал магазины, ресторан, оранжерею, зал для сельскохозяйственной выставки. На первом этаже можно было бы даже разместить образцы техники, например комбайны. Монументальный постконструктивистский главный корпус имел 12 этажей, два боковых — по семь этажей. Проект не был осуществлён (причину выяснить не удалось). Однако до сих пор в Лермонтовском сквере неподалёку стоит скульптура «Сезонник» Ивана Шадра, изображающая сезонного рабочего, прибывшего в Москву на биржу труда, которая находилась в этом месте (для сравнения можно пофантазировать о памятнике гастарбайтеру, который сегодня воздвигается на пересечении Дмитровского шоссе и МКАД, а автором его является, например, Салават Щербаков).

В 1937 г. Моссовет планировал постройку трёх новых домов ночлега для колхозников в рамках большой программы реконструкции и благоустройства московских рынков, которая включала строитель-

	Оплата	Пример
	Бесплатно	**Государственный** (Государственного казенного учреждения г. Москвы Центра социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий имени Е. П. Глинки Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы): Приёмное отделение и палатка обогрева **Благотворительный**: Пункт обогрева «Ночлежки» в Москве
	Бесплатно	**Государственный** (Государственного казенного учреждения г. Москвы Центра социальной адаптации для лиц без определенного места жительства и занятий имени Е. П. Глинки Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы): в Москве 4 отделения — Востряково, Косино-Ухтомское, Ясенево, Дмитровское **Благотворительный**: «Ночлежка»
	Небольшая плата	Поисковой запрос «хостел» в приложениях с картами
	Жильё за работу	Объявления на улицах
	Небольшая плата	9-й Дом ночлега строительных рабочих на Сущёвском валу

ство крытых павильонов, складов, холодильников, асфальтирование участков, устройство санитарии и станций контроля качества продукции. Неясно, были ли осуществлены эти планы, но хорошо известно, что дома колхозника работали как гостиницы при рынках во многих городах СССР ещё много десятилетий. Отчасти их существование было связано с отсутствием у колхозников полноценных паспортов и права свободно передвигаться по стране, так что дома ночлега вероятно выполняли и эту «полицейскую» функцию.

Таким образом, даже не претендуя на оценку эффективности этой меры, которая требует отдельного исследования, мы можем сказать, что профилактика бездомности была одной из центральных идей в работе советской власти по отношению к проблеме. Она была направлена на предупреждение перехода добросовестных трудящихся, по преимуществу, крестьян, оказывающихся в чуждом для них социальном пространстве, в положение бездомных. Эта работа была основана на социологических данных, и похоже, проводилась

не по распоряжению с вершины центральной власти, а напротив, требовала отстаивания своих интересов со стороны множества интересантов.

Заключение

«Случайные» источники документируют повседневность людей, жизнь которых в 1920–1930-е обычно скрывается словами о последствиях «разрухи» и «жилищной нужде», по сути, являющихся сталинистскими эвфемизмами явной или скрытой бездомности. Такие свидетельства (не все они могли быть представлены в настоящей статье), полученные вне контекста борьбы с бездомностью, могут в дальнейшем, по мере их накопления, отразить сложную картину отношения к дому и его отсутствию в раннесоветском обществе. Но уже сейчас они, без всяких оговорок, позволяют утверждать, что бездомность в Советском Союзе 1920–1930-х существовала, причём именно под этим названием в языке акторов снизу, ставящих эту проблему перед обществом и властью, в отличие от языка центральной власти, пытающейся внедрить понятие «взрослой беспризорности».

Дальнейшие исследования могли бы более подробно описать очень разнообразные сообщества явно и скрыто бездомных — от «обманутых пайщиков» жилкооперативов до крестьян, бежавших в города от коллективизации. Нуждается в более глубоком изучении проблема пересечения понятий нищеты и бездомности. Сознательно или нет, под советским понятием нищеты объединяется большая группа явлений, одно из которых — бездомность. Обращает внимание табуирование понятия бездомности в официальном советском дискурсе, при том, что нищета оказывается легитимным термином, в то время, как в современной России ситуация представляется ровно обратной, что может говорить о разных механизмах конструирования властных отношений.

Наконец, интерпретация борьбы советской власти с бездомностью в духе репрессивного пространственного контроля должна быть представлена сложнее благодаря выявленным противоречиям между акторами внутри системы высшей государственной власти и малоисследованным планам и делам советской власти в области исследования и профилактики бездомности и помощи бездомным людям — среди них работы Кабинета исследования личности преступника и преступности в области изучения нищенства, проекты кампаний по борьбе с нищенством, а также строительство новых конструктивистских домов ночлега с общественным и культурным компонентом для профилактики бездомности у уязвимых категорий — приезжих строительных рабочих.

Литература

1. *Артемьев, Н.* Образцово сохранить овощи // Вечерняя Москва. 16 августа 1938. № 187.
2. *Байбурин, А.* Курс (6 лекций). Зачем нужны паспорт, ФИО, подпись и фото на документы. / Arzamas. 24 мая 2018. [Online] <https://arzamas.academy/courses/54> [Дата обращения] 20.11.2024.
3. Вся Москва. Адресный справочник. 1930.
4. ГАРФ. Ф. А2306. Оп. 1. Д. 3429. Постановления Совнаркома РСФСР и проект инструкции Народного комиссариата социального обеспечения о порядке борьбы с нищенством и заключение Наркомпроса РСФСР по проекту инструкции. Л. 10.
5. ГАРФ. Ф. А259. Оп. 9б. Д. 757. Проект постановления СНК РСФСР о мероприятиях по оказанию помощи лицам, впавшим в нужду и по борьбе с нищенством.
6. ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 769. Проект циркуляра ВЦИК о порядке борьбы с нищенством и заключения народных комиссаров по этому же вопросу.
7. ГАРФ. Ф. А259. Оп. 40сч. Д. 901. Постановления Президиума ВЦИК и Совнаркома РСФСР о борьбе с нищенством, беспризорностью, и помощи лицам, впавшим в нужду, и о высылке из г. Москвы профессиональных нищих, принадлежащих к преступным элементам; заключения народных комиссариатов Социального обеспечения, Труда, Юстиции и Внутренних дел по тем же вопросам.
8. ГАРФ. Ф. А391. Оп. 8. Д. 286. Дело по ходатайству Наркомсобеса РСФСР о привлечении органов социального страхования к участию в расходах по борьбе с нищенством и проституцией. Л. 11.
9. ГАРФ. Ф. Р393. Оп. 65. Д. 32. Переписка с Социально-культурной секцией Госплана РСФСР о борьбе с проституцией и нищенством. Л 1–4.
10. ГАРФ. Ф. Р3302. Оп. 1. Д. 138. Переписка с биржей труда, Московским отделом коммунального хозяйства, Междуведомственной комиссией по борьбе с нищенством, взрослой беспризорностью и временно впавших в нужду и другими учреждениями о постановке на учет безработных ассирийцев, разрешении открыть фруктовый ларек, о выдаче денег нуждающимся ассирийцам на проезд и по другим вопросам.
11. ГАРФ. Ф. Р-5462. Оп. 14. Д. 295. Цит. по.: Долгова, Е. А. Квартирный вопрос для научных работников. От дома-коммуны к жилищному кооперативу // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2021. Т. 23, № 4.
12. *Горбачёв, О. В.* Концепция советского пространства: от материальности к мифу / Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 151–164.
13. *Дуднев, А. С.* История советской жилищно-строительной кооперации. Готовится к печати, текст предоставлен автором.
14. *Жирнов, Е.* Интервью с Николаем Смородиным. Зона паспортного режима // Коммерсантъ Власть (журнал). 20.01.2003. [Online] <https://www.kommersant.ru/doc/359662> [Дата обращения] 20.11.2024.
15. *Зубкова, Е. Ю.* «Бедные» и «чужие»: нормы и практики борьбы с нищенством в Советском Союзе. 1940–1960-е годы // Труды Института российской истории. Вып. 11. Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. Ю. А. Петров, ред.-коорд. Е. Н. Рудая. М., 2013.
16. Интервью с Еленой Болдиной. Пантеон и Дом колхозника. Рассказываем о грандиозных, но нереализованных проектах советского времени. / Сайт Mos.ru. 7 июня 2021. [Online] <https://www.mos.ru/news/item/91719073/> [Дата обращения] 20.11.2024.
17. *Лисицкий Л.* Культура жилья // «Строительная промышленность». 1926. № 12. С. 877-881.

18. Нищенство и беспризорность (сборник Московского Кабинета по изучению личности преступника и преступности), М.: Издательство Мосздравотдела, 1929.
19. Попов, Н. (Сибиряк). Состояние жилищного дела к 10-летию Октября // Строительство Москвы. 1927. № 10. С. 10.
20. Случайно обнаружен посёлок // Вечерняя Москва. 14 декабря 1928. № 290.
21. ЦГА г. Москвы, №:№: А-2-7367, А-2-7368, А-2-7369, А-2-7370, А-2-7371.
22. *Fitzpatrick, S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s, 1999 .
23. *Stephenson, S.* Crossing the line: vagrancy, homelessness and social displacement in Russia. London: Ashgate, 2006.
24. *Widdis, E.* To Explore or Conquer? Mobile Perspectives on The Soviet Cultural Revolution // Dobrenko Evgeny, Naiman Eric (Eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle — London, 2003. P. 219–241.

Konstantin Gudkov

Homelessness during Constructivism

Konstantin Gudkov — historian, independent researcher, co-author of the Telegram channel Center 1931. **E-mail:** kmgudkov@gmail.com.

Abstract: The article provides evidence supporting the existence of both overt and hidden homelessness in the USSR during the 1920s and 1930s, based on a spectrum of spaces inhabited by individuals lacking stable housing. It examines the initial governmental initiatives aimed at addressing homelessness and vagrancy. Alternative frameworks for understanding the management of homelessness in the USSR, beyond the repressive model, are proposed. Additionally, the article analyzes projects related to constructivist accommodation houses.

Keywords: Homelessness, hidden homelessness, shelter, accommodation houses, housing cooperation, constructivist architecture, social welfare, stalinism

References

1. All Moscow. Address Directory. 1930. (In Russ.)
2. *Artemyev, N.* Exemplary Vegetable Inventory / Evening Moscow. August 16, 1938. No. 187. (In Russ.)
3. Begging and Homelessness (Collection by the Moscow Cabinet for the Study of the Personality of the Criminal and Crime). (1929). Moscow: Moszdravotdel Publishing. (In Russ.)
4. Baiburin, A. (2018). Course (6 lectures). Why Do We Need a Passport, Full Name, Signature, and Photo for Documents. / Arzamas. May 24. [Online] <https://arzamas.academy/courses/54> [Date of access] 20.11.2024. (In Russ.)
5. CGA of Moscow, No.: A-2-7367, A-2-7368, A-2-7369, A-2-7370, A-2-7371. (In Russ.)
6. *Dudnev, A.S.* History of Soviet Housing and Construction Cooperation (forthcoming, text provided by the author) (In Russ.)
7. *Fitzpatrick, S.* Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s, 1999.
8. GARF. F. A2306. Op. 1. D. 3429. Decrees of the Council of People's Commissars of the RSFSR and Draft

Instructions from the People's Commissariat for Social Welfare on the Procedure for Combating Begging and the Conclusion of the People's Commissariat of the RSFSR on the Draft Instructions. p. 10. (In Russ.)

9. GARF. F. A259. Op. 9b. D. 757. Draft Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR on Measures to Aid Those in Need and to Combat Begging. (In Russ.)
10. GARF. F. A259. Op. 40sch. D. 769. Draft Circular of the All-Russian Central Executive Committee on the Procedure for Combating Begging and Conclusions of the People's Commissars on the Same Issue. (In Russ.)
11. GARF. F. A259. Op. 40sch. D. 901. Decrees of the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR on the Fight Against Begging, Homelessness, and Assistance to People in Need, and the Expulsion from Moscow of Professional Beggars Belonging to Criminal Elements; Conclusions of the People's Commissariats of Social Welfare, Labor, Justice, and Internal Affairs on the Same Issues. (In Russ.)
12. GARF. F. A391. Op. 8. D. 286. Case on the Petition of the RSFSR People's Commissariat for Social Welfare for the Involvement of Social Insurance Agencies in Expenses for Combating Begging and Prostitution. p. 11. (In Russ.)
13. GARF. F. R393. Op. 65. D. 32. Correspondence with the Social and Cultural Section of the RSFSR State Planning Committee on Combating Prostitution and Begging. pp. 1–4. (In Russ.)
14. GARF. F. R3302. Op. 1. D. 138. Correspondence with the Labor Exchange, Moscow Department of Communal Services, Interdepartmental Commission on the Fight Against Begging, Adult Homelessness, and Temporarily Needy Persons, and Other Institutions on Registering Unemployed Assyrians, Permitting a Fruit Kiosk, Providing Money to Needy Assyrians for Travel, and Other Issues. (In Russ.)
15. GARF. F. R-5462. Op. 14. D. 295. Cited in: Dolgova, E. A. Housing Issue for Researchers: From the Communal House to the Housing Cooperative / Izvestiya of Ural Federal University. Series 2. Humanities. 2021. Vol. 23, No. 4. (In Russ.)
16. Gorbachev, O.V. (2018). The Concept of Soviet Space: From Materiality to Myth // Soviet Project. 1917–1930s: Stages and Mechanisms of Implementation: Collection of Scientific Papers. Yekaterinburg: Ural University Press. P. 151–164. (In Russ.)
17. Interview with Elena Boldina. Pantheon and the House of the Collective Farmer. Talking About Grandiose but Unrealized Soviet-Era Projects. (2021) // Mos.ru website, June 7. [Online] <https://www.mos.ru/news/item/91719073/> [Date of access] 20.11.2024. (In Russ.)
18. *Lissitzky, E.* The Culture of Housing // Construction Industry, 1926, No. 12. P. 877-881 (In Russ.)
19. *Popov, N. (Siberyak) (*1927). The State of Housing Affairs on the 10th Anniversary of October // Moscow Construction. No. 10. P. 10. (In Russ.)
20. Settlement Accidentally Discovered / Evening Moscow. December 14, 1928. — No. 290. (In Russ.)
21. *Stephenson, S.* Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness, and Social Displacement in Russia. London: Ashgate, 2006.
22. *Widdis, E.* To Explore or Conquer? Mobile Perspectives on The Soviet Cultural Revolution / Dobrenko, Evgeny, Naiman, Eric (Eds.). The Landscape of Stalinism: The Art and Ideology of Soviet Space. Seattle–London, 2003. pp. 219–241.
23. *Zhirnov, E.* (2003). interview with Nikolay Smorodin. Passport Regime Zone // Kommersant Vlast (magazine). January 20. [Online] <https://www.kommersant.ru/doc/359662> [Date of access] 20.11.2024. (In Russ.)
24. *Zubkova E.Yu.* 'Poor' and 'Foreign': Norms and Practices in the Fight Against Begging in the Soviet Union, 1940s–1960s // Proceedings of the Institute of Russian History. Issue 11. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History; chief editor Yu. A. Petrov, coordinating editor E. N. Rudaya. Moscow, 2013. (In Russ.)

Ре-концептуализация дома

Т. В. Колотилова

Социальная топология релокации: гомеоморфные и негомеоморфные преобразования «дома»

Татьяна Владимировна Колотилова — MA in Sociology, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** colotilowa@gmail.com.

Аннотация: В данной работе предпринимается попытка вскрытия черного ящика понятия релокация силами социальной топологии, вследствие чего релокация рассматривается как пересборка дома. Ставится задача выяснить, от чего зависит гомеоморфизм трансформаций дома и по какой причине наступают негомеоморфные изменения. Автор разрабатывает объяснительную модель, опираясь на теоретические и эмпирические исследования Дж. Ло и А. Мол, вводит дополнительный к паре гомеоморфные/негомеоморфные концепт скевоморфных изменений, указывает слабое место концепта ядра отношений как условия сохранности объекта и синтезирует дополнительный концепт регулярности передышки в практиковании объекта как не менее важного условия гомеоморфности. На основании этого конституирующие понятие «дом» факторы рассматриваются как примеры такой передышки.

Ключевые слова: социальная топология, пост-АСТ, Ло, Мол, релокация, дом, гомеоморфность, скевоморфность

Для цитирования: *Колотилова, Т. В.* Социальная топология релокации: гомеоморфные и негомеоморфные преобразования «дома» // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 183–203.

До 2022 года релокация в русском социологическом сегменте рассматривалась не как самостоятельный объект, а как операция перемещения объекта, преимущественно организации[1]. После 2022 года релокация становится конкурентом миграции. Социологи проводят различение между двумя понятиями и выделяют конкурентное преимущество первого, «научную новизну». Она кроется в намерениях субъектов релокации, в отличие от субъектов миграции, сохранить привычный образ жизни, избежать интеграци [Евстратов, 2022], а также в их идентификации как кочевников [Таишева, 2022]. Само же понятие употребляется непроблематично. Нам видится преждевременным превращение в черный ящик понятия релокации, поскольку не вполне очевидно, что теперь называется этим словом. Приставка ре- как бы постулирует бесшовный стык одной локации и другой, некое простое перемещение объекта из пункта А в пункт В. Однако, когда мы рассматриваем перемещение такого объекта как дом, появляется ряд вопросов. Не возникают ли между «ре» и «локацией» новые отношения с домом, которые этот объект меняют? И насколько меняют? Это все еще тот же объект или совершенно другой? Не скрывается ли в этом зазоре состояние объекта, которое требует осмысления?

В теории социологии профессиональными взломщиками черных ящиков считаются исследователи науки и технологий, и для этих целей они, как правило, используют акторно-сетевую теорию (далее — АСТ). Сложилась традиция разделять АСТ на классическую (в лице Бруно Латура, Мишеля Каллона и других), которая изучает плоскую онтологию объектов, представляя их сетями симметричных актантов, и пост-АСТ (ее основные представители Джон Ло и Аннмари Мол), которая пытается увидеть изменения объекта и не ограничивается сетевым пространством. Для этой цели Джон Ло вводит в методологический арсенал теории социальную топологию, позаимствовав топологический принцип из математики [Ло, 2006]. Следствием такого хода стало то, что у объекта появились и стали рассматриваться более, чем одна проекции пространственности, которые объект порождает: сетевая, потоковая, трехмерная. Новые пространственности призваны вместить изменяемость объекта, говоря конкретнее, включить вещи, которые то вовлекаются в сеть, то исключаются из сети. Теперь на карте оказались не только акторы и их связи, но и отсутствующие акторы, отсутствие которых, впрочем, имеет значение, а также «неявленно отсутствующие», иные, часто не видные за рутинным взаимодействием, но проявляющие агентность как только имеет место какой-либо сбой [Ло, 2015, с. 177]. Подход социальной топологии позволяет осуществить исследования изменчивых объектов, для которых классический метод АСТ оказался бы менее результативен. В итоге выделилось направле-

[1] по данным запроса к архиву научной электронной библиотеки Elibrary.

ние, которое через накопление эмпирического материала, исследований объектов самой разной природы, развивает как теорию в целом, так и отдельные концепты.

Интересным для нас примером развития отдельного концепта является дискуссия о переносе технологий, которую можно выделить, если посмотреть на работы по АСТ и пост-АСТ, выстроенные в хронологическом порядке. Так, на смену концепту «неизменяемых мобильностей» Латура, выражающему принцип сохранности сети отношений объекта при его перемещении, приходит концепт ядра отношений, который вводят Ло и Мол. Принципом «неизменяемых мобильностей» Латур объясняет сохранность сети отношений испанского корабля при перемещении через океан: пока сеть его отношений стабильна, перемещение в евклидовом пространстве не угрожает целостности объекта. Принцип ядра отношений, напротив, указывает на необходимость изменений в объекте, но с сохранением ядра, то есть минимума отношений, необходимых для функционирования объекта. Понятие ядра отношений наиболее внятным образом объясняется в исследовании технологии зимбабвийского насоса [De Laet, Mol, 2000], который сохраняет свой функционал во время бесконечного перемещения по Африке благодаря вносимым изменениям (замене запчастей подручными средствами). Представители пост-АСТ, начав трансформационный поход на целостность объекта с выделения ядра, на этом не остановились. Мол в своей работе «Множественное тело» отстаивает идею множественных онтологий объекта, другими словами, идею многих реализуемых им реальностей, среди которых нет какой-то «более онтологической» и какой-то «менее онтологической». Мол настаивает на принципе нетранзитивности, по которому все они равны. Таким образом, попадание в поле зрения исследователей технологий объектов, склонных к изменчивости, отчасти и породило эволюцию метода и теории. В последние годы подобным объектом стал дом.

Первым заметным ударом для представления о доме как о классическом сетевом объекте, реализующим набор отношений частной жизни, стала пандемия. Мы столкнулись с ковид-трансформацией практик дома, когда в дом вторглась практика удаленной работы. Тогда дом предварительно утратил герметичность объекта, на языке топологии испытал гомеоморфность. Релокация станет вторым испытанием и более серьезным. В этом новом испытании дом как классический сетевой объект практически не участвует. Даже если не включать физический дом в ансамбль сетевых отношений претерпевающего изменения объекта, этот ансамбль неизменно перемещен в той же сборке быть не может, а значит концепт неизменной мобильности, как и классический метод АСТ не актуален.

Пост-АСТ позволяет нам взглянуть на дом как на множественный объект, и релокация делает эту множественность как никогда наблю-

даемой. Понятие дома актуализируется, дребезжит и вынужденно реконструируется. Дом проходит через игольное ушко багажной полки в самолете и оказывается в новой стране. Что люди берут с собой? Что вычеркивают из определения дома? Что составляет «ядро отношений дома», набор сущностных «механизмов», без которых дом уже не дом? Как заново, говоря на языке Ло, отбираются, сополагаются, исключаются, ранжируются и фреймируются реальности дома? Будучи заново прочитанным в опыте и переводах людей, занятых в пересборке своих жизней, дом рассматривается с таких позиций, в которых само понимание, что такое дом, пересобирается. В методологии, которую предлагает Ло, это называется вскрытием хинтерланда[2] дома. Этим мы и займемся. Этим, по сути, и занимались релоцирующиеся. Не будучи исследователями технологий, они применяли их метод, ввиду обстоятельств были вынуждены вскрывать и перепрочитывать индивидуальное понятие дома. Нам важно воспользоваться возможностью по горячим следам изучить этот процесс. Таким образом, в фокусе нашего исследования находятся концептуализации и реализации объекта — дома, в опыте релоцирующихся. В отличие от классических исследований АСТ мы не действуем в заранее ограниченном самореферентном пространстве сети более-менее понятной формы. Ло приводит удачную метафору слепоты, заимствованную у Аппельбаума [Ло, 2015, с. 30], которая уместна и в нашем случае: мы знаем, что изучаем «дом», но мы его не видим, нам нужно его «нащупать».

Построение концептуальной схемы для изучения релокации как пересборки дома

По Ло, множественные объекты создают множественные реальности, реальности осуществляются в практиках, практики же активируют реальности. В таком прочтении пост-АСТ предлагает переосмысление дома как набора практик, или репертуаров, артикулированных через описание материально-символических связей, в которых разыгрываются отношения с домом, а также модальности дома. Как в социальной топологии уже принято, мы будем различать гомеоморфные преобразования, то есть те, благодаря которым практики остались в той же форме, что и были, и по-прежнему соотносятся с домом, и негомеоморфные, после которых практики драматически утратили форму или были утрачены вовсе, то есть в случае, когда данного репертуара

[2] Хинтерланд вслед за метафорой Ло мы понимаем как синоним «черного ящика», который можно применять более локально: к утверждениям, устройствам, практикам.

дома больше нет[3]. Самый общий практический вопрос, который в связи с этим возникает, звучит так: какие из практик дома при релокации оказались гомеоморфными, то есть устойчивыми к преобразованиям, а какие нет, и как это повлияло на гомеоморфность всего объекта? Но возникает также и методологический вопрос: исчерпываются ли сценарии изменений практик принятой дихотомией гомеоморфные/негомеоморфные преобразования? Начнем со второго вопроса: по нашим наблюдениям, не исчерпываются. Мы рискнем выдвинуть кандидата на третий концепт — «скевоморфные» преобразования.

Скевоморфизмом называют ситуацию преобразования, преимущественно в дизайне, когда форма объекта остается прежняя, а вот содержание, материал, способ изготовления меняются. Большинство базовых иконок смартфона, такие как календарь или калькулятор по форме напоминают своих предшественников. Отношения иконки к своему предшественнику выражает термин скевоморфизм. Из дизайна это понятие уже успело перекочевать в социологию. В исследовании юрт [Evans, Humphrey, 2002], традиционных монгольских и тех, что демонстрируют в Китае в туристских парках, последние характеризуются как скевоморфы, или стилизации, миметические замены, как бы проскальзывающие между оригиналом и копией. В приведенном исследовании традиционная юрта как эволюционный этап дома относится к онтологии строительства, в то время как юрты в китайском парке нельзя назвать одной из стадий развития монгольского жилища, как и «релокационный дом» предположительно выбивается из эволюционного развития «дома» (родительский дом, студенческое общежитие, первое самостоятельное жилье, совместное жилье с партнером и т. д.) Как объект идеологического контекста, который притворяется тем, чем не является, монгольская юрта в китайском парке относится исследователями к онтологии скевоморфности. В нашем исследовательском подходе, где сосуществуют множественные реальности объекта, притворство является реальностью не большей и не меньшей, чем какая-либо другая [Мол, 2017, с. 236]. Отмечается, что в Китае скевоморфные юрты выполняют символическую и политическую работу, в большой степени сходную с работой оригинала, при этом включают в себя свободную интерпретативную игру: намерения, которые за ними стоят, не оформлены и могут трактоваться широко. Учитывая обозначенные сходства, на наш взгляд, ситуация скевоморфизма дома в релокации а) возможна; б) может говорить об отложенном, не принятым еще, не оформленном решении относи-

[3] Возможно, кому-то рассмотрение гомеоморфности объекта через гомеоморфность практик, в которых осуществляются реальности объекта, покажется выходящим за рамки метода пост-АСТ, но сам подход множественных онтологий, которые применяет Мол и который разделяем мы, открывает перед нами такие возможности.

тельно дома и будущего. Поэтому мы выделим скевоморфные преобразования в третью разновидность преобразований практик дома в релокации, наряду с гомеоморфными и негомеоморфными.

Очевидно, что релокация навела «беспорядок» в понятии «дом», и наша задача заключается в том, чтобы проследить, как он упорядочивается. Пост-АСТ рассматривает способы упорядочивания как паттерны конституирующих отношений. Это то, что отличается от фонового шума в наблюдении и то, что в работе исследователя неизбежно «сгущается» до конституирующих отношений. В качестве паттернов Ло приводит стили принятия решения, которые могут сосуществовать в одном человеке: эволюционный и героический. Ло использует это различие, основываясь на традиции, принятой в социологии знания, ссылаясь на опыт применения похожей оптики в исследованиях К. Мангейма: «Давняя традиция в социологии знания утверждает существование двух радикально различных и социально сформированных способов понимания истории: героический, философски *романтический, акцентирующий разрывы*, с одной стороны, и *эволюционный, рационалистический* и *стадиальный*, с другой» [Ло, 2015, с. 232]. Переводя на наш объект, вопрос о паттернах может ставиться так: новый дом в условиях релокации — это новая жизнь, драматически-героический поступок, или просто следующая ступень, эволюционный этап жизни в череде других?

Уже за пределами инструкции, данной Ло, в топологическом анализе города мы встречаем разделение на внешние и внутренние паттерны: внешними считаются отношения, выходящие за пределы локации объекта, внутренними названы не выходящие [Вахштайн*, 2014]. При этом ситуация, когда наиболее важными с точки зрения конституирования объекта являются отношения внешние, рассматривается как феномен экстерриториальности. Эти наблюдения также применимы для концептуализации отношений с домом в релокации. Те, кто выстраивал свой дом экстерриториально, на основании связей за пределами дома (нахождение в центре, близость к парку, к лыжному склону), могут иначе проходить через пересборку дома, чем те, кто собирал дом преимущественно через внутренние, внутридомовые отношения. Таким образом, концепт паттернов расшивается на эволюционные и героические, внутренние и внешние.

Согласно приведенной концептуализации, для объекта «дом» наметилась траектория, по которой он движется в процессе релокации. Практика дома соотносится с паттерном конституирующих отношений и подвергается гомеоморфному, негомеоморфному, либо скевоморфному преобразованию. На данном этапе не хватает концептуализации в каком-то виде условия гомеоморфности. Это нужно на случай, если с концептом ядра отношений как минимального набора сохранившихся на новом месте практик, возникнут проблемы: например, не будет ни одной сохранившейся практики. Для этих целей мы сопо-

ложим потенциальный сценарий изменений дома с судьбой объектов из некоторых исследований Ло по принципу демонстрируемой регулярности как условия гомеоморфности. Ло декларирует его косвенно, указывая, что реальность объекта зависит от регулярного воспроизводства. Этот шаг поможет нам осуществить вписывание, насколько это возможно, нашего объекта в язык теории, которая в основном живет в конкретных кейсах, и синтезировать дополнительное условие гомеоморфности в дополнение к концепту ядра отношений.

Сценарий 1. Поезд

Ло исследует катастрофу на железной дороге Ладброк-Гроув, которая привела к разрушению поезда, то есть негомеоморфному преобразованию объекта [Ло, 2015]. Авария произошла, на первый взгляд, потому что машинист допустил ошибку, проехав на красный свет, но при детальном рассмотрении причина оказалась сложнее. Машинист практиковал регулярное отступление от инструкции, и эта практика долгое время страховала его от ошибки. Он адаптировал выключатель тяги в качестве тумблера напоминания: тяга выключена, значит, следующий сигнал будет красный. И однажды, забыв произвести предупреждающее выключение, он в момент приближения к светофору неверно истолковал значение положения тумблера и проехал на красный на полном ходу.

Сценарий 2. Система наблюдения

Ло совместно с В. Синглтон исследуют адаптацию фермеров к автоматизированной системе наблюдения за животными [Singleton, Law, 2013]. Наблюдаемые исследователями фермеры практикуют «передышку внутри практик», «ритуалы отключения» от вездесущего ока системы наблюдения. Они позволяют своим животным спариваться по старинке, через непосредственный визит быка-осеменителя к коровам, что более успешно с точки зрения вероятности забеременеть, чем искусственное осеменение. Такая практика влечет за собой другую: чтобы окупить содержание быка для этой цели, фермер в тайне от системы наблюдения сдает быка в аренду другим фермерам. Такая «передышка в практике» наблюдения сохраняет видимую дружбу с инновационной системой и способствует ее успешной работе. Инаковость в виде сокрытых от наблюдения практик испытывает систему наблюдения на прочность, но объект сохраняет форму.

Мы свели данные наблюдения в таблицу 1.

Таблица 1.

Испытание формы / Объект	**Инаковость первой степени:** передышка внутри практики, регулярное отключение	**Инаковость второй степени:** передышка внутри практики + другие изменения
Поезд	Гомеоморфное изменение — работа не по инструкции	Негомеоморфное изменение — катастрофа на ж/д
Система наблюдения	Гомеоморфное изменение — не 100% покрытие наблюдения	—
Дом	Гомеоморфное изменение — релокация?	Негомеоморфное изменение — релокация?

В этой таблице мы наметили ряд типологий и взаимосвязей, на которые мы сможем опираться в своей интерпретации. Мы разделили испытания формы объектов на две группы: Инаковость 1-й степени, которая складывается из передышки внутри практики, носящей регулярный характер, и Инаковость 2-й степени, в которой передышка внутри практики не регулярна и сочетается с другими изменениями. Первая ведет к гомеоморфным изменениям, таким как нарушение инструкции и покрытия системы наблюдения, но с сохранением объекта. Вторая ведет к негомеоморфным изменениям, разрушению объекта. Мы будем обращаться к этой таблице в части, посвященной интерпретации данных с тем, чтобы попытаться определить релокацию в одну из групп Инаковостей и, соответственно, объект «дом» в одну из групп изменений, тем самым обосновывая ответ на общий вопрос о гомеоморфных и негомеоморфных преобразованиях дома.

Определившись с основными концептами для предстоящего описания, мы должны ввести еще одно различение: различение исследуемых групп. На обывательском уровне сюжет релокации звучит так: сложилось или не сложилось. Успех связывается с ситуацией «сложилось», когда появилось чувство дома, на языке АСТ объект стабилизировался. А возвращаются люди, когда дом обрести не получилось (при прочих равных условиях). С привлечением топологии сюжет уточняется: успех релокации связан со способностью индивидуального представления о доме и индивидуального практикования дома меняться, сохраняя гомеоморфность. В исследовании участвуют две группы релокантов: 1) «успешные», живущие на новом месте, и 2) вернувшиеся. Для входа в выборку под маркером «успешных» достаточно утвердительно отвечать на вопрос, обрели ли вы дом на новом месте. Поскольку индивидуальные практики группируются в

общий сценарий успешной релокации многих, мы говорим не только об индивидуальной перцепции, но о реализации гомеоморфности объекта. Для того, чтобы обеспечить условие «при прочих равных», мы включим в выборку только тех, кто может работать в любом месте проживания.

Сравнение результатов двух групп позволит ответить на ряд вопросов о связях успеха и неуспеха релокации с «дом-факторами», как то:

1. Способствует ли регулярность «передышки» в практиковании дома успеху релокации? Гипотеза: да, способствует.
2. Связан ли успех релокации со скевоморфными практиками дома? Гипотеза: да, связан.
3. Способствует ли внутренний паттерн конституирования дома гомеоморфности? Гипотеза: да, способствует.
4. Способствует ли преобладание внутренних паттернов успеху релокации? Гипотеза: да, способствует.
5. Способствует ли героический конституирующий паттерн успеху релокации? Гипотеза: нет, такой паттерн способствует неуспеху релокации.

Подробнее о методе: принцип построения гайда интервью

По нашей гипотезе пересборка дома проходит несколько этапов, завершаясь демонстрацией наличия или отсутствия гомеоморфности, другими словами, сохранности формы после изменений. Поскольку речь идет не о физическом объекте, а о понятии дома, сохранность транслируется через опыт и осмысление этого опыта респондентом, поэтому в качестве основного исследовательского метода мы избрали глубинное интервью. В рамках настоящего исследования мы провели серию глубинных полуструктурированных интервью: 10 среди успешных релокантов и 10 среди вернувшихся. Общий сценарий гайда интервью выстроен как постепенное открытие вопроса, что такое дом, начиная с общего: «Что такое для тебя дом? Из чего состоит это понятие для тебя сейчас?» и продолжая уточняющими, конкретными: «Что ты можешь делать только дома и больше нигде? Что из того, что относилось к дому, не получилось взять с собой?»

Отметим здесь, что уже на этапе апробации наметилась неконсистентность ответов на общие и более конкретные вопросы. Это видно на примере эволюции определения дома по мере прохождения по гайду: от конкретной квартиры к практикам, выходящим за ее рамки.

Ответ на 1-й вопрос: «*Что такое дом для тебя?*»

«*Дом — это то, где я живу со своим мужем и где у меня много вещей, при этом дом, где я жила почти всю жизнь раньше и дом, в*

который я приезжаю иногда из релокации, моими домами быть не перестали. А дом в более глобальном смысле (город, страна) я не особо ощущаю, скорее речь о конкретной квартире».

Ответ на последующий вопрос: «*Что ты можешь делать только дома и больше нигде?*»

«*Ходить к врачу планово*».

Таким образом уточняющий, в чем-то повторяющийся вопрос, заданный ближе к концу беседы, позволил выявить «практическую» практику дома, ту, что действительно реализуется и в какой-то степени является определяющей. Корреляция наличия таких практик с ответом на вопрос о том, удалось ли обрести дом на новом месте, будет показана далее. Также в беседах были заданы вопросы, призванные выявить регулярность передышки в практиковании дома (опыт жизни без ощущения дома в прошлом), и операционализировать основные паттерны конституирования понятия «дом». К интервью добавился метод включенного наблюдения, ставший возможным благодаря тому, что автор исследования на протяжении года чередовал проживание в релокации и в среде вернувшихся.

Отличие определения дома успешных и неуспешных релокантов. Проблема отсутствующего ядра отношений

Разделение на две группы респондентов и дизайн гайда, рассчитанный на постепенное раскрытие вопроса о том, что такое дом, позволил прежде всего увидеть разницу между определениями дома у этих двух групп. Успешные релоканты отмечают, что дом — это намного меньшее количество вещей, чем они думали раньше: «кот, муж и сын», «место, где можно уединиться — диван, кресло, балкон, вай-фай». Они признаются, что понимание дома у них сузилось в связи с релокацией: «оказывается без всех этих необходимых вещей можно жить». Для неуспешных релокантов эта сеть всегда шире: «семья, много любимых предметов, понимание, что ты здесь надолго, картина будущего в этом же пространстве, удобство, понятная ежедневная рутина». Это различие явным образом соотносится с гипотезой о корреляции внутренних конституирующих практик дома с успехом релокации, а внешних, наоборот, с неуспехом. Но о гипотезах речь пойдет чуть позже. Здесь отметим, что сжатие дома до близких людей и животных является временным свойством объекта. На новом месте набор репертуаров дома со временем расширяется, появляются практики, аналогичные тем, что были на старом месте, но нам важно, что само сжатие демонстрирует-

ся не всегда. От чего зависит, сожмется дом или нет? И исчерпывается ли этим скромным набором подлежащих транспортировке вещей ядро отношений дома у успешных релокантов?

Обратимся к исследованию, которое одним из первых показало, что изменчивость объекта обуславливает его успешное перемещение. Из чего состоит адаптивность зимбабвийского насоса? Напомним, что в результате наблюдения за практикой использования очистительного насоса в деревнях Зимбабве, Мол обнаружила, что технология насоса успешно перемещается благодаря тому, что местные жители заменяют вышедшие из строя детали чем придется. Изначальное подразумевание такой замены в технологии, или текучесть, по выражению Мол, обеспечило насосу успешное перемещение, а Зимбабве — бесперебойные поставки питьевой воды. Но если посмотреть шире, заменяемость деталей — это скорее следствие адаптивности. В первую очередь, адаптивность насос продемонстрировал благодаря отсутствию альтернативы. Мы бы сказали, острому отсутствию, поскольку функция насоса выражается в обеспечении питьевой водой, а значит, жизнедеятельности. Объект дорастил отсутствующие детали не потому, что все возможные модификации были продуманы инженером, а в следствие печальных внешних факторов. Если мы соглашаемся с этим, то получается, что внешние факторы и составляют ядро отношений объекта? Пока подвесим этот вопрос.

«Бурдье выдвинул на первый план практику, но ее надо изучать по-другому (не как материю отношений между людьми, а как без конца вовлекающиеся в процесс *в е щ и*)» — говорит Мол во введении к «Множественному телу» [Мол, 2017, с. 9]. Мы видим по результатам интервью, что у некоторых людей в релокации получилось осуществить[4] дом практически из ничего, как говорят в таких случаях, «сварить кашу из топора». Контингентный ассамбляж втулочного насоса, как можно предположить из описания его судьбы, также может в какой-то момент быть воспроизведен «из топора», то есть, при полном отсутствии оригинальных деталей, но, что важно, при сохранности идеи, памяти об изначальной технологии. Каждый раз воссоздается именно втулочной насос, а не, например, поршневый. Обобщая, можно сказать, что кашу из топора делают кашей, насос из подручных средств насосом, а жилье в релокации домом острая потребность, отсутствие альтернативы и поведение, свойственное наличию объекта. Это поведение и атрибуты этого поведения выглядят как скевоморфизмы дома, как чугунок с водой и топором на огне выглядит скевоморфизмом каши. По сюжету сказки скевоморфизм приводит к тому, что пустотелая практика наполняется нужными ингредиента-

[4] Принятый в традиции перевода текстов о множественных реальностях пост-АСТ аналог английского «enact».

ми, при выполнении основного и необходимого условия держаться изначальной идеи объекта, хоть даже при отсутствии материального наполнения. Поведение релокантов на новом месте точно не равно поведению бездомных или командировочных, оно как минимум скевоморфно поведению людей, имеющих дом, это одна из особенностей данной пересборки:

> *«Страна новая. Жизнь новая. Муж старый, вещи мои любимые тоже, развлечения те же, работа в ноутбуке —тоже старая. Наверное, сформулирую так, что форма дома новая, а содержание старое».*

Получается, что скевоморфизм в релокации начинается с учреждения: это и это суть мой новый дом. На вопрос, с чего ты начинаешь переезд, некоторые успешные релоканты отвечали: «что-то символическое, свеча, ваза». Это совершенно точно не «ядро отношений» в том смысле, которое вкладывает в этот концепт Ло, эти вещи не имеют отношения к функционированию объекта. «Что-то символическое» помогает «приготовить» дом из того, что есть — свечки и вазы. Наблюдение показало, что, в отличие от уехавших давно и потому более интегрированных в практики нового места пребывания, исследуемые релоканты поддерживают форму репертуаров дома с помощью кофеен, книжных магазинов с лекциями и даже филиалов медицинских учреждений[5], основатели которых релоцировались в тот же период. Таким образом, создаются общие для целой группы релокантов ре-конструкции прежней жизни, в нашей терминологии скевоморфные пратики дома, используемые как шпалеры для роста репертуаров дома нового, индивидуального.

Но вернемся к вопросу о том, почему же у успешных релокантов наблюдается сужение репертуаров дома, почему наряду с поведением, характерным наличию объекта, соблюдается, если соблюдается, еще одно условие гомеоморфности зимбабвийского насоса — отсутствие альтернативы. Здесь полезной будет информация из той части интервью, где мы говорим о том, как релокация вписывается в понимание общей логики собственной жизни: как эволюционный этап вроде выбора университета, или как героическое, поворотное событие. Для успешных релокантов экстерриториальным по отношению к континууму жизни становится прежний дом. В релокации, в переезде в новое месте ими ищется восстановление связи с внутренним целым. Поэтому все, что можно уберечь от негомеоморфных изменений, из чего можно развернуть дом на новом месте берется с собой, а до этого — назначается домом. Все, что нельзя взять с собой, включая сам физиче-

[5] Например, в 2023 году в Тбилиси, а также Дубае и Ереване открылась клиника «Чайка», филиал московской сети https://chaika.com/clinics

ский дом, исключается из переопределенного понятия дома. Разрозненные элементы дома, которые удалось привезти, сливаются в целое, сочетаются с групповыми скевоморфизмами третьих мест и *становятся домом, потому что так захотели их владельцы*. Может ли быть достаточно для гомеоморфного преобразования объекта назначения этим объектом в меру случайного ассамбляжа вещей? Кажется, что для зимбабвийского насоса оказалось достаточно. Но проблемой для подтверждения условия гомеоморфности становится то, о чем Мол говорит в проброс: «Хотя зимбабвийский втулочный насос типа *B* узнаваем, мы утверждаем, что у этой технологии нет никакого ядра. Или все же есть?» [Де Лаэт, Мол, 2017, с. 171] Вопрошая, Мол не дает ответа.

Подход Ло позволяет нам предпринять попытку все же дать ответ: гипотетическое будущее без единой оригинальной запчасти помещает ядро отношений насоса в потенциальный статус отсутствия. Второй теоретически возможный вариант — делает ядром идею втулочного насоса. Одно, другое или все сразу позволяет насосу не разрушиться. Потенциал ядра отношений дома отсутствовать позволяет респондентам свободно выбирать из всего многообразия домашних реальностей определяющие. Благодаря этому отсутствию возможно, что одни люди выбирают конституирующими дом практиками изначально переносимые, а другие определяют дом практиками, более укорененными на прежнем месте: дом это мои близкие или дом это «люди, близкие мне по культурному коду, говорящие со мной на одном языке». Если же брать за основу второй вариант ответа на вопрос Мол, при котором ядром отношений, определяющим принцип пересборки дома и успех или неуспех релокации, является идея или суждение о доме, условие гомеоморфности остается непроясненным без ответа на следующий вопрос. Как оно формулируется и от чего зависит? Но такая постановка вопроса выходит за рамками данного исследования и открывает перспективу для нового. В рамках данных, которыми располагаем мы, мы можем продвинуться только по пути гипотезы отсутствия ядра.

Итак, что же может говорить о сохранности, гомеоморфности объекта, если он не имеет ядра? Ло указывает на необходимую для реальности объекта регулярность. Мы выяснили (см. Табл. 1), что регулярность практики выражается в том числе в регулярной же передышке от практики против нерегулярности, а именно одной, но драматической передышки, которая ведет к утрате гомеоморфности — аварии у Ло, неуспешной релокации у нас. Следовательно, когда ядро под вопросом, гомеоморфность может опираться на регулярность. Кстати, в таком случае показанные скевоморфы практик дома в виде релоцированных третьих мест позволяют не прерывать регулярность воспроизводства практики и, следовательно, не прерывать реальность дома, конечно, при совпадении скевоморфов и индивидуальных репертуаров дома. Далее мы покажем, каким образом наши

концепты выражают регулярность передышки в практике дома и как они коррелируют с успехом релокации.

Приведение концептов к условию регулярности и проверка гипотез

Для начала рассмотрим связь успеха релокации с героическим или эволюционным паттерном упорядочивания реальности дома. Мы спросили у наших информантов, как они воспринимают смену дома: как «следующий шаг, смену обстановки, ничего драматичного» или же, напротив, «как что-то переломное, новый этап в жизни». Большинство успешных релокантов, которым по их же убеждению удалось обрести дом на новом месте, выбрали первое. Среди вернувшихся выделились те, кто относил себя к кочевникам, дом для них не имеет большого значения: «я кочевница в душе». Они были ближе по ответам на эту группу вопросов к успешным. А вернувшиеся именно в свой дом, которые это четко обозначают, выделяются отношением к дому как к новому этапу, то есть акцентируют разрыв на жизнь до и после, демонстрируют героический паттерн. Если вернуться к Табл. 1, можно наблюдать следующее. Группа успешных релокантов, для которых смена дома не представляет собой ничего драматичного, накапливают регулярность и таким образом помещают релокацию в Инаковость 1, делают ее одной из регулярных передышек от практики дома, которая, согласно нашему анализу, определяет гомеоморфные преобразования. Однако неуспешные релоканты-кочевники тоже практикуют регулярность и делают эту связь слабой. Усилить регулярность в отключении от основной практики дома как коррелят гомеоморфности и следовательно успешности релокации позволил и вопрос об опыте бездомности и косвенно – о социальных связях.

Вернувшиеся либо не имели «опыта бездомности», либо имели, но оценивают его как минимальное значение по шкале от 1 до 10, где 10 — «самое ужасное, что со мной случалось», а 1 — «ничего страшного или серьезного». У всех опрошенных успешных релокантов опыт бездомности был и оценивают они его по этой шкале в более высоком диапазоне от 4 до 7. Описания такого опыта включают такие выражения, как «это очень измотало», «не хотелось возвращаться с работы», «было очень сложно», «было тяжело». Мы видим, что есть связь успешности релокации и заметности, значительности опыта «передышки» от дома, «опыта бездомности» как мы сформулировали в опросе, и не всякое, а именно сильное по воздействию проживание такого опыта образует вместе с релокацией некий континуум регулярности передышки от практики дома.

Вопрос о социальных связях звучал так: «Социальные связи важны для ощущения дома или можно иметь дом в месте, где ты никого не знаешь?» Предлагалось 5 вариантов ответа:

1. «Социальные связи это очень важно, без них не могу чувствовать себя дома».
2. «Социальные связи это важно, но я легко могу обзавестись новыми на новом месте».
3. «Социальные связи переехали со мной, так что я чувствую себя как дома на новом месте».
4. «Можно обойтись без социальных связей и обрести дом там, где ты никого не знаешь».
5. «Другое».

Часть респондентов выбрали «Другое» и описали сложившуюся за пандемию практику поддерживать связи удаленно. Часть респондентов выбрали 3-й вариант. И те, и другие — успешные релоканты. Вернувшиеся выбрали 1-й вариант или «Другое», указав важность видеться с родными и друзьями как причину возвращения. Мы сказали, что ответ и на этот вопрос косвенно указывает на регулярность практики отключения, каким образом? У успешных релокантов выработалась практика адаптировать связи под переезд, это косвенно говорит о повторяемости опыта.

Следуя логике Табл. 1, мы должны найти следы разрушения объекта дома у неуспешных релокантов, следы Инаковости 2, которая сочетает разовую передышку в практиковании дома с другими изменениями. Напомним, что в случае с поездом это забывчивость машиниста, дополненная встречным поездом. У неуспешных релокантов изменений становится больше по принципу простой зависимости: чем больше репертуаров дома они включают в свое определение дома, тем больше общее число изменений, которые дом претерпевает, тем больше негомеоморфных изменений наступает. Репертуары эти таковы, что их изменение не «полечить» скевоморфизмом: «чувствовать культурный контекст на 100%», «Петербург», «морозный Невский», «ощущение тепла в кругу близких друзей». В результате такие репертуары утрачивают регулярность, передышка в практиковании дома затягивается, и в сочетании с новыми практиками, не относящимися к дому, приводит к Инаковости 2 типа.

О корреляции внутренних и внешних конституирующих практик дома с успехом и неуспехом релокации мы уже упомянули в части общего вопроса о разнице определения дома между данными группами. Действительно, успешные релоканты в определение дома включают, в основном, своих супругов, детей и домашних животных, кроме того, небольшие, транспортируемые вещи, которые ассоциируются с домом, а также практики, которые могут воспроизводиться

внутри нового дома, отмеченные в ответах на вопрос «что можно делать только дома»: «жить в бардаке», «позвать к себе гостей», «орать на домашних в полную силу». Для неуспешных релокантов эта сеть всегда шире: не вещи-символы, а «много любимых предметов», «много ненужных, старых вещей» и, конечно, почти всегда внешние практики дома: «удобная доставка вкусной еды», «родные места».

Обобщая, выводы по полученным данным можно представить как два параллельных сюжета релокации. Успешные релоканты в точке суждения о доме мобилизуют транспортируемые практики дома, такие как отношения между близкими и совместные практики, которые становятся необходимым и достаточным набором для распаковки ощущения дома на новом месте. В успешных пересборках преобладают внутренние паттерны конструирования дома, при этом отсутствующие внешние и некоторые внутренние репертуары дома опираются на скевоморфы в виде символических домашних предметов или аналогов входящих в определение дома третьих мест, создаваемых группой релокантов-предпринимателей. Такие скевоморфные практики, как сходить утром в кооператив «Черный» за кофе, уже не содержат в себе оригинальной практики посещения исторического места в центре Москвы и того сообщества, которое было сформировано на прежнем месте, но осуществляют символическую работу по созданию временных опор для не-наступления Инаковости второго типа, разрушительной для гомеоморфности паузы в реализации практик дома. Успешные релоканты в абсолютном большинстве исполняют эволюционный паттерн смены дома: он в их жизни не первый и не последний. В этом паттерне также реализуется важная для гомеоморфности регулярность. Неуспешные релоканты суждения о доме не меняют и пытаются перевезти все значимые практики, включая внешние паттерны конституирования дома, которые не имеют и не могут иметь скевоморфных аналогов, и неизбежно терпят неудачу. Реализация героического паттерна по отношению к переезду также работает на неуспех.

Заключение

В данной работе мы предприняли попытку вскрытия черного ящика понятия «релокация» силами социальной топологии и рассмотрели релокацию как пересборку дома. Мы ставили задачей выяснить, от чего зависит гомеоморфизм трансформаций дома и по какой причине наступают негомеоморфные изменения. Мы выяснили, что гомеоморфность или негомеоморфность преобразований дома при релокации зависит прежде всего от индивидуального переопределения дома. Потенциально негомеоморфно изменяющиеся при переезде практики вытесняются из хинтерланда дома при успешной релокации. Геме-

оморфные включаются. Неуспешная релокация представляет собой включение в хинтерланд дома негомеоморфно меняющихся практик. Мы заключили, что такая свобода в определении дома возможна в двух случаях: 1) в случае отсутствия ядра отношений у объекта «дом» и 2) в случае, если ядро — это суждение о доме. Мы подробнее рассмотрели первый случай, поскольку во втором мы упираемся в невозможность в рамках данного исследования и данной методологии сделать выводы о причинах того или иного суждения, простирающиеся за пределы отмеченного нами отсутствия альтернативы. Причины, которое формируют то или иное определение дома, потенциально способствующее гомеоморфным или негомеоморфным преобразованиям объекта в релокации и как итогу успеху или возвращению, могут стать предметом будущей исследовательской работы.

Разрабатывая теоретическую ситуацию отсутствия ядра отношений у объекта «дом», мы синтезировали из работ Ло не менее важное условие гомеоморфности — регулярность передышки в практиковании объекта. Мы выяснили, что опыт бездомности, а точнее, отсутствия ощущения дома, который запомнился как трудный, накапливает регулярность передышки в практиковании дома, наряду с эволюционным подходом к своей истории. В этом ключе введенный и операционализированный нами концепт скевоморфных преобразований практик дома показывает, что скевоморфы способствуют успеху релокации потому, что не позволяют передышке стать слишком долгой и повлечь нерегулярность, серьезную паузу в практике и, как следствие, утрату гомеоморфности дома.

Литература

1. *Вахштайн, В**. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4. № 1. С. 94–115.
2. *Вахштайн, В**. Воображая город: Введение в теорию концептуализации. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
3. *Вахштайн, В**. Джон Ло: социология между семиотикой и топологией // Социологическое обозрение. 2006. № 1. С. 24–29.
4. *Вахштайн, В**. Пересборка города: между языком и пространством // Социология власти. 2014. № 2. С. 9–38.
5. *Вахштайн, В. С**. «Сообщество судьбы»: к военной истории идей // Социология власти. 2019. № 31 (4). С. 12–52.
6. *Вахштайн, В**. Социология вещей и «поворот к материальному» в социальной теории // Социология вещей. М., 2006. С. 7–42.
7. *Волков, В. Хархордин, О.* Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

8. *Де Лаэт, М., Мол, А.* Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // Логос. № 1. 2017. С. 117–232.
9. *Дуденкова, И.* Ковидная герменевтика: от суждения к нарративу и обратно // Прощай, COVID? / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Издательство Института Гайдара, 2020.
10. *Евстратов, А.* Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ в Украине // Архонт. 2022. № 3 (30). С. 85–90.
11. *Зиммель, Г.* Избранное. Том 2. Созерцание жизни. М.: Юрист. 1996.
12. *Латур, Б.* Где недостаточная масса? Социология одной двери // Социология вещей. Сборник статей. М., 2006. С. 199–222.
13. *Латур, Б.* Дайте мне лабораторию, и я переверну мир // Логос. 2002. Т. 35, № 5–6. С. 211–242.
14. *Латур, Б.* Надежды конструктивизма // Социология вещей. Сборник статей. М., 2006. С. 365–389.
15. *Латур, Б.* Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2021.
16. *Латур, Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
17. *Латур, Б.* Политика объяснения // Социология власти. 2012. № 8. С. 113–143.
18. *Латур, Б.* Политика природы // Неприкосновенный запас. 2006. № 2 (46). С. 11–29.
19. *Ло, Дж.* Объекты и пространства // Социология вещей. Сборник статей. М. 2006. С. 223–243.
20. *Ло, Дж.* После метода: беспорядок и социальная наука. / пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой. Науч. ред. перевода С. Гавриленко. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015.
21. *Мол, А.* Множественное тело: Онтология в медицинской практике. /А. Мол; пер. с
22. англ, группы Cube of Pink (МГУ); под науч. ред. А. Писарева, С, Гавриленко. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
23. *Таишева, В.* Цифровые номады и миграционные процессы в российской IT-сфере: политологический анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 3. С. 460–479.
24. *Хархордин, О.* Куда идет теория практик: поворот к материальности // Социологические исследовании. № 11. 2012. С. 20–34.
25. *Хархордин, О.* Предисловие редактора // Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии. СПб.: Издательство Европейского университета, 2021. С. 5–68.
26. *Шюц, А.* Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
27. *Cloatre, E.* Law and ANT (and its Kin): Possibilities, Challenges, and Ways Forward // Journal of Law and Society. 2018. Vol. 45. No. 4, P. 646–663.
28. *De Laet, M., Mol, A.* The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology // Social Studies of Science. 2000. Vol. 30. No 2. P. 225–263.
29. *Evans, C., Humphrey, C.* After-Lives of the Mongolian Yurt: The 'Archaeology' of a Chinese Tourist Camp. // Journal of Material Culture. 2002. No. 7. P. 189–210.
30. *Latour, B.* The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'Etat. Polity, 2010.
31. *Law, J., Mol, A.* Veterinary realities: what is foot and mouth disease? // Sociologia Ruralis. 2011. No. 51(1). P. 1–16.
32. *Law, J.* Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience. Durham, North Carolina, 2002.
33. *Law, J.* Heterogeneities // Centre for Science Studies Lancaster University. 6.12.2003. [Online] <http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/research/publications/papers/law-heterogeneities.pdf> [Date of access] 01.03.2023.

34. *Law, J.* Networks, Relations, Cyborgs: on the Social Study of Technology // Centre for Science Studies Lancaster University. 6.12.2003. [Online] <http://www.lancaster.ac.uk/fass/resources/sociology-online-papers/papers/law-networksrelations-cyborgs.pdf> [Date of access] 01.03.2023.
35. *Law, J.* Objects, spaces, others // Centre for Science Studies Lancaster University. 6.12.2003. [Online] <http://www.lancaster.ac.uk/fass/resources/sociology-online-papers/papers/law-objects-spaces-others.pdf> [Date of access] 01.03.2023.
36. *Law, J.* Organizing modernity. Oxford, UK Cambridge, Massachusetts, USA, 1994.
37. *Law, J.* Traduction/Trahison: Notes on ANT // Centre for Science Studies Lancaster University. 30.11.2003. [Online] <http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/research/publications/papers/law-heterogeneities.pdf> [Date of access] 01.03.2023.
38. *Law, J., Hassard, J.* (Eds.) Actor Network Theory and After. Oxford: Sociological Review, 1999.
39. *Law, J., Mol, A.* (Eds.) Complexities: Social Studies of Knowledge Practices. Durham, North Carolina, 2002.
40. *Law, J., Mol, A.* Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology. / Social Studies of Science 1994. No. 24(4). P. 641–672.
41. *Law, J., Urry, J.* Enacting the social // Economy and Society. 2004. No. 33(3). P. 390–410.
42. *Singleton, V. Law, J.* Devices As Rituals // Journal of Cultural Economy. 2013. No. 6(3). P. 259–277.
43. *Somerville, P.* The Social Construction of Home //Journal of Architectural and Planning Research, 1997. No. 14(3). P. 226–245.
44. *Somerville, P.* Homelessness and meaning of home: Rooflessness or Rootlessness? International Journal of Urban and Regional Research. 2009. No. 16(4). P. 529–539.

Tatiana Kolotilova

Social topology of relocation: homeomorphic and non-homeomorphic transformations of ‘home’

Tatiana Kolotilova — MA in Sociology, Moscow Higher School of Social and Economic Sciences (Shaninka) **Address:** Moscow, Gazetny Lane, 3–5, bld. 1. **E-mail:** colotilowa@gmail.com.

Abstract: In this paper, the author attempts to unpack the black box of the concept of relocation through the lens of social topology, viewing relocation as a reassembly of ‘home’. The central research question revolves around investigating the factors that determine the homeomorphism of transformations of the object ‘home’ and analyzing the underlying causes of non-homeomorphic changes. The author develops an explanatory model drawing on the theoretical and empirical studies of J. Law and A. Mol, introducing an additional concept of skeuomorphic changes to the pair of homeomorphic/non-homeomorphic. The author identifies a weakness in the concept of core of relations as a condition for object integrity and synthesizes an additional concept of regularity of intervals in practice as an equally important condition for homeomorphism. Based on this, the factors constituting the concept of ‘home’ are considered as examples of such intervals.

Key words: social topology, post-ANT, Law, Mol, relocation, home, homeomorphism, skeuomorphism

References

1. *Cloatre E.* (2018). Law and ANT (and its Kin): Possibilities, Challenges, and Ways Forward // Journal of Law and Society, vol. 45, N 4. P. 646–663.
2. *De Laet, M., Mol, A.* (2017). Zimbabviyskiy vtyulochnyy nasos: mekhanika tekuchoi tekhnologii // Logos. No. 1. P. 117–232. (In Russ.)
3. *De Laet M., Mol A.* (2000). The Zimbabwe Bush Pump: Mechanics of a Fluid Technology // Social Studies of Science. Vol. 30. No 2. P. 225–263.
4. *Dudenkova, I.* (2020). Covidnaya germenevtika: ot suzhdeniya k narrativu i obratno // Proshchay, COVID? / Pod red. K. Ghaaze, V. Danilova, I. Dudenkovoy, D. Kraletchkina, P. Safronova. M.: Izdatel'stvo Instituta Gaidara. (In Russ.)
5. *Evans C., Humphrey C.* (2002). After-Lives of the Mongolian Yurt: The 'Archaeology' of a Chinese Tourist Camp // Journal of Material Culture. No 7. P. 189–210.
6. *Evstratov, A.* (2022). Relokatsiya rossiyan v Armeniyu v svete spetsoperatsii RF v Ukraine // Arkhont. No. 3 (30). P. 85–90. (In Russ.)
7. *Latour, B.* (2006). Gde nedostatochnaya massa? Sotsiologiya odnoi dveri // Sotsiologiya veshchey. Sbornik statei. M. P. 199–222. (In Russ.)
8. *Latour, B.* (2002). Dayte mne laboratoriyu, i ya perevernu mir // Logos. T. 35, No. 5–6. P. 211–242. (In Russ.)
9. *Latour, B.* (2006). Nadezhdy konstruktivizma // Latour, B. Sotsiologiya veshchey. Sbornik statei. M. P. 365–389. (In Russ.)
10. *Latour, B.* (2021). Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoi antropologii. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. (In Russ.)
11. *Latour, B.* (2014). Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. M.: Izdat. dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russ.)
12. *Latour, B.* (2012). Politika ob'yasneniya // Sotsiologiya vlasti. No. 8. P. 113–143. (In Russ.)
13. *Latour, B.* (2006). Politika prirody // Neprikosnovennyi zapas. No. 2 (46). P. 11–29. (In Russ.)
14. *Latour B.* (2010). The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'Etat. Polity.
15. *Law J.* (2002). Aircraft Stories: Decentering the Object in Technoscience. Durham, North Carolina.
16. *Law J.* (2003). Heterogeneities // Centre for Science Studies Lancaster University. 6.12. [Online] <http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/research/publications/papers/law-heterogeneities.pdf > [Date of access] 01.03.2023.
17. *Law J.* (2003). Networks, Relations, Cyborgs: on the Social Study of Technology // Centre for Science Studies Lancaster University. 6.12. [Online] <http://www.lancaster.ac.uk/fass/resources/sociology-online-papers/papers/law-networksrelations-cyborgs.pdf> [Date of access] 01.03.2023.
18. *Law J.* (2003). Objects, spaces, others // Centre for Science Studies Lancaster University. 6.12. [Online] <http://www.lancaster.ac.uk/fass/resources/sociology-online-papers/papers/law-objects- spaces-others.pdf> [Date of access] 01.03.2023.
19. *Law, J.* (2006). Ob'yekty i prostranstva // Sotsiologiya veshchey. Sbornik statei. M. P. 223–243. (In Russ.)
20. *Law J.* (1994). Organizing modernity. Oxford, UK Cambridge, Massachusetts, USA.
21. *Law, J.* (2015). Posle metoda: besporiadok i sotsial'naya nauka. / Per. s angl. S. Gavrilenko, A. Pisareva i P. Khanovoi. Nauchnyy red. perevoda S. Gavrilenko. M.: Izdat-vo Instituta Gaidara. (In Russ.)
22. *Law J.* (2003). Traduction/Trahison: Notes on ANT // Centre for Science Studies Lancaster University. 30.11. [Online] <http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/research/publications/papers/law-heterogeneities.pdf> [Date of access] 01.03.2023.
23. *Law J., Hassard J.* (Eds.). (1999). Actor Network Theory and After. Oxford, Sociological Review.

24. *Law J., Mol A.* (Eds.). (2002). Complexities: Social Studies of Knowledge Practices Durham, North Carolina.
25. *Law J., Mol A.* (1994). Regions, Networks and Fluids: Anaemia and Social Topology. / Social Studies of Science. No. 24(4). P. 641–672.
26. *Law J., Mol A.* (2011). Veterinary realities: what is foot and mouth disease? // Sociologia Ruralis. No. 51(1). P. 1–16.
27. *Law J., Urry J.* (2004). Enacting the social //Economy and Society. No. 33(3). P. 390–410.
28. *Singleton V. Law J.* (2013). Devices As Rituals // Journal of Cultural Economy. No. 6(3). P. 259–277.
29. *Mol, A.* (2017). Mnozhestvennoe telo: Ontologiya v meditsinskoi praktike. / Per. s angl. gruppy Cube of Pink (MGU); pod nauchn. red. A. Pisareva, S. Gavrilenko. Perm': Gile Press. (In Russ.)
30. *Taishteva, V.* (2022). Tsifrovye nomady i migratsionnye protsessy v rossiyskoy IT-sfere: politologicheskiy analiz // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya. T. 24. No. 3. P. 460–479. (In Russ.)
31. *Kharkhordin, O.* (2012). Kuda idyot teoriya praktik: povorot k material'nosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. No. 11. P. 20–34. (In Russ.)
32. *Kharkhordin, O.* (2021). Predislovie redaktora // Novogo vremeni ne bylo: esse po simmetrichnoi antropologii. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. P. 5–68. (In Russ.)
33. *Somerville P.* (1997). The Social Construction of Home //Journal of Architectural and Planning Research. No. 14(3). P. 226–245.
34. *Somerville P.* (2009). Homelessness and meaning of home: Rooflessness or Rootlessness? International Journal of Urban and Regional Research. No. 16(4). P. 529–539.
35. *Schutz, A.* (2004). Izbrannoe: Mir, svetyashchiisya smyslom. M.: "Rossiyaskaya politicheskaya entsiklopediya" (ROSSPEN). (In Russ.)
36. *Vakhshtayn*, V.* (2005). Vozvrashchenie material'nogo: "Prostranstva," "seti," "potoki" v aktorno-setevoi teorii // Sotsiologicheskoe obozrenie. T. 4, No. 1. P. 94–115. (In Russ.)
37. *Vakhshtayn*, V.* (2022). Voobrazhaya gorod: Vvedenie v teoriyu kontseptualizatsii. / M.: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)
38. *Vakhshtayn*, V.* (2006). John Law: sotsiologiya mezhdu semiotikoiy i topologiey // Sotsiologicheskoe obozrenie. No. 1. P. 24–29. (In Russ.)
39. *Vakhshtayn*, V.* (2014). Peresborka goroda: mezhdu yazykom i prostranstvom // Sotsiologiya vlasti. No. 2. P. 9–38. (In Russ.)
40. *Vakhshtayn*, V.* (2019). "Obshchestvo sud'by": k voennoi istorii idei // Sotsiologiya vlasti. No. 31 (4). P. 12–52. (In Russ.)
41. *Vakhshtayn*, V.* (2006). Sotsiologiya veshchey i "povorot k material'nomu" v sotsial'noi teorii // Sotsiologiya veshchey. M. P. 7–42. (In Russ.)
42. *Volkov, V., Kharkhordin, O.* (2008). Teoriya praktik. SPb.: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russ.)
43. *Zimmel, G.* (1996). Izbrannoe. Tom 2. Sozertsanie zhizni. M.: Yurist. (In Russ.)

* Включен в реестр иностранных агентов.

И. В. Дуденкова

Поэтика и политика дома

Ирина Васильевна Дуденкова — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии ИОН РАНХиГС, декан факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный переулок 3, стр. 5. **Электронная почта:** dudenkova-iv@universitas.ru.

Аннотация: В статье описаны философские концептуальные модели на перекрестке поэтики и политической философии, в которых используется метафора дома. Топология трансцендентальной философии оказала решающее значение на то, как устроена и работает эта метафора. В целом можно выделить интроверсивные и экстраверсивые концепции, в которых придается разное значение привязанности или непривязанности к дому. Показан эвристический потенциал концепции дома как локального свёрнутого пространства детства, которую предложил Гастон Башляр.

Ключевые слова: дом, граница, трансцендентальная философия, гостеприимство, интроверсия, экстраверсия

Для цитирования: Дуденкова, И. В. Поэтика и политика дома // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 204–213.

В этом эссе я хотела бы предложить обзор философских концептуальных моделей дома и указать на проблемы, которые сопутствуют таким теоретическим подходам. Наверно, нет большой необходимости пояснять, почему это может быть полезно для многих, оправдывающих свое желание уехать или остаться. Метафора дома очень важна для философии, посредством этой метафоры начиная с Аристотеля и заканчивая Декартом, утверждаются новые пути мышления. Аристотель предлагает мыслить дом как образцовую сущность, сущность сущности, когда изобретает первую каузальную модель, учение о четырех причинах. Легко проследить как модуляция обновления, перестраивания мышления на новых основаниях восходит к этой идее дома как сущности в философии Нового времени. Метафора дома появляется у Бэкона, у Гоббса и у Декарта, когда необходимо разрушить и построить дом знания на новых прочных основаниях. Дом как защищённое освоенное место, начало для пути мышления, и есть предельная метафора конституирующего и конструирующего философского усилия полагания границ, связывания, собирания и пересобирания глазами собственника, владельца, хозяина. Известную контекстуализацию из «Метафизических размышлений» у Декарата можно трактовать именно таким образом: «Например, то, что я здесь сижу перед огнем, одетый в домашнее платье, и держу в руках эту бумагу и тому подобные вещи» [Декарт, 1998, с. 89]. Само понятие «метод» переводится как путь, состояние странника, находящегося вне дома.

Похожим способом, по-свойски, в таком же хозяйственном ключе можно понимать знаменитое определение философии как дома Хайдеггером, которое он берет у Новалиса: «Философия есть, собственно, ностальгия, тяга повсюду быть дома» Такое определение иногда считается космополитичным, предполагается, что оно содержит в себе намек на то, что в других местах, куда приходит метафизик, он может позволить себе не навязывать свой порядок этим локациям, а принимать их такими, какие они есть. «В чём тут дело — философия, ностальгия? Новалис сам поясняет: „тяга повсюду быть дома“. Подобной тягой философия может быть только когда мы, философствующие, повсюду не дома. По чему тоскует тоска этой тяги? Повсюду быть дома — что это значит? Не только здесь и там, и не просто на каждом месте, на всех подряд, но быть дома повсюду значит: всегда и, главное, в целом» [Хайдеггер, 2013, с. 38]. Но сама по себе ностальгия и тяга быть как дома возвращает нас к освоенному и обжитому пространству дома.

Эта ностальгия воспроизводится даже в таких далеких на первый взгляд от фундаментальной онтологии контекстах, как марксистская философия, в связи с проблематикой отчуждения. Не только у Маркса, но и в целом в трансцендентальной программе всё, что связано с этими стратегиями овнешнения, превращения своего в чужое, то, что потом вырисовывается в качестве жеста объективации, может

вводиться как степень обитаемого, это возможность обозреть и установить свой порядок, присвоить и сделать собственным, одомашнить как наш собственный опыт.

Путеводной проблемой в этих размышлениях о доме будет также одно острое богословское противоречие, которое приводит к столкновению между партиями христианских космополитов и патриотов: с одной стороны, мы можем найти множество евангельских контекстов, в которых подчеркивается неотмирность и неукоренность пути спасения, например, знаменитое горькое наблюдение Христа: «лисицы имеют норы и птицы небесные — гнезда, а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» [Мф. 8:20], «враги человеку — домашние его» [Мф. 10:36], с другой стороны, евангельское благовестие содержит образ дома Божьего, к которому нужно приобщиться и жить «в доме Божием, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» [Тим. 3:15].

Философские концептуализации дома находятся на перекрестье поэтики и политики. Поэтика необходима, так как она изучает, как работа нашего воображения, наименее укорененная из человеческих способностей по Канту, потому что, с одной стороны, она стремится преодолеть ограниченность нашего опыта, с другой стороны, привязана к нему, не может превзойти эту укоренённость и привязанность к чувственности. То есть воображение хорошо приспособлено для того, чтобы тематизировать дом с точки зрения оседлости и пути, привязанности и несвязанности. Для этой задачи лучше всего подходит категориальный аппарат Гастона Башляра из его замечательной книги «Поэтика пространства», где он экспериментирует с недиалектическими инструментами мысли, обходящими и замещающими важнейшую для этой традиции мышления категорию конечности и ограниченности опыта. Это и будет наша первая концептуальная *модель интраверсии*, модель Башляра, придуманная для того, чтобы можно было говорить о различении внутреннего и внешнего, открытого и закрытого, недиалектическим образом с использованием логики топоанализа и с опорой на способность воображения. Эта работа 1957 года, в которой разворачивается представление о доме как космосе, обитаемом пространстве ойкумены. Дом определяется как «страна незыблемого детства» в качестве изначального локуса, или, как говорит Башляр, «изначальной раковины», в которой мы пытаемся локализовать наши воспоминания о прошлом [Башляр, 2022, с.142]. Для Башляра важна эта изначальность обитания в доме и счастливое обитаемое и обжитое пространство, из которого мы потом выпадаем. Башляр открыто полемизирует с Хайдеггером по поводу принципиального вопроса изначальности вброшенности. Изначальным для Башляра оказывается такое обитание в счастливом пространстве, «в стране незыблемого детства», в доме, который потом позволяет нам связывать наш опыт посредством воспоминаний.

Для прояснения политики дома необходимо опереться также на одно из самых известных, интуитивно ясных и логически точных определений политики, основанное на различении друга и врага, своего и чужого, которое предложил Шмитт: «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разделения, ассоциации или диссоциации; это различение может существовать теоретически и практически независимо от того, используются ли одновременно все эти моральные, эстетические, экономические или иные различения. Не нужно, чтобы политический враг был морально зол, не нужно, чтобы он был эстетически безобразен, не должен он непременно оказаться хозяйственным конкурентом, а может быть, даже окажется и выгодно вести с ним дела. Он есть именно иной, чужой, и для существа его довольно и того, что он в особенно интенсивном смысле есть нечто иное и чуждое» [Шмитт, 1992, с. 89].

Сочетание этих двух концептуализаций: поэтической, опирающейся на различение укорененности и непривязанности, и политической, ставящей на силовое напряжение между своим и чужим, и дает четыре логически возможные системы координат: укоренный свой и укоренный чужой, непривязанный свой и непривязанный чужой. Можно утверждать, что эта теоретическая разметка улавливает многие известные концепции, использующие метафору дома и проблематику освоенности, связанности домом.

Мне бы хотелось обратить внимание на один проблемный контраст, который часто пропускается в теоретизировании о доме, но он отчетливо просматривается, когда мы видим эту перекрестную сеть различий: укорененный — несвязанный и свой — чужой, заимствованную из поэтики и политики дома. Почему эти различия так неоднородно увязываются между собой по отношению к идее блага или счастья? Для укорененного более подходит быть своим, а для несвязанного чужим, хотя мы вполне можем представить себе противоположные смысловые комбинации. Так вот в этом пробросе, в этих попытках модулировать сочетания этих различий, необходимых для теоретизирования о доме оказывается, что у нас очень немного ресурсов, чтобы мыслить какое-то локальное счастливое пространство. Давно сложился вполне устойчивый и отчетливый интеллектуальный тренд, в котором именно несвязанность, трансгрессия, ускользание или отчуждение, ситуация пути или движение изнутри вовне, скорее будет считаться хорошим или благим по сравнению с возвращением, или, допустим, укоренением, или обращением. И если это обращение извне внутрь, если мы мыслим возвращение в духе Одиссея из Итаки, то нужные условия для такого возвращения будут никогда не реализуемыми, обреченными на неуспех. Большая и длительная работа пути в духе, диалектическое движение возвращения к себе домой оказывается постоянным вечным возвращением, логикой

экспансии, распространением экстраверсивного движения воли к захвату, центробежной интенцией.

Эта неудобная для мышления о доме ситуация: невозможность мыслить уютность мира, «счастливое обжитое пространство» сложилась благодаря радикальному теоретическому выбору, на который решается Кант ради высокой ставки субъективной автономии. В опыте отказа от укорененности в свои желания и естественной привязанности к самому близкому, для него субъект практического разума достигает высоты независимости и автономии. Для того, чтобы быть подлинно этическим существом, необходимо возводить границы своего опыта, отрицать и преодолевать привязанность и зависимость и только ценой избегания обжитости и укорененности, уклонения от мещанского домашнего счастья, можно соответствовать суровым требованиям этики долга. Опыт автономного субъекта — принципиально несчастливый опыт, опыт номада или Одиссея, который ради возвращения к самому себе отвергает и отрицает своё: дом, привязанности и желания. В проекции этого теоретического решения Канта можно объяснить, почему философия после трансцендентального поворота часто выбирает фигуру номада или кочевника и тематизирует дом скорее негативно, через преодоление границы, в логике отвязывания и пути, а не в логике обращения и обживания, укоренения в каком-то локальном счастливом пространстве.

Примером и образцом такой концептуальной модели *экстраверсии*, осуществляющей движение изнутри вовне является делёзианская модель кочевника или номада. Делёз выстраивает такую пространственную схему распределенного желания, которое персонифицировано желающими машинами на поверхности. И концепция номадизма раскрывается в характере самого распределения, которое происходит через сборку желающей машины, кочевника, и дальше сборку таких единичностей в орду. Делёз объясняет движение номады этой машиной войны, попирания границы, противопоставляя эту работу стратегии генерала, осваивающей и наводящей порядок в виде границ стратегии государства [Делёз, Гваттари, 2010, с. 587]. Очень важно и любопытно, что Делёз, как и философы, которые придерживаются интроверсивной модели, постоянно обращаются к фигуре античного героя Одиссея. Странствующий Одиссей не только перемещается в пространстве, но как раз противостоит укорененности, которая образуется в фигуре генерала или царя.

Противоположными основной номадической линии эстраверсивной модели, особенно ярко и широко представленной в критической теории, кроме уже упомянутой теории Башляра, можно считать концепции Арендт и Левинаса. Концепция Арендт будет считаться интроверсивной, потому что в «Vita Activa, или деятельной жизни» она говорит о доме, ойкосе и приватном пространстве как о ядре, которое предшествует и опосредует появление публичной политиче-

ской сцены, сферы социального [Арендт, 2000, с. 48]. Дом и частная жизнь опосредуют появление социального за счет своего растворения. Одна из глав Vita activa питается стремлением доказать, как в Новое время через отчуждение, овнешнение, пространство дома открывается в сторону социального, и из-за такого растворения становится недооформленным, теряется само политическое. Таким образом, экстраверсивным использованием метафоры дома оформляется ее знаменитая разметка ойкос / полис, необходимость / свобода, неравенство / равенство. Аренд доказывает, что пространство социального возможно как производное пространства домашнего.

Еще одна сильная и влиятельная экстравертивная концепция — это теория гостеприимства Левинаса, в которой как в зеркале отражаются два разных способа тематизации гостеприимства в индоевропейской и авраамической традиции. В первой поддерживается двойное значение корня гостеприимства — hostis, обозначающего и гостя, и врага. Первоначальное понимание hostis подразумевало включение кого-то в равноправные, взаимные отношения, требующие доверия, и лишь позднее, когда на смену межличностным и межобщинным связям пришли абстрактные отношения между безличностными государствами, hostis принял значение врага. Понимание гостя как врага отразило появившееся различие между своим и чужим сообществами, гостеприимство теперь было неразрывно связано с возможностью враждебности и стало драмой выбора и решения. Различие между своим и чужим можно увидеть и в развитии современных представлений о суверенной идентичности. В библейской традиции гостеприимство воспринималось как религиозная и этическая обязанность. В первом библейском повествовании о гостеприимстве Бог предстает перед Авраамом в облике трёх незнакомцев, приглашая Авраама и Сарру к этике абсолютного гостеприимства: хозяева приветствуют трёх незнакомцев, появившихся из ниоткуда, и принимают их, не спрашивая, являются ли они друзьями или врагами. Сам Авраам также признан странником по преимуществу, палаточным жителем, и по сей день еврейский праздник Суккот — это время, когда евреи возводят палатки, чтобы напомнить себе, что они произошли от кочевника, который оказал гостеприимство незнакомцам.

Размышления Эммануэля Левинаса инспирированы этим этико-политическим противоречием между «Афинами и Иерусалимом» по поводу гостеприимства, а работа «Тотальность и бесконечность» представляет собой «огромный трактат о гостеприимстве». Хотя само понятие гостеприимство встречается в «Тотальности и бесконечности» сравнительно редко, жест открытости в приглашающем приветствии одно из самых часто встречающихся в тексте [Левинас, 2000, с. 344]. Принятие выражения чужого Другого есть приветствие, которое исходит извне вовнутрь и в котором производится само прозрение Лица. Это лицо, которое не является материальным лицом, кон-

кретным физическим обликом конкретного человека, — но, скорее, выражением бытия, которое переливается через образы и «прорывается сквозь оболочки» и фасады материальной формы, превосходя любые возможные социальные предубеждения. Следуя трансцендентальной феноменологической интуиции данного обжитого опыта, Левинас описывает дом или жилище как место внутреннего мира, из которого субъект отваживается впустить другого (и поэтому реальный дом всегда является безродным, блуждающим способом бытия), он также указывает, что этот внутренний мир открывается в доме, который находится в этом внешнем мире, — поскольку дом, как здание, принадлежит миру объектов. Циркулируя между видимостью и невидимостью, человек всегда стремится во внутреннее пространство, преддверием которого является его дом, его угол, его палатка, его пещера. Дом, таким образом, является как архитектурным местом, заполненным материальной обстановкой, которое по самой своей природе гостеприимно для владельца, так и местом внутреннего мира, в котором субъект отстраняется от стихий и может собрать себя. Это самособирание возможно благодаря тому, что субъект обладает домом, в котором он может быть принят к себе, а приветствие составляет условие, при котором определенная привязанность к себе «производится как мягкость, которая распространяется по лицу вещей» и делает возможным приём чужого Другого. По мнению Деррида, идеи Левинаса относительно приветствия загадочного лица незнакомца-Другого являются типом гостеприимства, которое является «не просто некоторой областью этики» или «названием проблемы в праве или политике: это сама этика, целое и принцип этики» [Деррида, 2000]. «Бесконечное и безусловное гостеприимство» Левинаса поднимает сложный вопрос: можно ли основать закон и политику за пределами семейного жилища, внутри общества, нации, государства или национального государства? Может ли такая этика проецироваться на конкретную политическую или юридическую практику?

Таким образом можно говорить об условно «кочевых» и «осёдлых», экстрарверсивных и интроверсивных концептуализациях дома, в первом случае мы имеем такое движение изнутри вовне, во втором случае наоборот, извне внутрь. И самым интересным остается вопрос, как каждый из этих философов определяет или пытается переопределить эту границу между своим чужим, между укорененным и оторванным. Чаще всего эта граница мыслится как дверь, которую мы открываем, дверь, которая является ни тотальным отрицанием, ни тотальной границей, дверь, которая дает возможность коммуникации между своим и чужим. «Поскольку дверь создает связь между пространством человека и внешним миром, она преодолевает разделение на внутри и снаружи. Именно потому, что она может быть вновь открыта, закрытая дверь производит еще более сильное впечатление отделения от внешнего мира, чем простая недифференцированная

стена. Стена нема. Но дверь — говорит» [Зиммель, 2013, с. 147]. Или же граница мыслится скорее как пульсирующая мембрана, как например, у Делёза, пульсирующее желание, мембрана жизни. Две важнейшие метафоры границы, дверь и мембрана, хороши тем, что границы мыслятся здесь не тотально, не диалектически, а как сложноорганизованное коммуникативное опосредование, в котором конечность и ограниченность растрачивает свой диалектический контраст, теряет свою диалектическую тотальность, и в каком-то смысле понижает градус напряжения между своим и чужим.

Но в связи с такой тематизацией границ остаётся одна очень интересная проблема, о которой упоминает Башляр: если граница является коммуникативной, избирательной, то за счёт чего она остается работающей, каким образом граница продолжает держать свою форму? Если раковина — это лучшая метафора дома, по крайней мере лучше всего подходящая для трансцендентального опыта, когда ты предельно одинок в своем доме и оказываешься там единственным хозяином, этот самый ойкос схлопывается до твоего собственного опыта, встает вопрос: за счет чего раковина может расти? Как раковина может расти вместе с моим опытом, как, собственно, устроена вот эта подвижность границы в случае трансцендентального опыта? То есть, если мы остаемся такими улитками, которые носят свои дома, вопрос, каким образом, собственно, эта раковина может расти, каким образом эта граница приобретает подвижность? Если же мы мыслим не границу, а дверь или мембрану, то тогда не очень понятным оказывается способ устойчивости и избирательности такой коммуникативной границы, если она производится не из себя.

Частично эти вопросы закрываются обращением к этике: несчастье производится универсальным образом в парадигме долга через отречение от уютной привязанности в кантианской логике, и через переживание счастья, посредством обращения к первичному опыту счастья, свёрнутому пространству счастливого дома детства, обретается совместность и индивидуальность опыта. Это зародышевое детское пространства счастья дает возможность дать ответ на философский запрос на определение дома. Детство, которое есть у всех, на самом деле не время, не человеческий возраст, а как тонко замечает Башляр, изначальное пространство дома, в котором производится наша совместность. Возможно, это слабый ответ, потому что его сложно операционализировать. Или, наоборот, слишком сильный, потому что такое определение очень привязано к факту и месту рождения, дом не воспроизводится в любой желаемой точке. В такой логике, счастливый релокант невозможен, то есть ему нужно заново родиться в Аргентине.

Литература

1. *Арендт, Х.* Vita active или о деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
2. *Башляр, Г.* Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.
3. *Декарт, Р.* Рассуждения о методе. Метафизические размышления. Луцк: Вежа, 1998.
4. *Делёз, Ж.* Гваттари, Ф. Капитализм и шизофрения. Тысяча плато. М.: Астрель, 2010.
5. *Деррида, Ж.* Насилие и метафизика // Левинас, Э. Избранное: Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Культурная инициатива; Университетская книга. 2000.
6. *Зиммель, Г.* Мост и дверь // Социология власти. 2013. № 3. С. 145–150
7. *Левинас, Э.* Избранное: Тотальность и бесконечное. М.; СПб.: Культурная инициатива; Университетская книга. 2000.
8. *Хайдеггер, М.* Основные понятия метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2013.
9. *Шмитт, К.* Понятие участия // Вопросы социологии. 1992. № 1.

Irina Dudenkova

Poetics and politics of home

Irina Dudenkova, candidate of philosophical sciences, dean Moscow School of Social and Economic Sciences, **Address:** Gazetny Lane, 3–5. **E-mail:** dudenkova-iv@universitas.ru.

Abstract: The article describes philosophical conceptual models at the crossroads of poetics and political philosophy that use the metaphor of home. The topology of transcendental philosophy has been crucial to how this metaphor triples and works. In general, introversive and extraversive concepts can be distinguished, in which different meanings of attachment or detachment to the house are attached. The heuristic potential of the concept of home as a local folded space of childhood, which was proposed by Gaston Bashlyar, is shown.

Keywords: home, border, transcendental philosophy, hospitality, introversion, extraversion

References

1. *Arendt, H.* (2000). Vita active ili o deyatel`noj zhizni. SPb.: Aletejya. (In Russ.)
2. *Bashlyar, G.* (2022). Poe`tika prostranstva. M.: Ad Marginem Press. (In Russ.)
3. *Dekart, R.* (1998). Rassuzhdeniya o metode. Metafizicheskie razmy`shleniya. Luczk: Vezha. (In Russ.)
4. *Delez, G. Gvattari, F.* (2010). Kapitalizm i shizofreniya. Ty`syacha plato. M.: Astrel`. (In Russ.)

5. *Derrida, J.* (2000). Nasilie i metafizika // Levinas E`. Izbrannoe: Total`nost` i beskonechnoe. M.; SPb.: Kul`turnaya iniciativa; Universitetskaya kniga. (In Russ.)
6. *Zimmel`, G.* (2013). Most i dver` // Sociologiya vlasti. No. 3. P. 145–150. (In Russ.)
7. *Levinas, E`.* (2000). Izbrannoe: Total`nost` i beskonechnoe. M.; SPb.: Kul`turnaya iniciativa; Universitetskaya kniga. (In Russ.)
8. *Xajdegger, M.* (2013). Osnovny`e ponyatiya metafiziki. SPb.: Vladimir Dal`. (In Russ.)
9. *Shmitt, K.* (1992). Ponyatie uchastiya // Voprosy` sociologii. No. 1. (In Russ.)

Практический опыт

Д. А. Байбакова, К. А. Гаринова

Что известно о бездомности в России

Дарья Александровна Байбакова — директор московского филиала МБОО «Ночлежка». **Адрес:** Москва, Бумажный проезд 2/2 стр 6. **Электронная почта:** daria.baybakova@homeless.ru.

Карина Алексеевна Гаринова — руководитель проекта по распространению опыта МБОО «Ночлежка». **Адрес:** Санкт-Петербург, Боровая ул., 112 Б. **Электронная почта:** garinova@homeless.ru.

Аннотация: Текст представляет собой анализ проблематики бездомности, акцентируя внимание на сложности сбора и анализа данных в этой области. Авторы, практики в сфере помощи бездомным, делят факторы, влияющие на недостаток данных, на две категории: методологические и связанные с уникальными характеристиками бездомности. В частности, рассматриваются такие аспекты, как влияние опыта пребывания в детских домах и местах лишения свободы на риск бездомности, а также необходимость оценки уровня жизни бездомных самими ими. Текст подчеркивает, что в России существует недостаток точной статистики по бездомности из-за методологических сложностей и уникальных характеристик проблемы и приводит анализ статистики, которой мы располагаем. Авторы опираются на свой практический опыт и данные, собранные в ходе работы, отражая реальную практику помощи бездомным изнутри. В тексте также приведен список вопросов, нуждающихся в исследовании в первую очередь, что поможет повысить эффективность работы и снизить масштаб бездомности в России.

Ключевые слова: «Ночлежка», бездомность, данные о бездомности, исследования бездомности

Для цитирования: *Байбакова, Д. А., Гаринова, К. А.* Что известно о бездомности в России // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 215–257.

I. Данные и эффективность работы

Почему данные важны и как они влияют на работу по снижению масштабов бездомности

Работая как некоммерческая организация помощи бездомным людям, мы часто слышим справедливый вопрос: **зачем нужно собирать и анализировать данные о бездомности**, если можно просто помогать людям?

Не изучая статистику и не собирая никакие данные, действительно можно помочь многим. Но невозможно решить проблему. Взгляд на бездомность как на социальную проблему, масштаб которой мы хотим снизить, требует исследований, сбора статистики, изучения причин, количественного описания проблемы, оценки эффективности программ и анализа трендов.

Цель этого текста — попытаться посмотреть на бездомность не как на истории конкретных людей, а как на общую социальную проблему — и начать разговор о том, какими данными об этой проблеме в России мы на текущий момент располагаем, о каких данных мы знаем скорее на уровне гипотез, а какие области важны для снижения масштаба, но изучены совсем плохо. Мы надеемся, что эта работа поможет развитию исследований бездомности в России, станет поводом для научных дискуссий и продвинет нас как общество в изучении проблемы и создании программ, способных помочь миллионам людей выбраться из бездомности.

Прежде всего данные нужны нам, чтобы описать проблему, с которой мы имеем дело.

Несмотря на то, что понятие бездомности на уровне законодательства не определено в России, а часто используемая аббревиатура БОМЖ — юридически несостоятельна и не отражает содержание проблемы, с нашей точки зрения, наиболее полно бездомность может быть определена как «отсутствие безопасного, постоянного и доступного жилья в месте фактического нахождения человека».

Бездомность сочетает в себе видимые и скрытые формы, многообразие категорий людей с разными потребностями. Отсутствие данных о количестве бездомных людей делает проблему невидимой и неприоритетной в глазах государства и общества, а пробелы в изучении скрытой части бездомности сводит восприятие причин к бедам и личным качествам отдельных людей, мешая видеть взаимосвязь причин с социальными и экономическими процессами в стране, выталкивающими людей на улицу.

Количественная оценка общего масштаба (и отдельно каждой категории) необходима среди прочего для расчета количества мест в

государственных и некоммерческих приютах, оценки государственных затрат и выводов об эффективности государственной политики.

Данные помогают выделить приоритетные задачи. Два миллиона сто тридцать тысяч бездомных людей в России нуждаются в помощи [VALIDATA: оценка числа..., 2022], но их можно отнести к разным категориям. Среди миллионов есть те, кто находится в наиболее тяжелом и уязвимом положении, — те, кому помощь нужна особенно остро. Чтобы нацелить ресурс эффективной помощи на эти категории, нам важно понимать, сколько таких людей. От этого будет зависеть, сколько ресурса (и какого именно) нам потребуется. Возможность собирать разную статистику — это возможность сфокусировать наши усилия.

Мы не можем оценивать прогресс, если не знаем, где начинали. Если мы не знаем цифр, мы не можем оценивать, насколько хорошо мы работаем, идём ли мы в нужном направлении в борьбе с бездомностью. Данные нужны для оценки эффективности не только общей системы помощи, но и отдельных программ. Программы с измеримым результатом и доказанной эффективностью, запущенные в одном регионе, могут быть масштабированы на всю страну, обеспечивая общий прогресс и экономя усилия на поиск лучших методов работы.

Данные помогают постоянно совершенствовать систему помощи. Регулярный доступ к актуальным, разнообразным и качественным данным помогает изучать и постоянно углублять изучение проблемы бездомности и потребностей каждого человека, нуждающегося в помощи. От того, насколько хорошо мы понимаем причины бездомности, релевантные детали жизненного опыта каждого человека, обстоятельства, сопровождающие бездомность, факторы, которые могут стать опорой для человека в этот трудный жизненный период, зависит эффективность программ помощи, разнообразие сервисов и их развитие.

Почему данные сложно собирать?

За последние годы мы довольно сильно продвинулись в сборе и анализе данных на тему бездомности, но тем не менее по-прежнему находимся в ситуации, когда данных недостаточно, а надежность имеющихся данных вызывает сомнения.

В этом тексте мы хотим привести ключевые, на наш взгляд, причины сложности сбора данных о бездомности, условно разделив их на две большие категории: факторы, связанные с методологией, ресурсами, пониманием важности проблемы; факторы, связанные с уникальными характеристиками бездомности. Ниже мы постараемся очертить основные из них.

1. *Факторы, связанные с методологией, ресурсами, пониманием важности проблемы*

А. *Отсутствие единого определения бездомности и типологии бездомности*

Краеугольным камнем проблемы получения достоверных данных о бездомности можно назвать отсутствие единого определения бездомности. Если мы не можем очертить проблему, дальнейшее ее исследование представляется если не невозможным, то крайне затруднительным.

Сегодня в России не существует единого и консенсусного понимания, кого считать бездомным человеком. А значит, становится крайне сложным не только сопоставлять данные, но и собирать их.

Единое понятие «бездомный» и «бездомность» не закреплено ни в одном законе [Талынёв, Хвоин, 2021, с. 184]. Определение бездомности может варьироваться в зависимости от региона, организации и даже конкретных людей в системах социальной помощи.

Пришедшая из сленга правоохранительных органов 1990-х аббревиатура «без определенного места жительства» вошла в обиход, а следом и в разные нормативные акты [Талынёв, Хвоин, 2021, с. 184]. Историю возникновения и эволюции смыслов этого слова подробно изучает исследователь А. Буланников [Буланников, 2019, с. 18–36]. Помимо того, что эта аббревиатура крайне негативно маркирована и усиливает стигматизацию бездомных людей, по-прежнему отсутствует внятное определение этого понятия и основание для ее употребления в официальных документах.

Тем не менее она по-прежнему используется чиновниками, представителями государственных учреждений, обществом и даже представителями помогающих организаций и исследователями. Достоверно определить, какое значение в каждом случае скрывается за этой аббревиатурой, не представляется возможным, однако в дискурсе она долгое время подменяла собой необходимость изучения бездомности и создания типологий, отражающих реальный масштаб проблемы и неоднородность людей и ситуаций, приводящих человека на улицу.

Отсутствие единого полноценного и всеобъемлющего определения создает почву для разночтений в вопросах, кого называть бездомными людьми, а значит, создает трудности для изучения проблемы.

Социальные учреждения и органы государственной власти при определении бездомности чаще всего апеллируют к формальному признаку наличия или отсутствия регистрации, то есть ограничивают понятие бездомности только юридической сферой. Так, под такое определение не попадет человек, живущий на улице, но имеющий регистрацию, или человек с штампом регистрации, который рискует вскоре оказаться на улице.

Такая особенность подхода к определению бездомности влияет и на формальные ограничения доступности помощи конкретным людям, и на видимость проблемы и реального количества людей, находящихся в разных формах бездомности.

Общество и часть благотворительных и волонтерских организаций в своей оценке часто исходят из признаков фактического отсутствия крыши над головой и необходимости ночевать на улице. Это признаки, которыми можно описать «уличную бездомность», но они не покрывают более широкие группы бездомных людей.

Еще одной важной проблемой, связанной с отсутствием единого консенсусного определения бездомности в широком смысле, является то, что разные учреждения, организации, волонтерские движения и специалисты, которые помогают разным категориям бездомных людей, зачастую просто не учитывают некоторые категории клиентов как относящиеся к проблеме бездомности. Например, нередки ситуации, когда организация может помогать людям, освободившимся из мест лишения свободы и не имеющим дома; женщинам, спасающимся от домашнего насилия и не имеющим дома; выпускникам детских домов, которым негде жить — и тем не менее считать, что они помогают не бездомным людям.

Понятие «бездомность», несомненно, гораздо шире и масштабнее, чем определение только по формальным признакам, только по физическим признакам или по внешнему поведению. К тому же, большую долю бездомных людей составляют те, кто ещё недавно был в группе риска по бездомности и вовремя не получил доступную помощь.

Некоторые эксперты и организации разделяют бездомность на фактическую и группы риска. Эта же логика используется в терминах «видимая» и «скрытая» (латентная) бездомность. Однако несмотря на уже более широкий подход такой типологизации, предполагающий, что не только фактическая жизнь на улице является маркером бездомности, а есть множество факторов, которые делают человека уязвимым к попаданию на улицу, такое разделение без должной детализации всё ещё не позволяет систематизировать разные категории бездомных людей для полноценного сбора данных.

Все эти причины создают серьезные сложности для учета, сбора и категоризации полноценных данных, а значит, и для последующего потенциального анализа.

B. Политическая чувствительность

Проблема бездомности, безусловно, является политически чувствительной темой, что может сдерживать сбор и публикацию данных.

Опасения, что реальная картина социальной проблемы окажется шокирующей, может влиять на заинтересованность в получении достоверных и аккуратных данных. Неизученность и невидимость, в свою очередь, влияет на отсутствие понимания обществом и государством реального масштаба проблемы, её причин и последствий.

Таким образом, образуется замкнутый круг, в котором проблема не изучается из-за непонимания её острой актуальности, а искажение ведёт к тому, что усилия и ресурсы по-прежнему не направляются на сбор корректных данных. Такая ситуация не позволяет бездомности стать в глазах общества и государства видимой и приоритетной проблемой, требующей немедленных эффективных шагов для её решения.

Отсутствие достоверных количественных данных приводит к критической недооценке числа бездомных, а отсутствие корректных качественных данных приводит к усилению стигматизации бездомных людей и увеличению стереотипов и мифов вокруг бездомности, самым серьезным из которых является восприятие причин бездомности в большей степени как личных проблем и качеств отдельных людей, а не социально-экономических процессов, происходящих в стране.

Вероятно, этот фактор может являться и причиной для тех ключевых показателей, которые обычно ставятся для организаций помощи и являются самыми распространенными. Эффективность работы в современном помогающем сообществе чаще всего измеряется количеством оказанных услуг, а не количеством клиентов, которым удалось помочь выбраться с улицы.

С. *Фрагментарность сбора, несогласованность и низкая степень автоматизации данных*

Отсутствие единой системы сбора данных приводит к несопоставимости информации и затрудняет комплексный анализ проблемы.

Одним из методов сбора данных для анализа ситуации с бездомностью является использование реестров или баз, которые применяются для работы государственных учреждений или НКО. С точки зрения соотношения ресурсов и затрат к результату анализ реестров мог бы стать самым доступным для нас сегодня методом расширения знаний о проблеме бездомности.

Однако основная сложность сбора и последующего анализа информации таким методом связана с тем, что в стране не существует единой скоординированной системы учета и управления обслуживания клиентов, попадающих в систему помощи, которая была бы уни-

фицирована для различных участников[1], а следовательно доступна для сравнения.

Несмотря на то, что практически в каждом регионе России существуют собственные государственные информационные системы, сбор и анализ данных из них представляется затруднительным. Данные, если и собираются, чаще всего сконцентрированы на количестве и типах услуг, а не на информации о клиентах. Зачастую становится невозможным не только собрать информацию о специфике ситуаций конкретных людей, но и оценить количество уникальных клиентов организации и эффективности предпринятых мер.

Это связано с несколькими факторами:

1) основной задачей таких баз данных в первую очередь является учет оказанных услуг, а не информация об уникальных клиентах и специфики их ситуации;
2) даже государственные информационные системы отличаются друг от друга в разных регионах, что делает крайне сложным сопоставление данных;
3) анализ данных не является основополагающей обязательной задачей для большого количества участников системы помощи и для государства, и зачастую сбор данных в целом отходит на второй план как необязательная часть работы, отнимающая время;
4) не существует связной системы сбора данных, доступной в том числе для НКО, что также ведет к невозможности собрать единый реестр, чтобы комплексно проанализировать данные по проблеме;
5) любые собранные государственными учреждениями данные являются закрытыми и недоступными для исследователей и общества в целом.

Сбор данных некоммерческими организациями часто ограничен их ресурсами и не является системным. На сегодняшний день мы можем видеть крайне низкое вовлечение некоммерческих организаций в сбор и анализ данных о собственной работе и клиентах. Причинами этого могут быть низкая профессионализация сектора, недостаток кадровых ресурсов на важную, но трудоемкую работу, а также в целом отсутствие понимания необходимости сбора данных, который может считаться чем-то циничным и не отвечающим целям прямой милосердной помощи.

[1] Так, в США и Канаде по всей стране для координации управления деятельностью и улучшения обслуживания клиентов используется приложение баз данных Homeless Management Information System. HMIS позволяет собирать данные в масштабе всей системы и обмениваться ими по всей системе, а также гарантирует измерение прогресса: [Online] <https://chsp.org/hmis/> [Дата обращения] 15.11.2024.

D. *Дороговизна, методологические трудности и нехватка квалифицированных исследователей*

Сбор глубоких и корректных данных о бездомности требует специализированных методов и подходов, которые могут быть сложны в реализации на большой территории страны и дороги в организации.

Дороговизна и необходимость большого ресурса для проведения корректных количественных и качественных исследований приводит к тому, что такие исследования имеют низкую приоритизацию и проводятся крайне редко и с большими ограничениями.

Кроме того, в России не хватает квалифицированных исследователей, специализирующихся на проблеме бездомности, что ограничивает возможности работы с данными, профессионального построения гипотез. Этот фактор может быть следствием в целом низкой осведомленности о проблеме бездомности в обществе, а также в научном сообществе, что относит нас к вышеперечисленным факторам.

E. *Искажение данных*

Бездомность, безусловно, является одновременно крайне малоизученной и окруженной огромным количеством стереотипов проблемой.

Неумышленное или умышленное выборочное представление фактов, подтверждающих стереотипы, может не только затруднять изучение бездомности, но и транслировать стереотипы с новой силой, придаваемой статусом научного исследования.

Несмотря на то, что научно обоснованными исследования делают непредвзятость, поиск противоречий, критика и возможность реплицировать результат, риск использовать и транслировать неполные данные остается высоким.

F. *Отсутствие понятных профессиональных площадок для исследователей*

Одной из легко решаемых при необходимом запросе проблем сегодня является отсутствие единых и известных площадок для презентации, обсуждения и сбора результатов проведенных исследований.

В России не существует единого агрегатора, заинтересованного не пропустить ни одного важного исследования бездомности, привлечь к теме новых ученых, а также проконтролировать чистоту

научных методов. Это приводит к тому, что многие исследования делаются в стол и не получают должной известности в сообществе интересантов, а распространяются на очень маленькую аудиторию. Кроме того, отсутствие единой площадки не позволяет самому научному сообществу контролировать, критиковать, искать противоречия и тем самым совершенствовать методы исследований, интерпретацию данных и научные результаты, формируя институт репутации для исследований бездомности.

2. *Факторы, связанные с уникальными характеристиками бездомности:*

А. *Проницаемость границ бездомности*

Бездомность является ситуацией с проницаемыми границами [Aberson & McVean, 2008]: человек может стать бездомным, а может перестать быть бездомным. Бездомные люди часто перемещаются и входят или выходят из бездомности, что затрудняет отслеживание численности и специфики разных видов бездомности во времени.

Согласно типологии бездомности, основанной на длительности и частоте нахождения человека на улице, исследователи выделяют три типа бездомности [Kuhn, R., Culhane, 1998]: хроническую, эпизодическую и переходную. Каждый из этих типов ситуации обладает специфическими особенностями, которые требуют различных подходов в исследовании, что также сопряжено с методологическими трудностями.

В. *Сложности подсчета в динамике из-за высокого уровня мобильности*

В России высокий уровень внутренней миграции, люди часто переезжают в поисках работы. Важно учитывать, что одной из наиболее частых причин бездомности сегодня является именно трудовая миграция.

Исследователи, которые анализируют мобильность населения, называют основными факторами [Охота к перемене мест..., 2021] переезда в поисках работы в другой регион потерю работы в домашнем регионе и разницу в уровне зарплат.

Мы знаем, что в рамках переписи есть оценки количества людей, которые работают не в том регионе, в котором живут. По данным переписи 2020–2021, это около 3% занятого населения — 1,9 млн человек. То есть почти 2 млн человек меняли регион, чтобы найти работу.

По данным Росстата за 2018 год, в структуре занятого населения, выезжающего на работу за пределы своей территории, 86% составили лица, работающие в организациях, 2% — индивидуальные предприниматели и лица, работающие на индивидуальной основе, 11% — наемные работники у индивидуальных предпринимателей и физических лиц[2].

При этом мы понимаем, что у людей, покинувших родной регион в поисках работы и дохода, повышается риск попасть в ситуацию бездомности. Кроме того, уже находясь в ситуации бездомности, многие люди по-прежнему мигрируют из региона в регион в попытках наладить свое положение или же попав в систему трудовых домов, для которых перемещение человека в другой город является важным этапом лишения его возможности найти выход с помощью социальных связей.

C. *Территориальная доступность и сезонность*

В случае уличной бездомности определенные районы, части города, а также скрываемые намеренно места обитания людей в ситуации бездомности могут не учитываться в традиционных методах сбора данных, что приводит к значительному искажению учета численности бездомных.

Из-за специфики получения данных крайне недоисследованной темой в России является сельская бездомность. Нельзя также не учитывать сезонность миграции бездомных людей в сельскую местность из городов, что накладывает определенные ограничения на попытки подсчета.

Кроме того, в сельской местности значительно меньше сервисов помощи при значительно большей территории, что делает изучение специфики сельской бездомности более сложным.

D. *Недостаточная инфраструктура сервисов и отсутствие доступа к ним у бездомных*

Как упоминалось выше, одним из самых потенциально доступных методов сбора данных для анализа ситуации с бездомностью могло бы являться использование реестров и баз, применяемых государственными учреждениями или НКО для учета клиентов. Однако

[2] Росстат: [Online] <https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2018.htm> [Дата обращения] 15.11.2024.

сегодня во многих регионах России в принципе критически не хватает сервисов, в которые могли бы обратиться бездомные люди.

Помимо очевидной проблемы недоступности и нехватки помощи это приводит нас к ситуации, в которой бездомные люди из таких регионов даже потенциально не могут быть учтены, а специфика их ситуации изучена.

Е. Скрытая бездомность

Сложность исследования проблемы бездомности может быть также обоснована наличием различных и сильно отличающихся по специфике категорий бездомных людей, в том числе феномена «скрытой бездомности», при которой человек еще не попал в ситуацию уличной бездомности, но не имеет стабильного положения при высоких рисках ухудшения социальной ситуации.

Согласно европейской типологии ETHOS[3], которая выделяет четыре концептуальных категорий бездомности, под общее понятие «скрытая бездомность» могли бы подпадать категории людей, живущих в ненадежных условиях или в непригодном жилье.

Кто может входить в такую категорию?

— Временно живущие с родственниками или знакомыми. Технически у таких людей есть «крыша над головой», но они находятся в уязвимом положении.

— Мигранты без документов, которые могут опасаться депортации или не имеют права на социальные программы (в связи с языковым барьером или отсутствием необходимого комплекта документов).

— Женщины, которые могут опасаться лишения родительских прав.

Основными проблемами измерения скрытой бездомности являются высокая мобильность этой группы, их нежелание быть обнаруженными, страх и недоверие к внешним интересантам, они могут ложно заявлять о наличии дома. Кроме того, многие люди в группе риска не идентифицируют себя бездомными или могут скрывать свое положение из-за стигмы или страха и хотели бы избежать контакта с исследователями.

Отдельной сложностью мы видим учет и изучение таких категорий людей из-за крайне ресурсозатратной методологии. При этом, существуют и известны возможные методы исследования, которые позволяют оценить наличие скрытой бездомности среди жителей

[3] ETHOS: [Online] <https://www.feantsa.org/download/ethos248421574874823988 8.pdf [Date of access] 15.11.2024.

всего населения конкретного района. Например, лонгитюдные и перекрестные обследования распространенности (longitudinal and cross-sectional Prevalence surveys)[4]. Метод заключается в составлении репрезентативной выборки домохозяйств среди населения и проведении опроса жителей, есть ли в их доме кто-нибудь, кто не может оставаться в жилье бесконечно. При доказанной эффективности у такого метода есть определённые ограничения: для получения надежной оценки потребуются очень большие выборки. Так, мы можем оценить такой метод как крайне ресурсозатратный.

Мы постарались перечислить те факторы, которые кажутся нам наиболее влияющими на ситуацию, однако, безусловно, это далеко не полный перечень возможных причин сложности сбора информации о бездомных людях и проблеме бездомности.

II. Динамика получения данных, источники данных и исследовательский ландшафт

Исследования бездомности в России — развивающаяся область. Данных и исследований по бездомности на сегодняшний день по-прежнему крайне мало, однако мы видим определённую положительную динамику и возросший интерес исследователей к этой теме.

На протяжении многих лет исследования бездомности в России можно было пересчитать буквально по пальцам. В исследовательском рельефе 2000-х годов можно назвать среди основополагающих трудов, положивших начало современным исследованиям бездомности:

- Масштабное исследование С. Стивенсон [Stephenson, 2006] о бездомности в России, опубликованное тем не менее впервые на английском языке: Crossing the line: vagrancy, homelessness, and social displacement in Russia.
- Работа И. Карлинского [Карлинский, 2004, с. 64] «Анализ социального и правового положения бездомных в современной России».
- Как отмечают в обзоре исследований по бездомности Елена Цацура и Надежда Клюева в работе «Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве», «в ряде работ за последние десятилетия осмысляются

[4] Один из наиболее широко известных примеров использования этого метода для подсчета бездомных был произведён в США, в Большом Лос-Анджелесе, штат Калифорния, в рамках более широкого мероприятия по подсчету бездомных. Позже этот опыт был воспроизведён в Канаде, Франции и Великобритании [Bretherton & Pleace, 2018].

вопросы, связанные с определением бездомности [Буланников, 2019; Волков, 2010], работой организаций, помогающих бездомным людям [Павлюткина, 2012; Соловьева, 2001], изучением причин бездомности и путей выхода из нее на базе качественных исследований [Кузинер, 2020; Коваленко, 2010; Stephenson, 2006], характеристик бездомных людей на базе количественных исследований [Бездомные российского мегаполиса..., 2019; Гутов, Никифоров, 2001], положением бездомных граждан [Коваленко, Строкова, 2013; Карлинский, 2004]» [Цацура, Е. А., Клюева, 2022, с. 414].

К сожалению, нельзя сказать, что проводимые исследования были хоть сколько-нибудь скоординированными для получения наиболее комплексной картины. Бездомность исследовали энтузиасты, крайне заинтересованные темой, однако в масштабное согласованное изучение проблемы это не вылилось.

Что касается количественных данных по численности бездомных людей, фактически единственной информацией, которой мы располагали долгие годы, были никак не подтвержденные и не доказанные проскальзывавшие в интервью сотрудников МВД оценки количества бездомных в широком диапазоне — от 1,5 млн до 4 млн человек.

Параллельно с этим благотворительная организация «Ночлежка» стала запрашивать данные о смертности и пользоваться собственной методикой расчета, основанной на пропорциональной формуле, включающей параметры официальных данных о количестве населения, об общей смертности и о смертности бездомных. Осознавая высокую вероятность большой погрешности, мы пытались проверять порядок получившихся цифр через количество клиентов, обращавшихся ежегодно в «Ночлежку», в другие НКО, а также через количество пациентов Здравпункта Боткинской больницы в Петербурге, единственной на тот момент больницы, где бездомные люди могли получить помощь без документов.

У нас получались такие ориентировочные цифры:

- Петербург — около 60 тыс. бездомных;
- Москва — около 180 тыс. бездомных;
- Россия — около 2,5 млн бездомных.

В 2022 году независимая компания Validata [Validata: оценка..., 2022] создала математическую модель на основе большого массива данных (смертность и население не двух, а уже 65 городов; анализ не просто общего количества клиентов «Ночлежки», а в том числе с учётом стажа бездомности; учёт уточненных данных). В результате исследования мы получили цифру 2 130 000 бездомных в России и формулу, по которой можно посчитать количество бездомных в разных городах при наличии статистики по смертности. На сегодняшний день это информация, которая наиболее серьезно продвинула нас в понимании количества бездомных людей в России. Подробнее о полученных данных и методах исследования мы расскажем в следующих разделах.

На сегодняшний день мы располагаем следующими доступными источниками информации о бездомности:

Источники государственной статистики, которые доступны для нас в рамках изучения бездомности, крайне ограничены. Однако мы обладаем:

1) данными Всероссийской переписи населения;
2) данными Росстата по смертности людей без регистрации и неопознанных (важно учитывать, что этой информации нет в открытом доступе, они предоставляются по официальному запросу[5]).

Потенциально доступными для использования и анализа являются данные НКО и государственных центров помощи бездомным:

1) данные CRM «Ночлежки» по сопровождению клиентов в Москве и Петербурге МКС;
2) данные гуманитарной CRM «Ночлежки»;
3) данные из CRM-системы МКС, установленной самостоятельно региональными НКО;
4) данные из государственных центров помощи.

Однако нельзя не учитывать сложности получения и анализа данных от НКО и гос. центров, которые мы рассмотрели в предыдущем разделе.

Независимые исследования в России:

Безусловно, не претендуя на полноту перечня, мы хотели бы отметить еще несколько важных работ последних пяти лет, относящихся к разным направлениям и методам исследования:

— «Оценка числа бездомных на основании данных об их смертности». Исследование компании Validata на основе данных Росстата о смертности населения 2016–2021 гг. [Validata: оценка..., 2022];
— всероссийский социологический опрос ВЦИОМ[6], помогающий оценить количество людей в России в риске по бездомности и факторы, способные вовлечь жителей страны в помощь;
— всероссийский социологический опрос отношения жителей России к бездомным людям и наличия маркеров опыта бездомности у жителей России автономной некоммерческой организация прикладных исследований «Социальная валидация»[7];

[5] «Ночлежка» ежегодно запрашивает у Росстата данные по 183 городам России и выкладывает для общего доступа: [Online] <https://docs.google.com/spreadsheets/d/1_SjvSmIKkFuCHMfcFRRrd4DYj4_6yov1/edit?usp=sharing&ouid=102444451543256441144&rtpof=true&sd=true> [Дата обращения] 15.11.2024.

[6] [Online] <https://homeless.ru/upload/iblock/91a/Otnoshenie_rossiyan_k_bezdomnym_lyudyam_VTSIOM.pdf> [Дата обращения] 15.11.2024.

[7] [Online] <https://homeless.ru/upload/iblock/c2a/vxy9usin8d8jxwhgqvbd3n449xhfay88/Issledovanie-otnosheniya-rossiyan-k-bezdomnosti-2023.pdf> [Дата обращения] 15.11.2024.

- исследование Е. Кузинер, впервые в России затронувшее тему женской бездомности и ее специфики «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин[Кузинер, 2020];
- исследование психологов Н. Гусевой и С. Крайнюкова на тему выраженности депрессивных тенденций и актуализации ранних дезадаптивных схем у бездомных людей [Гусева, Крайнюков, 2021];
- исследование Е. Цацуры и Н. Клюевой «Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве» [Цацура, Клюева, 2022];
- научная статья «Реабилитация бездомных: набор данных и основные выводы» [Bykova., Filippov, Yamshchikov, 2023], основанная на исследовании сотрудников LEYA Lab for Natural Language Processing, Высшей школы экономики, Яндекса, Института математики в естественных науках имени Макса Планка, CEMAPRE, Университета Лиссабона. В статье представлен большой анонимный набор данных о бездомных, а также информация о реабилитации бездомных, основанная на данных. Работа показывает, как анализ данных может помочь сделать реабилитацию бездомных более эффективной и успешной.

На сегодняшний день независимых исследований различных аспектов бездомности всё ещё крайне мало. Можно также добавить, что одним из усугубляющих ситуацию факторов является то, что на данный момент в России всё ещё не существует агрегатора, некоего хаба, объединяющего все доступные сегодня данные, что делает фрагментарным доступ к данным и усложняет изучение научного рельефа.

Для полноценного изучения проблемы бездомности необходим комплексный подход к исследованиям, который означает всестороннее рассмотрение разных аспектов проблемы, выделение ресурсов на проведение исследований, площадки для агрегирования всех новых результатов, а также контроль научного сообщества за соблюдением методологий исследований.

III. Какие данные есть

За последние годы изучения бездомности мы накопили некоторый объём информации, который расширяет и уточняет наше представление о масштабе, причинах и последствиях бездомности в России, помогает фокусировать усилия и совершенствовать программы помощи людям, предлагать (и реализовывать собственными силами) меры по борьбе с бездомностью.

Но несмотря на заметный прогресс в этой области, к сожалению, как описано выше, мы все еще находимся в начале пути.

Разнообразные данные о бездомности, которыми мы обладаем на текущий момент, сложно отнести к категориям полных, абсолютно достоверных и не требующих уточнения. Большинство из имеющейся у нас статистики следует оценивать с точки зрения относительности. Когда мы говорим «надежные данные», мы имеем в виду наиболее надежные данные из всех, которые есть.

Ниже мы приводим перечень наиболее значимых, с нашей точки зрения, актуальных данных о бездомности в России как социальной проблеме, включая наиболее надежные данные; те данные, которые очень важны нам для применения, но к которым у нас много вопросов; и те вопросы, на которые у нас пока нет ответов и которые требуют дополнительных исследований.

Мы надеемся, что в результате общих усилий список доступной статистики будет постоянно расширяться и пополняться новой информацией, которая позволит развивать и совершенствовать систему помощи бездомным людям в масштабах страны, чтобы каждый человек, которому нужна помощь, мог ее получить и быстро выбраться из бездомности и вернуться к своей обычной жизни.

Наиболее надежные данные

Общее количество бездомных людей в России — 2,130,000 человек [Validata: оценка..., 2022].

В 2022 году независимая исследовательская компания Validata выпустила исследование — математическую модель, которая оценила общее количество бездомных людей в России. Модель основана на данных Росстата о смертности бездомных людей в 65 крупнейших городах России[8], демографических данных о численности населения России и информации о клиентах «Ночлежки», которые обратились за помощью и данные которых были зафиксированы в качестве бездомных людей в базе благотворительной организации[9].

Это первое подобное исследование в России, которое в дальнейшем позволит на основании более полных входящих параметров модели, уточнять и саму оценку количества бездомных людей. Это исследование вызвало много споров в профессиональной среде помогающих организаций и чиновников, главным образом в связи с тем, что количественная оценка Validata существенно превышает официальные данные переписи населения России.

[8] Данные Росстата о смертности по 65 крупнейшим городам России с 2016 по 2021 год.

[9] Данные по 2567 клиентам из CRM-системы «Ночлежки» (стаж бездомности и пол).

Данные переписи населения России часто используются для оценки количества бездомных людей. В рамках переписи 2021 года общее количество бездомных людей оценено в 11 285 человек, что в шесть раз ниже, чем по итогам предыдущей переписи 2010 года (64 077 человек).

С нашей точки зрения, методология переписи и способ реализации процедуры подсчета не может быть источником полных и даже относительно надежных данных по следующим причинам:

- во время переписи в категории «бездомные» учитываются только те люди, которые фактически живут на улице и в социальных или медицинских организациях и сами идентифицируют себя как бездомных;
- в условиях отсутствия определения «бездомный человек» такая самоидентификация затруднена;
- в категории «бездомные» не учитываются граждане, не имеющие регистрации, живущие у родных, знакомых либо в съемном жилье, что является формой бездомности (они учитываются в переписи как члены частных домохозяйств);
- перепись проходит в теплое время года, когда многие бездомные отправляются в леса на сбор ягод, грибов;
- нет единой технологии переписи «членов домохозяйств бездомных» как научно разработанной методики, позволяющей выявить и переписать их всех или хотя бы определить их примерное количество;
- во время переписи 2021 года переписчики не приходили ни в один проект «Ночлежки», а значит бездомные люди, которые, например, живут в наших благотворительных приютах, учтены не были, что ставит под вопрос весь процесс реализации подсчета.

Таким образом, отсутствие адекватной проблеме бездомности методологии переписи бездомных не позволяет ни оценить достоверность полученных данных, ни провести сравнительный анализ по категориям и регионам.

Кроме того, результаты переписи 2021 года совершенно не коррелируют с данными Росстата о смертности бездомных людей, в соответствии с которыми по итогам 2021 года в 65 крупнейших городах России умерли 22 426 бездомных людей, что в два раза больше, чем было выявлено в рамках переписи за тот же период.

Мы считаем данные исследования Validata наиболее надежной на текущий момент оценкой количества бездомных людей в России среди всех доступных данных. Тем не менее мы по-прежнему не знаем, сколько людей и каких категорий есть среди 2 130 000 бездомных. У нас нет данных, сколько людей живут без крыши над головой, без дома или в ненадежном жилье[10], а также сколько из этого количества людей в хронической форме бездомности, сколько — в эпизоди-

[10] ETHOS: [Online] <https://www.feantsa.org/download/ethos248421574874823988 8.pdf> [Date of access] 15.11.2024.

ческой, а сколько — в переходной [Kuhn, Culhane, 1998; HEARTH Act 2009]. Эти данные важны для разработки мер по снижению масштабов бездомности, а также программ, которые могли бы помочь в профилактике бездомности, особенно в профилактике уличной формы бездомности как наиболее тяжелой и опасной для человека.

С 2016 по 2023 годы в России умерли (как минимум) 161 623 бездомных человека[11].

Помимо безусловной ценности жизни каждого человека эта цифра важна для нас примерной оценкой количества людей в самой острой уличной форме бездомности. Мы считаем, что для этих людей бездомность существенным образом повлияла на то, когда и в каких условиях человек умер.

Таким образом, эти цифры могут помочь нам оценить, сколько людей находятся в самой видимой и уязвимой категории бездомных — без крыши над головой.

Для оценки масштабов смертности бездомных людей мы используем официальные данные Росстата, которые можно получить по запросу. «Ночлежка» запрашивает данные каждый год. Росстат фиксирует в таблицах разные категории людей, которые умерли в конкретный год, и их возраст. В таблицах Росстата мы считаем бездомными людьми тех, кто зафиксирован в категориях:

1) «адрес проживания не указан» (установлена личность умершего человека, но в его документах не было регистрации);
2) «адрес и ФИО не указаны» (люди, личность которых невозможно установить, неопознанные люди).

Мы понимаем, что в этих категориях могут быть люди, которые на момент смерти не являлись бездомными, но среди людей с регистрацией и установленной личностью, которые отражены в других категориях Росстата, тоже могут быть фактически бездомные люди, поэтому частично погрешность будет элиминирована. В отсутствии других доступных данных о смертности бездомных людей мы считаем данные Росстата наиболее надежными. Кроме того, средний срок жизни людей из категорий «адрес проживания не указан» и «адрес и ФИО не указаны» сильно отличается от срока жизни людей в других категориях, что косвенно подтверждает нашу гипотезу о том, что они отражают смертность бездомных людей. В среднем бездомный человек умирает в 54 года, небездомные люди в среднем в России доживают до 73 лет. Это значит, что бездомные люди в основном не доживают до пенсии и в среднем умирают на 19 лет раньше, чем люди, у которых есть дом[12] [Климкин, Бондарьков, Кокоурова, 2024].

[11] Данные Росстата за 2016–2023 годы.

[12] Данные Росстата за 2023 год.

По данным Росстата отличаются и причины смертности. Бездомные люди гораздо чаще обычных людей умирают от внешних причин, ВИЧ, гепатита и пневмонии, но реже от болезней системы кровообращения и новообразований.

Для человека без документов плановая медицинская помощь в России недоступна. По закону единственный доступный вид медицинской помощи независимо от наличия документов и штампа о регистрации — это скорая помощь. Но скорая помощь приезжает к человеку тогда, когда его состояние становится критическим и угрожающим жизни. Для бездомного человека даже вызвать скорую может быть непосильной задачей — у многих нет телефона, и скорая далеко не всегда забирает бездомных. Поэтому бездомные чаще умирают от болезней и других причин, которые редко становятся смертельными для обычных людей

ВИЧ-терапия во многих регионах выдается только при наличии регистрации: по месту жительства или по месту пребывания. Например, в Москве получить ее можно только если есть постоянная регистрация в Москве. А в Свердловской области — только при наличии временной или постоянной регистрации в регионе. Поэтому человек без регистрации или с регистрацией в другом регионе оказывается в тяжелом положении без доступа к АРВТ-терапии.

То, что бездомные люди реже остальных умирают от болезней системы кровообращения и новообразований, скорее всего, объясняется тем, что обычно от этих причин люди умирают в более позднем возрасте, до которого бездомные люди просто не доживают.

Основываясь на полученных от Росстата данных, мы вместе с исследовательским проектом «Если быть точным» ввели понятие «индекса смертности» бездомных и ранжировали регионы РФ, выделив те, где ситуация выглядит наиболее угрожающей. Для расчета индекса мы использовали данные Росстата о числе умерших в городах с населением свыше 100 тысяч жителей за 2023 год и данные Росстата о числе умерших по причинам смерти в регионах за этот же период[13] [Климкин, Бондарьков, Кокоурова, 2024].

Индекс смертности — это математическая величина, которая представляет собой по сути сочетание трех наиболее важных показателей:

— доли смертей бездомных в общем числе смертей;
— разницы в медианном возрасте смерти бездомных и остального населения;
— отношение шансов того, что смерть наступила от 1) внешних причин, 2) болезней органов пищеварения, 3) болезней органов дыхания и 4) инфекций и паразитарных болезней.

[13] Данные Росстата за 2023 год.

Доля смертей бездомных в общем числе смертей в наибольшей степени отражает эффективность региональной системы помощи и ее доступность для людей в беде. Существуют ли нужные людям сервисы? Легко ли до них добраться? Достаточно ли количество мест для всех, кому нужна помощь?

Чем выше показатель разницы в медианном возрасте смерти бездомных и остального населения, тем больший разрыв между продолжительностью жизни небездомных и бездомных людей и уровень дискриминации последних. Бездомные люди могли бы жить столько же, сколько живут остальные люди в регионе, но умирают раньше из-за недоступной медицинской помощи, уязвимого положения на улице, холода, голода, принудительного труда в рабочих домах и других совершенных в их отношении преступлений.

Отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, болезней органов пищеварения, болезней органов дыхания и инфекций и паразитарных болезней выбраны для включения в индекс, так как для России в целом каждый из классов входит в топ-6 классов по абсолютному числу смертей бездомных и смертность бездомных людей от этих причин выше, чем у остального населения.

Топ-10 регионов, где, исходя из наших расчетов индекса, бездомным жить наиболее небезопасно:

1. Краснодарский край;
2. Санкт-Петербург;
3. Магаданская область;
4. Московская область;
5. Москва;
6. Новгородская область;
7. Рязанская область
8. Самарская область;
9. Мурманская область;
10. Ивановская область.

Самое большое значение индекса (с большим отрывом) получилось для Краснодарского края. Основная причина — шансы умереть от внешних причин для бездомных в этом регионе в 43 раза выше, чем для остальных жителей. 76% всех умерших бездомных людей в Краснодарском крае умерли от внешних причин, куда входят смерти от ДТП, самоубийств, утоплений, убийств и отравлений алкоголем. Это может отчасти объясняться тем, что в регионе (как и во многих других) есть большая проблема с трудовыми домами и рабством — бездомных вывозят туда, чтобы они работали на полях. Кроме того, в туристических городах бездомных скорее стараются спрятать подальше от глаз приезжих туристов, переживая за туристический образ города, — от этого проблема бездомности становится только острее.

В лидерах рейтинга Петербург, Москва и Московская область. В Москве уже не первый год умирает больше пяти тысяч бездомных

людей в год. Это значит, что меры, принятые в московским правительством перед началом холодного сезона, не сработали. В Петербурге смертность среди бездомных выросла в полтора раза: в 2023 году в городе умерло 1532 человека, в 2022 году — 1005.

Дополнительная информация по регионам по данным Росстата за 2023 год[14] [Климкин, Бондарьков, Кокоурова, 2024]:

1. Краснодарский край

— доля смертей бездомных в общем числе смертей — 1,13%;
— разница в медианном возрасте смерти — 26 потерянных лет жизни;
— отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 18 раз выше;
— отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, для бездомных в регионе в 43 раза выше;
— медианный возраст смерти бездомного — 47 лет;
— всего умерли 815 бездомных.

2. Санкт-Петербург

— доля смертей бездомных в общем числе смертей — 2,5%;
— разница в медианном возрасте смерти — 24,4 потерянных лет жизни;
— отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 4,2 раз выше;
— всего умерли 1532 бездомных человека (в 2022 году — 1005 бездомных);
— медианный возраст смерти бездомного — 50 лет.

3. Магаданская область

— доля смертей бездомных в общем числе смертей — 12,2%;
— разница в медианном возрасте смерти — 16,3 потерянных лет жизни;
— отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 2,1 раз выше;
— всего умерли 198 бездомных;
— медианный возраст смерти бездомного — 51 год.

[14] Всего в анализ попали 67 регионов: это те регионы, по которым достаточно данных для расчета индекса.

4. Московская область

— доля смертей бездомных в общем числе смертей — 5,79%;
— разница в медианном возрасте смерти — 20 потерянных лет жизни;
— отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 3 раза выше;
— всего умерли 5496 бездомных;
— медианный возраст смерти бездомного — 53 года;
— города с наиболее высоким индексом смертности бездомных: Люберцы, Раменское, Пушкино, Коломна, Одинцово, Красногорск, Ногинск.

5. Москва

— доля смертей бездомных в общем числе смертей — 4,3%;
— разница в медианном возрасте смерти — 21,2 потерянных лет жизни;
— отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 3,3 раз выше;
— всего умерли 5032 бездомных человека (в 2022 году — 5915 бездомных);
— медианный возраст смерти бездомного — 53 года;
— неопознанные в 2023 — 562 человека (в 2022 — 43 человека).

6. Новгородская область

— доля смертей бездомных в общем числе смертей — 3,8%;
— разница в медианном возрасте смерти — 19,6 потерянных лет жизни;
— отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 4,4 раз выше;
— всего умерли 356 бездомных человека;
— медианный возраст смерти бездомного — 53 года.

7. Рязанская область

— доля смертей бездомных в общем числе смертей — 2,8%;
— разница в медианном возрасте смерти — 20,6 потерянных лет жизни;
— отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 3,2 раз выше;
— всего умерли 447 бездомных человека;
— медианный возраст смерти бездомного — 53 года.

8. Самарская область
- доля смертей бездомных в общем числе смертей — 5%;
- разница в медианном возрасте смерти — 19,3 потерянных лет жизни;
- отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 3,4 раз выше;
- всего умерли 2104 бездомных человека;
- медианный возраст смерти бездомного — 53 года.

9. Мурманская область
- доля смертей бездомных в общем числе смертей — 4,6%;
- разница в медианном возрасте смерти — 19,2 потерянных лет жизни;
- отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 3,3 раз выше;
- всего умерли 385 бездомных человека;
- медианный возраст смерти бездомного — 51 год.

10. Ивановская область
- доля смертей бездомных в общем числе смертей — 2,4%;
- разница в медианном возрасте смерти — 21,3 потерянных лет жизни;
- отношение шансов того, что смерть наступила от внешних причин, инфекций, заболеваний пищеварения и респираторных заболеваний для бездомных в сравнении с остальным населением — у бездомных людей эти шансы в 3,9 раз выше;
- всего умерли 353 бездомных человека;
- медианный возраст смерти бездомного — 52 года.

Основными причинами бездомности в России являются потеря работы, потеря возможности снимать жилье и утрата документов.

Нам кажется важным смотреть на причины бездомности не с точки зрения анализа ситуации конкретного бездомного человека, объясняя себе, почему конкретно он оказался на улице, а задавать себе вопрос: как так случается, что многие люди, с которыми у нас есть много общего, в какой-то момент оказываются бездомными?

Мы выделяем два типа причин бездомности: первичные и вторичные. Первичные причины — это те факторы, которые выталкивают человека в бездомность, многие из которых связаны с социальными и экономическими процессами, с внешними факторами, на которые конкретный человек не может повлиять. Чаще всего первичные причины бездомности в России связаны с бедностью, трудовой миграцией и мобильностью населения.

Таблица 1. Наиболее частые причины бездомности в России в 2023 г.

Потеря возможности снимать жилье	38%
Потеря работы	30%
Переезд в поисках работы	26%
Утрата документов, удостоверяющих личность	26%
Семейные проблемы	23%
Заболевания / травмы	13%
Химическая зависимость	13%
Осуждение к лишению свободы	7%
Обман работодателя	6%
Мошенничество / вымогательство с жильем	5%
Военные действия	3%

Вторичные причины — это те факторы, которые мешают человеку выбраться из бездомности. Они отвечают на вопрос: почему кто-то справляется самостоятельно, оказавшись без жилья, потеряв работу или пережив кризис, быстро выбирается из этой ситуации и находит решение проблем, а кто-то застревает и нуждается в помощи, чтобы выбраться и вернуться к обычной жизни?

Официальной статистики о причинах бездомности в России не существует. Но мы в «Ночлежке» регулярно опрашиваем клиентов, собирая данные о причинах бездомности. Ниже приведена статистика причин бездомности по результатам опроса 1773 уникальных клиентов, обратившихся за помощью в «Ночлежку» в Москве и Петербурге в 2023 году.

Мы собираем эту информацию со слов клиентов, и этим она особенно ценна, потому что нам важно посмотреть на бездомность с позиции человека, который

в этой ситуации оказался. Мы не используем закрытый список вопросов, на которые должен ответить человек — люди рассказывают свои истории, а социальные работники вычленяют из них причины, по которым человек оказался в беде.

Общая сумма процентов составляет более 100%, потому что в каждом случае можно отметить более одной причины. Это связано с тем, что бездомность— никогда не результат только одной причины, к бездомности всегда приводит совокупность факторов в разных сочетаниях.

Чтобы увидеть взаимосвязь причин, мы можем посчитать пересечение, какую совокупность люди называют в качестве причин чаще всего. По итогам 2023 года чаще всего вместе звучат 3 причины: поте-

Таблица 2. Наиболее частые причины бездомности в России в 2018–2023 гг.

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Переезд в поисках работы	50%	38%	33%	29%	27%	26%
Утрата документов, удостоверяющих личность	нд	6%	17%	25%	26%	26%
Потеря работы	11%	12%	32%	22%	32%	30%
Потеря возможности снимать жилье	12%	13%		16%	31%	38%
Семейные проблемы	34%	36%	33%	29%	21%	23%
Мошенничество / вымогательство с жильем	19%	13%	10%	9%	6%	5%
Заболевания / травмы	5%	6%	9%	11%	9%	13%
Химическая зависимость	7%	7%	10%	12%	9%	13%
Военные действия	нд	нд	нд	нд	2%	3%
Всего человек в выборке	1869	1449	1144	1921	2231	1773

ря работы, потеря возможности снимать жилье и утрата документов (обычно паспорт).

Последовательно применяя методологию[15] сбора данных, у нас есть возможность анализировать тренды.

Причина «переезд в поисках работы» очень связана с внутренней мобильностью населения, с трудовой миграцией. Одна из самых частых причин за последние шесть лет. Чаще всего эта причина коррелирует с потерей возможности снимать жилье. Часто люди, переезжая в другой регион, не имеют собственного жилья, арендуют комнаты или квартиры или работают с проживанием, во многих случаях это сопряжено с отсутствием регистрации. Поэтому переезд в сочетании с потерей работы, с заболеванием или с утратой документов приводят к тому, что человек теряет возможность снимать жилье.

«Потеря работы» и «потеря возможности снимать жилье» — самое частое и самое растущее в процентном соотношении пересечение из всех причин бездомности. Это сочетание немного похоже на сочетание причин «потеря возможности снимать жилье» и «переезд в поисках работы». Разница в том, что потерю работы мы фиксируем в тех случаях, когда человек всегда или долго жил в каком-то городе и потерял в нем работу. То есть в такой ситуации переезд не является событием, которое предшествовало потере работы. Потеря работы — та причина, доля которой сильно выросла в пандемию,

[15] Методология подсчета не поменялась, но с 2020 «Ночлежка» открыла проекты в Москве и к данным по клиентам в Петербурге добавились данные по клиентам в Москве

когда стали закрываться компании, а особенно пострадал малый и средний бизнес, и когда компании стали закрываться после введения санкций.

Утрата документов, удостоверяющих личность — доля этой причины в статистике растет. Чаще всего эта причина сочетается с потерей работы и потерей возможности снимать жилье. Часто в сочетании этих причин сложно установить, что является причиной, а что — следствием. Иногда человек, теряя паспорт, не может заселиться в хостел или заключить договор аренды жилья — тогда утрата документов влечет за собой потерю возможности снимать жилье. А иногда, наоборот, человек сначала теряет жилье, несколько ночей проводит на улице, в общественном пространстве или на вокзале, засыпает среди других людей — и у него крадут вещи и документы. В таком случае причина и следствие факторов меняются местами. В каждом из таких случаев человеку очень сложно разорвать этот замкнутый круг, потому что без документов нельзя не только арендовать жилье, но и устроиться на работу, а без работы сложно найти деньги на оплату пошлины за восстановление документов.

Мы выделили причину: военные действия в 2022 году, когда заметили, что появляются клиенты, которые пострадали от военных действий, стали бездомными и обращаются за помощью. По итогу 2022 года, 2% клиентов называли эту причину; по итогу 2023 года — 3% клиентов. Нам пока не так много известно про эту причину, но для нас важно зафиксировать динамику и следить за тем, насколько весомую долю в причинах бездомности будут занимать военные действия.

Химическая зависимость и алкоголизм чаще всего звучат как первый и очевидный ответ на вопрос, почему люди становятся бездомными. У многих из нас есть знакомые, у которых есть зависимость, признаваемая или не признаваемая, которые выпивают, периодически или часто — но при этом чаще всего эти люди не являются бездомными. Чаще всего такие люди живут дома, в семьях или самостоятельно и независимо.

Сама по себе зависимость обычно не является причиной бездомности. Но как и любая другая причина, она работает в связке с другими событиями в жизни, которые приводят человека на улицу. Важно учитывать, что зависимость — это хроническое заболевание, поэтому важно не только осознанное признание человеком своей зависимости и готовность получить лечение, но и наличие рядом с человеком доступной и эффективной системы помощи. Чаще всего зависимость связана с семейными проблемами, когда к зависимости добавляются конфликты: человек не может больше жить в семье и уходит или семья не выдерживает и выгоняет человека на улицу. Совокупность этих двух причин приводит человека на улицу. Вторая самая частая связка — зависимость и потеря работы. Если рядом нет доступной системы помощи или зависимый человек не готов эту

помощь принять и при этом он теряет работу, он может оказаться бездомным.

Список причин бездомности, о которых мы говорили выше, включает не только внешние факторы — первичные причины, которые выталкивают человека на улицу, но и вторичные причины, которые не позволяют человеку выбраться.

Например, семейные проблемы как вторичная причина бездомности: если человек уже оказался на улице, ему либо есть кому позвонить и попросить помощи, либо нет. То есть семейные проблемы могут быть как первичной причиной — вытолкнуть человека на улицу, так и вторичной причиной, мешающей выбраться.

Также зависимость у человека может быть до того, как он стал бездомным, и в какой-то мере вытолкнуть его в бездомность, а может развиться в результате долгой жизни на улице. Тогда зависимость будет уже вторичной причиной, мешающей выбраться.

Сложность анализа причин бездомности заключается в том, что не существует никакого закрытого списка первичных и вторичных причин. Есть огромное количество сочетаний разных причин и факторов, которые сначала выталкивают человека на улицу, а затем наслаиваются на новые жизненные обстоятельства и на личностные характеристики. Все вместе в совокупности эти факторы мешают многим людям выбираться из ситуации бездомности самостоятельно.

Важно помнить, что статистика причин бездомности, которые мы привели выше, была собрана на основании рассказов клиентов, приходящих за помощью в «Ночлежку».

80% клиентов, которые к нам приходят, — мужчины. Поэтому вес мужских историй и мужских причин бездомности довольно сильно влияет на общую статистику.

Отдельно изучать статистику по причинам бездомности у женщин мы начали в 2021 году.

Соотношение частоты причин бездомности, названных женщинами, отличается от общего соотношения. В таблице представлена статистика по обоим городам присутствия проектов «Ночлежки»: Петербургу и Москве. Однако если рассмотреть статистику по городам отдельно, то мы увидим довольно яркую региональную особенность. Самая частая причина, названная в Петербурге — это семейные проблемы. А в Москве более 60% женщин называют причиной потерю возможности снимать жилье.

Сейчас в России чаще всего за помощью обращаются образованные бездомные мужчины среднего возраста, граждане РФ.

В ходе опроса клиентов мы также собираем данные о возрасте, уровне образования, гражданстве, профессиональном и жизненном опыте и другую информацию. Эта информация помогает описать примерный портрет человека, который в 2023 чаще всего

Таблица 3. Наиболее частые причины женской бездомности в России в 2021–2023 гг.

	2021	2022	2023
Потеря возможности снимать жилье	17%	27%	38%
Семейные проблемы	37%	26%	30%
Потеря работы	13%	23%	22%
Переезд в поисках работы	18%	20%	17%
Утрата документов, удостоверяющих личность	18%	18%	16%

оказывался в ситуации бездомности и вынужден был обратиться за помощью:

- гендерное соотношение: 80% — мужчины, 20% — женщины;
- средний возраст — 47 лет;
- гражданство: 80% — РФ;
- уровень образования: 18% — высшее/неоконченное высшее, 41% — среднее специальное образование, 28% — среднее образование, 7% — неоконченное среднее, 0,4% — начальное, 0,5% — нет образования;
- другой жизненный опыт: 9% — выпускники детских домов-интернатов, 26% — имели опыт пребывания в местах лишения свободы.

На протяжении последних лет средний возраст клиентов почти не менялся.

Чаще всего за помощью обращаются граждане России. Эти данные могут говорить не только о том, что среди бездомных людей в России большинство составляют граждане нашей страны, но и о том, что текущая система помощи не подходит для неграждан (например, для трудовых мигрантов) или недоступна по разным причинам (например, из-за отсутствия возможности получить информацию и другую помощь на родном языке, кроме русского).

Один из существующих сильных стереотипов в отношении бездомных людей — это связь уровня образования и бездомности. «Будешь плохо учиться, станешь бездомным» — нередко говорят родители своим детям. По нашим данным уровень образования бездомных людей существенно не отличается от уровня образования в стране в целом. Больше половины бездомных людей — это люди с высшим и/или средним специальным образованием.

Мы анализируем, был ли у бездомного человека опыт нахождения в учреждениях на временном попечении государства: какую долю среди бездомных людей занимают выпускники детских домов или имеющие опыт пребывания в местах лишения свободы. Сам по себе такой опыт совершенно не обязательно приведёт человека к бездомности, но часто происходит так, что это становится одним из факторов риска бездомности.

Таблица 4. Средний возраст бездомных людей по данным клиентов «Ночлежки»

2018	2019	2020	2021	2022	2023
46 лет	45 лет	44 года	44 года	45 лет	47 лет

Таблица 5. Доля граждан России среди бездомных людей по данным клиентов «Ночлежки»

2018	2019	2020	2021	2022	2023
87%	88%	85,25%	87,11%	82%	80%

Например, выпускникам детских домов часто не выделяют жилье или очереди нужно ждать много лет. А людей, отбывших наказание, не берут на работу, не ждут близкие, которые помогут адаптироваться, или родственники вовсе выписывают их из жилья.

FEANTSA выделяет в типологии ETHOS отдельную категорию людей, находящихся на временном попечении государства[16]. Это важно, чтобы учитывать необходимость сервисов и отдельной помощи людям в такой ситуации.

Данные-гипотезы, требующие уточнения и проверки

Этот раздел посвящен интересующим нас данным, в отношении которых у нас есть гипотезы и оценки, которые требуют проверки и уточнения. Чаще всего это связано с новым этапом изучения отдельных аспектов бездомности, появлением новых исследований или результатов работы недавно запущенных сервисов. Дальнейшее развитие в этих областях сможет помочь значительно усовершенствовать систему помощи.

Средний стаж бездомности в России — более 6 лет.

Если мы хотим снижать масштаб бездомности в стране, мы можем подойти к проблеме с двух сторон:

1) влиять на причины бездомности;
2) влиять на срок бездомности, чтобы он был максимально коротким.

[16] ETHOS [Online] <https://www.feantsa.org/download/ethos248421574874823988 8.pdf> [Дата обращения] 15.11.2024.

Таблица 6. Уровень образования бездомных людей по данным клиентов «Ночлежки»

	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Высшее, незаконченное высшее	16%	17%	24%	15%	20%	18%
Начальное	0,8%	1%	0,5%	0,2%	0,2%	0,4%
Незаконченное среднее	9%	10%	7%	8%	6%	7%
Среднее	29%	27%	28%	28%	31%	28%
Среднее специальное	44%	44%	40%	42%	41%	41%
Нет образования	0,8%	0,8%	1,2%	нд	0,8%	0,5%
Нет ответа	нд	нд	11%	7%	3%	5%

Период, в который человек остается бездомным, называется стажем бездомности. Стаж бездомности может быть непрерывным, а может состоять из не связанных между собой последовательных периодов бездомности.

Средний стаж бездомности — ключевой показатель эффективности системы помощи. Чем короче средний стаж — тем лучше развита система и тем быстрее люди выбираются. Этот стаж можно анализировать в масштабе всей страны, одного региона, города или клиентов конкретной организации. Как общество мы стремимся к тому, чтобы средний стаж бездомности в России сокращался.

Мы рассчитываем показатель стажа бездомности по результатам первичного интервью с клиентами при их первом обращении «Ночлежки», записывая всю информацию со слов клиентов. То есть временем наступления бездомности мы считаем дату, которую назвал бездомный человек.

Ключевые ограничения данных о стаже бездомности:

Неточность памяти респондента. В информации о стаже бездомности, записанной со слов бездомного человека одновременно есть большая ценность и существенные ограничения. С одной стороны, очень важен взгляд самого человека, с позиции которого мы смотрим на бездомность: когда он почувствовал себя небезопасно, когда он потерял свободный доступ к жилью. С другой стороны, память респондента может быть ограничением: на длительных сроках человек может не помнить точного времени или перепутать важные факты.

Невозможность сделать выводы о частоте и продолжительности бездомности. Средний стаж в 6 лет, который мы сейчас фиксируем, мало о чем достоверно говорит нам в аспекте продолжительности и частоты бездомности в России. Является ли он свидетельством высокого уровня хронической бездомности в России или свидетельствует

скорее о развитой эпизодической бездомности [Kuhn, R., Culhane, 1998; HEARTH Act, 2009]?

В США и Канаде существует система HMIS (Homeless Management Information System) — единая база данных, в которой собирается вся информация по людям (не только бездомным), получающим социальную помощь, она используется по всей стране. Доступ и обязательство внесения информации есть у всех помогающих организаций (и государственных, и общественных). HMIS позволяет собирать данные в масштабе всей страны и обмениваться ими по всей системе, а также гарантирует возможность измерить прогресс. С такой системой становится возможно наблюдать и анализировать данные в статике и динамике не только по общей совокупности, но и в разрезе конкретных людей — достоверные свидетельства о сроке бездомности (не по памяти клиента), достоверную частоту попадания на улицу (важно для понимания частоты и продолжительности бездомности), маршрут человека в разных сервисах и между ними — и главное, эффективность различных действий, сервисов и услуг отдельно и в сочетаниях. В отсутствие подобной объединенной системы в России мы вынуждены рассчитывать средний стаж бездомности на укрупненных данных[17].

Сложно применить типологию, в основе которой лежит наличие доступа к жилью. Текущая детализация стажа бездомности не дает ответы на важнейшие для выстраивания системы помощи вопросы:

- Сколько людей и сколько времени внутри стажа в 6 лет жили без крыши над головой?
- Сколько жили в приютах и учреждениях помощи?
- Сколько людей считали себя бездомными, потому что жили в небезопасной ситуации или ненадежном жилье?

Приведем пример, как мы можем формулировать гипотезы и анализировать данные на примере стажа бездомности.

Каждый год мы анализируем стаж бездомности у людей, которые приходят за помощью в «Ночлежку». Массив данных в Таблице 7 — это все клиенты, пришедшие к нам за услугами Консультационной службы[18] в указанные годы.

Мы заметили, что в 2022 году по сравнению с 2021 годом стаж бездомности значительно снизился. Чаще всего мы оцениваем динамику стажа бездомности с точки зрения эффективности работы системы помощи. Если посмотреть на данные за 2022 с точки зрения эффективности системы, первая гипотеза, которая может возникнуть — система помощи значительно улучшилась, и люди стали

[17] HMIS [Online] <https://chsp.org/hmis/> [Date of access] 15.11.2024.

[18] Консультационная служба «Ночлежки»: [Online] < https://homeless.ru/projects/732/> [Дата обращения] 15.11.2024.

Таблица 7. Стаж бездомности клиентов «Ночлежки», получающих услуги в течение года[19]

	Количество человек в выборке	Стаж бездомности, лет
2018	2142	8,7
2019	2231	9,6
2020	1906	9,3
2021	2555	8,1
2022	3075	6,2
2023	3008	6,7

быстрее выбираться с улицы. Нам эта гипотеза показалась спорной, мы не наблюдали принципиальных изменений в системе, которые могли бы так сильно повлиять на стаж.

Тогда мы решили проанализировать стаж бездомности только по новым клиентам — тем, кто в периоде наблюдения пришел за помощью в «Ночлежку» впервые. В таблице 8 приведены данные по тем же периодам, но уже не по всем клиентам Консультационной службы[20], а только по новым.

Мы видим, что по новым клиентам средний стаж бездомности тоже резко упал. Так появилась вторая гипотеза, которая кажется нам более рабочей — средний стаж бездомности снижается не потому, что люди выбираются с улицы быстрее, а потому что появляется все больше клиентов, которые попали на улицу совсем недавно (их стаж бездомности менее года). Из-за того, что их становится очень много, они сильно влияют на средние параметры и снижают средний стаж бездомности.

[19] Важно, что в этой статистике не учитываются клиенты гуманитарных сервисов (еда, экстренный разовый ночлег, душ), здесь речь идет о более сложной помощи, требующей вовлечения клиента — поиск работы, восстановление документов, оформление пособий и т. д.

[20] Консультационная служба «Ночлежки»: [Online] < https://homeless.ru/projects/732/> [Дата обращения] 15.11.2024.

Таблица 8. Стаж бездомности новых клиентов «Ночлежки»[21]

	Количество человек в выборке	Стаж бездомности, лет
2018	1384	4,8
2019	1337	6,1
2020	1165	4,8
2021	1843	4,2
2022	1813	2,2
2023	1733	2,9

Среди бездомных людей, которые обращаются за помощью, 80% составляют мужчины, 20% — женщины[22].

Долгое время мы интерпретировали это соотношение как отражение всей бездомности в России, связывая эти данные с причинами бездомности и объясняя его, например, тем, что мужчины чаще уезжают на заработки в другой город, а женщины имеют более крепкие социальные связи, что позволяет им гораздо реже оказываться в ситуации бездомности. Эти факторы действительно частично объясняют гендерное соотношение. Но лишь частично.

Вторая гипотеза возникла у нас не сразу, но сейчас кажется нам более рабочей. Она состоит в том, что текущая система помощи может не подходить для многих клиенток, поэтому они остаются для нас невидимыми. Мы имеем возможность собирать данные и анализировать показатели гендерного соотношения только по тем людям, которые обратились к нам за помощью. Следовательно, существенным ограничением этих данных является то, что у нас нет информации по тем, кто к нам не приходит. Мы считаем, что полученные данные скорее говорят не о том, что среди бездомных в России мужчин в четыре раза больше, чем женщин, а о том, что существующая система помощи является в четыре раза менее доступной и подходящей для бездомных женщин.

[21] Важно, что в этой статистике не учитываются клиенты гуманитарных сервисов (еда, экстренный разовый ночлег, душ), здесь речь идет о более сложной помощи, требующей вовлечения клиента — поиск работы, восстановление документов, оформление пособий и т. д.

[22] Данные клиентов «Ночлежки» 2018–2023 гг.

Косвенным подтверждением того, что гендерный дисбаланс говорит скорее о недоступности помощи для женщин может быть гендерный анализ среднего стажа бездомности. В России средний стаж бездомности у мужчин — 5,8 лет, у женщин — 7,8 лет [Validata: оценка..., 2022]. Женщины застревают в ситуации бездомности на больший, чем мужчины, срок. Это может быть подтверждением того, что система помощи для женщин работает хуже, чем система помощи для мужчин.

IV. Каких данных недостает и для чего они нужны

Для снижения масштабов бездомности нам необходимо более четко очертить картину комплексной проблемы бездомности, которую нам важно решить. Несмотря на то, что в последние годы исследования бездомности в России развиваются благодаря появлению интереса к теме у молодых исследователей, по-прежнему существует огромное количество лакун, не позволяющих вывести многие знания из области интуитивных гипотез и практической насмотренности в область научных свидетельств и доказанных фактов.

Несмотря на то, что сегодня область пробелов в изучении бездомности по-прежнему шире, чем область наших знаний, мы видим актуальные темы, исследование которых в первую очередь помогло бы нам как обществу приблизиться к более полному пониманию и дальнейшему продвижению в изучении проблемы бездомности.

В этой статье мы позволим себе привести этот, безусловно, не конечный, но приоритетный, с нашей точки зрения, список вопросов, нуждающихся в исследовании в первую очередь, с надеждой на то, что это может вдохновить ученых, исследователей и аналитиков рассмотреть бездомность как сферу научного интереса и приложения профессиональных сил.

Стоимость бездомности для государства. Сколько стоит для государства существующая система услуг для бездомных? Насколько эффективно она работает в расчете на каждый вложенный рубль? Сколько средств встроенный в социальные процессы человек экономит для государства и сколько приносит в виде налогов? Сколько могла бы стоить профилактика бездомности?

Почему это важно? Помимо моральных и гуманистических аспектов в решении проблемы бездомности, любому рациональному актору хочется получать максимальный эффект на единицу вложенных ресурсов. Для этого необходимо знать, сколько мы тратим и каков результат наших трат.

Из чего может состоять стоимость бездомности для государства:

Сумма недополученных налогов: НДФЛ, социальные взносы. Трудоспособный человек без документов и живущий на улице не имеет возможности официально работать. Государство теряет налоги, которые могло бы получать, если бы человек был официально трудоустроен, работал и платил бы налоги, как многие жители России.

Расходы на высокотехнологичную медицинскую помощь. Чем дольше человек живет в условиях улицы, тем в большей и более технологичной медицинской помощи он нуждается. Например, вызов Скорой помощи или высокотехнологичная операция стоит для государства гораздо больше, чем обычный визит к врачу, к которому вовремя мог бы иметь доступ человек, не будучи бездомным. Помощь людям с большим стажем бездомности и в ситуации хронической бездомности составляет довольно большую нагрузку на бюджет, которой могло бы не быть в таком объеме при своевременной помощи или работающей профилактике бездомности. Однако сколько сейчас тратит Министерство здравоохранения на медицинскую помощь бездомным — неизвестно.

Расходы государственных центров помощи. Информация о бюджетах государственных центров помощи иногда раскрываются на сайтах конкретных учреждений, однако нет никакой сводной информации о том, сколько в целом стоит для государства работа всех учреждений. Также нет доступной информации, какой у этого результат — например, сколько людей живут в приютах, сколько людей выбираются с улицы и т. д. Эти данные закрыты, по результатам таких запросов мы часто получаем отказы. Единственными доступными данными часто является статистика по количеству услуг, по которой довольно сложно оценить эффективность работы.

Гранты профильным НКО. Государство часто дает региональные и федеральные гранты и субсидии для профильных НКО, работающих с бездомностью. Нет сводной информации о том, сколько всего в стране тратится на такую помощь организациям, работающим именно с бездомными. Тем не менее, этот пункт является самым доступным для потенциального подсчета.

Расходы МВД. Вовлечение сотрудников МВД в общение с бездомными людьми, которого можно было бы избежать, не редко. В первую очередь, это работа патрулей и вызовы полиции от граждан, в чьём подъезде могут греться и ночевать бездомные люди. Кроме того, к сожалению, нередкой является практика, когда при сильных холодах в отсутствии какой-либо доступной помощи, для того, чтобы не замерзнуть и получить хоть какую-то гарантированную еду, человек готов скорее оказаться в полицейском участке или даже сесть в тюрьму, чтобы не умереть от голода и холода. Однако мы также не знаем, сколько тратит МВД на такую работу.

Есть зарубежные исследования [Culhane, 2008], которые рассчитывают расходы государства на бездомность и выгоду в денежном эквиваленте, которую получило бы государство при работающей системе профилактики бездомности. Выводы этих исследований заключаются в том, что приходить на помощь на ранних сроках бездомности и работать над профилактикой бездомности сильно дешевле и выгоднее для государства, чем обслуживать сервисы, которые не нужны были бы в таком количестве при снижении масштабов бездомности.

Смертность. Каковы достоверные причины смертности бездомных людей? Мы знаем, сколько умирает бездомных людей каждый год. Но мы не знаем, от чего они умирают: сколько в этом массиве таких причин как обморожение, сколько — сердечно-сосудистые заболевания, сколько инсультов и инфарктов. Кроме возраста, к сожалению, нет никакой детализации.

Кроме того, данные о стаже бездомности людей на момент смерти крайне серьёзно могли бы сдвинуть нас в уточнении и совершенствовании модели по расчету количества бездомных людей.

Почему это важно? Для сокращения смертности среди бездомных; для обоснований необходимости доступной и развитой системы помощи; для уточнения модели расчета количества бездомных людей.

Есть ли у бездомности существенные региональные особенности? К сожалению, на данный момент существует очень мало доступных достоверных данных для анализа. Гипотезы о существенном отличии причин бездомности, профиля клиента или общего контекста в разных регионах пока не могут быть подкреплены достоверными данными.

Мы считаем, что эти усилия очень продвинут нас вперёд в изучении проблемы бездомности в масштабе страны, а кроме того, позволят понять возможность масштабирования уже эффективно работающих проектов в контексте других городов.

Первичные причины, выталкивающие человека в состояние бездомности. Что чаще является первопричиной и катализатором? Как часто бездомность в большей степени предопределена понятием габитуса, «стартовой» социальной позиции, окружением, наличием деструктивной семьи и семьи вообще? Или первичными причинами, в основном, можно назвать социально-экономические процессы в стране? Какие факторы и в какой степени оказывают влияние на попадание в группу риска?

Почему это важно? Для направления усилий работы в области профилактики бездомности; для просветительских целей.

Вторичные причины бездомности. Какие препятствия и в какой степени мешают бездомному человеку выбраться с улицы (в том числе самостоятельно)?

Почему это важно? Для понимания, какие сервисы необходимо развивать, чтобы эффективно бороться с такими препятствиями; для определения сбоев в системе работы с вторичными причинами бездомности (как в государственных, так и в благотворительных организациях).

Количество бездомных по категориям (в том числе скрытых / «латентных» бездомных — людях в группе риска и тех, кто лишился крова, но может временно решать проблему ночлега за счет социальных связей).

Почему это важно? Важно понимать масштаб проблемы и определить, сколько и каких ресурсов нужно для работы с каждой категорией людей в беде.

Распределение количества бездомных людей по стажу бездомности.

Почему это важно? В зависимости от стажа бездомности необходима разная продолжительность программ ресоциализации и в целом разный подход к работе. Важно понять, какая часть усилий должна приходиться на бездомных со значительным стажем, которым, как правило, нужно помогать дольше и более комплексно, и какая часть усилий должна быть сосредоточена на более краткосрочных проектах ресоциализации бездомных с небольшим стажем жизни на улице.

До какого момента человек ищет помощь и сохраняет внутренние ресурсы и веру в то, что получится изменить ситуацию.

Почему это важно? Чтобы лучше понимать, как эффективнее оказывать помощь, как должны быть организованы проекты помощи и информирование о них.

Оценка «уровня жизни бездомного» самими бездомными. Анализ потребностей людей с точки зрения необходимых сервисов.

Почему это важно? Чтобы понять, чего не хватает для оптимизации условий жизни (чем можно с бытовой точки зрения помочь тем, кто пока не имеет дома).

Куда обращаются бездомные за помощью (городские власти, благотворительность, церковь) и как скоро после наступления критической ситуации? Знают ли куда можно обратиться за помощью, где ищут информацию?

Почему это важно? Чтобы определить, где и каким образом стоит размещать информацию; какие сервисы и по каким причинам пользуются доверием у людей.

Распределение по частоте эпизодов бездомности. Как часто люди, которые обращались за помощью в специализированные организации, снова становятся бездомными? Каковы периоды бездомности/небездомности?

По сочетанию факторов частоты и продолжительности исследователи и помогающие организации выделяют три категории бездомных людей.

Переходная бездомность: люди, которые редко или единожды попадают в ситуацию бездомности и не задерживаются надолго. Пример: что-то произошло, человек попал на улицу, довольно быстро выбрался и больше не попадал на улицу.

Эпизодическая бездомность: человек часто возвращается в ситуацию бездомности, но периоды всегда короткие. Некоторые социологи связывают такой тип бездомности с понятием «габитус». Концепцию габитуса некоторые социологи перекладывают на эпизодическую бездомность, отвечая на вопрос, почему некоторые люди раз за разом возвращаются на улицу.

Хроническая бездомность: самая острая форма. Человек оказался бездомным и надолго задержался в этом периоде.

Важно понимать, что эти категории не имеют под собой никакой оценки. Это типология, которая позволяет нам перенаправить усилия на решение проблемы: выделить из всех бездомных людей разные категории — и предложить им определенную помощь, которая наиболее эффективна именно для них.

Люди в хронической форме бездомности больше всего нуждаются в помощи, с наибольшей вероятностью они не смогут самостоятельно выбраться с улицы. Однако во всем мире существует наименьшее количество программ именно для такой категории бездомных людей, так как по времени, ресурсам и усилиям эти программы обычно самые трудоемкие и дорогие.

Почему это важно? Чтобы узнать, насколько удается помочь в долгосрочной перспективе и усовершенствовать процесс для повышения эффективности помощи и удержания в состоянии небездомности; что мешает людям закрепиться.

Какому количеству людей удается самостоятельно решить проблему и выбраться с улицы? За счет чего? В течении какого времени им удаётся это делать? Как долго они остаются в устойчивом состоянии?

Почему это важно? Понять, какие факторы имеют определяющее значение в адаптации к критической ситуации и её решении; значительна ли доля случайности, внешних и внутренних факторов.

Распределение по территориальному признаку внутри города. В каких районах городов живут бездомные люди? От чего зависит

выбор места жительства? Есть ли повторяющийся географический паттерн в разных городах, например, близость к определенным стратегическим точкам города? Как люди добираются до сервисных организаций?

Почему это важно? Чтобы понять, где актуально размещать проекты гуманитарной и реабилитационной помощи; возможно ли транслировать один алгоритм на разные регионы.

Преступность среди бездомных и преступность против бездомных. Какой процент бездомных совершают преступления, в том числе тяжкие, какой процент бездомных становятся жертвами преступлений со стороны небездомных людей?

Почему это важно? Для работы со стереотипами в общественном мнении.

Какой процент бездомных женщин не решается обратиться за помощью в помогающие организации? Помимо возможного страха столкнуться с большим количеством мужчин, какие причины могут быть у этого феномена?

Почему это важно? Определить запрос на отдельные проекты для бездомных женщин; понять, что мы как помогающее сообщество можем усовершенствовать и учесть в работе для того, чтобы большему количеству женщин были доступны проекты помощи.

Метаанализ причин бездомности, стажа и смертности среди бездомных в других странах.

Почему это важно? Для анализа сходства и отличия с ситуацией в РФ; причины различий для работы по профилактике бездомности и тяжелых последствий опыта бездомности для человека.

Заключение

В заключение, исследования бездомности в России и мире подчеркивают необходимость комплексного подхода к этой сложной социальной проблеме. Несмотря на накопленные данные и проведенные исследования, остается множество пробелов в нашем понимании масштабов и причин бездомности. Важно не только собирать статистику, но и анализировать ее, чтобы выявить ключевые факторы, способствующие этому явлению.

Перспективными направлениями работы могут стать углубленные исследования, направленные на изучение конкретных групп населения, находящихся в зоне риска, а также анализ эффективности

существующих программ помощи. Например, важно понять, как различные социальные, экономические и культурные факторы влияют на вероятность оказаться без жилья.

Кроме того, необходимо развивать платформы для обмена данными и результатами исследований, что позволит создать более полное представление о проблеме и выработать эффективные меры по ее решению. Важно также вовлекать в исследования и людей с опытом бездомности, чтобы их голоса и истории стали частью научного дискурса.

Важным шагом вперед может стать создание междисциплинарных команд, объединяющих социологов, экономистов, психологов и представителей государственных и некоммерческих организаций. Это позволит не только глубже понять проблему, но и разработать более эффективные стратегии для ее решения. В конечном итоге, цель всех этих усилий — не просто снизить масштаб бездомности в России, но и создать общество, в котором каждый человек имеет доступ к необходимым ресурсам и поддержке.

Литература

1. *Буланников, А. В.* К истории слова бомж // Русская речь. 2019. № 1. С. 18–36.
2. *Карлинский, И. З.* Анализ социального и правового положения бездомных в современной России. СПб.: Типография «Дельта», 2004.
3. *Кузинер, Е. Н.* «Пойду домой, домой это значит в подвал»: повседневные практики и стратегии выживания бездомных женщин. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 258—282. [Online] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653> [Дата обращения] 15.11.2024.
4. Охота к перемене мест: зачем и почему? // ВЦИОМ. 29.07.2021. [Online] <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest-zachem-i-pochemu-1> [Дата обращения] 15.11.2024.
5. *Гусева, Н. А., Крайнюков, С. В.* Сравнительный анализ жизнестойкости, выраженности депрессивных тенденций и актуализации ранних дезадаптивных схем у бездомных взрослых в период пандемии COVID-19 // здоровье населения и качество жизни. Электронный сборник материалов VIII Всероссийской с международным участием заочной научно-практической конференции. Том Часть 1. СПб., Северо-Западный государственный медицинский университет имени И. И. Мечникова. 2021
6. *Климкин, И., Бондарьков, С. Кокоурова, А.* Бездомные умирают на 19 лет раньше остальных россиян — и часто от болезней, которые легко лечатся. Исследование «Ночлежки» и «Если быть точным» // Если быть точным. 27.10.2024 [Online] <https://tochno.st/materials/bezdomnye-umiraiut-na-19-let-ranse-ostalnyx-rossiian-i-casto-ot-boleznei-kotorye-legko-lecatsia> [Дата обращения] 15.11.2024.
7. *Талынёв, В. Е, Хвоин, Н. Н.* К вопросу сущностного определения понятия «бездомный»: исторический генезис // Власть. 2021. № 3. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-suschnostnogo-opredeleniya-ponyatiya-bezdomnyy-istoricheskiy-genezis/viewer> [Дата обращения] 15.11.2024.

8. *Цацура, Е. А., Клюева, Н. Ю.* Социально-демографические характеристики, условия жизни и потребности людей в ситуации бездомности в Москве. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 409–429. [Online] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1949> [Дата обращения] 15.11.2024.
9. *Bykova, A., Filippov, N., & Yamshchikov, I. P.* Rehabilitating Homeless: Dataset and Key Insights // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2023. 37(12), 14136-14143. [Online] <https://doi.org/10.1609/aaai.v37i12.26654> [Date of access] 15.11.2024.
10. *Culhane, D. P.* The Costs of Homelessness: A Perspective from the United States // European Journal of Homelessness. 2008. Vol. 2. Dec.
11. *Kuhn, R., Culhane, D. P.* Applying Cluster Analysis to Test a Typology of Homelessness by Pattern of Shelter Utilization: Results From the Analysis of Administrative Data // American Journal of Community Psychology. 1998. No. 26(2). P. 207–232. [Online] <https://www.researchgate.net/publication/13590948_Applying_Cluster_Analysis_to_Test_a_Typology_of_Homelessness_by_Pattern_of_Shelter_Utilization_Results_From_the_Analysis_of_Administrative_Data>[Date of access] 15.11.2024.
12. *Stephenson, S.* Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia. Aldershot, England: Ashgate, 2006.
13. The Homeless Emergency Assistance and Rapid Transition to Housing (HEARTH) Act of 2009 [Online] <https://www.hud.gov/sites/documents/HAAA_HEARTH.PDF> [Date of access] 15.11.2024.
14. Validata: оценка числа бездомных на основании данных об их смертности. 2022.

Daria Baybakova, Karina Garinova

What is known about homelessness in Russia

Daria Baybakova — director of the Moscow branch of NGO Nochlezhka. **Address:** Moscow, Bumazhny proezd 2/2 building 6. **E-mail:** daria.baybakova@homeless.ru.

Karina Garinova — head of the project for disseminating the experience of NGO Nochlezhka. **Address:** St. Petersburg, Borovaya st., 112 B. **E-mail:** garinova@homeless.ru.

Abstract: The text is an analysis of the problems of homelessness, focusing on the complexity of collecting and analyzing data in this area. The authors, practitioners in the field of helping the homeless people, divide the factors affecting the lack of data into two categories: methodological and those associated with the unique characteristics of homelessness. In particular, such aspects as the influence of the experience of staying in orphanages and experience in prison on the risk of homelessness, as well as the need to assess the standard of living of the homeless by themselves are considered. The text emphasizes that in Russia there is a lack of accurate statistics on homelessness due to methodological difficulties and unique characteristics of the problem and provides an analysis of the statistics that we have. The authors rely on their practical experience and data collected during the work, reflecting the practice of helping the homeless from the inside. The text also provides a list of areas that need to be studied first of all, which will help to improve the efficiency of work and reduce the scale of homelessness in Russia.

Keywords: homelessness, homelessness data, homelessness research, Nochlezhka

References

1. *Bulannikov, A. V.* (2019). K istorii slova bomzh // Russkaya rech'. No. 1. C. 18–36. (In Russ.)
2. *Karlinskij, I. Z.* (2004). Analiz social'nogo i pravovogo polozheniya bezdomnyh v sovremennoj Rossii. SPb.: Tipografiya «Del'ta». (In Russ.)
3. *Kuziner, E. N.* (2020). «Pojdu domoj, domoj eto znachit v podval»: povsednevnye praktiki i strategii vyzhivaniya bezdomnyh zhenshchin. // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. No. 4. C. 258—282. [Online] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1653> [Дата обращения] 15.11.2024. (In Russ.)
4. Ohota k peremene mest: zachem i pochemu? (2021) // VCIOM. 29.07. [Online] <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/okhota-k-peremene-mest-zachem-i-pochemu-1> [Дата обращения] 15.11.2024. (In Russ.)
5. *Guseva, N. A., Krajnyukov, S. V.* (2021). Sravnitel'nyj analiz zhiznestojkosti, vyrazhennosti depressivnyh tendencij i aktualizacii rannih dezadaptivnyh skhem u bezdomnyh vzroslyh v period pandemii COVID-19 // zdorov'e naseleniya i kachestvo zhizni. Elektronnyj sbornik materialov VIII Vserossijskoj s mezhdunarodnym uchastiem zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tom CHast' 1. SPb., Severo-Zapadnyj gosudarstvennyj medicinskij universitet imeni I. I. Mechnikova. (In Russ.)
6. *Klimkin, I., Bondar'kov, S. Kokourova, A.* (2024). Bezdomnye umirayut na 19 let ran'she ostal'nyh rossiyan — i chasto ot boleznej, kotorye legko lechatsya. Issledovanie «Nochlezhki» i «Esli byt' tochnym» // Esli byt' tochnym. 27.10. [Online] <https://tochno.st/materials/bezdomnye-umiraiut-

na-19-let-ranse-ostalnyx-rossiian-i-casto-ot-boleznei-kotorye-legko-lecatsia> [Дата обращения] 15.11.2024. (In Russ.)

7. T*alynyov, V. E, Hvoin, N. N.* (2021). K voprosu sushchnostnogo opredeleniya ponyatiya «bezdomnyj»: istoricheskij genezis // Vlast'. No. 3. [Online] <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-suschnostnogo-opredeleniya-ponyatiya-bezdomnyy-istoricheskiy-genezis/viewer> [Дата обращения] 15.11.2024. (In Russ.)
8. *Cacura, E. A., Klyueva, N. Yu.* (2022). Social'no-demograficheskie harakteristiki, usloviya zhizni i potrebnosti lyudej v situacii bezdomnosti v Moskve. // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny. No. 2. C. 409–429. [Online] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.2.1949> [Дата обращения] 15.11.2024. (In Russ.)
9. *Bykova, A., Filippov, N., & Yamshchikov, I. P.* Rehabilitating Homeless: Dataset and Key Insights // Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence. 2023. 37(12), 14136-14143. [Online] <https://doi.org/10.1609/aaai.v37i12.26654> [Date of access] 15.11.2024.
10. *Culhane, D. P.* The Costs of Homelessness: A Perspective from the United States // European Journal of Homelessness. 2008. Vol. 2. Dec.
11. *Kuhn, R., Culhane, D. P.* Applying Cluster Analysis to Test a Typology of Homelessness by Pattern of Shelter Utilization: Results From the Analysis of Administrative Data // American Journal of Community Psychology. 1998. No. 26(2). P. 207–232. [Online] <https://www.researchgate.net/publication/13590948_Applying_Cluster_Analysis_to_Test_a_Typology_of_Homelessness_by_Pattern_of_Shelter_Utilization_Results_From_the_Analysis_of_Administrative_Data>[Date of access] 15.11.2024.
12. *Stephenson, S.* Crossing the Line: Vagrancy, Homelessness and Social Displacement in Russia. Aldershot, England: Ashgate, 2006.
13. The Homeless Emergency Assistance and Rapid Transition to Housing (HEARTH) Act of 2009 [Online] <https://www.hud.gov/sites/documents/HAAA_HEARTH.PDF> [Date of access] 15.11.2024.
14. Validata: ocenka chisla bezdomnyh na osnovanii dannyh ob ih smertnosti. 2022. (In Russ.)

Рецензии, обзоры, рефераты

Проданов, Д. С.
Колыбельные неведомых улиц. Разговоры с бездомными об их жизни

«ЛитРес: Самиздат», 2018. — 634 с.

В последние годы можно заметить растущий интерес к теме бездомности в русскоязычном сообществе. Публикуется множество работ социологов, антропологов, журналистов и социальных работников. Так дополняется знание о бездомности с точки зрения разных дисциплин. Наименее изученной темой остается изучение опыта самих бездомных. Книга Дениса Проданова ЦКолыбельные неведомых улиц» является уникальной, потому что в ней проделана работа с качественными данными об истории жизни и опыте бездомности среди бездомных людей. Это исследование феномена бездомности в жанре социальной журналистики. В ней собрано множество историй от самих бездомных, где им дают пространство для голоса. Такой подход является сильной стороной книги и подчеркивает важность «сырого» опыта людей без интерпретаций и искажений.

Мой интерес к этой книге обусловлен собственным изучением истории жизни бездомных женщин, их представлений о самих себе и анализа механизмов формирования их идентичности. На этапе дизайна исследования меня особенно интересовали методики работы с бездомными людьми: как организовать интервью, какой подход будет наиболее эффективным, как получить согласие и что делать с отказами. В поисках ответа на эти вопросы я обратилась к исследованию Д. Сноу и Л. Андерсон, которые классифицировали нарративы бездомных. По итогам выделены три вида повествования: отдаление, принятие и рассказ фиктивных историй [Snow&Anderson, 1987]. Погружаясь в тему того, как всё-таки проводят интервью с бездомными, я познакомилась с интервью исследовательницы бездомности С. Стивенсон, в котором она отметила эффективность открытого вопроса «Кто я?» в интервью с бездомными. Так как этот вопрос был завершающим этапом всего интервью, а соответственно завершением осмысления всей жизни информанта, то он подталкивал информанта на рефлексию о себе [Шанинка медиа, 2024]. Исследователь бездомности И. Низгораев в своих лекциях настаивает на том, что не следует создавать барьеры там, где их нет, надо просто начать диалог, а информант может согласиться или не согласиться ровно как и любой другой человек. Все же эти ответы не удовлетворили мой интерес и тогда я обратилась к книге Дениса Проданова.

Книга Дениса Проданова привлекла мое внимание тем, что в ней содержатся необработанные данные, которые обычно подвергаются ре-

дактуре или не публикуются в научных работах. В книге представлено 31 интервью с бездомными людьми и 5 интервью с людьми из помогающих организаций. Интервью представлены с минимальной редактурой, что позволило мне глубже понять опыт бездомности и подготовиться к собственному исследованию этой темы.

Книга состоит из нескольких частей. Во введении представлена политическая позиция автора, из этой парадигмы он описывает ситуацию с бездомностью в России по состоянию на 2018 год. Основная часть разделена на главы для трёх сезонов: лето, осень и зима, и содержит интервью с бездомными и работниками социальных служб. Сезонность книги, на мой взгляд, подчеркивает проблему смены сезонов для бездомных — эти факторы могут стать вопросами выживания. В холодное время года люди в ситуации бездомности особенно уязвимы, поэтому осень и зима особо тяжелое время. Книга завершается выводами и личными размышлениями автора в главе «В ожидании весны: послесловие». Такое название главы можно трактовать как надежду на изменения существующей ситуации бездомности, а также название подсвечивает опыт бездомных, для которых ожидании весны — это ожидание тепла, когда становиться гораздо легче выживать

Первое, на что обращаешь внимание при чтении, — это политическая позиция автора. Проблема бездомности, несомненно, является политической темой, и автор, Денис Проданов, не пытается скрыть свои взгляды и открыто выражает личные чувства. Он указывает на людей, которые ответственны за текущую ситуацию и критикует их решения в контексте бездомности и других политических вопросов. Хотя в академических работах принято избегать оценочных суждений и стремиться к объективности, такая позиция автора, на мой взгляд, не является минусом данной работы.

Хотя ведение задает определенные рамки для чтения, в работе есть моменты, которые вызывают вопросы. Например, описывая самих бездомных, Проданов использует такие стереотипные выражения, как «бродяга», «опустившийся бомж», «алкаш». Может, автор таким образом закрепляет стереотипные представления о бездомном человеке? Но затем становится ясно, что это объясняется личным опытом общения автора с бездомными людьми. Он без прикрас характеризовал тех, кого встречал, используя клишированные категории. Это логично встраивается в его эмоционально окрашенное повествование, которое наблюдается во введении, поэтому у меня, как у читателя, не остается сомнений, что это описание не является закреплением стереотипных образов. Даже напротив оно насыщает эти существующие категории личной историей жизни человека, показывая какой разный опыт может стоять за одним и тем же ярлыком.

Есть также трудности с используемой терминологией. Во-первых, не определяется категория бездомных людей: в работе автор говорит с людьми в ситуации уличной бездомности, а также с клиентами помо-

гающих служб, то есть его фильтр, по которому автор выбирает себе собеседников — это отличительные признаки, которые считываются во внешнем виде или по месту нахождения людей. Все же бездомные люди зачастую скрывают свое положение и внешне сложно отличить бездомного человека от не бездомного. Так, автор проводит интервью только с представителями видимой бездомности. При этом он говорит о проблеме «невидимости» бездомности в России, но подразумевает безразличие людей [с 9]. Однако в научной литературе термин «невидимая бездомность» имеет более узкое значение, обозначая ситуацию, в которой люди, не имеющие постоянного жилья, остаются невидимыми для государственных и социальных служб вследствие того, что не обращаются за помощью, скрывают свое реальное положение и стремятся выйти из ситуации бездомности самостоятельно, зачастую усугубляя свое положение. Денис Проданов для описания такого положения использует термин «латентность» [с 288].

Главные достоинства этой книги — ее ценность для исследователей, работающих с качественными методологиями. Книга содержит богатый эмпирический материал об опыте бездомных людей, а также о работе социального обеспечения и даже рабочих домов. Рабочие дома представляют особый интерес, так как это абсолютно скрытая зона, в которой ежегодно страдает множество бездомных людей. Особенно тема рабочих домов актуальна сейчас. О рабочих домах доступно мало информации, у исследователей очень высокий порог на вход в это поле из-за криминализированности сферы. При этом объявления на улицах о рабочих домах скорее всего видел каждый человек. Но что стоит за этим объявлением о бесплатном проживании и «достойной» работе знают лишь те, кто погружен в этот вопрос. Так, существуют следующее представление о рабочих домах: об их форме известно многим, так как в общественных мест часто встречаются листовки, рассказывающие о них, также на законодательном уровне формируется позитивное представление о рабочих домах. Например, депутат предложил создать трудовые дома, чтобы сократить уровень безработицы [Общество РБК, 2024] Ведь что плохого? Труд «воспитывает» человека, а предоставление дома решает проблему бездомности. Но вместе с существованием такого понимания рабочих домов не слышны крики помогающих организаций о том, что рабочие дома — это вид современного рабства, что утопических трудовых домов с соблюдением ТК РФ не существует, что это все эксплуатация людей в уязвимом положении. Именно поэтому насыщение знания о рабочих домах — это ценное научное знание, обладающее общественной значимостью.

В книге рассмотрен гендерный вопрос бездомности, подчеркнуто особое уязвимое положение женщин, проблематизируется принятый гендерный порядок «женщина-хранительница очага». А также рассмотрено положение женщин в рабочих домах, где существует гендерный разрыв оплаты труда. Более того рассмотрено то, как рабочие дома

укрепляют гендерный порядок «женщина-домохозяйка» и закрепляет конвенциональную социальную роль женщин. Описание данной ситуации является уникальным и несет в себе научную значимость.

Важным аспектом книги является обсуждение похорон бездомных. Похороны для бездомного человека зачастую это недоступное благо. Для похорон нужны деньги, социальные связи, документы, а бездомный человек исключен из юридических, материальных и социальных сфер. Однако сами бездомные люди просят о достойных похоронах. Денис Проданов рассказывает как на эту ситуацию влияют существующие законы о похоронах, как государство даже в вопросе смерти разделяет население на страты. Вопрос смерти среди бездомных, смыслов и переживаний вокруг этого представляет собой особый исследовательский интерес.

В заключении стоит сказать, что книга «Колыбельные неведомых улиц» — это работа, которая несет вдохновение исследователям и социальным работникам, а также имеет социальную значимость. У Дениса Проданова получилось сократить дистанцию, которая много лет выстраивалась разными институциями между «обществом» и бездомными. Он сумел стереть разделение между «мы» и «они». Несмотря на то, что книга опубликована в 2018 году и автор не описал в ней новые социально-политические проблемы, книга сохраняет актуальность, так как автор подчеркнул вызовы, которые были и остаются значимыми.

А. И. Васильева

Литература:

1. *Snow, D. & Anderson, L.* Identity Work Among the Homeless: The Verbal Construction and Avowal of Personal Identities. American Journal of Sociology — AMER J SOCIOL. 92. 10.1086/228668. 1987
2. Шанинка медиа [Электронный ресурс] Интервью с социологом Светланой Стивенсон об исследовании людей с опытом бездомности в России // Московская высшая школа социальных и экономических наук. 2024. URL: www.msses.ru/media/intervyu/intervyu-so-svetlanoy-stivenson-ob-issledovanii-lyudey-s-opytom-bezdomnosti-v-rossii/ (дата обращения: 12.10.2024).
3. Общество РБК [Электронный ресурс] В Томске депутат предложила создать трудовые лагеря для «тунеядцев» // РБК. 2024. URL: www.rbc.ru/society/02/05/2024/663355219a79471f29d556a6 (дата обращения: 12.10.2024).

Для цитирования: *Васильева, А. И.* [Рец] Проданов, Д. С. Колыбельные неведомых улиц. Разговоры с бездомными об их жизни. «ЛитРес: Самиздат», 2018 // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 259–262.

Colburn, D., Aldern, C.
Homelessness Is a Housing Problem. How Structural Factors Explain U.S. Patterns

Oakland, CA: University of California Press, 2022. — 284 p.

Мне 13 лет. «Санечка, на всех слез не хватит», — нетерпеливо говорит мама и тянет за собой, когда я все еще оборачиваюсь на сгорбленную старушку, которая в подземном переходе робко протягивает ладонь проходящим мимо людям и делающим вид, как будто ее нет. Меня охватывает злость из-за черствости взрослых. Я никогда-никогда не буду такой.

Сейчас мне 30. Почти каждый раз, когда я иду на работу пешком, в подземном переходе на Сухаревской я «не замечаю» пожилую женщину, худобу которой не может скрыть даже мешковатая одежда. Ну как одежда — скорее тряпки. У меня в кармане две мятые сотни. Я прохожу мимо.

Мы, рациональные взрослые, понимаем, что, во-первых, всем не поможешь. Во-вторых, с большой вероятностью это профессиональные попрошайки, и зарабатывают они прилично, умело давя на жалость. Некоторые искусно притворяются инвалидами, кто-то даже использует детей, чтобы манипулировать нашими эмоциями. Есть и образцово честные пьяницы с обветренными красными лицами и распространяющие вонь: они просят на пиво, водку или сигареты, иногда увязываются за тобой, а потом кричат вслед, что ты сука. Лица без определенного места жительства просачиваются в подъезды, курят, пьют и справляют нужду на лестничных клетках. Бдительные и активные граждане без устали пишут жалобы в соответствующие инстанции, но тщетно. Приходится постоянно самим выгонять бомжей и обрабатывать подъезд хлоркой. Среди них полно уголовников, алкоголиков, наркоманов, бездельников, которые сами себе жизнь испортили.

Нет-нет, мы, взрослые, не отрицаем, что есть несчастные с трагической судьбой. Я вот и сама помогаю: делала ежемесячные взносы в благотворительные проекты «Ночлежка» и «Помощь».

Но все-таки на душе неспокойно. Я не могу отогнать мысли о том, что очень многие просто пережили трагические события и оказались в ситуации, из которой сложно вырваться, найти работу и иметь хотя бы скромный доход.

«Всем не поможешь». Это правда, но можно пытаться. А как? Достаточно ли просто выделить бюджет на ночлежки и приюты для бездомных, где можно укрыться от холода и поесть? Уже на интуитивном уровне становится ясно, что этого мало. Бороться со стигматизацией

бездомных, пробудить сострадание к ним? Брать у них интервью и в красках рассказывать их истории? Кажется, все это достойные уважения инициативы, но решит ли это проблему на системном уровне? И — самое главный вопрос — что может сделать исследователь?

Российских исследований, посвященных бездомности, несопоставимо мало, если сравнивать с разработанностью этой темы в США и ряде европейских стран [Рогозин, 2024]. Но насколько релевантно изучать феномен бездомности, обращаясь к зарубежному опыту? Другой контекст, другие проблемы. Даже если это так, прежде нужно в этом убедиться.

Книга Homelessness is a Housing Problem. How Structural Factors Explain U. S. Patterns («Бездомность — это жилищная проблема. Как структурные факторы объясняют паттерны в США») под авторством Колберна и Алдерн, посвящена «всем тем, кто живет без стабильного жилья, а также политикам, организаторам, адвокатам, исследователям, специалистам и тем, кто имеет опыт борьбы с бездомностью». Либо авторы лукавят, либо искренне считают, что широкая публика с легкостью разберется с количественной методологией. Тем не менее, это никак нельзя считать недостатком, скорее отличной мотивацией для того, чтобы разобраться в том, как происходит интерпретация количественных данных, и овладеть умением критически оценивать выводы.

Авторы опираются на большой корпус исследований бездомности и используют в аргументации многочисленные статистические данные. В очередной раз можно убедиться в том, насколько важно владеть количественными методами, а не фокусироваться лишь на качественных. Бесспорно, качественные исследования, этнографии с глубинными интервью и включенным наблюдением, — более захватывающее чтение, но, увы, ни о какой репрезентативности речи идти не может. Соответственно, и польза для законодателей, которые ответственны за реформы, сомнительна.

Более того, несмотря на обилие таблиц, экономической терминологии и сухого нарратива, изобилующего цифрами, книга Колберна и Алдерн не может не удивлять неожиданными выводами, которые порой идут вразрез со здравым смыслом. Одна из загадок следующая.

Как вы думаете, в каком городе с поправкой на количество населения процент бездомных выше — в Детройте или Нью-Йорке? Детройт — город в экономическом упадке, с крайней бедностью, высоким уровнем безработицы, низкими зарплатами и оттоком населения. Нью-Йорк — процветающий, вечно разрастающийся мегаполис с сильной экономикой, большим количеством рабочих мест, развитой системой социальной поддержки.

Как ни парадоксально, в Детройте один из самых низких показателей бездомности, в то время как Нью-Йорк среди лидеров. Можно было бы сохранить интригу и для большей эффективности утаить

объяснение, которое дают авторы, и предоставить возможность богатому воображению строить версии. Только формат не тот — это не рецензия на детективный роман.

Главная причина заключается в том, что в Детройте более доступное, дешевое жилье, большое количество пустующих помещений, которые можно вернуть в жилищный фонд. Таким образом, авторы развенчивают один из устойчивых мифов о прямой каузальной связи бедности, безработности и бездомности. Колберн и Алдерн не отрицают, что потеря работы, бедность увеличивают риск оказаться без дома, но подчеркивают, что необходимо различать индивидуальные уязвимости и первопричины (p. 94). Они так же не спорят с тем, что такие индивидуальные факторы, как ментальные расстройства, наркотическая зависимость, наличие судимости, домашнее насилие, раса, сексуальная ориентация и другие демографические характеристики при определенных обстоятельствах могут приводить к потере дома, но они не являются корнем проблем и не объясняют вариации на уровне регионов (p. 51). В частности, авторы обращаются к статистике: в городах с самым большим количеством черного населения (Детройт и Балтимор) самый низкий процент бездомных, в то время как в самый высокий — в городах типа Сан-Франциско, Бостона, Портленда и Сиэтла со сравнительно высокой долей белого населения (p. 91).

Но именно стереотипные нарративы доминируют в публичном дискурсе и формируют искаженное представление о бездомности (p. 12, 52). Также авторы отмечают, что некоторые характеристики являются не потенциальными рисками потерять дом, а следствиями травмирующей жизни без дома, к примеру, наркомания или психические расстройства (p. 54).

Так, на первый взгляд, имплементация модели «лечение в первую очередь» логичная и вполне здравая. Прежде чем получить возможность принять участие в программе доступного жилья, те, кто страдает от психического заболевания или расстройств, связанных с употреблением психоактивных веществ, должны пройти лечение. Однако, как показывают исследования, гораздо более эффективным методом является, в первую очередь, предоставление жилья (p. 65).

Еще одно опасное заблуждение, о котором говорят исследователи, касается негативной реакции на «политику разрушительного сострадания» в некоторых городах, поскольку она породила культуру, поощряющую бездомность (p. 95). Теплая погода, щедрые социальные льготы якобы мотивируют людей добровольно покидать свой дом, чтобы переселиться в приют с сомнительными жилищными условиями. Вывод сторонников такой версии напрашивается сам собой: чтобы не было бездомности, не надо тратить деньги на поддержку бездомных (p. 104).

Исследователи также уделяют внимание «невидимой бездомности». Именно столкновение с последней пробудило интерес Колберна

к проблеме бездомности. Он вспоминает, что в середине 1990-х гг. часто видел, как полицейские вытаскивали из вагона спящего человека неблагонадежного вида. Такова была заслужившая в то время широкое одобрение политика мэра по «очистке» Нью-Йорка. Это «пространственное решение» проблемы: простая дислокация бездомных из престижного и популярного среди туристов Манхэттена в приюты на окраины (p. 115). И дело не только в туризме: города, которые заинтересованы в привлечении капитала и среднего класса, должны поддерживать позитивный образ и скрывать увеличивающийся разрыв между бедными и богатыми (p. 62, 116). В итоге происходит лишь сокрытие проблемы (p. 104).

Приюты для бездомных не могут решить проблему на системном уровне хотя бы потому, что использование лишь таких мер не учитывает главный фактор — рост цен на жилье в регионах, где концентрируются корпорации типа Amazon, получающие огромные налоговые льготы и предоставляющие высокооплачиваемую работу высококвалифицированной рабочей силе (p. 150).

Что же предлагают Колберн и Алдерн? Решение структурного кризиса возможно только при обеспечении постоянного жилья. Необходимо увеличить долю государства в жилищном фонде: исследователи иронично отмечают, что в капитализме опрометчиво ожидать, чтобы строительные корпорации объединились в порыве благородства предоставили строили в каждом крупном городе новые дома для людей с фиксированным доходом (p. 173). По итогу ничего неожиданного: нужно одновременно изменять восприятие бездомности и бороться с дегуманизацией бездомных, выделять адекватные ресурсы для решения проблемы и решать ее системно (p. 176).

Признаться честно, это не самая захватывающая книга, которую я читала, но это хорошее предостережение от виктимизации тех, кто вызывает у нас отвращение, презрение, страх. А иногда мы уже и не испытываем какие-либо эмоции. Мы приучили себя смотреть сквозь таких людей, принимать последствия за причины и прятать возникающие сомнения глубоко в душе.

А. А. Ченцова

Литература

Рогозин, Д. М. 100 книг о бездомности, изданных за последние 10 лет // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 282–292.

Для цитирования: *Ченцова, А. А.* [Рец] Colburn, D., Aldern, C. Homelessness Is a Housing Problem. How Structural Factors Explain U.S. Patterns Oakland, CA: University of California Press, 2022 // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 263–266.

Lenhard, J.

Making Better Lives: Hope, Freedom, and Home-Making among People Sleeping Rough in Paris

Oxford, New York, 2022. — 289 p.

Монография Йоханнеса Ленхарда Making Better Lives: Hope, Freedom, and Home-Making among People Sleeping Rough in Paris, изданная в 2022 году издательством Berghahn Books, раскрывает сложную тему бездомности в Париже. Автор предпринимает глубокое антропологическое исследование, сосредоточенное на повседневной жизни бездомных, которые пытаются создать «лучшую жизнь» даже в условиях уличного существования. В центре внимания работы — вопросы надежды, свободы и «домостроительства», то есть процессов, через которые бездомные адаптируются к жизни в городской среде вопреки её тяжёлым условиям. Два года Ленхард сопровождал своих информантов на улицах Парижа, что позволило ему не только понять материальные аспекты их жизни, но и заглянуть в их психологический мир. Его двойная роль антрополога и волонтёра содействовала созданию доверительных отношений с бездомными. «Моя гибкость позволила мне наблюдать, как люди выстраивают повседневные ритуалы, несмотря на постоянные изменения их окружения», — подчёркивает Ленхард, указывая на ценность этнографического подхода.

Одной из ключевых особенностей работы является акцент исследователя на активной позиции бездомных. Ссылаясь на концепцию «техник себя» (techniques of the self) Мишеля Фуко, автор показывает, как бездомные используют разные методы управления своей жизнью, чтобы создать минимальный комфорт и контроль над существующими обстоятельствами в их жизни. В контексте антропологии страдания (anthropology of suffering) Ленхард намеренно отходит от традиционного взгляда на бездомных как пассивных жертв маргинализации. Он критикует антропологию, фокусирующуюся исключительно на страданиях уязвимых групп, так как этот подход оставляет в тени активные стремления и надежды людей на улицах. Ссылаясь на работы Джоэла Роббинса, Ленхард подчеркивает важность освещения не только страданий, но и проявлений надежды, заботы и человеческой агентности (agency) — тех сторон, которые показывают стремление к улучшению своей жизни, даже в условиях крайней уязвимости.

Книга разделена на части, каждая из которых освещает различные стратегии выживания бездомных. В первой части Ленхард вводит читателя в контекст парижских улиц, рассказывая о бездомных, обитающих вокруг вокзала Гар дю Нор, который является не только транспортным узлом, но и центром социальной жизни бездомных людей.

Здесь можно найти места для ночевки и временные укрытия, при этом сама атмосфера вокзала создаёт ощущение постоянного движения и анонимности: прохожие и местные жители часто избегают зрительного контакта с бездомными, что позволяет последним существовать как бы «вне» привычного общественного поля зрения. Важное внимание Ленхард уделяет понятию «домостроительства» или home-making. Он показывает, что, несмотря на отсутствие постоянного жилья, бездомные всё равно пытаются создавать временные «дома» — определенные места, к которым они возвращаются, и элементы повседневной рутины, помогающие обрести хотя бы небольшое чувство стабильности. Интересна также вводимая автором категория «drug time» — особое восприятие времени, где повседневные заботы и беспокойства заменяются цикличностью употребления, уходом от реальности и кратковременными состояниями облегчения.

Во второй части Ленхард анализирует краткосрочные стратегии, которые помогают бездомным справляться с ежедневными трудностями. Например, в главе «Труд на улице» он описывает попрошайничество как форму труда, требующую от бездомных постоянного взаимодействия с прохожими и общественными пространствами. Для бездомных попрошайничество становится способом «управлять видимостью», где они создают определённый образ для прохожих, чтобы вызвать сочувствие и увеличить вероятность получения помощи. Ленхард отмечает, что попрошайничество требует навыков адаптации и эмоциональной работы: бездомные часто «перемещаются между видимостью и невидимостью», стараясь привлечь внимание, но при этом не выглядеть угрожающими или навязчивыми для окружающих. Автор также исследует и такие базовые аспекты жизни, как поиск еды и поддержание личной гигиены. Он отмечает, что бездомные, как правило, зависят от благотворительных организаций и местных служб поддержки для удовлетворения этих потребностей. Еда часто добывается через различные благотворительные пункты, кафе с политикой помощи бездомным или через переработку отходов в супермаркетах. Поддержание гигиены становится серьезной проблемой, так как доступ к душевым, туалетам и местам для стирки одежды ограничен, а большинство общественных заведений недоступны бездомным или требуют оплату. Этот аспект показывает, как каждая рутинная деталь, которая может казаться незначительной для обычного горожанина, превращается для бездомных в постоянный вызов.

Третья часть посвящена долгосрочным перспективам бездомных, где внимание переключается на их взаимодействие с социальными учреждениями, как, например, центр «Valley of Hope». Центр помогает своим подопечным формировать стабильные привычки и рутинные действия, такие как регулярное питание и уход за собой, что создает основу для перехода к жизни вне улиц. Автор пишет, что «принятие правил и повторение рутинных действий

в приюте создают платформу для возможного нового этапа жизни, направленного на интеграцию в общество». Таким образом, приюты могут быть своеобразным «мостом» между жизнью на улице и более стабильными условиями. В отличие от более краткосрочных стратегий выживания, описанных во второй части, здесь автор показывает, как люди стремятся улучшить свое положение, надеясь на получение работы, жилья и восстановление социальных связей. Эти надежды часто связаны с определенными целями и проектами, которые становятся основой для долгосрочных изменений. Однако Ленхард также отмечает, что не всем удается достичь своих целей из-за ограничений в доступе к ресурсам, бюрократических препятствий и особенностей работы благотворительных организаций.

Одним из значительных ограничений исследования является его фокус на мужском опыте бездомности. Ленхард редко взаимодействовал с женщинами-бездомными, что ограничило его возможность представить гендерный аспект жизни на улице. Женщины-бездомные могут сталкиваться с особыми рисками и проблемами, которые включают вопросы безопасности, защиты от насилия и специфические формы социальной стигматизации. Включение женских голосов в исследование могло бы значительно расширить его глубину и дать более комплексное понимание различных стратегий выживания в условиях бездомности. Хотя Ленхард старается исследовать разнообразные группы бездомных, он сталкивается с языковыми и культурными барьерами, особенно при взаимодействии с румынскими группами бездомных. Из-за этого некоторые важные аспекты культурного опыта уличной жизни остаются за рамками его анализа. Румынские группы, часто отличающиеся своей уникальной культурой и жизненными стратегиями, составляют значительную часть бездомного населения Парижа, и их включение могло бы добавить ценные элементы в понимание многообразия уличной жизни. Хотя Ленхард подробно описывает взаимодействие бездомных с социальными институтами, такими как приюты и благотворительные организации, он уделяет относительно мало внимания политическим и экономическим структурам, которые поддерживают и регулируют эти институты.

В книге Making Better Lives: Hope, Freedom, and Home-Making among People Sleeping Rough in Paris Йоханнес Ленхард создаёт редкий и глубокий портрет уязвимой группы, которую часто воспринимают лишь через призму страдания и социальной изоляции. Его работа, наполненная уважением и эмпатией, помогает увидеть бездомных как людей с собственными надеждами, стремлениями и целями. Ленхард показывает, что даже в условиях крайней нестабильности люди способны находить способы для поддержания своей человеческой достоинства, создавая личные «дома» и развивая ритуалы, которые помогают справляться с вызовами уличной жизни. Он освещает не только социальные и структурные аспекты проблемы, но и её вну-

треннее, человеческое измерение — силу духа, желание быть частью мира и умение находить свет даже там, где его, казалось бы, не осталось. Работа Ленхарда позволяют увидеть многообразие человеческих реакций на трудности, пробуждая понимание и сострадание. Making Better Lives — это мощное свидетельство о том, что даже в самых суровых условиях человек способен сохранить свою способность мечтать, надеяться и стремиться к лучшему, и именно этот дух делает антропологию исследования бездомности не только актуальной, но и глубоко вдохновляющей.

А. В. Е. Шульц

Для цитирования: *Шульц, А. В. Е.* [Рец] Lenhard, J. Making Better Lives: Hope, Freedom, and Home-Making among People Sleeping Rough in Paris. Oxford, New York, 2022 // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 267–270.

Southworth, S., Brallier, S.
Homelessness in the 21st Century: Living the impossible American Dream

New York: Routledge, 2023. — 200 p.

«Люди не любят бездомных, потому что они не считают нас людьми».
(Джейк, 47-летний белый мужчина)

Эта актуальная книга, представляет собой доступный и увлекательный текст о бездомности в США, где авторы смещают фокус рассмотрения бездомности с индивидуалистических объяснений к исследованию социальных и политических причин. Стефани Саутворт и Сара Брейльер, социальные ученые из Университета Прибрежной Каролины (Coastal Carolina University), подходят к проблеме бездомности с острым взглядом социологов, которые понимают, что бездомные делают выбор в рамках ограничений заданных социальной структурой, над которой они не властны. Всестороннее рассмотрение взаимодействия между социальной структурой и деятельностью, порождающей бездомность, отличает их книгу от других попыток пролить свет на эту социальную проблему. По мнению авторов, бездомность недостаточно изучена и в значительной степени недостаточно теоретизирована. Очень немногие современные исследователи рассматривают бездомность с социально-политической точки зрения или объединяют историю и политику в качестве фона для обсуждения масштабов бездомности в США сегодня.

Несомненен вклад авторов в изучении бездомности посредством убедительного и проницательного исследования исторических тенденций и политик, которые усугубляют бедность и ограничивают доступность жилья. Обширный набор данных и глубокий анализ раскрывают как изменения в социальной и политической структуре США за последние полвека, включая неолиберальные экономические реформы и расширение некоммерческого сектора, приводят со временем к увеличению бездомности. В книге обосновывается точка зрения, что бездомность — это выбор, выбор сделанный политиками, которые отказываются финансировать основные государственные услуги, которые могли бы стать спасательным кругом для самых уязвимых слоев общества.

Авторы опираются на шестилетнее (2016–2022 гг.) исследование жизни и опыта бездомных людей в городе Миртл-Бич, округ Хорри, Южная Каролина, в ходе которого было проведено 250 интервью

с людьми, которые испытывают бездомность, с поставщиками услуг и городскими чиновниками, а также на сделанные ими полевые заметки. Хотя все интервью проводились в Южной Каролине, выявленные проблемы отражают ситуацию по всей стране. Свое эмпирическое исследование авторы начинают с рассмотрения того, как рассчитывается масштаб бездомности в Соединенных Штатах. Затем был проведён детальный анализ распространенности бездомности и работы основных некоммерческих организаций, отвечающих за обслуживание потребностей бездомного сообщества в городе Миртл-Бич и его окрестностях. Проведённое исследование уникально тем, что оно — одно из немногих в которых испытывающих бездомность людей спрашивают, какие услуги и ресурсы, по их мнению, помогут им обеспечить безопасное и стабильное жильё. Большая часть современных исследований исходит из точки зрения только поставщиков услуг, фокусируется на опыте бездомности или рассматривает патологии отдельных лиц.

С. Саутворт и С. Брейльер выявили и описали структурные барьеры, с которыми сталкиваются ставшие бездомными люди: это отсутствие доступного жилья, стигматизация и криминализация бездомности, недостаточный доступ к медицинскому обслуживанию, занятость, не обеспечивающая прожиточного минимума, и трудности с доступом к социальным услугам. На большом фактическом материале рассматривается, как вера в американскую мечту влияет на людей, страдающих от бездомности. Большинство людей, столкнувшихся с бездомностью, с которыми беседовали социологи, верили в американскую мечту, что каждый человек в Соединенных Штатах может быть экономически успешным, если будет достаточно усердно работать, и винили себя, что не смогли её достичь. Но идеология американской мечты проблематична, поскольку она игнорирует структурные условия, которые делают бездомность социальной проблемой. Авторы, исследуя как стереотипы о людях, страдающих от бездомности, влияют на людей и направляют социальную политику, рассматривают изменения, которые можно осуществить для искоренения бездомности в политике на местном и национальном уровнях, приходят к выводу, что для того, чтобы переключить внимание с обвинения «жертвы» на поддержку общего блага необходима политическая воля.

Можно отметить, что авторы преследуют две цели. Первая — предоставить подробную историю бездомности в США и описать, как бездомность стала признанной, принятой и стигматизированной частью современного американского социального ландшафта. Вторая — гуманизировать людей, испытывающих бездомность, и привести примеры, как социальные структуры и государственная политика влияют на способность низкооплачиваемых работников или людей с умственными или физическими недостатками иметь жильё. Можно положить конец эпизодам бездомности до того, как они нач-

нутся, но для этого потребуются согласованные усилия, бездомность не является неотвратимой, её не следует принимать как неизбежный факт в самой богатой стране мира.

Авторы подробно анализируют, как менялись характеристики бездомности с течением времени и как Соединенные Штаты стали местом, где бездомность является принятой нормой, частью общества. Начиная с описания возникновения волны бездомности, которая сопровождала периоды промышленной революции и Великой депрессии, анализируя изменения общественного восприятия и реакции на бездомность авторы приходят к выводу, что к 1970-м годам бездомность в США сократилась до такой степени, что учёные и политики думали, что «проблема» решена и бездомность скоро исчезнет из актуальной повестки. Но к концу 1970-х годов начался идеологический сдвиг в мышлении политиков о роли правительства в жизни людей, и бездомность начала расти. Изменение государственной политики США с акцента на общее благо на свободный рынок, на котором, по крайней мере теоретически, потребители могут выбирать из различных товаров и услуг, чтобы наилучшим образом удовлетворить свои потребности без вмешательства правительства, привело к сокращению программ жилищного и социального обеспечения. Эта тенденция особенно усилились во время президентства Рональда Рейгана и продолжается до сегодняшнего дня. Авторы видят проявление влияния неолиберализма на политические решения относительно бедности и бездомности в создании некоммерческого сектора для решения социальных проблем. Хотя бездомность сама по себе не нова, характеристики «новых бездомных» (с 1980-х годов по настоящее время) и факторы риска бездомности сегодня видятся по-другому, чем в прошлом. Неолиберальная политика исходит из предпосылки, явной или неявной, что бедные люди безответственны и их необходимо «контролировать».

Далее описываются факторы риска бездомности, которые стали более распространёнными в новой неолиберальной экономике, в частности эпидемия тюремных заключений, коммерциализация и вслед за ней недостаток доступной психиатрической помощи. Также подробно рассматривается история психиатрической помощи и деинституционализация психиатрических пациентов в США. Хотя простое помещение в психиатрические учереждения людей не всегда эффективно, кроме того, оно может быть связано с жестоким обращением с пациентами, планы по созданию системы финансируемых государством амбулаторных учреждений, которые должны были заменить закрытые психиатрические учреждения, так и не были полностью реализованы.

Крайне интересным является то, что авторы рассматривают, как социологи и другие социальные учёные используют теорию для объяснения существования бездомности. При проведении своего

исследования авторы используют понятие обоснованной теории. По их мнению, обоснованная теория основана на индуктивном процессе, в котором гипотезы возникают из результатов исследования, это не теория, при построении которой исследователь начинает с гипотезы и пытается понять, верна ли она. Далее рассматривается, как такие теории, как марксистская теория, теория прекариата Гая Стэндинга, теория неравенства Фуко, «новая ортодоксия» Николаса Плиса и теория структурации Энтони Гидденса вносят вклад в понимание сложного взаимодействия между индивидуальными действиями и социальной структурой.

Исследуя связь между бездомностью и здоровьем, исследователи были удивлены количеством людей, которые говорят, что чувствуют себя «хорошо», хотя ранее они сообщали о наличии у них серьезных нарушений и хронических заболеваний: «Мы не были удивлены тем, что люди были больны, но мы были озадачены тем, насколько безразлично большинство людей, с которыми мы встречались, относились к своей инвалидности». Серьёзные психические и физические заболевания являются нормой, а не исключением в сообществе бездомных, и «безразличие» — единственный вариант отношения для некоторых людей к своим болезням. Шестьдесят процентов опрошенных указали, что у них были проблемы с психическим или физическим здоровьем. Из этих шестидесяти процентов только три процента упомянули незначительные проблемы со здоровьем, такие как простуда или кашель, в то время как остальные девяносто семь процентов сообщили о (часто нескольких) хронических заболеваниях.

Трудно не согласиться с авторами, что одной из проблем, усугубляющих состояние бездомности, стала её стигматизация. Бездомность стигматизируется не только обществом, но также поставщиками услуг и государственными служащими. Поставщики услуг и городские служащие используют модель «токсичной благотворительности», чтобы поддержать идею о том, что люди должны работать за то, что им дают, иначе они станут зависимыми. Даже люди, которые сами сталкиваются с бездомностью, часто стигматизируют других, находящихся в такой же ситуации. В стране, в которой упорный труд, как считается, обязательно ведёт к успеху, легко стигматизировать людей, которые считаются неудачниками в жизни.

Исследуя влияние системы уголовного правосудия на бездомность, авторы обнаруживают явления, приводящие к криминализации бездомности. Так законы, предусматривающие арест и наказание за такое поведение, как сидение или стояние в неположенном месте или сон в общественных местах, в итоге криминализируют бездомность. Если у человека не было судимости раньше того, как он стал бездомным, у него, скорее всего, будет судимость до того, как он получит жильё. Большинство людей в ходе интервью говорили, что имели взаимодействие (как правило, негативное) с полицией. Неко-

торые бездомные люди считают, что стать бездомными их заставила полиция или система уголовного правосудия. Другие описывали трудности в возвращении в нормальную колею после ареста за мелкие нарушения, такие, как праздношатание. В тоже время: «Охрана правопорядка над бездомными также обходится обществу дорого; ночь в тюрьме обходится в три раза дороже, чем ночь в приюте».

Авторы, используя полученную в ходе опросов информацию, инициировали несколько локальных программ по поддержке бездомных. Хотя эти программы мало что делают для глобального сдерживания распространения бездомности, они послужили средством взаимодействия с поставщиками услуг и государственными служащими, что дало возможность выступать за значимые изменения, особенно в отношении доступности жилья и расширения доступа бездомного сообщества к физической и психической медицинской помощи на локальном уровне. Так в 2018 году авторы книги запустили программу совместного использования велосипедов (Rolling Forward) в мужском приюте, чтобы помочь удовлетворить выявленную в ходе исследования бездомных потребность в доступном транспорте. Проект «Rolling Forward» олицетворяет продуманные, осуществимые, творческие и вдохновляющие усилия по сокращению бездомности путем устранения одной структурной причины в Миртл-Бич, Южная Каролина.

В заключение авторы предлагают рекомендации, как можно сократить бездомность, если невозможно искоренить её полностью. Эти изменения политики по преодолению бездомности должны быть законодательно закреплены на местном и национальном уровнях и базироваться на политической воле, чтобы переключить фокус с обвинения жертв бездомности на поддержку общего блага. Например, во время проведения исследования в округе Хорри была изменена система общественного транспорта — плата за проезд для бездомных была отменена, маршруты были пересмотрены и расширены, а доступ к автобусам и поездки стали проще, что привело к более чем 20-процентному (с 52 до 30 процентов) снижению числа бездомных, которые ранее в ходе интервью указывали, что отсутствие доступного и надёжного транспорта является препятствием для их трудоустройства и доступа к здравоохранению и социальным услугам.

Авторы обоснованно приходят к выводу — необходим фундаментальный сдвиг в том, как общество, включая правительство и поставщиков услуг, относится к проблеме бездомности. Необходимо перейти от политики попыток «исправить» личные патологии людей, испытывающих бездомность, к поиску структурных решений проблемы, особенно в отношении недавно ставших бездомными или людей, подверженных риску стать бездомными. Масштабы бездомности, наблюдаемые сегодня, не являются неизбежными и общество должно работать над предоставлением устойчивых решений до того, как люди станут бездомными, а не пытаться «исправить» отдельного человека.

Эта книга, умело сочетающая в себе историю, теорию и этнографию, представляет собой бесценный ресурс для тех, кто интересуется политикой в отношении бездомных в США и будет полезна для самых разных аудиторий.

В. Р. Мисихин

Для цитирования: *Мисихин, В. Р.* [Рец] Southworth, S., Brallier, S. Homelessness in the 21st Century: Living the impossible American Dream. New York: Routledge, 2023 // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 271–276.

Мануильская, К. М., Рогозин, Д. М., Грязнова, О. С., Ипатова, А. А., Вьюговская, Е. В.
Жизнь вне изоляции. Концепция нового социального дома

М., Дело, 2021. — 328 с.

Я попробую обобщить предлагаемую в книге концепцию нового социального дома, выделить наиболее яркие выводы основных разделов книги и даже сравнить предложение авторов с революционными идеями авангардистов прошлого века по организации жилого пространства, но сначала я расскажу вам историю.

Чудесным ноябрьским днем, приблизительно год назад, я иду в гости в фонд «Вера», в Дом сестринского ухода, иду мимо хохочущих девчонок возле alma mater и чувствую себя очень старой (ага, сейчас тебя поднимут на смех) и, как ни странно, очень уверенной, у меня с собой 10 коробок мармелада для подопечных фонда и детальный опросник, который позволит мне с точностью до салфеточки понять, из чего состоит комфорт пожилого человека вдали от дома, и как его разобрать и пересобрать для каждого, и он-то родимый и будет первым простым шагом навстречу комфорту пожилого человека (я надеюсь, вы уже почувствовали сарказм, но я, подходя к воротам ДСУ, ещё нет).

«Нажми любую кнопку, скажи, что ты в фонд, тебе откроют! Добро пожаловать!»

Я же знаю, как я подойду к проблеме, я пойду от хорошего, от того, что радует, я же иду не куда-нибудь, я иду в место, где любят и умеют создавать дом.

«И бельё обязательно цветастое, от разных наборов, вы же дома не стелите одинаковое бельё, наволочка к наволочке, а? стелите? ну, не знаю, и кружки чтобы разные! и по возможности принаряжаться и выходить к обеду!» (Валентина Сопова, заместитель директора Дома милосердия кузнеца Лобова, партнера БФ «Вера».)

Плюс у меня за плечами уже больше десятка экспертных интервью, и я уже знаю, что хорошо работают проекты наследия [Allen, 2009], что важны попытки возврата воспоминаний через музыку, запахи [Glachet, 2019] или вкусы, что очень нужно, чтобы персонал, навещающие и сам человек, продолжали помнить о нём, какой он замечательный, для этого развешиваем достижения, ставим фото в молодости с самыми что ни на есть лихо закрученными усами, и расставляем по тумбочкам подарки от семьи и предметы из дома.

И вот наступает момент истины. Я захожу в палату, где все идеально: на тумбочке самодельные свистульки от внуков и видавшая виды трубка, по стенам грамоты ударника производства, возле кровати огромная фотография моряка на фоне субмарины, буквально, и на каких морях ты побывал.

— *А что больше всего радует?*
— *Ничего.*
— *А что больше всего хочется?*
— *Уйти отсюда.*
<автора в этот момент как приложили той самой субмариной>
— *А родные приходят? А кто? А это кто смастерил?*
— *А вы во флоте служили? Трудно? А расскажите?*

Интервью прерывается, всех зовут играть в лото, подопечные приглашаются вне зависимости от мобильности. Волонтёры и персонал ассистируют тем, кому нужна помощь, и каламбурят изо всех сил. Подводника лото очевидно не интересует. По результатам игры полагается приз, его предлагают на выбор из нескольких вариантов. И в этот момент я первый раз вижу, как мой морской волк улыбается. Он выбрал фарфоровую таксу бирюзового цвета и увлеченно её рассматривает. И я, конечно, так себе специалист по фарфору, но мне кажется, что самое важное здесь — выбор. Возможность выбора. Пресловутая наша с вами субъектность, чтоб её.

Теперь вернемся к рецензии. Книга «Жизнь вне изоляции. Концепция нового социального дома» авторов К. М. Мануильской, Д. М. Рогозина, О. С. Грязновой, А. А. Ипатовой, Е. В. Вьюговской представляет собой исследование жилищных потребностей старшего поколения и предлагает революционные решения для создания комфортных и инклюзивных жилых пространств. Авторы основываются на эмпирических исследованиях и мировом опыте, чтобы предложить концепцию социального дома, который будет удобен для людей всех возрастов.

Основная идея книги заключается в том, что дом должен быть не только местом проживания, но и пространством, способствующим социальной активности и взаимодействию между жителями. Авторы подчеркивают важность создания условий, которые бы способствовали социальной интеграции и улучшению качества жизни. Они предлагают различные архитектурные и социальные решения, направленные на создание таких условий.

В книге рассматриваются примеры успешных проектов из разных стран, которые могут служить моделью для разработки новых социальных домов. Авторы анализируют, как можно адаптировать эти модели к российским условиям, учитывая культурные и социальные особенности. Они также обсуждают роль государства и общественных организаций в поддержке таких инициатив.

Одним из ключевых аспектов книги является внимание к потребностям старшего поколения. Авторы подчеркивают, что с возрастом у людей меняются интересы и предпочтения, и это должно учитываться при проектировании жилых пространств.

Кроме того, в книге рассматриваются вопросы доступности и инклюзивности. Авторы предлагают различные меры, которые помогут сделать жилые пространства доступными для людей с ограниченными возможностями здоровья. Они также обсуждают важность создания условий для межпоколенческого взаимодействия, которое способствует обмену опытом и поддержке между разными возрастными группами.

Ну и наконец, уделяется внимание экологическим аспектам проектирования жилых пространств и предлагаются решения, которые помогут снизить негативное воздействие на окружающую среду и создать более устойчивые и экологически чистые жилые комплексы, в том числе посредством использования возобновляемых источников энергии, энергоэффективных технологий и экологически чистых материалов.

> «*Радикальность проекта в том, что он предлагает по-новому смешать частное и государственное, приватное и публичное. Как это сделать, сохраняя достоинство и не создавая новых уязвимостей для пользователей, — большой вопрос*» (с. 8).

Остановимся подробнее на предлагаемой авторами концепции нового социального дома.

> «*Жильё — это пространство для жизни*» (с. 11).

В самом начале книги авторы поставили задачу повторять и переопределять эту максиму, адаптируя ее значение для современного контекста, для чего читателю предложена концепция нового социального дома как революционного проекта преобразования жилого пространства.

Концепция нового социального дома, предложенная коллективом авторов К. М. Мануильской, Д. М. Рогозина, О. С. Грязновой, А. А. Ипатовой, Е. В. Вьюговской, предполагает создание жилых пространств, которые удовлетворяют потребности всех возрастных групп и способствуют социальной интеграции. Основная идея заключается в том, что дом должен быть пространством для активного взаимодействия и социальной активности.

Авторы предлагают архитектурные и дизайнерские решения, которые учитывают изменения потребностей людей с возрастом. Важным аспектом является создание условий для социальной активности и взаимодействия между жителями разных возрастных групп.

Это включает в себя общие зоны для общения, культурные и спортивные мероприятия, а также поддержку общественных инициатив.

Доступность и инклюзивность являются ключевыми элементами концепции. Жилые пространства должны быть удобными и безопасными для людей с ограниченными возможностями. Это достигается за счет использования безбарьерных решений и адаптивных технологий.

В целом, концепция нового социального дома направлена на улучшение качества жизни всех жителей, создание условий для социальной интеграции и активного участия в жизни сообщества, а также на обеспечение экологической устойчивости.

Теперь возьму на себя смелость сформулировать, как могут звучать претензии исследователя комфорта пожилого человека к предлагаемой концепции. В самом начале введения авторы сформулировали основной дефицит бытования пожилого человека — недостаток выбора.

> «*Свобода выбора — основной дефицит старения. Но выбор становится возможным лишь тогда, когда есть цель, устремление, критерий выбора. Нельзя выбирать в бесперспективном контексте*» (с. 12).

И как будто именно этого выбора, сделанного субъектно и самостоятельно пожилым человеком, мне в концепции и не хватает. Возвращаясь к метафоре с фарфоровой таксой, сам факт выбора важнее качества и окраса фарфора, а главное действующее лицо в этом сюжете даже не такса, а безымянный волонтёр, заботливо расставивший фигурки перед подопечным и доверчиво заглядывающий в глаза в ожидании, пока тот сделает выбор. Получается, чтобы сделать «жильё пространством для жизни» не нужно пересобирать пространство, нужно пересобирать жизнь. И тогда дальнейшее развитие фарфоровой метафоры возвращает нас к дискуссии о необходимости института социального координаторства и популяризации философии «работы со случаем» [Шанин, 2004] в социальной сфере, дискуссии, которая возможно и являлась истинной задачей авторов книги.

А. А. Фатова

Литература:

1. *Шанин, Т.* Социальная работа: идеология профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 3. С. 303–328.
2. *Allen, R. S.* The Legacy Project intervention to enhance meaningful family interactions: Case examples. // Clinical Gerontologist. 2009. Vol. 32. No. 2. P. 164–176.

3. *Glachet, O. et al.* Smell your memories: Positive effect of odor exposure on recent and remote autobiographical memories in Alzheimer's disease //Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 2019. Vol. 41. No. 6. P. 555–564.

Для цитирования: *Фатова, А. А.* [Рец] Мануильская, К. М., Рогозин, Д. М., Грязнова, О. С., Ипатова, А. А., Вьюговская, Е. В. Жизнь вне изоляции. Концепция нового социального дома. М., Дело, 2021 // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 277–281.

И. И. Низгораев

100 книг о бездомности, изданные за последние 10 лет

Тема бездомности напрямую связана с домом. Пониманию важности дома, домности как важнейшей потребности человека, посвящено много работ. В рамках тематики бездомности особенно важны те, в которых обозначаются границы дома, ставятся фундаментальные, несмотря на свою обыденность, вопросы. Что такое дом? Кто такие соседи? Как зарождается и поддерживается потребность в доме? Почему дома лучше? Как бездомным обрести дом и каким должен быть для этого дизайн дома? [Anacker, 2024; Chapman, 2016; Introduction to housing, 2018; Fox, 2016; Pable, McLane, Trujillo, 2021; The homeless, 2020; Zufferey, Horsell, 2022]. Кто такой бездомный? Как он оказался на улице? Какие события предшествовали формированию его идентичности? Что послужило его выброшенности из общества, тотальной эксклюзии? [Ravenhill, 2016; Parsell, 2020, 2023]. Через ответы на эти вопросы становится возможным разработка государственных программ помощи бездомным, которые значимы не только тоннами отчетной документации, но и реальным вкладом в изменение судеб людей, оказавшихся на улице. Это, например, принятая в Великобритании во второй половине XX века социальная политика в отношении бездомных [Harding, 2020], в том числе в 1990-е годы развернутая программа перепрофилирования фабричных помещений во временное жилье для бездомных [Vale, 2024].

Инструкции, гайды, памятки для бездомных и тех, кто готов прийти на помощь: о способах выживания, доступной поддержке, местах обогрева, питания, стирки, временного жилья, а также о программах помощи различных благотворительных организаций и государственных служб [Гусева, Сандомирская, Суворова, Шавлохова, 2019; Китаева, 2019; Кусков, 2021; Мушреф, Кусков, 2022; Шавлохова, Суворова, 2020; Moore, 2018; Lawrence, 2019; Sharpe, 2017]. И далее личные истории, миссионерские предложения, подталкивающие к пересмотру своей жизни, освобождению от стигмы беспомощности, зависимости и бесправности [Проданов, 2020]. Книги для бездомных, призывающие, помогающие, подталкивающие к размышлению и действию через автоэтнографические и автобиографические повествования, — один из наиболее распространенных жанров [Adler, 2015]. Такие книги, зачастую размывающие грань между художественной и документальной прозой, написаны бывшими без-

домными о бездомности для бездомных и неравнодушных людей, готовых прийти на помощь бездомным [Gnava, 2016; Graham, 2017; Hearts, 2015; Lough, 2015; May, 2023; Small, Korsdosky, Moore, Smith, 2023], и/или теми, кто посвятил жизнь бездомным [Jong, 2019; Kidder, 2024]. Практические руководства, личные истории, дневники и документальные новеллы о судьбах бездомных людей — всё направлено на описание социального мира, открытого для всех без исключения, в том числе для бездомных, сколько бы отчаяния и опустошения ни было в их жизни.

Большое количество изданий инициированы миссионерами, верующими людьми, которые видят свое предназначение в помощи самым беззащитным и угнетенным, каковыми являются бездомные [Вышинский, 2014; Jindra, Jindra, DeGenero, 2022; Mathis, 2023; Nixon, 2016; Nye, 2022]. Кроме прямой помощи многие из пишущих о бездомных видят свое предназначение в том, чтобы дать шанс рассказать их истории от первого лица, показать близость, отсутствие различий между самыми успешными и потерянными в жизни людьми [Currence, 2023; Snook, 2018], показать, что есть шанс поступить в Гарвард [Murray, 2010] или стать долларовым миллионером [Pira, Vitale, 2019] даже пройдя через наркотики и нищету, но найдя в себе силы и получив поддержку других для того, чтобы вернуться к жизни. Конечно, иной раз подумаешь, не больше ли вреда от подобных историй успеха? Но это тема отдельного анализа и обсуждения. На фоне личностных, ярких и эмоциональных повествований особенно выделяются рассказы о детстве и юности, проведенных на улице [Juarez, 2018]. Основной мотив таких собраний личных историй — это помощь в преодолении одиночества и возвращение бездомным индивидуальности, что всегда предшествует обретению дома.

Наиболее востребованная и актуальная помощь бездомным исходит от социальных работников [Карпенко, Огурцова, Сутырина, Ушакова, 2020; Homelessness prevention, 2019; Smith, 2022b; Zufferey, 2017] и юристов [Riley, 2023], через защиту прав, восстановление документов, включение в программы, завершение старых тяжб, толкнувших людей на улицу. Юридическое сопровождение бездомности — одна из важнейших составляющих помощи и профилактики бездомности, перехода людей с улицы к жизни в домашних условиях, из бедности и безвременности к работе и построению семьи, формированию домного будущего.

Социальные работники и юристы выступают проводниками для включения бездомных в государственные программы, формируют обратную и прямую связь между социальной политикой всех уровней власти и обыденной жизнью. Бездомность — слишком масштабная и системная проблема, чтобы можно было ей заниматься лишь на энтузиазме и вдохновении, пережив некоторый личный опыт или осознав опыт своих близких. Государство играет ключевую роль во

всех процессах, и монографии, освещающие государственные программы [Smith, 2022a; Southworth, Brallier, 2023; Routledge handbook of homelessness, 2023], пожалуй, в большей степени представляют комплексный взгляд на бездомность как в отдельных странах, так и в мире в целом.

Из научных публикаций, написанных по результатам масштабных исследовательских проектов, отражающих текущие социальные проблемы, выделяются привычные за последнее время темы, связанные с бедностью и жизненной неустроенностью. Во-первых, бездомность, связанная с миграцией, потерей или невозможностью обрести временное пристанище, экономии на всем, в том числе на базовых потребностях, связанных с питанием, медицинским обслуживанием, безопасностью, ночлегом [Serpa, 2024.]. Во-вторых, сопутствующие бездомности зависимости — алкоголизм и наркомания — и способы их преодоления, отказ от пагубных привычек и от провоцирующего их окружения [Segal, 2024; Schutt, Garrett, 2013]. В-третьих, особенности жизни бездомных с ментальными отклонениями и способы медицинского и социального сопровождения, мобилизации на преодоление сложнейшей жизненной ситуации [Bhattacharya, 2024; Caton, 2017; Homelessness and mental health, 2022; Murphy, 2023]. В-четвертых, в целом организация медицинского обслуживания бездомных, включая не только индивидуальную помощь, но и мероприятия по поддержанию благоприятной эпидемиологической обстановки, формирующей безопасную социальную среду для всех жителей [Clinical management, 2021; Clinical care for homeless, 2020], в том числе во время пандемии [Cook, Crowe, 2022]. В-пятых, бездомность среди молодежи, беспризорность среди детей, что связано в первую очередь с семейным неблагополучием и ранним сиротством [Byrom, Peart, 2017; Farrugia, 2015; Karabanow, Kidd, Tyler, Hughes, 2018; Nichols, 2014]. И как последствие потеря дома, борьба за выживание через небезопасный секс, подчинение и принятие насилия [Noor, 2021; Watson, 2018]. В-шестых, женская бездомность, как самая незаметная, невидимая для окружающих [Women's homelessness, 2016].

Наиболее полным и систематическим представлением исследований о бездомности, на мой взгляд, выступает недавний сборник [Routledge handbook of homelessness, 2023], выпущенный издательством Routledge, пожалуй, лучшим в сфере гуманитарного и социального знания (хотя, справедливости ради, следует отметить наличие большого количества других сборников, в которых систематизируются подходы к изучению бездомности, см., например: [Research handbook on homelessness, 2024; The dynamics of homelessness, 2021]). В сборнике Routledge заданы границы исследовательской повестки, намечены основные пути её расширения, уточнения, концептуального и эмпирического развития. Сборник состоит из 41 работы ведущих исследователей и разбит на четыре части. Первая — введение в без-

домность: определение причин, установление границ, особенности расчета популяции бездомных, переживание бездомными пандемии 2019 года. Во второй части представлены дисциплинарные различения, то, как изучается бездомность в оптике следующих социальных направлений: криминологии, социальной работы, социальной географии, феминистических теорий и т. д. Третья часть репрезентирует основные социальные группы или страты, имеющие наибольший риск бездомности, описывает их пребывание в этом состоянии: женщины, ЛГБТ и квир-люди, молодежь, дети и их семьи, мигранты, сельские жители, ветераны бездомности (бездомные долгожители). В четвертой части описана международная повестка, национальные программы преодоления бездомности. Представлены государственные и общественные программы, инициативы в Австралии, Канаде, Китае, Дании, Финляндии, Германии, Венгрии, Ирландии, Италии, Японии, Польши, Португалии, Словении, Швеции, Великобритании и США. Увы, России в этом списке нет.

В последние годы издательство Routledge запустило программу переиздания книг, выпущенных 10, 20, 30, 50 лет тому назад, но не утративших свою значимость и актуальность в силу неизменности и устойчивости проблемы бездомности [Glastonbury, 2023; Brandon, Wells, Ramsay, 2023; Segal, 2024; Vale, 2024]. Несмотря на непрекращающиеся попытки профилактики бездомности через государственные программы и благотворительные фонды, создание системы обеспечения жильем, реабилитационные мероприятия, вовлечение десятков тысяч специалистов и волонтеров в движение по преодолению трудных жизненных ситуаций, связанных с потерей дома, ключевые вопросы бездомности остаются открытыми, а значит, книги прошлых десятилетий — востребованными по сей день. Исследование бездомности приобрело свой канон, собрание классических работ, отражающих основание научной дисциплины. Последние давно стали культурным достоянием, наследием мира и продолжают переиздаваться уже разными издательствами. К таковым, например, относится ранняя работа социолога Нелса Андерсона, впервые опубликованная в начале 1960-х, многократно переизданная и каждое десятилетие появляющаяся на книжных полках в новых переплетах [Anderson, 2023].

Проверенные временем исследования — пожалуй, наиболее ценный источник для концептуального и операционального понимания бездомности, осознания факта фундаментальности проблемы и отслеживания исторических ошибок и заблуждений в отношении возможности быстрого и безболезненного преодоления нищеты и опустошенности оказавшихся на улице людей. Для российского читателя, привыкшего к многообещающим и громким программам решения тех или иных проблем, заканчивающихся, как правило, полным фиаско, особенно полезно прислушаться к западным исследовате-

лям, указывающим на невозможность окончательного решения даже очевидных проблем и необходимость разработки долгосрочных социальных программ, в которых эффективность измеряется не десятками количественных показателей, а судьбами конкретных людей [Southworth, Brallier, 2023; The dynamics of homelessness, 2021]. Как в прошлые аналоговые годы, так и в современном цифровом мире [Eide, 2022; Humphry, 2022] бездомность остается наиболее сложной проблемой человечества. Многие обещания создают надежды, которым не суждено сбыться. Переизданные книги прошлых программ и рекомендаций ставят на место не в меру амбициозных политиков и создают рамку для восприятия популистского дискурса вдумчивым и осознанным гражданам. Но самое главное, подавляющее большинство книг [Parsell, 2018] так или иначе посвящены внутреннему миру бездомного человека, его праву на высказывание, выбор, самостоятельную жизнь. В любую социальную программу по преодолению бездомности должны быть включены сами бездомные, не как объекты государственного влияния, а как полноправные участники процессов реабилитации. Другой вопрос, хотят ли они сами принимать участие в подобных программах? Этот вопрос открывает поле для широкой публичной дискуссии не только об эффективности социальных программ, но и об их целесообразности, прежде всего с перспективы бездомных людей, которым зачастую вменяется стремление к «лучшей жизни».

На фоне огромного потока англоязычных научных или исследовательских публикаций о бездомности, на русском языке выходит слишком мало книг. Основные издания сосредоточены вокруг весьма узкого круга заинтересованных лиц и организаций: Благотворительной организации «Ночлежка»; АНО «Тёплый приём»; Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению РПЦ (см., например: [Вышинский, 2014; Карпенко и др., 2020; Кусков, 2016, 2021; Кусков, Рузина, Узун, 2013; Кусков, Маллаева, 2023; Мушреф, Кусков, 2022; Проданов, 2020]; подробный список русскоязычных публикаций представлен ниже). Конечно, что-то я упустил, не добавил ссылки на сборники, в которых публиковались статьи о бездомных. Но даже с учетом этих публикаций, вклад русскоязычных работ в корпус книг о бездомности остается мизерным, практически незаметным.

Данную ситуацию можно рассматривать как большую проблему, а можно — как вызов, напоминание исследовательскому русскоязычному сообществу о том, что впереди перспективы не только для научной, но и общественной деятельности для того, чтобы, не надеясь на большее, сделать мир чуть лучше. А может, и не мир, а себя, окружающих людей. А может, и не лучше, много ли мы можем сделать по улучшению себя? Прежде, чем что-то делать, о чём-то рапортовать и к чему-то призывать, хорошо бы остановиться и задуматься. Проблема

бездомности очевидна, пути её решения — нет. Социальная помощь, построенная на добровольном согласии, личном обращении, желательно документально подкреплённом хотя бы подписью, зачастую не имеет отношения к бесправным, заброшенным, отказавшимся от себя людям. Как помогать, не оказывая насилие? Как поддерживать, не разрушая личных границ? Как помочь конкретному человеку, валяющемуся в грязи, пьяному, оскорбляющему, неприятному? И почему ему надо помогать? Вопросов слишком много, чтобы, не глядя, не отвечая на них, заниматься помощью, поддержкой, содействием и развитием очередных государственных программ. Остановиться и задуматься о происходящем, не спешить вменять помощь, соизмерять и согласовывать собственные представления о правильной жизни с представлениями других. Для этого нужны книги и личное время, которое преступно экономить на чтении.

1. *Вышинский, О. Л.* Духовные, психологические и практические особенности помощи бездомным. М.: Лепта Книга, 2014. — 160 с.
2. *Гусева, Н., Сандомирская А., Суворова, А., Шавлохова, Н.* Опыт работы психологической службы благотворительной организации «Ночлежка». Методическое пособие. СПб.: б. и, 2019. — 36 с.
3. *Карпенко, А. А., Огурцова, Н. А., Сутырина, М. П., Ушакова, Г. Л.* Технологии социальной работы с лицами из групп риска. М.: Директ Медиа, 2020. — 209 с.
4. *Китаева, А. И.* Методы арт-терапии в социальной реабилитации лиц без определенного места жительства. Методические рекомендации. СПб.: СПб ГБУ «ГИМЦ «Семья», 2019. — 43 с.
5. *Кусков, И. В.* Организация приютов для бездомных людей. М.: Капитал Пресс, 2021. — 456 с.
6. *Кусков, И. В.* Помощь бездомным: организация низкопороговых проектов срочной социальной помощи бездомным гражданам. М.: Лепта Книга, 2016. — 144 с.
7. *Кусков, И. В., Маллаева, Н. А.* Помощь бездомным: справочник социального работника. М.: АЕР «Теплый стан», 2023. — 512 с.
8. *Кусков, И. В., Рузина, Д. Ю., Узун, Н. Ф.* Помощь бездомным. Справочник социального работника. 3-е изд. М.: Лепта Книга, 2013. — 384 с.
9. *Мушреф, Д. Х., Кусков, И. В.* Справочник бездомного. 8-е изд., перераб. и исправ. М., 2022. — 88 с.
10. Помни, что ты человек [рассказы бездомных] / Составитель М. Седушкина; Фото О. Маркези. М.: Samusocial, 2016. — 165 с.
11. *Проданов, Д.* Колыбель неведомых улиц. Разговоры с бездомными об их жизни. М.: Рипол-Классик, 2020. — 636 с.
12. *Чапаев, А.* Опыт Ночлежки в организации проекта Культурная прачечная. СПб.: б. и, 2021. — 8 с.
13. *Чапаев, А., Антонов, И., Мордасова, А.* Ночной автобус: организация и работа проекта. Методическое пособие. СПб.: б. и, 2021. — 22 с.

14. *Шавлохова, Н., Суворова, А.* Реабилитационный приют для бездомных: организация и работа проекта. Методическое пособие. СПб.: б. и, 2020. — 20 с.

15. *Adler, A. D.* Rural homelessness in Northern Idaho: An autoethnography and study on family promise. Moscow, ID: University of Idaho, 2015. — 196 p.

16. *Anacker, K. B.* Housing in the United States: The basics. New York: Routledge, 2024. — 180 p.

17. *Anderson, N.* The Hobo: The sociology of the homeless man. New York: DigiCat, 2023. — 227 p.

18. *Bhattacharya, P.* Homelessness and mental illness: Exploring the lived experience in India. New York: Routledge, 2024. — 152 p.

19. *Brandon, D., Wells, K., Ramsay, F. E.* The survivors: A study of homeless young newcomers to London and the responses made to them. New York: Routledge, 2023. — 224 p. [First ed. 1980]

20. *Brill, M.* Hello my name is Santa: An alcoholic's journey from homelessness to Santa Claus. New York: Author House, 2019. — 158 p.

21. *Byrom, T., Peart, S.* Young and homeless: Exploring the education, live experience and aspirations of homeless youth. London: UCL Press, 2017. — 174 p.

22. *Caton, C. L.* The open door: Homelessness and severe mental illness in the era of community treatment. Oxford: Oxford University Press, 2017.

23. *Chapman, D.* Home and social status. New York: Routledge, 2016. — 328 p. [First publication 1955]

24. Clinical care for homeless, runaway and refugee youth: Intervention approaches, education and research directions / Ed. by C. Warf, G. Charles. Washington, DC: Springer, 2015. — 443 p.

25. Clinical management of the homeless patient: Social, psychiatric, and medical issues / Ed. by E. C. Ritchie, M. D. Llorente. Washington, DC: Springer, 2021. — 353 p.

26. *Colburn, D., Aldern, C.* Homelessness Is a Housing Problem. How Structural Factors Explain U. S. Patterns. Oakland, CA: University of California Press, 2022. — 284 p.

27. *Cook, G., Crowe, C.* Displacement city: Fighting for health and homes in a pandemic / Foreword by R. Maynard; Afterword by S. Micallef. Toronto: University of Toronto Press, 2022. — 320 p.

28. Coping with homelessness: Issues to be tackled and best practices in Europe / Ed. by D. Avramov. New York: Routledge, 2020. — 579 p. [First publication 1999]

29. *Cowan, D.* Homelessness: The (in)appropriate applicant. New York: Routledge, 2020. — 262 p. [First publication 1998]

30. *Currence, D. H.* Homeless. New York: Dwight Hairston Currence, 2023. — 63 p.

31. *Eide, S.* Homelessness in America: The history and tragedy of an intractable social problem. New York: Rowman & Littlefield Publichers, 2022. — 258 p.

32. *Ensign, J.* Catching homelessness: A nurse's story of falling though the safety net. New York: She Writes Press, 2016. — 240 p.

33. *Farrugia, D.* Youth homelessness in late modernity: Reflexive identities and moral worth. Washington, DC: Springer, 2015. — 172 p.
34. *Fox, M. A.* Home: A very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. — 176 p.
35. *Glastonbury, B.* Homeless near a thousand homes: A study of families without homes in South Wales and the West of England. New York: Routledge, 2024. — 236 p. [First ed. 1971]
36. *Gnawa, L.* Homeless lives matter: Homeless my story. New York: CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016. — 146 p.
37. *Graham, A., Hall, L.* Welcome homeless: One man's journey of discovering the meaning of home. New York: Thomas Nelson, 2017. — 240 p.
38. *Grohmann, S.* The ethics of space: Homelessness and squatting in urban England. Chicago: HAU Books, 2019. — 270 p.
39. *Harding, J.* Post-war homelessness policy in the UK: Making and implementation. London: Palgrave Macmillan, 2020. — 258 p.
40. *Hearts, S.* My journey through homelessness: The real story. New York: Author House, 2015. — 188 p.
41. Homeless older populations: A practical guide for the interdisciplinary care team / Ed. by D. Chau, A. P. Gass. Washington, DC: Springer, 2018. — 304 p.
42. Homelessness among U. S. veterans: Critical perspectives / Ed. by J. Tsai. Oxford: Oxford University Press, 2019. — 296 p.
43. Homelessness and mental health / Ed. by J. M. Castaldelli-Maia, A. Ventriglio, D. Bhugra. Oxford: Oxford University Press, 2022. — 413 p.
44. Homelessness prevention and intervention in social work: Policies, programs, and practices / Ed. by H. Larkin, A. Aykanian, C. L. Streeter. Washington, DC: Springer, 2019. — 412 p.
45. Housing, homelessness, and social policy in the Urban North / Ed. by J. Christensen, S. Carraher, S. Arnfjord, T. Hedwig. Toronto: University of Toronto Press, 2024. — 338 p.
46. *Humphry, J.* Homelessness and mobile communication: Precariously connected. Washington, DC: Springer, 2021. — 215 p.
47. Introduction to housing / Ed. by K. B. Anacker, A. T. Carswell, S. D. Kirby, et al.; 2nd ed. Athens: The University of Georgia Press, 2018.
48. *Jackson, E.* Young homeless people and urban space fixed in mobility. New York: Routledge, 2020. — 262 p. [First publication 2015]
49. *Jang, H. S., Valero, J. N.* Public-nonprofit collaboration and policy in homeless services: Management, measurement, and impact. London: Palgrave Macmillan, 2022. — 102 p.
50. *Jindra, I. W., Jindra, M., DeGenero, S.* Contrasts in religion, community and structure at three homeless shelters. New York: Routledge, 2022. — 188 p.
51. *Jong, I.* The book on ending homelessness. Altona, MB: Friesen Press, 2019. — 236 p.
52. *Juarez, R.* Homeless by choice: A memoir of love, hate, and forgiveness. New York: Impacttruth. 2018. — 230 p.

53. *Karabanow, J., Kidd, S., Tyler, F., Hughes, J.* Homeless youth and the search for stability. New York: Wilfrid Laurier University Press, 2018. — 296 p.

54. *Kidder, T.* Rough sleepers: Dr. Jim O'Connell's urgent mission to bring healing to homeless people. Reprint ed. Toronto: Random House Trade Paperbacks, 2024. — 320 p.

55. *Lawrence, D.* Homeless survival guide. New York: Lulu.com, 2019. — 50 p.

56. *Lough, J.* A homeless panic: The homeless experience in America. Bloomington, IN: iUniverse, 2015. — 104 p.

57. *Marrey, L.* Breaking night: A memoir of forgiveness, survival, and my journey from homeless to Harvard. New York: Hachette Books, 2010. — 352 p.

58. *Mathis, W. F.* Jesus among the homeless: Successful strategies of Christian ministers to the marginalized. Eugene, OR: Wipf & Stock, 2023. — 144 p.

59. *May, M.* Sheltered by hope: My journey out of homelessness. New York: Amazon Digital Services LLC, 2023. — 240 p.

60. *Moore, T.* A guide for the homeless: Skills for surviving the streets. New York: SOHM Publishing, 2018. — 39 p.

61. *Morewitz, S. J.* Runaway and homeless youth: New research and clinical perspectives. Washington, DC: Springer, 2016. — 273 p.

62. *Murphy, M. A.* Homeless: The unbefriended poor. Searcy, AR: Resource Publications, 2023. — 84 p.

63. *Newman, R.* Educating homeless children: Witness to a cataclysm. New York: Taylor & Francis, 2019. — 355 p.

64. *Nichols, N.* Youth work: An institutional ethnography of youth homelessness. Toronto: University of Toronto Press, 2014. — 168 p.

65. *Nixon, D.* Stories from the street: A theology of homelessness. New York: Taylor & Francis, 2016. — 214 p.

66. *Noor, M. N.* Homeless youth of Pakistan: Survival sex and HIV risk. Washington, DC: Springer, 2021. — 103 p.

67. *Nye, K.* Grace can lead us home: A Christian call to end homelessness. Harrisonburg, VA: Menno Media, 2022. — 208 p.

68. *Olsen, G. M.* Poverty and austerity amid prosperity: A comparative introduction. Toronto: University of Toronto Press, 2021. — 304 p.

69. *Pable, J., McLane, Y., Trujillo, L.* Homelessness and the built environment: Designing for unhoused persons. New York: Taylor & Francis, 2021. — 270 p.

70. *Padgett, D., Henwood, B., Tsemberis, S.* Housing first: Ending homelessness, transforming systems, and changing lives. Oxford: Oxford University Press, 2015. — 248 p.

71. *Parsell, C.* Homelessness: A critical introduction. New York: Polity Press, 2023. — 256 p.

72. *Parsell, C.* The homeless person in contemporary society. New York: Taylor and Francis, 2020. — 140 p.

73. *Pira, A., Vitale, J.* Homeless to billionaire: The 10 principles of wealth attraction and creating unlimited opportunity. Charleston, SC: ForbesBooks. 2019. — 178 p.

74. *Ravenhill, M.* The culture of homelessness. New York: Routledge, 2016. [First publ. 2008 by Ashgate Publishing]
75. Representing homelessness / Ed. by O. Clayton. Oxford: Oxford University Press, 2021. — 234 p.
76. Research handbook on homelessness / Ed. by G. Johnson, D. Culhane, S. Fitzpatrick, et al. Cheltnham: Edward Elgar Publishing, 2024. — 468 p.
77. *Riley, L.* Homeless advocacy. Durham, NC: Carolina Academic Press, 2023. — 318 p.
78. Routledge handbook of homelessness / Ed. By J. Bretherton, N. Pleace. New York: Routledge, 2023. — 472 p.
79. *Schiff, J. W.* Working with homeless and vulnerable people: Basic skills and practices. Oxford: Oxford University Press, 2015. — 412 p.
80. *Schutt, R. K., Garrett, G. R.* Responding to the homeless: Policy and practice. Washington, DC: Springer, 2013. — 258 p.
81. *Segal, B.* Homelessness and drinking: A study of a street population. 2nd ed. New York: Routledge, 2024. — 166 p. [First ed. 1991]
82. *Serpa, R.* Migrant homelessness and the crimmigration control system. New York: Routledge, 2024. — 134 p.
83. *Sharpe, T.* 50 practical ways you can help the homeless. New York: WestBow Press, 2017. — 76 p.
84. *Small, C. A., Korsdosky, J., Moore, R.* The man in the Dog park: Coming up close to homelessness. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2020. — 200 p.
85. *Smith, A.* Multiple barriers: The multilevel governance of homelessness in Canada. Toronto: University of Toronto Press, 2022a. — 382 p.
86. *Smith, C.* Homelessness and housing advocacy: The role of red-tape warriors. New York: Routledge, 2022b. — 236 p.
87. *Smith, Ch. L.* Homeless to Hopkins. Portsmouth, NH: Mindstir Media, 2023. — 251 p.
88. *Snook, D.* The definition of success: What living homeless can teach you. North Charleston, SC: Independently Published, 2018. — 182 p.
89. *Soederberg, S.* Urban displacements: Governing surplus and survival in global capitalism. New York: Routledge, 2021. — 310 p.
90. *Southworth, S., Brallier, S.* Homelessness in the 21st Century: Living the impossible American Dream. New York: Routledge, 2023. — 200 p.
91. The dynamics of homelessness: Research and policy / Ed. by B. A. Lee, M. Shinn, D. P. Culhane. London: Sage, 2021. — 332 p.
92. The homeless: An increasing population. New York: New York Times Educational Publishing, 2020. — 224 p.
93. *Timmer, D. A., Eitzen, D. S., Talley, K. D.* Paths to homelessness: Extreme poverty and the urban housing crisis. New York: Routledge, 2020. — 210 p. [First publication 1995]
94. *Vale, B.* Prefabs: A history of the UK temporary housing programme. 2nd ed. New York: Routledge, 2024. — 202 p. [First ed. 1995]

95. *Watson, J.* Youth homelessness and survival sex: Intimate relationships and gendered subjectivities. New York: Routledge, 2018. — 184 p.

96. *Willison, Ch. E.* Ungoverned and out of sight: Public health and the political crisis of homelessness in the United States. Oxford: Oxford University Press, 2021. — 256 p.

97. Women's homelessness in Europe / Ed. by P. Mayock, J. Bretherton. London: Palgrave Macmillan, 2016. — 298 p.

98. *Zufferey, C.* Homelessness and social work: An intersectional approach. New York: Routledge, 2017. — 166 p.

99. *Zufferey, C., Horsell, Ch.* The complexities of home in social work. New York: Routledge, 2022.

100. *Zufferey, C., Yu, N.* Faces of homelessness in the Asia Pacific. New York: Routledge, 2018. — 174 p.

Для цитирования: *Низгораев, И.И.* 100 книг о бездомности, изданные за последние 10 лет // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 282–292.

Авторы номера

Дарья Александровна Байбакова — директор московского филиала МБОО «Ночлежка». **Адрес:** Москва, Бумажный проезд 2/2 стр 6. **Электронная почта:** daria.baybakova@homeless.ru.

Анна Игоревна Васильева — НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 11. **Электронная почта:** aivasileva_2@edu.hse.ru.

Карина Алексеевна Гаринова — руководитель проекта по распространению опыта МБОО «Ночлежка». **Адрес:** Санкт-Петербург, Боровая ул., 112 Б. **Электронная почта:** garinova@homeless.ru.

Константин Михайлович Гудков — историк, независимый исследователь, соавтор телеграм-канала «Центр 1931». **Электронная почта:** kmgudkov@gmail.com.

Ирина Васильевна Дуденкова — кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и эпистемологии ИОН РАНХиГС, декан факультета социальных наук Московской высшей школы социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный переулок 3, стр. 5. **Электронная почта:** dudenkova-iv@universitas.ru.

Татьяна Владимировна Колотилова — MA in Sociology, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** colotilowa@gmail.com.

Евгения Николаевна Кузинер — младший научный сотрудник Центра молодёжных исследований Департамента социологии НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, ул. Седова, 55, к. 2. **Электронная почта:** ekuziner@hse.ru.

Максим Дмитриевич Мальков — MA in Sociology, Московская высшая школа социальных и экономических наук (Шанинка). **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** mdmalkov@universitas.ru.

Владимир Русланович Мисихин — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории полевых исследований ИНСАП РАНХиГС. **Адрес:** Москва, Пречистенская набережная, д. 11, к. 1, ком. 404. **Электронная почта:** misikhin-vr@ranepa.ru.

Иван Ильич Низгораев — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН; автор телеграм-канала «низгораев». **Адрес:** Москва, ул. Кржижановского, 34/35, корп. 5., ком. 419. **Электронная почта:** nizgor@gmail.com.

Гликерий Улунов — MA in Sociology, Европейский Университет в Санкт-Петербурге. **Адрес:** 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1 А. **Электронная почта:** pentanonsens1@gmail.com.

Анастасия Андреевна Фатова — студенка факультета Фундаметальной социологии МВШСЭН. **Адрес:** Москва, Газетный пер., д. 3–5, стр. 1. **Электронная почта:** anastasiia.fatova@gmail.com.

Александра Александровна Ченцова — младший научный сотрудник Центра полевых исследований ИНСАП РАНХиГС. **Адрес:** Москва, Пречистенская наб. 11. **Электронная почта:** alexchentsova@mail.ru.

Алина Вивьен Евгеньевна Шульц — студентка ОП «Городское планирование» Факультета городского и регионального развития НИУ ВШЭ. **Адрес:** 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. **Электронная почта:** aedrozdova_1@edu.hse.ru. **ORCID:** https://orcid.org/0009-0008-7900-9839

Лина Вячеславовна Яхно — магистр Высшей школы урбанистики им. А.А. Высоковского ФГРР НИУ ВШЭ. **Адрес:** 101000, Москва, Мясницкая, д. 13, стр. 4. **Электронная почта:** lina-yakhno@yandex.ru.

Пути России
2024. Том 2. №4

Учредитель и издатель:
ОАНО «Московская высшая школа
социальных и экономических наук»

125009 г. Москва, Газетный пер.,
д. 3–5, стр. 1

jrsre@universitas.ru

www.jrsre.ru

Подписано в печать 9.12.2024.
Формат 70×100/16.

Пути России
Том 2 № 4
2024